

**Под землей
он придет за каждым**

К Цепляев Андрей
Краулер

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	1 стр.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ	9 стр.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАРСТОВЫЙ ДВОРЕЦ	29 стр.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УЗКАЯ ГРАНЬ	75 стр.
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «МЕТРО-2»	132 стр.
ЭПИЛОГ	199 стр.

КРАУЛЕР ПРОЛОГ

*Кто нам скажет рассказ этой смерти безмолвной?
Кто над тем, что грядет, приподнимет покров?
Кто представит нам тени, что скрыты, как волны,
В лабиринтной глуши многолюдных гробов?*

Перси Шелли, «О смерти»

2008 год, Москва.

Ночью метро напоминает гигантский склеп. Все реже сквозь темные тоннели проносятся пустые поезда. Расположенные за чертой города станции погружаются в тишину. В центре еще встречаются группы людей, а звуки их шагов эхом проносятся под овальными сводами. Уже к часу тридцати радиальные станции кольцевой линии покидают последние поезда. Патрули милиции обходят перроны. Закрываются двери наземных точек. Бригады путевых обходчиков ждут, пока в тупики пронесутся резервные составы.

В короткий четырехчасовой перерыв в подземельях засыпающей Москвы начинается новый рабочий день. Щелкают замки. Открываются двери подсобных помещений. Уборщики смывают грязь миллионов ног с истоптанного камня. Десятки служб приступают к проверкам рельсового полотна, проводят плановые осмотры линий электроснабжения и ремонт тоннельных сооружений.

Каждый специалист занимается своим делом даже не подозревая, что за четыре часа в недрах подземного лабиринта может произойти все что угодно. В первую очередь с тем, кто думает, что он в полной безопасности.

***

В тусклом свете облепленных хлопьями паутины лампочек по тоннелю шли два человека. Обходчики были одеты в мешковатые спортивные штаны и футболки. На груди у каждого висел безразмерный оранжевый жилет со светоотражающими полосами.

Высокий грузный мужчина с черной бородой шел последним, постукивая ломом по шпалам. Его напарник, коренастый старик с седыми волосами и сухим изможденным лицом, выглядел уставшим. В руке путеец держал противоударный фонарик.

Обходчики шли молча. Старик двигался неуклюже, как механическая кукла. Мутный взгляд устремлен вперед. Бородач напротив казался чем-то обеспокоенным. Время от времени он бросал беглые взгляды за спину. Там, куда тянулись две блестящие полосы рельс, в самом конце ребристой трубы все еще виднелся гранитный край перрона станции «Площадь Ильича». Впереди из-за поворота доносились голоса и скрежет металла. Там была дефектоскопная бригада, которую они должны были нагнать у «Марксистской». В обязанности такой бригады входил мониторинг рельсового полотна с помощью передвижной тележки. Работа не самая сложная, особенно в разгар смены.

Связки паутины колыхались на теплом ветру. Вдоль вогнутых стен тянулись черные кабели разной толщины. Переступая со шпалы на шпалу, грузный обходчик вздохнул. Он совсем недавно устроился на эту работу. Тяжелый воздух, искусственный свет, бесконечные изгибы пыльных тоннелей и коридоров угнетали его. Кроме того, покоя не давала одна история, которую ему рассказали в столовой.

- Слишком долго возятся, – пожаловался бородач, догоняя напарника. – Два часа до открытия осталось. Давай быстрее.
- Мы свое отбатрачили. И без нас как-нибудь окно закроют, – махнул фонариком путеец. – Доберемся до конца и передохнем. Как ты на это смотришь?

- Хорошо бы, вот только время...
- Какой ты ответственный. Сразу видно, что из новых.
- Так и должно быть сначала.
- Не волнуйся, Паш, никто нас не хватится. Я знаю несколько укромных мест, где можно передохнуть. Можешь мне поверить. Здесь человека часами искать можно.
- Это меня и беспокоит. – Бородач устремил на старика тревожный взор. – Я слышал, еще один обходчик пропал, а мы с тобой ходим одни.
- В твоей деревне все такие легковверные? Брешут люди, я тебе говорю. – Старик пренебрежительно фыркнул. – Тридцать лет работаю в этих тоннелях и ни разу не было случая, чтобы кто-то исчез.
- Слишком часто брешут. И где ты видел, чтоб люди из разных бригад твердили одно и то же?
- Эх ты, дурак легковверный, – вздохнул старик. – Эти попугаи повторяют все, что им на язык упадет. Всегда находили «пропавших», вусмерть пьяных в какой-нибудь подсобке или дома под одеялом.
- Можешь говорить что хочешь, только мне от этого не легче. Не люблю я все эти байки о привидениях.
- Привидениях?
- Слышал о Виталии Косматском?

Ответом ему был сухой прерывистый смех, больше похожий на кашель. Старик кивнул.

- Историю про Косматского придумали в 68-ом, чтобы пугать новичков из Службы пути. Тех, кому частенько приходится ходить со станции на станцию попарно или в одиночку.
- Спорить с тобой не хочу, но...
- Правильно. Лучше слушай. Был такой шахтер – Виталий Косматский. В 1934 году вместе с другими батраками он рыл первые тоннели под Москвой. Дело это было новое. Многие тогда пострадали. Нехватка воздуха, жара, обвалы. Косматский, однако ж, переплюнул их всех. Точно не помню, как его замуровали.
- Замуровали?
- Конечно, замуровали, – ответил старик с невозмутимым спокойствием. – По слухам, его случайно запечатали строители метро во время заложения станции «Дзержинская»¹. Говорят, что во время обхода Косматский провалился в какую-то трещину и сломал ноги. Он долго завал на помощь, но там было слишком глубоко, и никто его не услышал. Рабочие тем временем провал забетонировали. С тех пор злобный призрак рыщет по тоннелям столичной подземки и ищет своих губителей.
- Не-е-ет, – отмахнулся бородач, словно хотел прогнать страх вручную. – Говорят, ему кто-то проломил череп киркой.
- Да ты что? Бедняга, – старый обходчик хрипло рассмеялся, убыстрив шаг. – Года не проходит, чтоб ему новую смерть не придумали. Уверен, найдутся и те, кто скажет, что его поездом раздавило или током на тот свет унесло. Брехня все это. Сам подумай, как они могли знать, что он провалился в ту трещину, и при этом забетонировать ее.
- Да. Странно...
- Под «Дзержинской» в те годы вскрыли слой пльвуна. Действительно пришлось бетонировать многие штреки и упрочнять крепи, иначе все это подземное хозяйство непременно раздавило бы тоннами песка. Никаких трещин и тем более пещер там в помине не было. Почва под Москвой вообще похожа на слоеный пирог, и каждый этот слой можно копать лопатой. Ты здесь недавно, поэтому я вот что тебе скажу, только это серьезно. Действительно работал в метро уральский шахтер Виталий

¹ 5 ноября 1990 года переименована в станцию «Лубянка».

Косматский. В марте его бригада проводила первый глубокий тоннель под Дзержинской площадью, а потом он вдруг исчез.

- Исчез? Я думал его убили.
- Мало ли что ты думал. С 25 марта 1934 года и по сей день Косматский числится в списках пропавших без вести. У меня свояк работал в архиве. Я сам досе видел. Можно сказать, что он пропал в центре Москвы.
- Но это странно.
- Ничего странного. Только за время строительства первой ветки ногами вперед вынесли восемнадцать бобылей. Косматский единственный из батраков кто в те годы исчез. Наверняка до сих пор лежит за какой-нибудь стенкой между «Охотным рядом» и «Лубянской». Потому-то и сочиняют все эти басни.

Бородач заметно повеселел, но полумрак и тишина остались. Тоннель продолжал тянуться вперед, но теперь уже не было видно ни его начала, ни конца.

- Тогда, что ты скажешь о Петьке? – спросил Павел, стараясь не отставать от напарника. – Говорят, его вторую смену никто не видел.
- Петька Саврасов? Тот алкаш, что ли? Тут и говорить нечего.
- Я и не подумал.
- Не ты один.
- Но тогда, что с Анатолием? Он мужик порядочный.
- Анатолий Кипятков? Это тот лось, которому жена рога наставила?
- Он самый.
- Сколько его не было?
- Три смены.
- Тоже.
- Думаешь, он с горя спился?
- Я бы спился, – окончательно повеселел путеец, похлопав сконфуженного бородача по плечу. – Не бери в голову, Паша. Нет в метро никаких призраков.

Вереницы лампочек по обе стороны тоннеля одновременно погасли. Во тьме раздался оглушительный грохот.

- Почему выключили свет? – заволновался Павел, нащупав между шпалами упавший лом.
- Ничего удивительного, – донесся сбоку спокойный голос. – Наверное, опять напряжение скачет. В прошлый раз во время обхода то же самое было.
- Пойдем скорее.
- Верно. Нечего здесь торчать. Платформа в десяти минутах. Только под ноги смотри.

Раздался гулкий щелчок и в тоннеле замерцал желтый луч фонарика. Старик переступил через рельсовую плеть и быстро зашагал между сверкающими полосами металла. Пятно света выхватывало из темноты ребристые стены с кабеледержателями и почерневшие от мазута шпалы.

Павел шел спотыкаясь, вдыхая влажный воздух. Иногда вспотевшее лицо ласкал теплый ветерок. Круглый тубинговый тоннель в темноте походил на чрево гигантской змеи. Перемещаться по такому месту даже с кем-то было неприятно. Голоса впереди давно смолкли, но Павел поймал себя на мысли, что слышит какие-то звуки. Сквозь бетон из-под земли как будто доносились глухие удары, и эти удары приближались.

- Призраков нет. Их нет, – шептал Павел, наступая напарнику на пятки.
- Чего ты там бормочешь? – ворчал старик, продолжая шарить лучом света перед собой.

Вдоль путей чернели коробки распределительных щитов и глубокие заделы. В одном из таких заделов Павел увидел тень от огромной кирки. Он показал ее напарнику, на что тот прерывисто рассмеялся. Фонарик осветил пустой задел. Раньше тоже отключали свет,

но таких галлюцинаций у него еще не было. Павел оглянулся. Внимание его привлек чей-то силуэт.

– Смотри! – почти прохрипел он, указав ломом в темноту.

В широкой нише, которую они прошли минуту назад, с краю темнело что-то большое. Как будто из-за угла торчало чье-то плечо.

– Куда?

– Туда! Там в заделе кто-то стоит.

Старик сделал шаг вперед. Сощурился. Луч фонарика не достал до темного предмета.

– Видишь?

– Нет. Это тень от электрошита. Пойдем.

– Но ведь там...

– Идем! Ты как ребенок, честное слово.

Напарник зашагал дальше. Павлу стало не по себе. По легенде два десятка обходчиц и путевых монтеров заплатились за самонадеянность, встретившись в темноте с острием ржавого кайло, которым орудовал призрак Виталия Косматского.

Стихшие на время удары возобновились. Они приближались и теперь раздавались прямо за спиной. Павел уже приготовил лом, собираясь ударить преследователя, когда впереди замерцали огни «Марксистской». Тьма рассеялась. Павел оглянулся, обнаружив за спиной пустоту. Тоннель был чист. Шум стих. Вытерев лоб рукой, он неожиданно нашел источник зловещих звуков. Стучало у него в висках. Как глупо. С тех пор как он начал работу в Службе пути прошел месяц. Для человека, выросшего среди полей и лесов, потрясение неслабое, и все же это лучше, чем жить в одной избе с бабкой-коммунисткой и сердобольной матерью, которая до сих пор отказывается верить, что тебе тридцать два.

Розовый мрамор блестел в свете люминесцентных ламп. Павел шумно вздохнул. Поднявшись по шаткой лестнице, приставленной к перрону, они с напарником прошли по краю платформы. Потом старик уселся на лавочку, пристроенную у входа специально для рабочих, и запрокинул назад голову.

– Почему здесь свет горит, а там нет? – удивился Павел.

– Может, профилактика какая. Я вообще-то не электрик.

– Пойдем дальше?

– Пусть сначала свет включат. А ты что встал, стахановец? Сядь отдохни. Успеешь еще осчастливить товарища начальника.

Павел зевнул. С какой радостью он сейчас улегся бы на мягкую кровать. Зря он не пошел учиться, когда была возможность. Сидел бы в офисе с чашкой кофе и в потолок плевал.

Ход мыслей нарушил металлический скрежет, принесшийся из тоннеля. Павел в одно мгновение распахнул дверь заслонки и пулей вылетел на перрон. Его напряженный взгляд натолкнулся на сонный взгляд напарника.

– Ты сегодня очень странный.

– Я же говорил, что там кто-то был. Кто-то шел за нами.

– Ну и что? Даже если так, что бы он, по-твоему, сделал? Убил бы нас?

– Не знаю, возможно.

– Да ты спятил!

Старик поднялся с лавки и направил луч света в тоннель.

– Это Серега Кравцов. Он часто ходит один.

– Без фонаря? Почему он тогда нас не догнал.

Старик задумался. Действительно странно.

– Пошли отсюда.

– Сере-е-ега! – сложив руки рупором, закричал обходчик.

– Это не он.

– Да погоди ты, – отмахнулся старик, пытаясь заглянуть туда, откуда исходили звуки.

Снова послышался скрежет. На этот раз ближе к выходу. Теперь звук был густым и коротким, как будто кто-то с усилием бороздил бетонную стену острым предметом. В темноте раздались крадущиеся шаги. Потом наступила тишина.

– Издевается, леший, – терпеливо произнес обходчик и неуклюже заковылял вниз с перрона по лестнице.

Сжимая в руках лом, бородач беглым взором окинул станцию, надеясь найти в помощь хотя бы уборщицу. К несчастью этот неф был пуст, разве что несколько далеких голосов доносились откуда-то сверху со стороны эскалаторов. Бросать напарника Павел не хотел. Звать на помощь было стыдно. Поневоле ему пришлось вернуться. Старик тем временем встал напротив входа в тоннель, рассекая тьму лучом света.

– Ну, что там? – спросил бородач, глядя в объектив камеры, установленной над аркой.

Напарник не ответил, шагнув глубже. Снова раздался скрежет, а за ним смешок. Старик махнул рукой.

– Вот оно в чем дело. Кажись, объявился твой пропавший.

– Петька?

– Точно он! Опять грязный, как свинья. Комбинезон зачем-то нацепил.

– Где он? – с облегчением вздохнул Павел, опуская лом.

– В заделе прячется, шельмец. Привалился к стенке и стоит столбом. В который раз его пьяным пропускают! Меня б давно уволили, но таким дуракам всегда везет.

– Что он там делает один без фонаря?

– Ждет пинка.

Коренастый силуэт обходчика растворился во мраке. Послышались удаляющиеся шаги. Потом старик остановился. Было слышно, как он говорит. Внезапно раздался смех, потом тихое шипение, а потом тишина.

Павел стоял под огнями станции, теряясь в догадках. Посмеялись и хватит. Он подобрался к краю перрона и окликнул старика. За углом, где минуту назад погас свет фонарика, царила непроглядная тьма. Никакого скрежета и шагов он больше не слышал. Сердце бешено колотилось. Прошла одна минута. Потом вторая. Чувство страха нарастало. Что-то ему подсказывало, что старик уже не вернется.

Уткнув конец лома в живот, Павел стоял неподвижно, словно пикинер готовящийся отразить атаку вражеского авангарда. В глубине души он продолжал надеяться, что сейчас из темноты выйдет напарник и в своей обыкновенной шутиливой манере начнет над ним подтрунивать.

Вдруг впереди из-за поворота блеснул свет фонарика. Когда обходчик достиг станции, Павел опустил лом. Навстречу ему вышел огромный мужик. Толстый и неповоротливый, то ли с родимым пятном, то ли с ожогом на правой щеке, он поднялся по скрипящей лестнице и устремил на него туманный взор.

В руках у него был серебристый фонарик. На широкую грудь натянут оранжевый жилет. Под глазами темные круги. Павел не помнил его имени, знал только, что он из бригады Воронцова и здесь его быть не должно.

– Ты чего так смотришь? – пробасил здоровяк.

– Вы кто? – хлопая глазами, пробормотал Павел. – Вы не из нашей бригады.

Обходчик слегка смутился, но потом усмехнулся.

– Ну, Юра. Юрий Бычков. Да, я тут пролетом, а что?

– А Игорь где?

– Кто?

Павел по-прежнему смотрел в тоннель. Юрий проследил за его взглядом и пожал плечами. Тут только обходчик вспомнил, что старик говорил о каком-то «меченном» монтере-омбале из бригады Воронцова, который вечно сует нос в чужие дела и разносит сплетни. Наверняка это он и был.

- Не может быть! – воскликнул Павел. – Ты прошел там. Ты должен был их встретить! Они с Петькой ушли туда.
- С Петькой? Ты говоришь о Петре Саврасове? Это совершенно невозможно.
- Почему?
- Я слышал, что его вчера уволили. Мужик новый пылесос с товарищами обмывал. Ну, малец расслабился. Так и пришел на работу. С кем не бывает. Пылесос-то стоящий. С пятью режимами. Могли бы войти в положение. Подумаешь, выпил. Разве это преступление?

Павел слушал поток слов с открытым ртом и ничего не понимал. Вдруг Юрий умолк и подозрительно сощурился.

- А ты случаем не пьян?
- Где Игорь? – дико завопил Павел, выронив лом под ноги монтеру.
- Не знаю. Успокойся! Ты чего?
- Нужно позвать милицию! Экстрасенсов! Тут призраки!

Юрий застыл, в изумлении наблюдая, как бородач неуклюже бежит по перрону, беспорядочно размахивая руками. И куда только смотрит отдел кадров. Домовые, лешие, призраки. Бородатый наверняка был родом из какой-то глухомани. Такие под землей долго не держатся. Интересно, он вообще во Христа верует или в Перуна.

Юрий не удержался и расхохотался.

***

4 часа спустя

Василий Кличков попал на станцию «Шоссе Энтузиастов» не по своей воле. В условленном месте его давно ждали друзья, он хотел выйти из дома пораньше и прогуляться по улицам, но проспал и теперь спешил. Так уж получилось. Друзья не любили ждать, особенно во время рейдов.

Громко топая по движущимся ступеням, Василий быстро спустился вниз. Следом с эскалатора сошла группа гастарбайтеров. Поймав их тревожные взоры, Василий самодовольно улыбнулся. Боятся – значит уважают. Обычно он не был обделен вниманием, разве что женским. Любил одеваться просто и без выпендрежа. Носил в основном гриндара, черные футболки с агрессивными надписями и армейские шмотки. Если прибавить к этому бритую голову и крепкие мышцы, любому станет понятно, кто он и за что сражается.

На станцию прибыл очередной поезд, втянув в себя новую порцию пассажиров. Пропихнув массивное тело между закрывающимися дверьми, Василий без жалости обрушил весь свой вес на толпу. Сегодня в последнем вагоне людей набралось больше обычного. Хорошо еще, что ему выходить на следующей станции.

Василий расправил могучие плечи, потеснив слабаков по бокам. Беглым взглядом осмотрев потрескавшиеся гриндара, он прислонился к дверям вагона. Ощущая бритым затылком вибрацию ускоряющегося состава, Василий попытался врубиться в реальность. Не каждый день ему приходилось подниматься так рано. Если бы не внеплановый визит в подвальный магазинчик, принадлежащий одному молдаванину по имени Лупу Дохотару, он проснулся бы на четыре часа позже и обязательно прогулял бы училище, но любимая работа была дороже всего.

Дело в том, что Василий и его немногочисленные друзья были борцами за чистоту и порядок. Нет, они не спасали леса от загрязнения и подъезды не мыли. Их миссия была куда важнее, и не каждый был способен ее понять. Простому человеку такое занятие показалось бы жестоким хулиганством. Василий же считал свою работу чем-то вроде вольной службы без контракта. Он знал, что очищение их родины неизбежно и в будущем принесет огромную пользу нации. В первую очередь это коснется его самого и его детей,

которые унаследуют эту страну. Чувство абсолютного патриотизма, чистого и живого, как кровь, что течет в его жилах, не давало ему в этом усомниться.

Первый раз Василий услышал «зов» в пятнадцать лет. Вместе с друзьями он тогда смотрел видеозапись на компьютере о том, как милиционер допрашивает вусмерть пьяного таджика, севшего за руль. Таджик оправдывался, мол, машина принадлежит товарищу, тыча в лицо постовому записной книжкой с подписью, согласно которой друг дал добро на прогон железного коня. Друзья смеялись, но Василию вдруг стало паршиво. Он чувствовал, как в боку разрастается ком ярости, как он подкатывает к горлу, мешая дышать. В каждом слове задержанного гастарбайтера он слышал издевку в свой адрес. Таджик попросту насмеялся над законами его страны.

В следующий раз это случилось в магазине. Ему шестнадцать и он с друзьями покупал пиво, но бойкая астраханка потребовала паспорт. Разумеется, кассирше нужны были не документы. Она хотела, чтобы они переплатили за товар. Так рассудил Василий с пацанами, дожидаясь пока нахалка покинет магазин. Побои в глухом переулке продолжались четверть часа, после чего они уговорили ее вернуться на родину выращивать арбузы.

Его рождение как личности произошло в тот осенний вечер. Никогда еще он не чувствовал такого прилива адреналина. Жертва беспомощно вращалась в вихре ботинок, умоляя о пощаде. Вкус власти пьянил его, возбуждая круче опытной шмары. В следующий раз они напали уже на дворника, исколов ему лицо метлой.

Большинство называли их скинхедами, но Василий никогда не одобрял подобных лозунгов. Их группировка, в отличие от других, ни разу себя публично не проявила. Да, они были похожи на остальных, но аппетиты были умереннее, а цели точнее. Они сходились два раза в месяц в оговоренном заранее месте и неприметными группками шли на уборку уборщиков областных улиц или торгашей невзрачных магазинчиков в глухих районах. Забирая все что нужно, Василий с друзьями сжигал, ломал, давил «грязное место», не оставляя в нем ничего, кроме единого символа бесконечности в напоминание будущим врагам. Он жил на баррикадах уже пять лет с момента совершеннолетия и жизнь уличного солдата его вполне устраивала.

Торможение поезда вернуло Василия к реальности. Глянув в окно, он заметил, что поезд тормозит на просторной станции с овальным сводом. Женский голос из динамиков объявил ее название, а затем любезно посоветовал не забывать свои вещи. Двери открылись, и Василий вышел. Вокруг, как всегда, было пусто, будто люди избегали этой станции. Такое бывает, когда наверху одни спальные районы.

Проводив взглядом стальную змею, умчавшуюся в тоннель, он хотел пойти к выходу, как вдруг в кармане завибрировал телефон. Наружу полилась мелодия из любимой песни:

Черные дни настают для Руси
Монгольские рати с войною пришли.
Нету единства среди русских князей,
Никто не возглавит русских людей...

Василий нехотя принял звонок. И так понятно о чем пойдет речь. Друзья ждали у железнодорожной платформы «Кусково» и постоянно об этом напоминали.

- Да? – небрежно спросил он.
- Вы готовы дети? Да, капитан! Я не слышу.

Василий заскрежетал зубами. Прошло пять лет с момента его совершеннолетия, а друзья все никак не успокаивались. Они праздновали день рождения в парке. Тогда родители выбрали странный способ отметить переход сына во взрослую жизнь, взяв напрокат костюм Губки Боба Квадратные Штаны. Это была дешевая китайская поделка. Поролоновая обшивка поверх квадратного каркаса обтянутого желтым нейлоном. Штаны с встроенным динамиком в боку. Стоило нажать кнопку на заднице, и из вшитого

магнитофона звучала песенка. Потом он с друзьями выпил пива и вернулся в город. Василий не помнил, как и зачем надел квадратный скафандр, говорили только, что в тот вечер по району прошлась банда гопников во главе с пьяным Губкой Бобом, которого все почему-то тыкали пальцами в задницу. К утру казенный костюм был уничтожен, превращен в лохмотья, обмотанные кассетной лентой, но квадратный ублюдок никуда не делся, стараниями друзей продолжая о себе напоминать.

Василий с детства был лишен мистических чувств, но опасения, что сущность персонажа вместе с хмелем просочилась в его сознание, не давали ему покоя. Как иначе объяснить тот факт, что изображения паршивой губки преследовали его повсюду. Особенно страшно становилось в момент ярости, когда в глазах вспыхивали желтые квадраты, а в голове звучала мерзкая песенка из мультфильма. Василий уже давно опасался за свое здоровье, но рассказать кому-то боялся. Друзья непременно подняли бы его на смех, а с родителями он давно был в разладе и старался вообще не пересекаться. Поэтому приходилось ему – храброму бойцу – бороться со своими демонами в одиночку.

- Не слышу... Чего молчишь, Боб? – прозвучал в динамике насмешливый голос.
- Просил же меня так не называть.
- Давай быстрее. Тебе что штаны мешают? Кнопка запала?
- Скоро буду, – низким голосом произнес Василий.
- Один вопрос, кореш.
- Ну.
- Кто проживает на дне океана?
- Кончайте звонить без толку! – сорвался на крик Василий. – Все. Давай.

Щелкнув выдвижным кожухом слайдера, он выругался на весь перрон. Нашли время прикалываться. Друзья, конечно, были нормальные, только с терпением проблемы, и очень уж любили деньги. Впрочем, кто их сейчас не любит. Всем без исключения хотелось пойти за покупками к гражданину Дохотару, и он не имел права их задерживать.

Будь же таким, как князь Коловрат
На битву с врагами зовет вновь набат

Он спрятал телефон в карман и уверенно зашагал к выходу. На подступах к лестнице внимание его привлек странный звук не похожий на шум поезда. Из тоннеля раздался пронзительный металлический скрежет. Василий подошел к краю перрона, успев заметить коренастую тень, скользнувшую во мрак. Стоило ему это сделать, и сквозь завывание ветра донесся тоненький детский смех.

Василий остолбенел.

До прибытия следующего поезда оставалось меньше минуты. Людей поблизости не было. Основная масса пассажиров, как всегда, толпилась ближе к центру платформы. Василий открыл дверцу заслонки и проскользнул внутрь. Смех раздался вновь. На этот раз ближе и громче. Очень странно. Ребенок словно простудился или смеялся сквозь слезы. Василий нахмурился. Наверное, проделки малолетних токсикоманов. Их всегда почему-то тянет забиться в какой-нибудь гадюшник.

- Эй! Все в порядке? – крикнул он и тотчас осекся. Едва ли с одиноким ребенком в тоннелях метро могло быть все в порядке.

Ответом ему был короткий смешок. Сейчас он звучал натянуто и прерывисто, словно ребенок задыхался. Василий злостно плюнул. У него самого был маленький брат. Двоюродный, правда, но пацан смысленый. Нехорошо бросать ребенка в беде, даже если он закоренелый наркуша.

Василий спустился на пути по приставной лестнице и осмотрелся. У входа на платформу сиял сигнальный фонарь. Дальше во мрак до «Новогиреево» тянулись две блестящие полосы рельс. Василий заставил себя остановиться. На его стороне всегда была сила, поэтому он редко отдавал себе отчет в том, что делает. Иногда чрезмерная

уверенность его даже пугала. От друзей он слышал, что в тоннелях метро есть какая-то сигнализация. К тому же он попал в объектив камеры наблюдения.

– Эй, ты! – громким шепотом повторил он, шагнув в темноту. – Ты где, торчок? Я ухожу.

Больше никто не смеялся. Под арочным сводом воцарилась тишина, нарушаемая гулом ветра. Василий рискнул заглянуть глубже. С перрона было видно, как плечистая фигура растворилась во мраке. Через мгновение раздался испуганный вздох. За ним приглушенное шипение, похожее на шум пара выходящего из пробитой трубы.

Короткая борьба, падение тяжелого тела и звук удаляющихся шагов остались незамеченными. Пассажиры под огнями станции в безопасности дожидались следующего поезда. Они знали, что любопытство и забота о незнакомых людях редко доводят до добра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТРАННЫЙ ПАРЕНЬ

*Откуда в сердце этот страх?
Как ты все это перенес
И в заточенье не зачах,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мертвых стен
Скелетами ты окружил?*

Иоганн Гете, «Фауст»

13 часов спустя

Оранжевый диск солнца скрылся за крышами многоэтажек. Мягкие летние сумерки встретили в восточной черте города одинокого прохожего. В свете уличных фонарей он шел по проспекту. Среднего роста, спортивного телосложения, с мягкими чертами лица и спокойным взглядом. На нем, как и на многих, была обыкновенная летняя одежда – джинсы и футболка. На ногах потертые кроссовки. В руке парень держал спортивную сумку до отказа набитую вещами, которые небезосновательно считал частью своей жизни. Всегда в движении. Ни минуты без дела. Его звали Дмитрий Скворцов, и он был не из тех, кто боится трудностей.

Своей жизнью Дима распорядился сам. Сам устроился на работу в мастерскую, сам нашел подругу, даже учиться решил по собственной инициативе. Профессия электрогазосварщика его не слишком радовала, впрочем, как и любого другого парня лишенного возможности нормально зарабатывать. Не проходило дня, чтобы он не жалел о томительных часах в компании подслеповатых педагогов вещавших об электрической дуге и сварочном флюсе. Спасало одно – особый стиль жизни, которому он посвящал часть свободного времени.

Все началось десять лет назад. Дима хорошо помнил тот день, когда он забрался в подвал заброшенного дома и обнаружил там тайник. За обвалившейся кирпичной кладкой лежал спичечный коробок набитый серебряными рублями. Во дворе он подсчитал содержимое, разложив на лавочке пятнадцать потускневших монет. Дима так и не успел показать их родителям. Коробок с сокровищем отобрал проходивший мимо милиционер. Страж порядка обвинил его в краже и грозился посадить в тюрьму, но потом ограничился конфискацией «награбленного» и поспешно удалился.

Отец Димы в тот месяц устроился на работу в метро. Узнав о находке сына, он рассказал ему легенду о несметных сокровищах, затерянных в подземельях столицы.

Прошло много лет, прежде чем Дима понял, что добряк тем самым пытался отвлечь его от дурного влияния улиц, которому в проклятых девяностых поддавались многие дети из неблагополучных семей. Он направил его энергию в правильное русло и только благодаря отцу он сейчас не валялся в каком-нибудь пропахшем спиртом и мочой притоне со жгутом на руке.

Оставив друзей, игравших в войнушку и табачных баронов, Дима пробирался в заколоченные подвалы старых домов, спускался в смотровые колодцы на тенистых улицах. Удрал от повседневности, он создавал собственный мир, нарушая нелепые законы жизни. Это был контрольный удар по системе, гнавшей всех под копирку, и в то же время приятный вид отдыха. Друзьям по двору нравилась «новая игра», и они охотно принимали участие, но со временем потеряли к ней интерес. После школы молодых пацанов затянули другие игры. Они узнали, что значит «развести лоха», «жить по понятиям», кто такие шмары, как познакомиться с участковым и т.д. Постепенно увлечение Димы стало вызывать у них отторжение, и даже злость. Его несколько раз собирались научить жизни, но потом, видимо рассудив, что спортсмена, способного забраться на любое дерево без веревки, учить жизни как-то рискованно, отстали навсегда.

Годом ранее отец Димы познакомился в метро с обходчиком из числа старожилов и тот принял его в собственную бригаду. Так в семье Скворцовых появился первый настоящий диггер. Дима понял, что это его шанс, и обратился к отцу с просьбой немедленно зачислить его в ряды исследователей, но к большому разочарованию получил отказ. С тех пор он обречен был слушать невероятные байки о подземном лабиринте, замурованных устьях рек, заброшенных ветках правительственного метро и пещерах с водопадами в которых живут гигантские крысы.

Правда и вымысел переплелись настолько, что Диме стало казаться, будто под Москвой раскинулась сказочная страна полная чудес и приключений. С тех пор он с усердием обыскивал самые глубокие колодцы и самые старые дома. Под покровом ночи пролезал в водосток старого железнодорожного моста. Пару раз нарывался на бомжей. Один раз чуть не погиб от рук наркоманов, но, кроме проблем, ничего не нашел. Обнаруженные им лазейки обрывались в нескольких метрах от поверхности, колодцы были затоплены нечистотами, а дома превращены в забитые мусором свалки. На Красной площади, при попытке залезть в колодец, его арестовал патруль. Возле Храма Христа Спасителя отобрали трос, на котором пытался спуститься в коллектор Москвы-реки. Он даже попытал счастье в Раменках, где местные отморозки ему чуть челюсть не сломали, но все было напрасно. Дима уже готов был начать за отцом слежку, надеясь, что тот выведет его на тайные тропы диггеров, но неделю назад все изменилось. Он наконец нашел что искал.

Бодро вышагивая по проспекту, Дима улыбнулся в предвкушении открытия. Ступая по остывшему асфальту, он обогнул фронтон пятиэтажки. Вес сумки тянул к земле, но Дима привык таскать тяжести, в свободное время подрабатывая еще и грузчиком. В плане физической подготовки он был полной противоположностью своему лучшему другу – Константину Немоляеву.

Их знакомство оказалось не случайным. Оно было тщательно спланировано, соткано из обстоятельств, но кем и как... Как это вообще бывает? Высшими силами, должно быть, или волею судьбы. Два года назад в соседнем доме жил его приятель. В один из осенних вечеров Дима, по обыкновению, вошел во двор и впервые увидел Костю. Худой паренек стоял на балконе второго этажа с пневматической винтовкой в руках. Дальнобойное оружие Дима не любил. Как-то в детстве ему чуть глаз не выбили из рогатки, а во время ночного рейда в канализацию обстреляли из пневматического пистолета. Костя в тот момент сбивал яблоки с соседнего дерева, но, поймав на себе чужой взгляд, зачем-то спрятался. Диму это насторожило, и он поспешил зайти в подъезд.

В следующий раз он увидел Костю через неделю. Друг задерживался на работе, и Диме пришлось ждать его во дворе. Сидя на лавке под кроной яблони он снова заметил на

балконе странного парня. Костя выглянул из-за перил, осмотрел двор и, не заметив Диму, стал спокойно пускать мыльные пузыри, а затем фотографировать их. Запустил один большой, дождался, пока тот улетит повыше, и сфотографировал.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он чудака.

Костя сию минуту спрятался, и Диме пришлось несколько раз его окликнуть. Улыбаясь, он вошел сквозь арочный проход в глухой двор с четырех сторон окруженный домами. Ответ Кости он помнил до сих пор, словно это было вчера, а не два года назад.

– Мне нужны фотографии пузырей для плаката. Я сделаю из них хрустальные сферы.

Дима поинтересовался, не легче ли просто скачать нужные фотографии из интернета, если, конечно, он у него есть.

– Интернет есть, но мама говорит, что у каждой картинки есть законный обладатель.

Я сам видел, там так написано. Нельзя брать чужое.

В этот момент во дворе появился друг. Дима оглянулся, а когда снова посмотрел на балкон, там уже никого не было. Только мыльный пузырь медленно плыл по воздуху. От друга он узнал, что у парня, которого зовут Костей, богатые родители, а еще у него не все в порядке с головой. К такому выводу жильцы пришли потому, что паренек отказывался с ними здороваться и редко выходил из дому, а еще его пару раз видели у окна с ведром на голове.

Диму история не удивила. Москва город большой и у каждого здесь крыша едет по-своему. Скажем, какой-нибудь бизнесмен с высшим образованием, прожигающий жизнь в ночных клубах с пакетиком кокаина выглядел не менее безумным, чем пацан с ведром на башке. Да и сам Дима для многих дворовых приятелей отнюдь не являлся образцом для подражания. Ну и что с того?

Возвращаясь домой, он наблюдал за тем, как Костя запускает с балкона радиоуправляемый вертолет. На мгновение их взгляды встретились. Вертолет потерял управление, врезался в крону яблони и накрепко там завяз. С тех пор он стал видеть Костю все чаще. Наверное, паренек и раньше возился у себя на балконе, просто Дима не обращал на него внимание. Дважды из окна квартиры друга он наблюдал за попытками достать вертолет. Сначала Костя пытался сбить его смотанными скотчем швабрами, потом забрасывал проволочный крюк на бельевой веревке, на следующий день даже рискнул выйти на улицу и забраться на дерево.

Что-то в этом упорстве показалось Диме знакомым. Точно так же и он искал заветную дверь в подземный мир. Трижды Костя срывался с нижней ветки. Один раз даже упал, но и не думал сдаваться до тех пор, пока во дворе не появились посторонние. Тем же вечером, вскарабкавшись на дерево, Дима достал вертолет и отнес его хозяину. Так между ними завязалась дружба.

Костя оказался удивительным человеком. Воплощение замкнутости и нерешительности в лучших традициях гимназистки православной школы. Разумеется, при таком раскладе у девятнадцатилетнего эскаписта не могло быть друзей. Изгою казалось, что абсолютно все люди на Земле его не понимают. Страдая детским максимализмом, Костя увлекаться фантастикой. От родителей он требовал называть его вымышленными именами. Наряжался в сказочные костюмы. Читал много фэнтези, смотрел аналогичные фильмы и играл в компьютерные игры. С гостями не здоровался, на улицу не выходил, но во всем остальном слушался маму.

Жил Костя в обеспеченной семье банкиров, с продвинутыми родителями, у которых постоянно загорались идеи по перепланировке загородной дачи. Каждые свободные выходные днем и ночью их не было дома, что, бесспорно, нравилось домоседу, но еще больше нравилось Диме. Где еще с утра до вечера можно выпить пива, сыграть в какую-нибудь игру на мощном компьютере или посмотреть широкоэкранный телек?

Впрочем, насчет пива – это вряд ли. Костя вообще не употреблял спиртного, не курил, спортом не занимался и с девушками не встречался. Все что он делал – коптил небо в своем загадочном мирке, который до конца не удавалось понять даже Диме. Однажды он

попытался свести друга с однокурсницей из училища. Свидание состоялось на лавке во дворе возле дома и длилось примерно шесть минут. Конец ему положил поцелуй, коим та наградила его. После randevу Костя две недели приходил в себя, отказываясь разговаривать с ним, и даже боялся выходить на балкон.

Костя не понимал, что при таких деньгах мог заинтересовать любую девушку, вот только пользоваться этими возможностями не умел. Он был щедрым, честным, иногда требовательным и упрямым, но никогда циничным и жестоким. Мог легко подарить новенький плеер, коробку дорогих конфет и даже оставить переночевать. Поначалу такая расточительность сильно заводила Диму. Он часто сравнивал семьи Немоляевых и Скворцовых. Последние всегда проигрывали. Бедный как церковная мышь энтузиаст-отец и взбалмошная домохозяйка-мать давно смирились со своим положением. Любовь и внимание были для них важнее денег. Это был их выбор, но Диму размеренная жизнь пугала. Перспектива до пенсии ходить в брезентовом костюме со сварочной дугой в руках, метаться с объекта на объект, пока тебя не доканают силикоз и снежная болезнь, его угнетала. Он жаждал действий, хотел сделать выдающееся открытие, заработать кучу денег и с их помощью начать путешествовать. Учась на ошибках бывших друзей, наблюдая бездействие обеспеченного всеми благами Кости, он двигался вперед, закаляя тело и веру в душе, а когда было особенно тяжело, помогали слова священника, когда-то давно жившего в их доме. Старец с улыбкой говорил: «Если Господь что-то отнял у тебя, то стоит задуматься: что же он дал тебе взамен?»

Завернув в подъезд, Дима поднялся по грязным ступеням на второй этаж и трижды позвонил в дверной звонок. Это был опознавательный сигнал, придуманный самим Костей. Два раза – родители или чужак. Три – он. Один – всегда чужак. Схема действовала безупречно. У родителей были ключи, поэтому если звонили один раз или два Костя даже не выходил из комнаты.

Дима стал ждать. Через минуту в прихожей раздались робкие шажки. Дверь приоткрыл сутулый паренек. Сквозь щель на него уставились два подслеповатых глаза в круглых очках. Убедившись, что гость пришел один, Костя открыл дверь шире. На голове у товарища была черная строительная каска. На скошенных плечах висел самодельный плащ из шелковой простыни. В руках длинная палка от швабры, выкрашенная фломастером в красный цвет. Впалые щеки усыпаны крошечными прыщиками.

– Ну и кто ты у нас сегодня? – спросил Дима.

Костя загадочно посмотрел на него, отошел подальше и величественно взмахнул палкой, едва не разбив люстру под потолком.

– Я Дарт Вейдер!

Дима рассмеялся. Костя был единственным человеком, которому удавалось в любой момент его рассмешить. На это у робкого паренька был настоящий талант. Он часами мог ходить по трехкомнатной квартире в каком-нибудь придуманном костюме, вживаясь в роль любимых героев. Другие вряд ли бы это одобрили. Если уж родители Кости несколько раз водили свое проблемное чадо к психологу, то дворовые подростки, любившие по осени забрасывать его балкон яблоками, издевались бы над сверстником до полусмерти. Никто его не понимал, кроме Димы. Ему это шутовство было даже приятно. Не каждый день в хмуром, загруженном городе встретишь такого несерьезного и безобидного человека, как Константин Немоляев.

– Скорее заходи, – испугался затворник. Он впустил гостя, захлопнул дверь и несколько раз заглянул в глазок.

– Что случилось? – спросил Дима, опустив тяжелую сумку на пол.

– У нас на лестнице теперь сидят какие-то пошлые люди. Я видел их один раз, – дрожащим голосом пояснил Костя.

– Ну и что? Это просто люди. И с чего ты взял, что они пошлые?

– Они курили, плевались и часто вспоминали чью-то мать. Раньше их тут не было.

– Не волнуйся. Им нет до тебя никакого дела.

– Надеюсь, – упавшим голосом проямлил паренек.

Глядя на приятеля, Дима еще раз отметил, что такому человеку постоянно нужны заверения и обещания, иначе он просто сойдет с ума. Костя отвернулся и стал неторопливо разоблачаться. Сначала он снял каску, под которой скрывались зачесанные набок темно-русые волосы. За каской последовал плащ. Его Костя бережно свернул.

– Мои уехали на дачу три часа назад. Куда ты пропал?

– Представляешь, я как раз шел в сторону метро, когда мне позвонила Машка. Хендрикс снова запрыгнул с окна на ветку дерева. Без опытного скалолаза ей было не обойтись.

– Ты доставал кота с деревца три часа?

– Видел бы ты это деревце. Настоящий баобаб! Пять этажей в высоту. Размах веток метров восемь. Можешь представить? А Хендрикс еще скакал по ним как белка.

Он изо всех сил постарался описать гигантский тополь, но Костю после многочисленных фэнтези фильмов настоящее дерево не впечатлило.

– Потом она меня еще отблагодарила, – закончил Дима, многозначительно подмигнув товарищу.

Костя вздрогнул, густо покраснев. Воображение его не подвело.

– Фу, как пошло.

– Почему же? Ведь она моя девушка.

– Все равно пошло.

Воцарилось молчание. Тема закрылась сама собой. Хозяин квартиры тем временем полностью избавился от своего Альтер-эго.

– Ну, будь моим гостем, странник, – радушно улыбнулся Костя и для верности вышел из прихожей. Он уже заметил, что друг почему-то не разувается, и это его беспокоило. – Знаешь, у меня появилась такая класная игра...

– Ого! Только не говори мне, что ты забыл?

– Ну, я.

– Ты ведь не забыл? Помнишь, куда мы сегодня идем? – с притворной строгостью спросил Дима, скрестив руки на груди.

Костя, конечно, не забыл. Более того, Дима был уверен, что паренек последние пять дней вспоминал о грядущей аванюре ежечасно и винил себя за то, что под давлением дал добро на участие в ней.

– А ты уверен, что это необходимо? Уже ночь. Ты мог бы сходить один и вернуться. Я разогрею ужин...

– Ага. Наберешь ванну, вскипятишь чаю, массаж мне сделаешь. Спасибо, милая.

– Я только хотел сказать...

– Слушай, я ведь пытаюсь тебе помочь. Когда взрослый парень не выходит из квартиры даже во двор, это настораживает.

– Теперь ты говоришь точь-в-точь как мои родители. На улице мне делать нечего. Кому нужен этот пошлый мир? – Костя потупил взгляд и благодатно улыбнулся. – У меня есть компьютер. В интернете можно найти все что нужно. Только там я могу нормально общаться, путешествовать и даже работать. Никто не посмотрит на меня и не назовет четырехглазым придурком.

– Конечно, не назовет, если будешь выкладывать только фотографии Кристиана Бэйла.

– Кому нужны мои настоящие фотографии? Я же урод. Стоит мне показаться на балконе и на меня начинают таращиться все кому не лень.

– Ты преувеличиваешь. Компьютерные игры – это хорошо, но ты не сможешь всю жизнь провести дома. Как ты не понимаешь? Тебе нужно учиться, работать, дышать свежим воздухом.

– Свежим воздухом? В Москве?

- Я говорю не о Москве. Неужели ты никогда не думал пойти на роллердром, в парк, в музей или в тир? Ты же любишь стрелять.

Взгляд Димы коснулся двустольного охотничьего ружья висящего над арочным входом в комнату. Костя нахмурился. Разговор ему наскучил.

- Ты не можешь всю жизнь прятаться под кроватью. Рано или поздно тебе придется вылезти из скорлупы. Неужели так трудно, скажем, выехать на дачу к родителям?
- Спасибо. Я там был и нечего хорошего не углядел, – брезгливо фыркнул паренек. – На коров, алкашей и пенсионерок я еще успею насмотреться. Что до учебы и прочей ерундистики вроде работы, то об этом можешь не беспокоиться. Ко мне приходят репетиторы из ВУЗа, а работать я могу и на дому. В интернете много предложений, например, фриланс или веб-дизайн. Просто делай работу и сливай ее на «мыло», а зарплату пришлют на WebMoney. Вот и все.

Дима не совсем понял, о чем тот говорит, но решил идти до конца. Глядя на строптивного друга, который всякий раз упирался словно баран, когда его пытались вытащить на лужок из душного стойла, он тяжело вздохнул, понимая, что уговорами его не взять.

- У меня один друг – ты, – улыбнулся Костя, посмотрев на Диму таким ласковым взглядом, что тот невольно смутился. – Пожалуйста, не заставляй меня выбирать. На улицах много зла. Москва – жестокий город и люди в нем непредсказуемы. Я не хочу рисковать.

Костя делал все, чтобы его разжалобить. Такой у него был способ защиты, и он срабатывал безотказно до тех пор, пока Дима не разработал свои методы воздействия.

- Хорошо, – кивнул он, для убедительности печально вздохнув. – Я не в праве тебя уговаривать, ведь ты мой друг. Я пойду туда один, и будь что будет.
- Но ведь ты сказал, что там очень опасно, – встрепенулся Костя, обхватив руками дверной косяк. – Не ходи один.
- Ничего не поделаешь. Ты ведь знаешь, какой я упрямый. Что мне терять, кроме снаряжения и диплома ПТУ?

Дима сделал вид, будто соскребает пятнышко с футболки, а сам стал украдкой наблюдать за другом. Костя переминался с ноги на ногу. Может, это было и не слишком честно, но кто-то же должен был вывести его на прогулку.

- Ладно, уговорил, – сдался паренек. – Я пойду, но ты обещаешь, что всегда будешь рядом.
- Клянусь всеми святыми, – кивнул Дима, для убедительности осенив себя крестным знаменем.
- Да ну их. Поклянись архангелом Михаилом. Он самый крутой в Героях меча и магии.

Дима поклялся. Тем не менее, выразительный жест не произвел на Костю никакого впечатления. Он покинул квартиру первый раз за полгода. Нетрудно представить, какие чувства он испытывал: отвращение, страх, тошноту. Выйти на улицу значило поставить под угрозу свое существование как личности.

Заметив смятение на лице товарища, Дима ободряюще улыбнулся.

- Вот увидишь, оглянуться не успеешь, как все это закончится.
- Надеюсь. Поищу пока фонарик.
- У меня есть запасной. Я дам тебе его, когда мы будем на месте.
- А паспорт?
- Ни в коем случае. Документы в такие места лучше не брать.
- Но мама говорит, что я должен всегда носить паспорт с собой. Может все-таки взять?

В ответ Дима шутливо пригрозил пальцем. Костя ушел в комнату и стал искать в шкафу старую одежду. Друг предупредил, что там, куда они полезут, будет много грязи и ржавого железа. Готовым нужно быть ко всему. Может захватить баллончик с газом? У

мамы был один. И ультразвуковой излучатель, чтобы отпугивать собак. Ага. А еще BFG² против алкашей, отморозков и прочих чудовищ. Против гоблинов он возьмет эльфийский клинок.

Костя достал из-за шкафа деревянную коробочку. В ней он хранил секретные вещи. Маленький диодный фонарик, золотую испанскую монетку, свой последний молочный зуб, патрон от отцовского ружья и много чего еще. Родители прятали все ценные вещи в сейфе. Там же хранилась коробка с патронами. У Кости был свой «сейф» и свой патрон. Он умыкнул его у отца из-под носа. В тот день, когда он первый и последний раз поехал с родителями на дачу, отец взял его в лес пострелять из пневматики по банкам, а заодно продемонстрировал мощь настоящего оружия. Жаль, что ему так и не дали пальнуть.

Наконец Костя вынул свое главное сокровище – настоящий швейцарский перочинный нож, который тайком заказал через интернет-магазин. Попадись он с личным и скандала не миновать. Родители прятали от него не только ножи, но даже вилки и отвертки, как будто боялись, что он их зарежет. Костя аккуратно разложил любимый нож, включавший в себя клинок, отвертку, штопор, шило и несколько других острых инструментов, применение которым не нашел. В этот раз он обойдется «Чинным пером». Этот нож связал их навсегда. Он сам предложил Диме. Прямо как клятвы у викингов. Резать запястья они не стали. Каждый ограничился большим пальцем руки. Для лучшего друга не жалко потерять пару капель крови. Дима был парень что надо, пусть и со странностями.

Взяв с полки паспорт, он бережно положил его в карман штанов. Что бы там друг не говорил, а документы всегда нужно держать при себе. Костя вернулся в прихожую одетый в спортивные штанишки и красную клетчатую рубашку с длинными рукавами. Старой одежды как таковой у него не оказалось.

- Сойдет, – кивнул Дима, поднимая с пола сумку. Снаряжение, вторая одежда и водостойкий комбинезон лежали в ней. Любая вещь, которая могла понадобиться ему под землей, была там. Он даже прихватил с собой пачку хлебцев и фляжку с водой.
- Точно фонарик не нужен? – спросил Костя, надевая новенькие кроссовки
- Нет, – ответил Дима, стараясь не смотреть на дорогую обувь. – Лучше обувь смени. Там будет очень грязно.
- Ерунда, – пренебрежительно фыркнул паренек. – Мне родители еще десяток таких купят.

Дима вздрогнул. Дикость – губить фирменные кроссовки Nike за пять тысяч рублей. У Кости в собственной тумбочке из орехового дерева он заметил еще три пары чистеньких кроссовок, две пары кедров и какие-то резиновые сандали в цветочек. Все было куплено матерью в Центральном Универсальном Магазине.

Долго провозившись со шнурками, Костя так и не смог их завязать и Диме пришлось ему помочь. Со стороны это могло показаться нелепым, но он не мог допустить, чтобы друг споткнулся и разбил себе голову. В месте, куда они пойдут, любое падение могло закончиться смертью.

Закрыв обе двери, паренек передал ключи товарищу.

Вместе они спустились во двор. Сделав шаг навстречу теплему воздуху, Костя оторопел. Поросший яблонями двор теперь казался ему еще больше, чем когда он смотрел на него из окна спальни. Сейчас он сам стоял здесь, с тоской взирая на открытый балкон и темные окна комнаты, в которой провел много счастливых лет. Всем сердцем он желал вернуться туда, забраться с ногами на кресло и включить компьютер.

Мечты разбил Дима. Демонстративно похлопав по карману брюк, где лежали ключи, он повел товарища к арке.

***

² Big Fucking Gun (англ.) «Охрененно большая пушка» – самое мощное оружие серии игр Doom.

Путь до заброшенного завода занял около часа. Все это время Костик вел себя как инопланетянин. Вздрагивал от любого громкого звука, хватал Диму за руку, со слезами пытался смотреть в глаза проходившим мимо людям, даже здоровался иногда. Из всех сил он старался походить на обыкновенного прохожего и этим неизменно выделялся из толпы. Хорошо еще, что дело было к ночи, люди попадались нечасто и обладали чувством юмора. Дима шел красный как рак, периодически высвобождая запястье из слабых пальцев Кости. Парни держащиеся за руки – зрелище не новое, но слишком уж унижительное.

К часу ночи они достигли сталелитейного завода имени Кирова. Заводской сектор от городского сквера отделял длинный бетонный забор и старая асфальтированная дорога. Кроме алкаша-сторожа, по обыкновению, спавшего в бытовке у ворот, людей поблизости не было. Дима часто бывал на заводе. Он истоптал там каждый метр, практикуясь в спуске и подъеме, пролезая сквозь дыры в потолке, карабкаясь по ржавым котлам. Это был своего рода тренировочный полигон, где он оттачивал свое мастерство.

Пробравшись через траншею, вырытую под забором, они поднялись в высокой траве среди туч комаров и стрекота цикад. В центре пустыря стоял завод. Три кирпичные трубы вонзались в темное небо. Высокие окна с разбитыми стеклами тянулись по фронтому центрального здания. Рядом на каменистой площадке стоял ржавый грузовик без колес. В траве темнели корпуса легковых машин. Далеко впереди за кустистыми холмиками песка светилось окошко сторожевой бытовки.

Пока Костик с трепетом разглядывал завод, Дима быстро переоделся. Нацепив старые брюки и застиранную рубашку, он повел друга вперед. Покинув заросли, они бегом пересекли гравийную дорожку и добрались до кирпичной стены, закрытой густыми шапками бурьяна. Костя задохнулся от волнения. Он еще не успел прийти в себя после похода по ночным улицам и вдруг очутился на территории заводского комплекса. Что, если сторож начнет на них охоту? Вдруг поблизости живет стая собак-людоедов? Стало жутко и в то же время его переполняли эмоции, от которых трудно было избавиться.

Простояв минуту в кустах, Дима убедился, что поблизости никого нет, и достал из сумки два фонарика. Один передал Косте, заранее предупредив, что включать его можно только внутри и ни в коем случае нельзя наводить луч на окна. Нельзя шуметь, нельзя кричать. Словом, нельзя делать того, что могло выдать их присутствие. В левом крыле завода в укрепленной пристройке был склад стройматериалов. Именно его охранял сторож, и сейчас этот склад находился как раз за углом.

Проследовав вдоль потрескавшейся стены, они зашли за угол. Там в зарослях сирени темнела металлическая дверь. Сломанный замок висел на петлях уже много лет. Долгие годы каждый уголок заводского комплекса был свободен для посещения всех желающих, а таких оказалось на удивление много. Поэтому, приоткрыв дверь, Дима первым делом прислушался, не доносятся ли из цехов голоса. Убедившись, что все спокойно, он вошел в узкий коридор и включил фонарик. Послышался кашель.

Костя заглянул следом и чуть не задохнулся. Ядовитая вонь экскрементов, тухлятины и гнилых васильков заполнила все вокруг. Дождавшись пока товарищ придет в себя, Дима направился дальше. Луч фонарика освещал кучи мусора и облезлые стены с остатками зеленой краски. Планировка завода была ему хорошо знакома. Он бы мог пройти здесь с закрытыми глазами, если бы не мусор.

Перебравшись через завалы ржавого хлама, Дима достиг входа в первый литейный цех. Костя шел как слон, загребая дорогими кроссовками стальную стружку, бутылки, алюминиевые банки, шприцы, презервативы, пачки сигарет и прочие атрибуты городской культуры, оставленные посетителями.

Благополучно преодолев груды металлолома и бытового мусора, они шагнули за порог второго формовочного цеха. В бетонной коробке без окон было темно и тихо. Под ногами лежало множество труб и металлических болванок. Дима решил не рисковать. Они

обошли замусоренный зал вдоль заслонки стержневого участка, а оттуда по узким коридорам перебрались из промышленной зоны в придаточную, где располагались раздевалки и столовая.

Пустые комнаты, ржавые трубы, заваленный мусором пол, капсула роторной печи, расколотый каркас разливочного конвейера, непонятно откуда взявшаяся детская коляска, даже истлевший труп собаки, – вот лишь немного из того, что они увидели, прежде чем достигли лестницы в подвал.

Распахнув ржавую решетку, Дима и Костя покинули мрачную анфиладу цехов. Теплый летний воздух сменился подземной сыростью. Шаткие ступени металлической лестницы опасно скрипели. Клинья-держатели свободно болтались в стенах. Чем ниже они спускались, тем светлее становилось вокруг. Старые фонари, которые взял с собой Дима, были не хуже современных и намного крепче. Аккумуляторы он заряжал накануне, а посему проблем со светом у них возникнуть не должно.

Спустившись в подвальный коридор, Дима первым делом расстегнул сумку и достал резинку от отцовских подштанников.

- Держи. Это тебе пригодится.
- Чтобы повеситься? – фыркнул Костя, принимая подарок двумя пальчиками.
- Чтобы очки держались крепче. Придется спуститься еще ниже. Согласись, будет фигово, если ты их разобьешь и станешь слепым как крот.
- Спасибо, но я и без них нормально вижу.

Костя затянул по узелку на заушниках очков так, чтобы резинка плотно обхватила затылок. Дима достал из сумки пластиковую каску, на которой маркером были выведены его инициалы, и протянул ее другу.

- Вот. Держи. Будешь подземным Дартом Вейдером.

Заправив концы клетчатой рубашки в узкие штанишки, Костя без вопросов принял грязную оранжевую каску, нахлобучив ее на растрепавшиеся волосы. Каска оказалась велика, и козырек быстро съехал на нос.

- Вообще-то мама запретила мне гулять так далеко от дома, – произнес паренек, деловито поправив каску.
- А ты всегда маму слушаешься?
- Нет.
- Вот и не волнуйся. Мы туда и обратно. Просто осмотримся и все, – заверил Дима, повесив на плечо моток страховочного троса.
- Скажи честно, зачем ты взял меня? Вот смотрю я по сторонам и не вижу никакой опасности. Ты сказал, что будет трудно, но вокруг только трубы и грязь. Завод знаком тебе как пять пальцев. Я не понимаю.
- Да, завод мне хорошо знаком, но одному Богу известно, что ждет меня внизу. Сломаю я ногу или повреди голову и мне уже никогда отсюда не выбраться. Раньше все было проще. Отправляясь в любое место, я оставлял дома записку с координатами и примерным временем возвращения, но в этот раз не стал.
- Почему?
- Это мое открытие. Я не хочу, чтобы о нем раньше времени узнал отец или другие диггеры.
- Какой ты гордый.
- Эй! Я заслужил это! – возмутился Дима. – Десять лет лазить по помойкам в окружении бомжей и наркоманов не очень-то круто.

Едва ли Костя понимал, что значит иметь мечту и видеть, как она разбивается вдребезги. День за днем. Снова и снова. На тысячи осколков. Нет. Так просто он теперь отсюда не уйдет. Он обязательно спустится вниз, а если найдет что-то необычное, то отец об этом узнает в последнюю очередь. Можно вообще ему не говорить. Устроить там собственную базу для команды молодых диггеров, которую он наберет и возглавит в будущем.

- Мне нужен напарник, которому я могу доверять, – пояснил он. – К тому же я уже говорил, что хочу тебе помочь. После такого приключения ты точно перестанешь бояться городских улиц.
- Ты так говоришь, будто мы идем на смерть, – нахмурился Костя. – Можно подумать, что внизу нас ждет какое-то чудовище.
- На свете нет чудовищ страшнее людей, а поскольку сейчас тут целых два чудовища, то бояться нам точно нечего.
- Кроме самого страха.
- Кто это сказал?
- Рузвельт.
- Что за глупость? Ты и так слишком долго боялся. Для тебя этот завод самое подходящее место, чтобы начать новую жизнь. Первый шаг.
- Не уверен, что мне это нужно.

Дима похлопал угрюмого товарища по плечу.

- Ты ведь умный парень. Сам понимаешь, что рано или поздно тебе придется выйти из квартиры.
- Уж лучше поздно, – буркнул Костя.
- Ладно. Я от тебя ничего не требую. Тебе ничего не нужно делать. Просто следуй за мной и все. Ты это сможешь? Могу я рассчитывать на твою помощь?
- Да... Наверное, – растерялся Костя, ведь на него еще никогда не возлагали такой ответственности.
- Нет. Никаких «наверное». Скажи точно. От этого зависят наши жизни! Скажи или мы вернемся домой.
- Разве этот вариант все еще в силе?
- Конечно, нет.
- Тогда я помогу тебе. Клянусь. Не такой уж я бояка.

Другого ответа Дима и не ожидал. Все-таки давить на таких людей, как Костя, бессовестно легко. Он не испытывал от этого удовольствия, но и возвращаться домой не собирался. Эта авантюра станет наградой за те бесславные годы, которые он провел в сточных канавах, ведь там, куда они спустятся, людей не было уже очень давно.

Дима взял сумку, поправил трос и пошел вглубь подвала. Пол был облицован белой плиткой. Цементная крошка и песок покрывали его густым слоем. Гости завода спускались сюда редко и мусора здесь практически не было.

Огибая торчащие из пола трубы, в темноте походившие на колонны, Дима заметил за одной из них тушу громадной собаки. Эта вне всяких сомнений была убита. Распухшее брюхо дворняги было вспорото чем-то острым от глотки до хвоста. Дима проглотил подступивший к горлу ком. Не хотел бы он встретиться с тем, кто так дико расправился с животным. За спиной раздался приглушенный всхлип. Костя тоже увидел собаку, и Дима поспешил увести его как можно дальше.

Миновав поворот, узкий коридор генераторного блока и частокор из труб, они достигли дальней стены подвала, соединив лучи фонариков на квадратном люке в полу. Столько времени прошло, прежде чем он его нашел. Подумать только, пока он карабкался по котлам и лестницам, мечтая о «Метро-2», секретная дверь находилась у него под ногами. Дима давно осмотрел здание от входа до крыши, но в подвал заглянул пару раз. Ему и в голову не могло прийти, что под заводом, на котором работали тысячи людей, может быть какой-то секретный тоннель. На прошлой неделе он снова спустился в подвал, чтобы спрятать кое-что из экипировки. В дальнем углу за трубами стоял деревянный поддон, нагруженный металлическими деталями вроде шестерней, маховиков, связок арматур и другого ржавого хлама. Он и раньше видел это нагромождение, но в тот раз то ли голова работала лучше, то ли делать было нечего, Дима решил его внимательно осмотреть. Кому понадобилось так аккуратно складывать в подвале кучу металлолома. Пущенный в пространство под ним луч света рассеял сомнения. Внизу был люк.

Разобрав поддон, он сорвал замок лопатой и спустился по скобчатой лестнице в шахту. Дальше тянулся узкий тоннель, заканчивавшийся стальной дверью с встроенным замком. Его удалось взломать с помощью отмычек. За дверью в темноту вел новый тоннель. Дима прошел его до конца, обнаружив за поворотом ряд ступеней, но спуститься вниз после всех трудов не решился.

Теперь он вернулся во всеоружии с помощником, и кто знает, вдруг они совершат открытие. Дима ухватился за припаянную ручку и откинул тяжелую крышку люка. Посветив в шахту, он быстро спустился вниз, заранее предупредив Костю, чтобы тот бросил сумку по готовности.

Соскочив на цементный пол, Дима осветил коридор и толстую металлическую дверь. Ничего не изменилось с тех пор как он побывал здесь неделю назад. Вот только дверь... Дима присмотрелся. Ему показалось, что сейчас она была открыта чуть шире. Мысли нарушил шорох материи. Уловив давление воздуха над головой, он чудом успел шагнуть в сторону. Тяжелая сумка шлепнулась за спиной.

- Ты что творишь? Убить меня хочешь? – испугался Дима, осторожно заглядывая в шахту.
- Ты же сказал: сбросить по готовности.
- Да не твоей готовности, а моей, – обозлено выкрикнул он. – В следующий раз слушай меня внимательно.
- Да, конечно, – произнес Костя, сползая в шахту. – Тут очень страшно. Я спускаюсь к тебе.
- Люк не забудь закрыть, – напомнил Дима, поднимая сумку.

Благо в ней не было ничего хрупкого. Там куда они спускаются, неопытность паренька могла дорого ему обойтись. Теперь он с него глаз не спустит.

- Там было что-то ценное? – раздался виноватый голосок.
- Не волнуйся, все цело. Просто в следующий раз думай что делаешь.

Костя промямлил еще что-то, но Дима уже не слушал. Он распахнул дверь и направил луч света в темноту.

Под заводом было прохладно, но Дима чувствовал, как тело покрывается испариной. Это происходило всякий раз, когда он волновался. Он вспомнил стройку в Раменках, где ему угрожала серьезная опасность со стороны банды отморожков. Здесь тоже было не все ладно. С каждым шагом внутри нарастала непонятная тревога. С какой это стати далеко от центра города под заводом провели тоннель? Почему его спрятали? Поставив ногу на первую ступеньку, Дима взял себя в руки, твердо решив, что пойдет до конца, даже если этой ногой придется пробивать дорогу сквозь толпы бомжей и наркоманов.

Отсчитав двадцать две ступени, он сошел на узкую площадку с высоким потолком. Лестница тянулась дальше. Чем ниже они уходили, тем затхлей и тяжелее становился воздух. Спустились еще на два лестничных марша, но никуда не пришли. Бетонные ступени по-прежнему тонули во мраке. За спиной раздавались частые всхлипы.

Костя признался, что его пугает тьма за спиной. Ему мерещились шаги. Казалось, что за ним крадется какой-то зверь с острыми когтями. В Diablo, например, такие места просто кишели нечестью и монстрами. Разумеется, он не был дурачком и сознавал, где кончается игра и начинается реальный мир. Только кто поручится, что им действительно не угрожает опасность. Ведь любая игра – это своего рода легенда, а легенды часто основаны на реальных событиях.

Когда закончился третий марш, а за ним четвертый и пятый, Дима невольно остановился. Это же высота четырехэтажного дома, черт побери. Значит, он действительно нашел какой-то бункер или бомбоубежище. Вот только хорошо ли это? Не зря же говорят: «Будь осторожен в своих желаниях».

Оставив позади еще три марша, они спустились в небольшое помещение с низким потолком. Под ногами хрустели осколки кафельной плитки. С потолка свисали пласты растрескавшейся побелки.

Стараясь не поднимать облака пыли, Дима приблизился к толстой огнеупорной двери, упроченной стальными листами с заклепками. Пробриться сквозь такую преграду руками и ногами невозможно. К счастью, дверь была не заперта. Рывками ему удалось затолкать ее внутрь на пару дюймов. Посветив в щель, на противоположной стороне он заметил висящую на скобах цепь. Звенья были стянуты проволокой.

- Здесь большая цепь. – Дима улыбнулся. Вот когда пригодятся кусачки по металлу. Не зря он их таскал с собой все эти годы.
- Что ты говоришь? – послышался испуганный голосок. – Этого не может быть! Ты сказал, что мы будем первыми.
- Я так думал, но не знал наверняка. Дверь наверху запиралась с обеих сторон. Эта дверь другая. Она крепче и больше. Замочной скважины нет. – Дима заглянул в щель, заметив по ту сторону на полу сломанный замок. – Эта дверь запиралась изнутри. Кто-то открыл ее, а потом вернулся и повесил цепь.
- Значит, этот «кто-то» все еще там?
- Значит, есть другой выход.

Костя издал звук похожий на мычание.

- Прости. Я, наверное, туго соображаю. Ты говоришь, этот «кто-то» открыл дверь с той стороны. Тогда почему он не сделал то же самое с дверью наверху?

Дима задумался. Действительно. Что мешало ему подняться в цеха? А может, он так и поступил? Нет. Тогда ему пришлось бы взломать верхнюю дверь, а она была заперта на ключ. Но даже если представить, что у него был ключ, он бы все равно не смог поднять люк пока на нем стоял поддон с хламом. С другой стороны он сам освободил проход неделю назад. Целых семь дней люк был открыт!

Дима покосился на дверь. Цепь была ржавая. Трудно сказать, когда ее повесили. Судя по слою побелки на звеньях это было давно, но он мог ошибаться. Даже если так: кому понадобилось разгуливать под заводом? Диггерам? Исключено. Если бы диггеры действительно нашли этот тоннель, люк на заводе был бы давно свободен. Тот, кто повесил цепь, пытался себя обезопасить. Он скрывался. Этот же человек мог подняться в цеха после того, как он освободил проход. На ум пришел выпотрошенный труп собаки. Животное убили совсем недавно.

- Думаешь, он там? – жалобно протянул Костя.

Дима искусственно улыбнулся. Сказать правду – значит вернуться домой. Костя ни за что не согласится идти туда, где бродит подземное чудовище. Наверняка он подумает именно об этом.

- Нет, конечно, – заверил Дима, передав ему фонарик. – Ее повесили давно. Тот, кто это сделал, не будет сидеть там так долго.
- Уверен?

Получив в распоряжение два фонарика, Костя развел руки, посветив в оба конца помещения.

- Более чем. – Дима ободряюще похлопал трусишку по плечу. – Дверь очень прочная. Значит, там есть на что посмотреть. Представляешь, если мы найдем Китеж-град или библиотеку Ивана Грозного. Неужели тебе не интересно, куда ведет тоннель?
- Мне все равно.

Дима вынул из сумки кусачки с длинными ручками, толкнул дверь и просунул инструмент в щель. Две острые клешни ухватились за проволоку. Раздался глухой щелчок. Проволока лопнула. Дима отошел и изо всех сил ударил ногой по двери. Раз, другой, третий. Цепь повисла на ржавых петлях. Дверь с грохотом ударилась о стену.

Положив кусачки в сумку, Дима забрал фонарик и шагнул вперед. Он ожидал увидеть все что угодно, но получил очередной тоннель, который закончился тупиком. Оглянувшись, он заметил, как в полумраке торжествующе сверкнули очки Кости. Он был готов идти назад.

- Ты все посмотрел? – спросил паренек с томной улыбочкой.

- Не может быть! Зачем тогда все эти двери и лестницы?
- Может, это убежище строил какой-нибудь сумасшедший.
- Не говори ерунды. Какой сумасшедший станет так заморачиваться?
- Заморачиваться? Восемь лестниц и два коридора – большое дело. Может быть, это был заводской тайник. Может его не успели закончить. Может быть, выход замуровали.

Дима не ответил. Он один знал правду, о которой Костя на радостях позабыл. Тот, кто взломал дверь, не мог прийти из ниоткуда. Для этого ему пришлось бы просочиться сквозь стену. В привидений Дима не верил. Подобрал сумку, он решительно зашагал вперед. Костя поспешил следом, умоляя все богов, которых знал, чтобы все закончилось именно здесь.

Его мольбы не были услышаны.

Узкое пространство огласил восторженный крик, не предвещавший ничего хорошего. Дима внезапно исчез в боковой стене, но желтое сияние фонарика осталось. Потом он появился вновь. На лице была улыбка.

- Невероятно! Оптическая иллюзия, как в пирамидах. Кажется, что тоннель обрывается. На самом деле здесь крутой поворот.
- А что за ним?
- Еще ступени.

Костя мучительно застонал. Заглянув за поворот, он увидел десятки бетонных ступеней покрытых густым слоем извести. Эта лестница оказалась длиннее и круче прочих, а по бокам из стен выступали держатели, на которых крепились деревянные перила.

- Не нравится мне это. Мы так не договаривались, – ворчал Костя, аккуратно переступая со ступеньки на ступеньку. – Давай вернемся. Ты ведь обещал только посмотреть.
- Успокойся. Этот тоннель заброшен. Тут некого бояться. Обещаю, после того как мы здесь все осмотрим, сразу поднимемся наверх. В следующий раз я вернусь уже без тебя, если ты, конечно, не передумаешь.
- Не передумаю.

С лестницы они сошли в узкий коридор, выложенный белым кафелем. Стены были выкрашены в темно-зеленый цвет. Лучи фонариков выхватили блестящий предмет, похожий на хирургический стол. Рядом стоял деревянный стул. Появились первые признаки человеческого жилья.

Через коридор они попали в просторное помещение, судя по виду включавшее в себя раздевалку, столовую и лабораторию. Вдоль левой стены от входа до выхода тянулась шеренга вещевых шкафчиков. В центре помещения в три ряда стояли металлические столы с припаянными к ножкам скамейками. У дверных проемов сверкали пыльными стеклами железные больничные шкафы. Под потолком на проводах висели керамические ламповые патроны.

Дима стал открывать шкафчики. Все оказались пусты. Осмотрев противоположную часть помещения, он нашел несколько кухонных плит старого образца. Кое-где на полках лежала алюминиевая посуда. Под разбитой раковиной стояло ведро, наполненное осколками кафеля.

Костя стоял у входа, с недоверием осматривая подземное убежище. Бросая луч света с одного конца помещения в другой, он не сразу услышал голос Димы.

- Тоже это заметил? Странно, правда? – произнес он, разглядывая огромный стеллаж.
- Мне здесь все кажется странным.
- Только посмотри. – Он открыл дверцу, зажатую в металлические рамки. – Этот шкаф сборный, но даже в разобранном виде его сложно пронести по всем этим коридорам и лестницам.
- Ну и что?

- Люк в подвале аварийный. Где-то здесь есть настоящий выход, и он может соединиться с системой тоннелей метро.
- Ну и что?
- Как что? Ты понимаешь, что мы сделали открытие. Нашли настоящий бункер.
- Подумаешь. Просто бункер.
- По-твоему, Москва ими усеяна как лес грибами? Нельзя просто спуститься в колодец на Славянском бульваре и открыть секретный бункер. Говорят, под землей существуют целые города. И где они? Все это байки неудачливых диггеров, вынужденных исследовать забитые дерьмом коллекторы и заглядывать в киоски³. Друг отца говорил, что правительственное метро расположено очень глубоко и с поверхности туда не попасть. Чудо, что мы вообще нашли это место.
- Зачем же его построили так далеко от центра? Да еще под заводом?
- Кто знает. Может, это была одна из секретных баз «Метро-2». Возможно, мы станем первыми, кто попадет в систему тоннелей правительственного метро.
- Тогда нам лучше вернуться. Если мы на военном объекте, нас могут арестовать, а я не хочу в тюрьму. Мама говорит, что там плохо кормят.

Дух противоречия взял свое. Дима не удержался и презрительно рассмеялся. Нет, он единственный диггер в этой команде. Если бы сейчас из-за угла вышел солдат и внушил Косте, что нарушен закон, а затем отдал приказ отжиматься, паренек выложился бы по полной не задумываясь.

- Здесь нет охраны, – объяснил Дима. – Бункер заброшен минимум полвека. Никто не поймет, что мы здесь были, а если и узнает, то не сможет это доказать... Что касается тюрьмы, то у молодых парней там есть проблемы покруче плохой еды.
- Это какие?
- Потом расскажу. Давай лучше осмотримся. Вдруг найдем что-нибудь ценное.

Чувство опасности притупилось. Вероятность, что они встретят кого-то так глубоко под землей, была ничтожно мала. Бункер был пуст. Здесь не было ни воды, ни свежего воздуха, ни света. Никто не станет жить в такой пыльной яме.

Дима осмотрел следующий коридор. В двух первых комнатах не было ничего, кроме пыли. Миновав поворот, они нашли еще восемь дверных проемов. Первые шесть комнат оказались пусты. Под потолком тянулись трубы, а из стен торчали куски обрезанных проводов. В последних двух из пола выступали длинные шурупы. Скорее всего, здесь были комнаты отдыха. Дима представил, как сюда входят рабочие, как они снимают обувь и засыпают на мягких койках. Кто-то читает книгу, кто-то играет в шашки, кто-то проходит мимо в столовую. Сейчас никого из них, скорее всего, не было в живых.

Вскоре коридор вывел их в просторный зал. Дальше темнела металлическая дверь со стеклянным окошком. Рядом с выходом Дима заметил еще одну комнату. Внутри были три алюминиевых полки, на одной из которых стояла пыльная трехлитровая банка. Мебель отсутствовала. На полу складками пузырился линолеум. Теперь никто не узнает, что представлял собой подземный комплекс до закрытия. Те, кто его покинули, умели замечать следы.

Вернувшись во внешний зал, они подступили к последней преграде. Дрожащей рукой Дима толкнул дверь. Она оказалась не заперта. В лицо ударил ветер, свободно гулявший по открытой площадке за ней. Взорам их предстали два ряда квадратных колонн, соединенных поперечными блоками под арочным сводом. Дима смело пошел вперед, освещая пространство вокруг себя. Судя по размерам, это была недостроенная платформа метрополитена, составленная из широких бетонных плит. Внизу когда-то лежали деревянные шпалы, со временем превратившиеся в вязкую труху. Выходов на поверхность поблизости не было. Зато по обе стороны перрона в оба конца вели два тоннеля. Стены тоннелей были обделаны толстым чугунным тьюбингом, что указывало на

³Киоск – наземная постройка, перекрывающая доступ в вентиляционную шахту метрополитена.

большое давление сверху. Двухэтажное кирпичное здание жилого комплекса, судя по всему, было возведено уже позднее.

С трепетом и волнением, как археолог, которому первым довелось открыть древнюю гробницу, Дима зашагал вдоль края перрона, осматривая высокий неф «станции-призрака». От отца он слышал о подобных станциях, затерянных в лабиринтах столичной подземки. Одна из них – «Стадион Спартак»⁴ была расположена в промежутке между «Тушинской» и «Щукинской». Однажды из вагона поезда ему даже удалось ее рассмотреть. Там был бетонный остров и ряды необработанных колонн. Обходчик упоминал не менее десяти «призраков», но Дима запомнил только три: «Советскую», «Стадион Спартак» и «Площадь Гагарина». Многие такие станции были переоборудованы в склады или цеха и всегда хорошо охранялись. Как раз этим безымянная станция и отличалась от других. Ее никто не охранял, про нее никто не знал, кроме, разумеется, начальства метрополитена. Другая особенность заключалась в отсутствии электроэнергии, которой была снабжена даже пустующая «Стадион Спартак». Покрытые пылью лампочки и толстый черный кабель, закрепленные на путевых стенах, уже давно не пропускали ток.

Дима остановился. Кое-где внизу в кучах гниющего дерева он заметил ржавые клинья. Значит, были рельсы. Тоннели могли примыкать к основным линиям метрополитена или к веткам «Метро-2», а дальше вести в тупик или в пошёрстный съезд. Перрон был длинным и широким. Идеальное место для склада или перегона составов. Странно, что станцию не использовали.

Осмотрев перрон, Дима вернулся к Косте. Тот по-прежнему стоял у двери.

- Что скажешь? Перед тобой настоящая станция-призрак.
- Потрясающе.
- Согласен, – улыбнулся Дима, окинув взглядом высокий свод. – Интересно, зачем она здесь? Почему единственный выход ведет в сталелитейный завод? Почему выглядит так, будто это не станция вовсе, а какой-то подземный отель?
- И почему здесь эти колонны?
- Как раз в этом нет ничего странного. При постройке сильно подняли потолок, как на «Автозаводской». Возможно, это и послужило поводом для закрытия. – Дима осветил фонариком вверх, указав лучом на трещины в сводчатом пространстве. – В чем-то ты все же прав. Здесь не центр. Странно, что решили возвести такой высокий неф на граничной станции?

Костя промолчал.

- Станцию построили лет тридцать назад, – предположил Дима. – Когда-то здесь ходили поезда. Рабочие успели придать ей нужный вид, но с отделкой повременили. Затем ее превратили в бункер. Потом решили возвести это здание, соединив его с заводом. Долгое время здесь было нечто вроде жилого цеха, но потом что-то случилось. Они собрали оборудование, забрали мебель, сняли рельсы и обесточили окрестности.
- И как ты думаешь, что могло случиться?
- Все что угодно, – улыбнулся Дима, но, заметив, как паренек вздрогнул, поспешил добавить. – Едва ли им угрожала опасность.
- Почему же они съехали?
- Не знаю. Давай лучше проверим, куда ведут тоннели. Если там тупик мы точно будем знать, что на этой стороне платформы делать нечего.
- Нам и здесь-то делать нечего! Вернемся, пожалуйста.
- Если хочешь скорее убраться, сходи к тому краю перрона и посвети в тоннель, – предложил ему Дима.

Он заранее знал, каким будет ответ, но Костя его удивил. Паренек выпятил нижнюю губу, поправил каску и поплелся выполнять поручение. Клин клином вышибает. Хотел того Костик или нет, – он начал борьбу со страхом против своей воли.

⁴ «Стадион Спартак» – недостроенная станция Таганско-Краснопресненской линии.

Дима пошел в противоположную сторону. Он хотел осмотреть как можно больше укромных мест подземного комплекса, прежде чем друг вынудит его подняться наверх. Станция заслуживала внимания диггеров. Все-таки придется рассказать о находке отцу. Интересно, что старик скажет, когда узнает, что его сын самостоятельно открыл неизвестную станцию метро? Кстати, стоило еще подумать о том, как ее назвать. Он первооткрыватель, значит, и имя ей должен придумать тоже он. Как насчет «Димовская» или «Скворцовская». Нет. Тогда подумают, что они открыли ее всей семьей.

Уйдя в мечты, Дима споткнулся и упал, едва не расквасив себе нос. Нога задела металлический брус. Поднявшись, он осветил квадратную раму, привинченную к бетонной плите. Возможно, на этом месте раньше стоял кран. Тогда понятно, зачем подняли потолок.

Дима хотел спуститься в тоннель, когда издалека донесся пронзительный визг, сильно смахивающий на женский. Повернувшись, он заметил в темноте пляшущий луч фонарика. Бросившись на помощь товарищу, Дима пытался представить, что могло произойти. Он слышал, что с новичками под землей часто случались странные вещи. Кто-то слышал зловещие голоса, кто-то терял сознание, иные впадали в панику и причиняли себе вред. Под землей многое случается и слабым людям там лучше не задерживаться.

Найти паникера не составило труда. В свете фонарика он увидел прыщавое лицо, искаженное гримасой ужаса.

- Я слышал, я слышал... – задыхаясь, выпалил Костя.
- Да. Я знаю. Здесь темно, всякое случается, – успокаивающим голосом произнес Дима. – Ты думал, что слышишь что-то, и услышал то, что хотел услышать. Не бери в голову. Что бы тебе ни померещилось, здесь этого нет.
- Я слышал! Я слышал! Клянусь, я слышал!

Поставив сумку, он схватил дрожащего паренька за плечи и несколько раз хорошенько встряхнул, но тот не унимался.

- Ну, успокойся. Что ты слышал?
- Это было похоже на... – Костя выдавил из себя звук, который и впрямь получился жутковатым. – Я слышал детский смех.

Дима вздрогнул. Не удивительно, что паренек испугался. Услышал бы он это сдавленное кряхтение во тьме перед собой, сам потерял бы голову.

- Теперь выслушай меня внимательно, – громко и четко произнес Дима. – Все что ты слышал – игра воображения. Под землей у людей часто возникают галлюцинации. Ты мог увидеть кого угодно от Ленина до своего Дарта Вейдера, услышать звук приближающегося поезда или звон мечей. Только посмотри где мы! Вдалеке от линии метро на заброшенной станции без входов и выходов. Никому в целом мире не придет в голову к нам спуститься. Здесь даже крыс нет, чего уж говорить о людях.
- Я крыс не боюсь, – солгал Костя, поглядывая в сторону тоннеля. – Я боюсь привидений.
- По-твоему, смеялся призрак?
- Да! Такое может быть?
- Забудь! Такого не бывает, – отмел Дима, соскочив с перрона.
- Ты что делаешь? Я туда не пойду ни за какие коврижки!
- Тогда жди меня здесь, – улыбнулся Дима, понимая, что вновь не оставил ему выбора.
- Нет! Нет! Нет! – в истерике заверещал паренек, топая ногами. – Мы так не договаривались. Ты обещал заглянуть и обратно.
- Конечно, обещал. Заглянем туда и сразу обратно. Клянусь.
- Без меня.

Костя повернулся и зашагал к выходу. Дима растерялся. В одиночку паренек мог наделать глупостей. Он забрался на перрон, намереваясь задержать дезертира, но тот

остановился сам. Костя так и остался стоять на месте, уставившись в пол, пока он к нему не подошел.

- Только не волнуйся. Я знаю, нам пора уходить. Позволь осмотреть тот тоннель, и мы вернемся домой. – Дима умолк, заметив, что товарищ его не слушает.
- Я что-то нашел...

Луч фонарика осветил след рабочего ботинка, отпечатавшийся на бетонной плите. Дрожащими пальцами Дима коснулся пола. Грязь с подошвы была влажной.

- Мне это снится, – упавшим голосом произнес он.

Отпечаток был огромным. Дима почувствовал, как внутри зреет страх. Наверное, похожий страх испытал Робинзон Крузо, когда обнаружил на необитаемом острове след человеческой ступни. Вот только у Крузо был ствол, а у них пара ножей да кусачки.

- Бежим отсюда! – опомнился Костя, сунув руку в карман штанов, где лежал нож. Дима сгреб друга в охапку, зажал ему рот и утащил за колонну.
- С ума сошел? Посмотри, куда следы ведут.

Грязные отпечатки подошв тянулись за приоткрытую дверь.

- Хочешь там с ним встретиться?
- С кем?
- Не знаю. Может, местный бомжара. Не представляю, что ему тут понадобилось.
- Это ты виноват. Если бы мы остались дома, ничего бы не случилось.
- Уймись. Пока ничего и не случилось.

Дима осмотрел перрон. Вереница следов начиналась за колонной напротив и уводила к краю. Кто бы ни был этот человек, он пришел из тоннеля. Забрался на перрон и следил, выжидая, пока они разойдутся. Но кто мог жить так глубоко под землей? Он сразу их не тронул, тогда стоит ли его опасаться? Вспомнив выпотрошенный труп собаки, Дима решил, что стоит.

- Не понимаю, почему мы его не услышали? В такой обуви трудно передвигаться бесшумно. Он ведь прошел в пяти метрах от нас.
- Что ему нужно?
- Ничего. Думаю, что нас он не тронет.
- Я домой хочу, – всхлипнул Костя, уронив голову на плечо. Широкая каска слетела с макушки и заскакала по бетону.

Дима кинулся ее ловить, но звон стекла заставил вернуться обратно. Незнакомец находился прямо возле выхода и, судя по опрокинутой банке, настроение у него было так себе. Оттащив товарища к краю перрона, Дима бесшумно соскочил вниз и подобрал сумку. Костя сбросил себя следом, угодив локтями в разлагающееся дерево. Кашляя и фыркая, он барахтался в зловонном компосте до тех пор, пока Дима не помог ему подняться.

Стараясь ступать как можно тише, они ушли в тоннель. Неподалеку от входа Дима обнаружил глубокий задел. Забравшись туда, они выключили фонарики и затаились.

- Я понял, – раздался шепоток в темноте. – Это он смеялся.
- Кто? Ребенок?
- Никакой это не ребенок. Я таких больших лапищ сроду не видел.
- Разумеется, ты же раз в полгода на улицу выходишь.
- А вдруг это тролль или подземный демон?
- Эй! Не надо здесь такое говорить, – осадил фантазера Дима, понимая, что такой вариант не выдумал бы даже под кайфом. – Нет здесь никаких сказочных уродов. Вот что я думаю: это какой-то свихнувшийся обходчик или одичавший бомж, живущий в канализации. Я слышал, что у людей, долго работающих под землей, иногда крышу сносит. Таким нечего терять, вот они и устраивают беспредел.

Дима в отчаяние плюнул.

- Прости, что втянул тебя в это.

- Нужно было вернуться сразу после того, как ты сорвал ту цепь! Он, наверное, пришел на шум.
- Но я же не знал, – солгал Дима.
- Как же. Не знал он. Сам сказал, что тут опасно.
- Нужно было остаться дома. Первый раз в жизни ты оказался прав.
- Первый раз?

Со стороны платформы раздался глухой удар. Оба насторожились. Наступила тишина, вслед за которой раздались крадущиеся шаги. Дима, не размышляя, рванул в тоннель, прижимая сумку к груди. Костик сорвался следом, едва поспевая за товарищем. За спиной раздался тяжелый топот.

Под ногами попадались ямы и кучи гнилой древесины. Пришлось включить фонарики. Желтоватые лучи скользили по полу и вогнутым стенам, покрытым наростами белого грибка. Грохот ботинок нарастал. Глотая ртом влажный воздух, Дима понимал, что надолго их не хватит, но долго бежать и не пришлось. Постепенно тоннель стал уводить влево и вскоре соединился с соседним, оказавшись пошёрстным съездом.

Дима собрался бежать обратно к станции, но тут внимание его привлекло узкое отверстие в стене. Это был недостроенный задел. Рядом лежали продолговатые бетонные блоки и кучи битого кирпича. Даже в тяжелых ботинках преследователь передвигался очень быстро. Слушая хрип товарища за спиной, Дима понял, что до станции пареньку не добраться.

Толкнув хнычущего Костика в задел, он заставил его выключить фонарик. В темноте, под звук гремящих ботинок они забрались в дыру. Пришлось все время ползти вперед, пригибаясь под низким сводом коридора. Первым полз Дима, толкая перед собой сумку, Костя следом, не переставал бормотать молитву, которую знал так же плохо как собственный двор.

Они долго ползли вперед, изредка поворачивая то влево, то вправо, упираясь в шершавые стены и натываясь на ниши. Ладони скользили по холодному полу, задевали осколки камней. Это был не коридор. Место, в которое они попали, больше смахивало на какую-то нору. Дима готов был поклясться, что со стен стекают ручейки воды. Одному Богу было известно, куда занесло их теперь.

Издрав в кровь ладони, Дима заставил себя остановиться. Ползти дальше – самоубийство. К тому же преследователя давно не было слышно. По всей видимости, бомжара решил, что они убежали в соседний тоннель и теперь ищет там. Все что от них требовалось – отсидеться в темноте, а затем на свой страх и риск вернуться на станцию. Так они и решили сделать.

Прошла минута. Вторая. Третья. Снаружи послышалось приглушенное царпанье, словно кто-то тащил по земле тяжелый предмет. Диме это не понравилось. Включив фонарик, он увидел Костю. Паренек сидел в овальной нише чуть живой, зажимая уши грязными ладонями. Волосы растрепались. Очки съехали набок. Мужества ему не хватало даже чтобы осмотреться. Дима взял его за руки и заставил слушать. Очень важно теперь было собраться и действовать правильно. Они попали в самый настоящий природный тоннель, вымытый водой в пластах известняка. По всей видимости, строители станции случайно пробились в систему карстовых пещер. Если в грунте под ними были пустоты, это многое объясняло. Возможно, станцию признали аварийным участком, и она могла осесть под землю.

Снаружи снова раздалось царпанье. Костя громко заплакал и стал вытирать глаза, даже не удосужившись снять очки. Еще никогда за один день он не лил столько слез, а все по вине друга, решившего интересно провести время.

У входа тем временем рухнуло что-то тяжелое, с хрустом подмяв под себя осколки кирпича.

- Он нас не выпустит, – догадался Дима.

– Как?! Почему?! Зачем?! – на одном дыхании выпалил Костя, прежде чем тот успел зажать ему рот.

Возня на какое-то время прекратилась, но потом возобновилась с удвоенной скоростью. Снова послышалось царапанье. Ненормальный, по всей видимости, тащил еще что-то. У Димы сдали нервы. Приказав другу сторожить сумку, он пополз обратно, собираясь умолять сумасшедшего о пощаде. Миновав три поворота, Дима достиг выхода. Впрочем, выходом это теперь мог назвать разве что обладатель отбойного молотка. Трещину в стене закрывали два бетонных блока.

Припав ухом к стене, он прислушался к удаляющемуся звуку шагов. Мерзавец ушел, но что он натворил? Дима с трудом унял дрожь. Незнакомец каким-то образом перетащил двухсоткилограммовые блоки и загородил ими выход. Он замуровал их заживо!

Чувствуя, как слезы катятся по горящим щекам, Дима вовремя опомнился. С ним уже был один плакса и трус. К чему плодиться? Собравшись с силами, Дима вернулся обратно и обнял за плечи дрожащего паренька.

- Слушай меня внимательно. Ты, наверное, уже понял, что мы в большой беде.
- Еще бы. Все по твоей милости! – огрызнулся Костик, сбросив его руки с плеч.
- Согласен, я виноват. Но откуда я мог знать?
- Ты должен был это предвидеть. Ты ведь под землей бывал не раз.

Костя включил фонарик и тут же его лишился.

- Мы должны экономить свет. У меня с собой коробок спичек, два фальшфейера, четыре свечи и аккумуляторы. Свет под землей важнее воды. Если хочешь здесь выжить...
- Не хочу я здесь жить. Я не Голлум. Давай вернемся на станцию.
- Боюсь, станция теперь для нас закрыта.
- Объясни-ка.
- Это ненормальный замуровал выход двумя бетонными блоками. Будь мы вдесятером, все равно не смогли бы их подвинуть.
- Хочешь сказать, это навсегда?

Ответом ему было молчание. Костя как-то странно на него посмотрел, потом развернулся и пополз к выходу. Глаза закатились. Очки съехали на нос. Челюсть отверзлась. Дима никогда раньше не видел, чтобы человек был до такой степени напуган.

У первого поворота он ударился головой об стену, потом еще раз, еще... Дима успел схватить его и повалить на пол. Костя стал вырываться, скулить и кусаться. Подняв под себя извивающегося паренька, Дима ударил его по щеке. Все прошло. Костя перестал шевелиться, продолжая тихо плакать. Дима зачерпнул воды из лужицы и дотронулся мокрой ладонью до его лба. Приподнял очки и осветил в глаза фонариком.

- Я знаю, тебе страшно, но слезами горю не поможешь. Да. Мы здесь одни, но отчаиваться рано. Есть еда, вода и свет. Есть путь, а выход мы обязательно найдем.
- Это ты виноват.
- Проклятье! Черт! Я в такой же опасности, как и ты! Хватит меня винить!

От криков Костя пришел в себя. Глядя на перепуганного друга, Дима и сам испугался. Они еще ничего не предприняли, а он уже сорвался. Выходит не так уж он и силен. Костя заполз в первую попавшуюся нишу и стал бросать оттуда злобные взгляды.

- Прости, пожалуйста. Пойми, Костян, я просто спустился под землю. Я делал это много раз. Ничего опасного я здесь не ожидал найти.
- Врешь! Ты знал, что внизу будет что-то опасное, иначе не заставил бы меня пойти с тобой. Ты знал, ты виноват! – закричал он, не пытаясь поправить съехавшие очки.
- Я уже говорил, почему взял тебя с собой.
- Это ты виноват.

Дима глубоко вздохнул. Бесплезно объяснять. Сейчас Костя напоминал старенький компьютер – он конкретно завис.

- Ты виноват! – взвизгнул Костя. – Виноват! Виноват! Виноват!

– Я ни в чем не виноват, – громко и внятно произнес он, еще раз глубоко вздохнув.

В первую очередь Дима хотел убедить в этом себя. Как-то раз отец рассказал ему историю об альпинистах, погребенных под снежной лавиной. Под воздействием страха люди перестают себя контролировать. Их не волнуют приличия и нормы поведения. Срабатывает инстинкт самосохранения. Даже лучшие друзья рискуют растерзать друг друга. То же самое случилось и с альпинистами. Проголодавшись, они убили и съели паникера-товарища. Главное не терять голову и постараться вспомнить, что там наверху они – Константин Немоляев и Дмитрий Скворцов – обыкновенные, ну или почти обыкновенные люди.

– Ты виноват... – еще раз в полузабытье повторил Костя, зажав голову между коленей.

– Я постараюсь тебе помочь, друг, – натянуто произнес Дима, раз и навсегда подавив злость. – У нас есть литровая фляжка воды, хлебцы, четыре комплекта аккумуляторов, два фальшфейера и восковые свечи. У меня с собой десять метров крепкого троса, страховка и много чего еще. Все это поможет нам выжить.

– Я никуда не пойду. Родители будут меня искать.

– Сам подумай, что ты говоришь, Костян!

– Я с тобой никуда не пойду, предатель.

Дима не на шутку испугался. Если Костик что-то решил, его уже не переубедить. Неужели придется бросить его здесь? Дима понимал, что паренек не в себе, но если сейчас уползти на поиски выхода, может сложиться так, что назад вернуться он уже не сможет.

– Пожалуйста, вставай. Нам нужно выбраться отсюда и вернуться домой. Если останешься – умрешь от переохлаждения.

– Отвали! Ты мне больше не друг!

– Костян?

– Убирайся! – в истерике завизжал тот.

Вернув товарищу фонарик, он взял сумку и пополз вперед. Паренек это понял и заревел еще громче. Дима стиснул зубы. В груди клокотали обида и злоба. Оставаться с человеком, который открыто его ненавидит, он не мог. Так недолго и с ума сойти. Сейчас больше всего на свете Дима боялся именно этого. Если бы он действительно потерял голову, а Костя по глупости бросился на него с ножом, исход неравной схватки был бы предрешен.

Итак, он оставил друга, чтобы обезопасить его от самого себя. Найдя убедительное оправдание своему предательству, Дима пополз быстрее. Он не будет уходить далеко. Просто разведает, что впереди и сразу вернется назад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КАРСТОВЫЙ ДВОРЕЦ

*В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.*

Сэмюэл Кольридж, «Кубла Хан или Видение во сне»

Капитан милиции Алексеев стоял у края платформы станции «Марксистская», с каждой минутой сильнее жалея, что впутался в эту историю. Облаченный в жесткую форму, с потертой кобурой у пояса, он держал руки за спиной, разглядывая тюбинговую оболочку тоннеля. Этим вечером у него были все шансы остаться дома и хорошенько

выспаться, если бы он сделал все правильно. Сначала даже показалось, что ему несказанно повезло, тем более после звонка знакомого следователя из Вешняков. Тот расследовал малоприятное дело в одном из спальных районов на краю лесопарка «Кусково», где утром, по слухам жильцов, группа бритоголовых убила в подвальном магазине продавца-молдаванина. Алексееву едва не поручили подобное дело. С убийствами всегда много возни, много бумажной волокиты и море нервов. Используя всю свою хитрость и проницательность, ему удалось взяться за исчезновение обходчика в метро. Рейд в подземку, где, по некоторым данным, пропал старик-алкаш, представлялся минутным делом. Кто же знал, что обнаружатся еще несколько случаев исчезновения, за которыми стоял грозный призрак-убийца из советского прошлого. Алексеев ухмыльнулся.

По его приказу на станции «Третьяковская» в тоннель спустились два оперативника с собакой, чтобы прочесать место преступления вплоть до «Площади Ильича». Именно там, со слов работников Службы пути, последний раз видели Петренко Игоря Денисовича, бесследно исчезнувшего в разгар смены.

Сам Алексеев был убежденным реалистом. Его теоретическая философия была проста и неоспорима. Человеческое тело, конечно, может бесследно исчезнуть, например, в серной кислоте. Поскольку по московскому метро не мог разгуливать второй Джон Хэйг⁵, логично было предположить, что Петренко все-таки где-то значился. Дома старик не появлялся. В запертом шкафчике была найдена его одежда, паспорт и смарт-карта. Спецовку и инвентарь он не сдавал. Пределов метрополитена не покидал. Подсобки и кладовые, где мог схорониться обходчик, были своевременно проверены. Рабочий числился среди мертвых уже сутки. Им предстояло найти лишь тело или хотя бы его кусочек, чтобы установить причину смерти.

В призраков, о которых ему успел напеть Николенко Павел Петрович, друг и напарник пропавшего старика, Алексеев не верил. Совершенно очевидно, что тот бородатый мужик был матерый алкаш, может быть даже двинутый. Только сумасшедший стал бы утверждать, что его напарника забрал призрак Виталия Косматского с киркой вместо руки.

Единственное, что пока не укладывалось в голове Алексеева, так это скорость с которой пропал Петренко. Прошло двенадцать минут, прежде чем из тоннеля вышел путевой монтер Юрий Бычков. Спустя десять минут из того же тоннеля пришел помощник бригадира Сергей Кравцов. Оба никого не встретили. Еще через полчаса сотрудники метрополитена прочесали пути от станции до станции, но следов пропавшего не обнаружили. Это и казалось странным, ведь, в отличие от кольцевой линии, здешние пути не располагали системой соединительных коридоров. Единственный выход из тоннеля лежал через сквозной проход генераторной, выводивший на соседний путь в сторону «Новогиреево». Тем не менее, замок на дверях был цел. Ключей от него у Петренко не было.

Алексеев недовольно сощурился, всеми силами пытаясь найти убедительную зацепку для рапорта. Рядом с платформой был еще передаточный тоннель, соединенный с двумя соседними линиями, но его надежно перекрывали гермоворота. Железным аргументом в пользу исчезновения послужили данные с камер видеонаблюдения, на которых фиксировалось точное время, когда рабочий ушел в тоннель. Камеры на двух других станциях так и вовсе ничего не зафиксировали. Выходит, что всего за сорок две минуты тело Петренко Игоря Денисовича бесследно исчезло где-то во мраке между «Марксистской» и «Площадью Ильича».

Безупречная логика расставила все на свои места. Она же и завела в тупик. Впрочем, насколько бесследно исчез обходчик, объявят те, кто сейчас бороздил тоннель. С ними была специально обученная сука по кличке Сканер, надо сказать, одна из лучших в своем деле, за пять лет обнюхавшая более трех сотен покойников. Если уж псина не найдет

---

⁵ Джон Д. Хэйг – британский серийный убийца, опускавший тела своих жертв в ванну с кислотой.

никаких следов, тогда ему придется признать, что дело действительно нечисто (в плане нечистой силы).

За спиной раздалось деликатное покашливание. Капитан молниеносно развернулся, увидев перед собой высокого худощавого человека в черном спортивном костюме. Первое что бросилось Алексееву в глаза – длинный крючковатый нос с горбинкой. Безвольный подбородок едва выдавался из-под нижней губы. Глаза виновато опущены. Тонкие пальцы теребили затертую ткань.

«Обыкновенная размазня. Нескладный, бесхарактерный исполнитель», – сходу заключил Алексеев. Ко всему прочему доходяга трясся так, словно его собирались вешать. Бывает, люди теряются в присутствии представителя власти, но, скорее всего, этот подземный житель всегда был таким. Представившись Заместителем линейного начальника, он услужливо пожал ему руку и весь сгорбился, спрятав слабые конечности в карманы.

– Капитан милиции Алексеев Григорий Дмитриевич, – представился страж порядка, сложив руки за спину.

Первый вопрос, который он решил ему задать, был вполне уместным:

– Где же сам Линейный начальник?

– Ну... у него было дело... – вяло протянул тот, стараясь не смотреть капитану в глаза.

– Что ж, раз у него действительно было дело, придется мне побеседовать с вами, – ответил Алексеев, специально придав голосу строгости. – Как вас зовут?

– Э-э-э, Зайцев Федор Геннадьевич. Вы меня простите, вообще-то я временно замещаю Заместителя линейного начальника.

Даже теоретику Алексееву сей каламбур показался мудреным. Не став разбираться, каким образом в метро чередуются заместители, он кивнул, перейдя к сути:

– Очень хорошо, Федор. Буду рад, если вы поможете следствию. Расскажите мне подробно об исчезновении. Кем был Петренко Игорь Денисович? Поступали на него жалобы? Что его связывало с другими пропавшими?

– То есть, как? – глаза доходяги панически забегали, неубедительно изобразив удивление. – У нас никто не пропадал.

– Для начала расскажите о Петренко. Он как-нибудь проявил себя за годы работы?

– Ну, э-э-э, что тут можно сказать. Ему было за пятьдесят. Ветеран труда. Работал в Службе пути с семьдесят четвертого года. Любил поворчать, но жалоб на него не поступало. Хотя, признаться, старик пил, и пил много, но к работе относился добросовестно, не то что некоторые сотрудники. – Федор злобно зыркнул куда-то в сторону. – Игорь работал в паре с нашим бывшим обходчиком Николенко Павлом Петровичем. Хороший был мужик, жаль нервы слабые. Он недавно к нам устроился и уволился сразу после того случая. Удерживать мы его не стали.

– Мы уже беседовали с ним в отделении. Психически неуравновешенный субъект, – сухо заметил Алексеев.

– Я бы не стал так отзываться о несчастном человеке. Да, он был не в себе, когда рассказывал ту историю, но это не повод считать его ненормальным, хотя сначала именно об этом все и подумали. Юрий Бычков так и вовсе проигнорировал, когда Павел стал кричать об исчезновении напарника.

– Что Бычков делал в том тоннеле? Павел говорил, что он из другой бригады.

– Это верно. Его послали на «Марксистскую» за сварочным аппаратом, но он его не нашел и вместо того чтобы вернуться, решил поискать на другой станции. Бычков у нас инициативный. – Федор Зайцев виновато пожал плечами. – Встретив Павла, Юрий подумал, будто тот пьян и пошел по своим делам. Когда старика недосчитались на сходке, бригада повернула назад. Стали его искать, но он как сквозь землю провалился.

- Все это нам давно известно. Расскажите о других исчезновениях. Почему вы вызвали нас только теперь?
- Так ничего же не было, – широко заулыбался зам, оскалив фаланги белоснежных зубов. – Поймите, у нас в штате более тридцати тысяч сотрудников. Людям порой удастся проскочить без пропуска. Иногда случается какая-нибудь авария. Работников перебрасывают на другие объекты. Кто-то увольняется, кого-то увольняют, многие этого не замечают. Потом молодежь сочиняет сказки, мол, пропали, испарились, умерли и еще черт те что! И ведь такого раньше не было. О призраках никто не вспоминал. Все началось меньше года назад. Кто-то стал придумывать байки. Остальным это понравилось. Вот за таких фантазеров и приходится извиняться.
- Что же, хотите сказать, что у вас никогда рабочие не погибали и не исчезали?
- Что вы! – испугался Федор, энергично замахав руками, словно собирался взлететь. – Очень давно и то во время закладки нового тоннеля. Всем рабочим и пассажирам наше предприятие гарантирует полную безопасность.
- В любом случае, от одного из ваших сотрудников поступило заявление. Мы обязаны проверить.
- Не могли бы вы сказать, от кого именно?
- Это конфиденциальная информация.
- Понимаю.

Зам поспешно кивнул, потирая руки. Из тоннеля стали доноситься голоса коллег. Давно пора. Алексеев решил не терять зря время и перешел к сути.

- Что скажете по поводу Петренко? Есть предположения, куда исчезло тело?
- Тело? – Доходягу аж передернуло, отчего его худое лицо стало похоже на чернослив. – Что вы! Что вы! У нас на каждой станции патрули и камеры. Все работники проходят специальный инструктаж. Ему бы ни за что не позволили просто так... вот...
- Что же, он просто испарился?
- Поймите меня правильно и простите. Я человек образованный и в эту потустороннюю тематику не верю, да и вы, наверное, тоже. В жизни всякое случается. Найдется старик. Слышал, однажды в Воронеже мужчина пошел в магазин за хлебом и исчез. Вернулся жив-здоров через неделю и...
- Этот мужчина случайно не на улице Лизюкова жил? – ввернул капитан, поймав недоумевающий взгляд зама. – Не важно. И все же, если Петренко не умер, то где же он? Неужели крысы утащили?
- Какие крысы! Какие крысы! У нас в метро им просто нечего есть! Какие крысы!

Алексеев тяжело вздохнул, подозревая, что этого человека подослали сюда неслучайно. Кроме вораха пустых извинений он больше ничего от него не добьется. Капитан уже собирался распрощаться, но внезапно Зайцев исправился:

- Впрочем, подождите. Есть у нас одна история. Сам я в нее не верю, но она единственная, что была здесь и будет.
- Случайно не о ржавой кирке и шахтере Косматском?
- Клянусь, эта история всегда была здесь. Может быть, из-за нее и стали сочинять все эти сказки. Не знаю. В общем, был такой шахтер...
- Уже слышал, – резко оборвал Алексеев, дав понять, что с бредом покончено. – Павел Петрович мне ее досконально пересказал, причем с парой альтернативных концовок. Вы лучше скажите, почему у вас в тоннелях то и дело свет гаснет? Кто-то из ваших говорит, что это проделки тех самых покойников с того света.
- Понятия не имею. Я в тоннелях не работаю.
- Вот как? Тем не менее, Павел мне рассказывал. Непорядок. Почините. Ведь человек, возможно, пропал из-за этого.

- Обязательно. Мы этим уже занимаемся. Обязательно. – Федор вдруг засуетился, оглянулся, как будто ждал кого-то, и взволнованно помотал головой.
- Что-то случилось?
- Э-э-э, у вас часов не найдется? – он указал в сторону тоннеля. – Эти почему-то не работают, а я свои на рабочем месте оставил. Беда, беда.

Алексеев взглянул на доходягу, тяжело вздохнул и вытянул руку с блестящими командирскими часами. Федор подождал немного, потом сообразил, что капитан не собирается говорить ему время, и посмотрел на циферблат сам. Почти два часа. Ночь только начинается.

- Вот это часы, – похвалил Федор, продолжая изучать матовый циферблат до тех пор, пока Алексеев не убрал руку.
- Именные. Коллеги подарили на день рождения. Работают в любых условиях. Водостойкие, противоударные, – не удержался от рекламы страж порядка. – Только такие в нашем нелегком деле и нужны. Жаль браслет слабый. Иногда без причины раскрывается.
- Так замените его.
- Обязательно. Прямо сейчас пойду и заменю.

Из тоннеля вышли два оперативника вооруженные автоматами Калашникова. За ними, повесив голову, бледный, как смерть, плелся обходчик в оранжевом жилете. Молодой оперативник держал на поводке немецкую овчарку, крепкую не только телом, но и нюхом. Собака медленно брела рядом с хозяином, с любопытством глядя по сторонам. Очевидно, что для нее работа здесь была окончена. Кинолог посмотрел на капитана и отрицательно мотнул головой. Этого Алексеев и боялся.

- Собака что-нибудь почуяла? Ну хоть на секунду?
- Ни следа.
- Были дыры в фундаменте? Ниши, куда можно спрятать тело?
- Нет.
- А вы пробовали подводить ее к стенам?
- Тоннель чист, товарищ капитан, – доложил второй – грузный здоровяк, недовольно теребивший предохранитель автомата. – Если бы там кто-то пасся, Сканер бы это учуяла.
- Кравцов, вы нашим гостям все показываете? – спросил Федор угрюмого обходчика.
- Там показывать нечего.

Алексеев внимательно посмотрел на Сергея Кравцова. Помощник бригадира был похож на чахлую поганку. Тощий, как жердь. Вытянутое лицо не выражало эмоций. Пальцы на руках мелко дрожали. Под глазами круги. По словам Павла, Кравцов, став помощником бригадира, сходу взял на себя роль шила в коллективной заднице. Раздражительный и суровый, он часто оставался на подработке, отчего стал похож на привидение. Кравцов отчитывал подчиненных по поводу и без, и всегда ходил один. От работы его освободили, но нельзя сказать, что обходчик был счастлив.

- Раз уж вы снова здесь, проверьте-ка вон тот тоннель. – Алексеев указал подчиненным на передаточный тоннель, в который от главного пути тянулись две блестящие полосы рельс.

Оба понуро глянули на командира. Кравцов это заметил и томно улыбнулся. Громадный оперативник изобразил недовольство на лице и произнес вполборота:

- Там же тупик.
- И что? – нахмурился Алексеев, на всякий случай бросив кинологу свой фонарик. – Если хочешь домой, Гнат, то я тебя огорчу. Мы здесь до утра будем.
- Гермоворота нельзя открыть из тоннеля. Это делает оператор согласно установленной инструкции и только после извещения поездного диспетчера, – тактично пояснил Зайцев. – Очень редко межлинейник используется для перегона

мотовозов и грузовых поездов с кольцевой линии, но пешие переходы по нему воспрещаются. Если вы считаете, что наши работники без разрешения...

- Я не считаю. Я предполагаю. Действуйте, сержант.
- Так точно, капитан.
- Встретимся через двадцать минут на другом конце перрона. Я хочу кое-что проверить.
- Через двадцать минут, – повторил для себя кинолог, поправив автомат.
- Кравцов, веди их, – повелительно махнул рукой Зайцев.

Кравцов что-то проворчал и повернулся к заму спиной. Все трое вернулись в тоннель. Кинолог повел овчарку вперед. Глядя им вслед, Алексеев услышал удаляющиеся голоса громилы-оперативника и доходяги-обходчика:

- Ты чего такой бледный? Разного рода наркотические вещества употребляешь?
- Отработай семь ночей подряд. Посмотрю я тогда на тебя.

Алексеев задумался. Ни следов, ни запахов. Старик как сквозь землю провалился. Полный висяк. Он думал именно об этом, потому что улики отсутствовали. Был рабочий – нет рабочего, как в сказке какой-то. На данном этапе следствия Алексеев располагал только одной версией, которую для собственного блага держал при себе. Сергей Кравцов и Юрий Бычков зачем-то решили убить Петренко. Для этих целей они вступили в сговор с бригадой уборщиков, дежуривших в ту ночь на станции и с операторами. Пока обходчики тащили тело наверх, уборщики химическим раствором вымыли место преступления, а операторы смонтировали запись на пленке. Вставали два вопроса: зачем рисковать всем, убивая старого алкаша? Куда могли вынести и спрятать тело? Бред бредом, но Алексеев скорее готов был поверить в это, чем в абсурдную легенду. Петренко пропал без вести – это факт. Виталий Косматский его не похищал – это тоже факт.

За спиной раздалось деликатное покашливание.

- Э-э-э, простите, если я вам не нужен... Я могу идти? – осторожно спросил Федор, заглядывая Алексееву за плечо.

Капитан повернулся и снова задумался. Прежде чем выступить перед начальством с историей о призраках, стоило воспроизвести все, даже самые отдаленные варианты событий.

- К вам у меня большая просьба. Хочу, чтобы мне предоставили копии пленок за прошлую ночь с момента закрытия. Снимите данные с камер наблюдения на «Таганской», «Третьяковской», «Марксистской» и «Площади Ильича».
- Сделаем. Сегодня же.
- Благодарю за содействие, Федор Геннадьевич. Хотелось бы знать вот еще что. Насколько я знаю, Петренко не был первым. Кое-кто из ваших утверждал, что остальные пропавшие работали в Службе пути Калининской линии. Странное совпадение.
- Да с чего вы взяли? У нас никто не пропадал.
- А если я найду?
- Не найдете. Все сотрудники в порядке.
- Вы, право, так уверенно об этом говорите. Ваша убежденность в отсутствии состава преступления не вполне мне ясна. Статья 294-я Уголовного Кодекса: «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования».

Алексеев высокомерно улыбнулся, бросив на Федора пронзительный взгляд, какой бросает инквизитор на запутавшегося во лжи еретика. Лицо доходяги сморщилось. Губы дрогнули. Обхватив себя руками, зам попятился. Казалось, он упадет в обморок.

- Э-э-э, видите ли, слухи вредят найму новых кадров... Никто не может пропасть... Метро – самый надежный вид транспорта... Престиж компании под угрозой...
- Под угрозой жизни людей.
- Да. Вы правы.

- Что ж, у меня к вам последний вопрос, – прервал утомившегося зама Алексеев. – У пропавшего были враги? Недоброжелатели?
- Нет, не думаю, – сбивчиво произнес тот и для виду почесал затылок. – Хотя всех нас время от времени кто-то ненавидит.
- Это действительно так, – буркнул Алексеев, защелкнув вновь раскрывшийся браслет часов.

Федор Зайцев раскланялся и собрался уходить, когда в тоннелях разом погасли лампочки. Алексеев удивленно вскинул брови, указав на удачное совпадение.

- Вы уж решите этот вопрос. Не ровен час, еще кто-нибудь пропадет, может быть даже вы.
- Сделаем. – Федор проглотил подступивший к горлу ком, удалившись чуть ли не бегом.

Капитан проводил лизоблюда холодным взглядом. Что-то он не договаривал. С такими личностями всегда нужно держать ухо востро. Молодец против овец, а на молодца и сам овца. Мелочные человечки вроде Зайцева только с виду казались полными ничтожествами. За спиной они бессовестно строили козни, чинили препятствия и шпионили в пользу начальства. Типичный офисный паразит, лишенный духовного начала.

Мысли стража порядка прервал урывчатый детский смех. Алексеев оглянулся на черный провал за спиной. Ребенок в метро? На перроне, как нарочно, не было ни души. Ему вдруг стало не по себе. Смех прозвучал как-то ненатурально.

Капитан с минуту стоял молча и уже готов был поверить, что это ему почудилось, как вдруг тишину прорезал металлический скрежет.

- Черт возьми... – Алексеев положил руку на пояс, только теперь вспомнив, что отдал фонарик кинологу. Тогда он достал из кармана брюк ключи с брелоком лазерной указкой.

Направив красную точку диода в сторону тоннеля, он внимательно присмотрелся. Света было недостаточно, чтобы что-то увидеть, но Алексеев на это и не рассчитывал. Ему важно было «нащупать» того, кто издавал странные звуки. Лазерный луч отражался от блестящих рельс, сверлил пыльные кабели, скакал по шпалам. Вдруг Алексеев его увидел. Это был не призрак. Загremели тяжелые ботинки, на пути красной точки сверкнула серебристая полоса материи. Миг, и горбатый человек в оранжевом жилете исчез во мраке.

- Не может быть! – воскликнул Алексеев, соскочив с перрона.

Нога в полете задела рельс. Потеряв равновесие, капитан споткнулся и упал лицом в желоб, больно ударившись лбом. В глазах потемнело. Алексеев застонал, уткнувшись головой в пол.

У входа в тоннель на границе света и тьмы стоял высокий человек. Незнакомец внимательно разглядывал лежавшего на полу капитана, а затем медленно отступил во мрак. Услышав шаги, Алексеев вскочил, вытащив из кобуры пистолет. Он видел там человека. Наверное, кто-то из местных развлекался. Хорошо бы задержать шутника для допроса.

Смех раздался вновь уже неподалеку от передаточного тоннеля. Алексеев стоял не шелохнувшись. Положив руку с пистолетом на запястье, в котором держал лазерную указку, он решил припугнуть хулигана.

- Я тебя видел! Я знаю кто ты. Выходи по-хорошему. У нас тут нераскрытое дело. Нужен подозреваемый.

Раздались удаляющиеся шаги. В свете красной точки мелькнула оранжевая ткань сигнального жилета.

- А ну стой! Милиция!

Алексеев бросился следом. В любой момент он мог включить рацию и вернуть подчиненных, но азарт погони притупил чувство опасности. Первый раз за несколько лет он был в деле; вел преследование с оружием в руках, а не сидел за столом, строя

беспорядочные логические цепочки. Сейчас важен был результат. Важно поймать шутника, пока он не сбежал. Опыненный чувством собственного превосходства Алексеев прибавил ходу.

***

Коридор тянулся прямо, наполненный прохладой и сыростью. Вода ушла отсюда давно, оставив ребристые выбоины и вкрапины на стенах. Толкая одной рукой впереди себя тяжелую сумку, Дима боролся с соблазном вынуть из нее аккумуляторы и бросить, но всякий раз раздумывал. Он понятия не имел, куда приведет этот лаз и что ждет его впереди. Карстовые разломы и глиняные воронки в Москве не редкость. Иногда их находят строители метро, а иногда туда даже проваливаются машины. Однажды отец рассказал ему историю, как в 98-ом вместе с группой диггеров исследовал замурованный коллектор под набережной Неглинки. Там они наткнулись на понор⁶. Доброволец, спустившийся в каменную воронку, обнаружил каверну, в которой текла подземная река. Именно в нее много лет назад ушли воды коллектора. Каверна оказалась «мешком» – полостью с двумя затопленными проходами. Понор отметили на карте и благополучно о нем забыли. С этим лазом все обстояло иначе. Никто не измерял его протяженность и не знал о его местоположении. Ни о каких картах и речи быть не могло, и теперь он – первый человек, попавший сюда со времен строительства станции, был вынужден действовать сам.

Хорошо, что он подготовился заранее. В борьбе с неизвестностью Дима использовал самое мощное оружие – знание. Плох тот диггер, который не знает азов спелеологии. Пять лет назад, по совету отца, он купил на барахолке старый учебник спелеотуриста образца 1978 года. Труд толщиной в сто пятьдесят страниц назывался «Карстовый дворец» и был прочитан за вечер. Это был ничтожный минимум, который должен знать новичок о покорении пещер. В нем излагалось много важной информации, но Дима запомнил только те отрывки, которые показались ему полезными.

Он узнал, что системы карстовых пещер по количеству и протяженности занимают первое место в мире. Они образованы руслами подземных рек. Человек может свободно там перемещаться. Даже самая глубокая галерея часто имела несколько доступных выходов на поверхность, поскольку у потока, как правило, есть начало и конец. Значит, из каждой такой системы есть как минимум два выхода.

Теория старая, как и сам учебник, но весьма обнадеживающая. Беспокоила Диму глубина, а еще его не покидало чувство вины от осознания того, как он поступил с лучшим другом. Нетрудно догадаться, какой шок испытал паренек, из надежной квартиры попав в подземелье с психопатом. Любой бы на его месте спасовал. Костик назвал его предателем, и в этом была доля правды. О чем он только думал, когда брал его с собой. Нельзя помочь человеку против воли. Это была его ошибка, и Дима клялся себе каждую минуту, что обязательно вернется за товарищем, как только найдет выход.

Низкий свод осклизлого коридора неожиданно потянулся вверх. Завернув за поворот, Дима встал на ноги. Отсюда он попал в овальный грот. Луч света коснулся ребристого свода, от которого отделялся отросток длинной с мизинец. Дима осторожно коснулся каменного нароста. Так выглядел сталактит. Первый сталактит в его жизни. Капля за каплей, из трещины в потолке по острому наконечнику в каменную воронку стекала вода.

Разогнув затекшую спину, Дима осмотрелся. По размерам грот был сопоставим с однокомнатной квартирой. Впереди чернели два отверстия. Заглянув в тоннели, он заметил, что первый тянется вглубь, а второй уводит вверх. Многие любители поползли бы именно во второй, и это могло стоить им жизни.

Дима достал коробок охотничьих спичек. Однажды у Кости он смотрел фильм про спелеологов, в результате обвала оказавшихся замурованными в пещере. Чтобы найти

⁶ Понор – вымытый в породе разлом, образовавшийся в результате стока подземных вод.

выход они искали тягу, поднося зажигалку к каждому тоннелю, дожидаясь пока дрогнет язычок пламени. Если это срабатывало, они точно знали, откуда движется воздух. Если нет – ползли по запутанным коридорам, пока их не съедали кровожадные монстры.

Попытка не пытка. Строго говоря, ни один из этих тоннелей не вел на поверхность, но это не значило, что надежды нет. Ветер в тоннелях метро гулял благодаря движению поездов и работе вентиляционных шахт. Все что от него требовалось – найти такую же лазейку, через которую они попали сюда. Главное, чтобы она не была замурована.

В пещере замерцал огонек. Затаив дыхание, Дима поднес лучину к отверстию. Каменный рукав тянулся вверх, но воздух в нем застыл. К счастью, пламя дрогнуло возле второго. В пещерах и такое случается. Если долго ползти, ты постепенно перестаешь понимать, где верх, а где низ. Тебе кажется, что этот тоннель самый глубокий, а он выводит тебя на поверхность.

Дима вспомнил похожую историю из журнала «Вокруг света», произошедшую с французским дайвером-экстремалом, погружавшимся на дно древней американской лагуны. Там было глубоко, вода мутная, а единственным ориентиром в пространстве между дном и лодкой служил трос с грузилом. В общем, кислородом он пренебрег, взяв с собой вместо спарки один баллон, но на то он и был экстремалом или идиотом. Не рассчитав глубину, француз вовремя заметил, что воздух кончается, и поплыл наверх. Каково же было его удивление, когда на последних вздохах он достиг дна. Оказалось, дайвер во время спуска несколько раз перевернулся в мутной воде, а поскольку трос не был промаркирован, тот поверхность с дном в его представлении поменялись местами. По крайней мере, так было написано в примечаниях к статье.

Дима глубоко вздохнул. Хорошо хоть у него здесь полно воздуха. Он не знал, сколько придется ползти, плыть, карабкаться и хватит ли ему сил. Прежде чем отважиться на подобную авантюру, стоило хорошенько подготовиться. Он расстегнул сумку и достал старый отцовский комбинезон. Это был затасканный красный мешок, местами подштопанный и потертый, но в целом достаточно прочный.

Одевшись, он вынул из сумки кусок мела и пометил вход стрелой. Это на случай если Костя последует за ним. Оставалось только надеяться, что паренек осмотрится, прежде чем сунуться в первый попавшийся рукав. Дима затянул ремень поперек талии, взял фонарик, пропихнул тяжелую сумку в темноту и съехал следом.

Свод опасно нависал над головой. Плечи касались стен. Такие узкие перелазы всегда его пугали. Конечно, после канализации, где приходилось лезть через горы мусора по трубам и сливным каналам, он имел представление, как вести себя в подобной ситуации. Все же каменные артерии земли и городские коллекторы не одно и то же. Если в бункере человек, как правило, испытывает одиночество, то в пещере его постоянным спутником становится страх. В природных системах, где строительством руководило беспощадное время, любой неосторожный шаг мог привести к застреванию, падению, дезориентации и еще много к чему, о чем в подобном положении лучше не думать.

Собирая перед собой все больше камней, Дима продолжал сползать по рукаву. Постепенно свод стал опускаться. Каждый новый метр давался с усилием. Острые камни царапали прочную ткань. Один раз длинный резец порвал комбинезон и вонзился ему в бок. Пришлось сделать остановку, чтобы разобрать грудку камней, скопившуюся перед сумкой. Занимаясь этим, он поранил правую руку, а когда переползал через другую кучу, оцарапал подбородок.

Дима понимал, что ползет вслепую. Впереди мог оказаться колодец или озеро, в котором утонет снаряжение. Возможно, свод опустится так низко, что он не сможет пошевелиться. Вдруг он застрянет, а следом заберется Костя. Что они тогда будут делать? Лежать в тесноте и мочиться под себя, пока не задохнутся от вони или умрут от переохлаждения.

Стараясь отогнать страх, Дима стал считать вдохи-выдохи. Коридор постепенно выпрямился, но в ширину оставался прежним. Стены и потолок пока держались на

расстоянии друг от друга, позволяя двигаться рывками. Он покрывал метр за метром, заполняя собой все большее пространство между камнями. Следующий рывок стоил ему больших сил. Внезапно Дима замер и по спине его пробежал холодок. Он понял куда попал. В таких местах поток реки ослабевал. Водам не хватало энергии, чтобы прорезать достаточно широкое пространство в карсте. Спелеологи называли такие сужения «кошачий лаз», и первый раз проползти через него мог заставить себя далеко не каждый. Иногда первопроходчики даже погибали в них.

Свод уже опустился так низко, что его грудь стала касаться камней. Тут действительно могла пробежать только кошка или карманная собачка. Тем не менее, «кошачьим лазом» этот рукав можно было назвать только в том случае, если через него удастся проползти. Если нет, то это будет «игла». Тоннель сузится настолько, что через него не пролезет и кисть руки.

Разгребая одной рукой камни и песок, Дима чувствовал, что начинает задыхаться. В спине покалывало. Рубашка прилипла к телу. Во рту пересохло. Дима чувствовал, как кровоточит рана в боку, но ничего не мог поделать. Он был вынужден толкать сумку правой рукой, одновременно освещая пространство фонариком. Кожа на шее стала липкая, как рыба слизь. Мерзкое чувство страха парализовало разум.

Завернув за поворот, он ненадолго остановился, вслушиваясь в стук сердца. Может вернуться? Нет. Он слишком далеко заполз, да и какой смысл? Нельзя ползти ногами вверх. Теперь путь к станции был для него закрыт.

Хрипя и кашляя, словно раздавленный батончик с нугой, Дима снова потянулся в одном направлении. Царапая ногтями камень, издав отчаянный крик, он сделал последний рывок, прежде чем потерял способность подтягивать тяжелое тело. Случилось то, чего он боялся.

Дима выпустил из рук фонарик, уткнувшись щекой в шершавый камень. Не такой он представлял себе кульминацию ночного приключения. От одной мысли о том, что его кости, завернутые в красный мешок, лягут в пятидесяти метрах под землей, становилось дурно. Родители обязательно заявят о пропаже. Его будут искать где угодно, кроме Луны и этого места. Как такое вообще могло случиться? Дима саданул кулаком по камню. Это что, закон подлости? Раньше он всегда оставлял отцу записку со своими координатами. Почему же в этот раз, когда ему угрожала смертельная опасность, по сравнению с которой Раменки и наркоманы детский лепет, он решил рискнуть. Если бы не проклятая гордыня, его бы хватились уже через час! Может быть не сразу, но их бы нашли и спасли.

Дима вообразил разбросанные по миру скелеты невезучих исследователей, чьи судьбы оборвались схожим образом. Некоторые из них могли перерезать себе горло ножом, чтобы не мучиться. Жаль, его тесак затупился. Дима опомнился, испугавшись собственных мыслей. Сколько раз он уже застревал в какой-нибудь сливной трубе с мусором и, вдыхая ядовитый запах, думал, что это конец. Даже с пулей в голове нельзя сдаваться. Выход есть всегда.

Собрав волю в кулак, он глубоко вздохнул и напряг каждый мускул натренированного тела. Мышцы соприкоснулись с камнем, задрожав от непривычных усилий. В глазах потемнело. Резко выдохнув, Дима полностью расслабился, превратившись в ватную куклу. Медленным движением он попытался вытянуть правую руку и освободить плечо. Ему это удалось. Затем левое плечо. Хорошо, что он знал нужную технику. Успокоившись, он стал отчетливо различать мягкий звук. Поблизости была вода.

Претерпев боль забитых песком ран, Дима собрался с силами и стал двигаться короткими рывками, на радостях совсем забыв об осторожности. В следующий миг пространство под ним стало оседать. Первой в темноту провалилась сумка. Дима беспомощно взмахнул руками и рухнул следом. Пролетев несколько метров, он перевернулся в воздухе, всем телом вонзившись в россыпи кальцитовых шишек. Сумка смягчила удар. Дима зажмурился от боли, глотая влажный воздух. Все-таки запаниковал. Повезло еще, что это была не пропасть.

Нашупав рядом фонарик, он поцеловал пластиковый кожух и прижал его к груди. Не зря отец в свое время выложил за этого динозавра две с половиной тысячи. Пробегая по гладким стенам пещеры, белый луч осветил круглое озерцо в центре и дюжину каменных шипов под сводом. Эти сталактиты были длиннее и толще. С них по капле в озерцо падала вода. Еще выше чернело узкое отверстие понора.

Дима оглянулся на тоннель за спиной. «Кошачий лаз» остался позади... но как же Костя? Как он вернется за ним, когда найдет выход? Застряв в узком тоннеле, паренек умрет от страха. Он не сможет терпеть и бороться до конца. С другой стороны Костя был тоньше и уже его в плечах. Он мог пролезть там, где опускался свод, и даже не заметить этого. Но что, если он уползет в другой тоннель? Как вернуться за ним? Неловко плюнув на штанину, Дима плотно сжал губы. Назад он не полезет даже под угрозой пытки. Увольте. Оставалось надеяться, что Костя в коем-то веке сделает все правильно.

Промыв порез и царапины, Дима наспех залепил их пластырем. Приведя себя в порядок, он внимательно осмотрел пещеру. В противоположном ее конце на уровне пола темнело овальное отверстие. Сотни лет назад ручей из понора попадал сюда и, судя по размерам стока, заканчивался водопадом.

Подступив к каменной воронке, Дима уселся с краю и умылся. Вдруг взгляд его уловил какое-то движение. Сквозь щелки между пальцами он заметил на дне бассейна стайки бледных головастика. Крошечные амфибии с прозрачными тельцами бесцельно шныряли в пределах своего ничтожного мирка, но шансов выжить у них было куда больше, чем у него. Дима попытался поймать одного. Пальцы скользнули по песчаному дну, коснувшись какого-то предмета.

Прежде чем вытащить его на поверхность, он понял, что держит монету. На ладони лежал старинный серебряный рубль. Дима вздрогнул, выронив находку в пруд. Значит, он не первый. Тут были люди. Эта мысль почему-то его испугала. Судя по дате на монете, они прошли здесь шестьдесят или семьдесят лет назад. То были другие люди – призраки из далекого прошлого. Никакой Калининской линии тогда не существовало, как не было в помине станций метро. Складывалось впечатление, что они попали в пещеры откуда-то еще. Может быть, нашли проход в заброшенных угольных шахтах на берегу реки или во время заложения военных объектов. От отца Дима слышал, что некоторые бункера и тоннели были построены задолго до линий пассажирского метро. Да что там бункера. Даже в эпоху Ивана Грозного под Москвой существовала система пещер и потаенных ходов эксплуатируемая монаршей властью.

Но если здесь были люди, то куда они ушли? Пошёрстного съезда и разлома, через который они попали сюда, в начале прошлого века быть не могло. Следовательно, пещера вела в тупик. Дима достал монету и внимательней к ней присмотрелся. «Чистое серебро. Восемнадцать грамм», – гласила надпись на ребре. На аверсе отчетливо проступали силуэты двух мускулистых пролетариев, что-то обсуждавших в лучах восходящего солнца. На обратной стороне серп и молот. Юбилейные монеты всегда радуют глаз, но эта была самой большой из всех, что он видел раньше, и намного тяжелее тех, которые он нашел в подвале.

Изучив драгоценную находку, Дима засунул ее в секретный карман штанов, затем подобрал сумку и обогнул пруд с головастиками. Заглянув в овальное отверстие, он осветил галерею так далеко, как только смог. Вода превратила карстовый пролом в прямую трубу с ребристыми складками, и он без труда там прополз.

Вскоре свет фонарика погрузился в пустоту новой пещеры, и Дима вспомнил иллюстрации из «Карстового дворца». В книге говорилось о Мамонтовой пещере, чей вход находится в долине штата Кентукки. Автор отмечал, что это самая большая по протяженности система пещер в мире. Дима не был в Америке, и сравнивать ему было не с чем, но то, что он увидел здесь, немногим отличалось от фотографий в книге. Лежа в тоннеле на краю каменной террасы, он различал десятки длинных сталактитов. Свод был буквально утыкан ими. Мощный световой поток галогена пронзал тьму, едва добывая до

противоположной стены. Всюду, куда не кинь, темнели отверстия многочисленных коридоров. Пещера была усеяна ими, как швейцарский сыр дырками. То тут, то там, подобно затынутым в плащи тощим человеческим фигурам со дна поднимались тени гигантских сталагмитов. Самую темную часть пещеры прорезали многоярусные террасы и узкие полости. У стен пузырились шишки кальцитовых натеков, срастаясь с непонятными бледными макаронинами, сползавшими по стенам. В центре пещеры чернели глубокие впадины, заваленные гладкими валунами.

Выбравшись наружу, Дима осторожно подступил к краю уступа. Сказочный мир, о котором он грезил с детства, раскинулся перед ним. Перебрасывая круг света с одного отверстия на другое, Дима стал думать, как лучше спуститься. Отсюда он мог спрыгнуть используя выступы в скале, выбитые на манер лестницы высохшим водопадом. Раньше на дне пещеры было озеро, о чем свидетельствовали трещины и впадины. Теперь высохшее дно завалило осколками свода, но перемещаться по ним было все же легче, чем по выступам и террасам.

Осмотревшись, Дима нашел удобное место и уже собирался прыгнуть, как вдруг его посетило странное чувство. Человек ощущает подобное, когда кто-то на него пристально смотрит. Стремительно развернувшись, он заглянул в галерею за спиной, но не увидел ничего подозрительного. Область пещеры, в которой он оказался, была сплошной скалой, лишь высоко под потолком темнели два отверстия. Перемещаться по такому склепу в одиночестве – занятие не из приятных. Все что угодно может привидеться или послышаться.

Отхлебнув из фляжки несколько глотков, Дима собрался с мыслями, прижал сумку к груди и в три прыжка преодолел каменные ступени. Приземлившись, как ему показалось, на жесткий пол, он почувствовал, что кроссовки погружаются в вязкую массу. В голове почему-то промелькнула мысль о зыбучих песках. Дима дернулся и повалился на мягкий ковер.

– Карстовый мох, – вслух произнес он, не спеша подниматься.

Ну конечно. Мхи – любители прохладных мест, росли и множились здесь в неисчислимых количествах. Они облепили даже некоторые сталагмиты, сделав те похожими на елки. Если растет мох, значит, поблизости вода, пусть и не из артезианской скважины. Смерть от жажды отныне ему не грозит.

Выбрав подходящий маршрут, Дима встал и попытался обойти пещеру по краю, но чем дальше уходил, тем больше та становилась. Луч света скользил по террасам и черным отверстиям над головой. Где-то здесь проходили люди, уронившие в пруд монетку. Любопытно, что еще они могли оставить и из какого тоннеля пришли? Возможно, их группа оставила на стене какой-нибудь ориентир. Стрелка, кучка камней, – сгодится все что угодно.

Миновав лес сталагмитов, Дима увидел на другой стороне пещеры нечто похожее на лестницу. У основания стены лежали груды камней, а скошенный склон над ними был иссечен глубокими выбоинами, напоминавшими ступени.

Бурая лужайка благозвучно шуршала под ногами. Переступая через камни и трещины, Дима боязливо посматривал вверх, туда, где в темноте над головой нависали десятки острых сосулков. Обогнув несколько валунов, он подошел к груде камней и тотчас остановился. Что-то в этом нагромождении показалось ему странным. Складывалось впечатление, что камни были свалены здесь специально. Дима поднялся вверх и осмотрел глубокие ступени в пластах известняка. Так и есть. Над ними работали инструментом, возможно киркой или молотком. Значит, до поверхности уже недалеко.

Вскарабкавшись по склону на террасу, Дима согнулся под низким сводом. Здесь он обнаружил удобный и широкий лаз. Поднеся спичку, Дима с радостью заметил, как колыхнулся язычок пламени. Пометив тоннель цифрой, он пошел дальше. Вкрапления кристаллов доломита, облепившие стену и потолок, сверкали словно звезды. Спичку Дима оставил зажженной, собираясь проверить еще несколько ходов.

У противоположной стены внимание его привлекла бурая плесень, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся краской. Сердце Димы забилося быстрее, когда он поднес фонарик ближе. Доисторический художник явно обладал большим воображением. Десятки пляшущих человечков вели хоровод вокруг черного столпа с шарообразной головой и длинными клешнями. Почти все танцевали без голов, рук или ног. Странно, что кому-то понадобилось рисовать подобную ерунду. Что это могло значить? То есть понятно, что древние люди так самовыражались, вот только изображали они чаще животных и обходились без расчленёнки.

Пламя обожгло пальцы. Спичка выпала из руки, с шипением погрузившись в мох. Дима поспешил дальше. Пещера оказалась даже шире, чем он предполагал. Уже через десяток метров свод террасы поднялся на два полных этажа. Под ним напротив пучка сталактитов чернело еще одно отверстие. Склон был пологим. Здесь тоже виднелись выбоины. При желании любой бы смог туда забраться как по пожарной лесенке.

Присмотревшись к склону, Дима заметил множество прямых отметин. Неизвестные и здесь прорубили ступени. Что, если выход там? Он поднял взор кверху, и тело тотчас содрогнулось от знакомого рефлекса. Обычно такое чувство приходит во сне, когда хочется убежать, но мышцы внезапно сковывает судорога. Поэтому Дима просто смотрел вверх, туда, где среди камней появилась и исчезла горбатая тень. Раздалось утробное хрипение. Подавившись собственным криком, он попятился, наступил на камень и едва не рухнул с уступа.

Придя в себя, Дима еще раз тщательно осветил широкий лаз, но там никого не было. Он успел заметить только горб или лысину и большое толстое тело. Трудно сказать, что это было, но рост его превышал метр. Нечто похожее он видел в учебнике по биологии на картинке демонстрирующей поэтапную эволюцию человека. Хотя это была только кривая тень, согнувшаяся в три погибели. Чем дальше он об этом думал, тем явственней ему казалось, что он видел тень от сталактита. Ни о каком животном, а тем более обезьяне, так глубоко под землей не могло быть и речи.

Смахнув капли пота со лба, Дима повернулся. Под ногой что-то хрустнуло, и это был не камень. Посветив вниз, он едва не выпустил из рук фонарик. Будь там ржавый нож или запечатанная консервная банка, он бы это переварил, но только не такое.

Из кучи песка Дима поднял новенькие командирские часы. Игольчатая стрелка продолжала бежать, отмеряя секунду за секундой. На циферблате половина третьего. Перевернув табло, он увидел на обратной стороне надпись, выгравированную каллиграфическими буквами. Часы были именными. Надпись гласила:

ГРИШКЕ АЛЕКСЕЕВУ ОТ КОЛЛЕГ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ держи друзей близко, а ствол еще ближе

То, что глубоко под землей лежали чьи-то часы еще полбеды, но они к тому же исправно шли! Не в силах удержать противоестественный предмет, Дима запустил сложным механизмом в дальний конец пещеры. Часы шлепнулись в кучу мха, но не затихли. Дима завертелся на месте, пытаясь выкинуть из головы назойливое тиканье. Мысль о затаившемся чужаке лишала сил. Сохранить остатки мужества ему не дал зловещий взгляд, беспристрастный и ледяной, вонзившийся в затылок миллиардами иголок. Дима понял – в пещере он не один.

Тело покрылось испариной. Дрожащие ноги норовили подогнуться. Неотрывный взгляд становился просто невыносимым, как будто у наблюдателя не было век. С уступа Дима видел каких-то существ, крадущихся во мраке на дне пещеры, но стоило лучу света коснуться их, как они оборачивались бугристыми сталагмитами. Постепенно страх, воображение и игра теней сделали свое дело. Дима поддался панике.

– Я молчу уже двадцать минут! – закричал он изо всех сил, надеясь, что это принесет голове покой.

В ответ из темноты донесся сдавленный детский смех. По склону скатились россыпи камушков. Димы к тому моменту на месте уже не было. Он с воплем бежал по террасе. Закинув сумку в лаз, который пометил до этого, он сходу запрыгнул внутрь и съехал по каменному рукаву вниз. Детский смех застрял у него в голове. Он вспомнил слова Кости, пляшущих человечков, вспомнил шаги преследователя, замуровавшего их здесь, тень в отверстии, монету, часы, время на циферблате. Разум готов был разорваться.

Продолжая ползти куда-то вниз, Дима не заметил, как тоннель выпрямился, а затем стал подниматься. Он видел перед собой только край спортивной сумки, освещенный фонариком, слышал собственное дыхание и какой-то шорох за спиной. Двигаясь с опасной для пещер скоростью, словно змея по проложенной норе, Дима вскоре вывалился наружу вместе с ворохом камней и струйками песка.

Упав в полуметре от лаза, он вскочил на ноги и побежал, не разбирая дороги. Перепрыгнув через каменный вал, оступился, завалился на бок подле огромного сталагмита, переполз за него, поднялся, спрыгнул во тьму, едва не размозжив лоб о каменный выступ и лишь достигнув высокого валуна на дне пещеры, заполз за него, подобрал ноги, выключил фонарик и затаился. Все это он проделал за считанные секунды и, когда осознал ошибку, испытал новый приступ страха. Как теперь найти тоннель, из которого он пришел? Что, если Костя уже лезет где-то по ту сторону грота? Вдруг он застрял? Сколько уйдет времени, прежде чем он вернется и поможет ему?

Дима опустил голову на колени и тихо заплакал. Единственная нить, соединявшая его с поверхностью, оборвалась, но что еще хуже – здесь был кто-то еще. Кто-то следил за ним. Но кто мог жить под землей? Он готов был на все, лишь бы не разгадывать эту тайну, как не хотел встретиться с тем, кто издавал жуткие звуки. Ясно одно: за ним охотился не ребенок.

Дима вздрогнул. Костя говорил, что слышал смех. Это был тот самый тип, которого они встретили на заброшенной станции, тот, кто замуровал их. Он вернулся! Он знал, что делает, знал про пещеры, знал, откуда напасть и не спешил.

Сидеть в темноте стало еще страшнее. Диме пришлось включить фонарик. Случайно брошенный в сторону луч осветил застывшую гладь подземного озера. Над водой бугристыми наростами нависали десятки сросшихся сосулек. Поводив фонариком по сторонам, он заметил оранжевый валун, лежавший у каменного пляжа. Бесшумно прокравшись туда, Дима поднял треснувшую каску. Сколько же на самом деле людей побывало здесь? Перевернув ее, он остолбенел. Внутри под куполом черными буквами были выведены его имя и фамилия. Дима хорошо помнил, как сделал эту надпись, чтобы в случае беды люди смогли его опознать.

– Костя...

Во рту пересохло, и шепот перешел в хрип. Швырнув находку в озеро, испуганный и уставший, Дима покачнулся, сделав шаг назад. Он уже не соображал куда пойти и как выбраться на поверхность. Его клонило в сон.

Дима зачерпнул пригоршню ледяной воды и поднес ее к лицу, но не нашел в себе сил пошевелиться. В темноте за спиной он услышал шорох. Что-то острое царапало камень. Оглянувшись, он с трудом подавил крик, зажав рот мокрой ладонью. На уступе в другом конце пещеры просматривались очертания чьей-то большой головы, отделившейся от груды камней.

Грот окутала тьма. Дима спрятался за валуном, стараясь не дышать слишком громко. Выхода нет и нет времени его искать. Во мраке он слышал, как за головой из тоннеля вывалилось все остальное – хвост, тело, щупальца? Он не представлял, что это могло быть и почему оно хочет познакомиться с ним поближе.

Что-то тяжелое упало на камни, заскрипело, поползло, потом остановилось. В пещере воцарилась тишина. Прошла минута. Две. Три. Существо как в воду кануло. Со стороны не было ни намека на его присутствие, но Дима знал, что оно по-прежнему здесь. Ему незачем уходить, ведь жертва, которую он пас, сидела в той же пещере.

Дима снова вспомнил Костю. Паренок наверняка уже был мертв. Умер по его вине, а теперь пришла его очередь. Ему оторвут голову, как тем человечкам. Это существо не остановится. Что, если оно останется здесь на час, на день, на неделю? Впрочем, уже через три дня он умрет от обезвоживания. Озеро рядом, но до него нужно сделать один шаг, скорее всего, – роковой. Дима спохватился. Уж не сходит ли он с ума? Еще немного и ему конец. Тварь не станет слушать его нытье так долго.

Из секунд складывались минуты. Дима не знал, сколько времени прошло, пока он сидел в тишине, подобрав ноги. На него никто не нападал. Никаких звуков, кроме боя капли, он не слышал. Постепенно боль в затекших ногах стала съедать живьем. Он должен был расслабиться, иначе тяжелое дыхание его выдаст. Дима пошевелил ногами и вытянул их до предела. Подошвы обеих кроссовок уперлись в какой-то предмет. За кратковременным облегчением последовал хлюпающий звук. Так бывает, когда комок слизи застревает в воспаленной глотке. Ощущая на лице чужое дыхание, Дима вжался в камень. Раздался тихий свист. В ноздри ударил терпкий запах пота. Что-то живое подалось к нему из темноты.

Дима не понимал, что делает. Палец нащупал прорезиненную кнопку фонарика. Направив его во мрак перед собой, он убрал руку от лица, глубоко вздохнул и встретился со своей судьбой. Луч света разогнал подземную тьму, осветив бледную осклизлую массу с огромными водянистыми глазами.

***

Костя слышал, как скрипит песок. Постепенно звуки стихли. Дима уполз. Бросил его. Но по какому праву? Что он о себе думал? Это его стараниями он попал сюда. С вечным энтузиазмом и дурацкой улыбкой, Дима часто звал его на поиски приключений. Как будто дома заняться было нечем! Единственный раз он поддался на уговоры – и что из этого вышло? Ему не хотелось идти сюда, но он хотел помочь другу, боялся, что с ним случится беда, в то время как Дима думал только о себе.

– Осмотримся и сразу вверх. Посмотрим, куда ведут тоннели, – нарочито оптимистичным тоном передразнил товарища Костя.

Друзья так не поступают. Да и друг ли он ему теперь? Костя заплакал, крепче обхватив колени. Когда Дима вернется, он выскажет ему все, что думает, а пока будет подбирать слова.

В нише было прохладно и сыро, но Костя больше этого не замечал. Его клонило в сон. Еще немного и он перестанет здраво мыслить. Рука коснулась лица и в тот же миг в бессилии упала. Жаль, что не перестанет вообще.

– Хочу домой... – слова застыли у него на губах. Шумно вздохнув, Костя погрузился в тяжелую дрему.

Во тьме он часто видел образ старухи. Какая-то цыганка в кружевной шале накинутой на плечи. Старуха была слепа на один глаз. Вьющиеся седые волосы ниспадали на лицо, закрывая бледный зрачок. В руке у ведьмы была цепочка. На конце цепочки висел хрустальный шарик, перемещавшийся в воздухе.

– Почему она снится мне? – спросил себя Костя, стоя в пустоте на границе сна и реальности.

В фильмах и книгах, которые он любил, ведьм было совсем мало, а цыганок тем более. Баба Яга, Гензель и Гретель, Сабрина, Зачарованные – все это для детей.

– А как же Гарри Поттер? – вопрошал насмешливый голос, который Костя с давних пор окрестил Deus ex machina.

– Ну, так и быть, пусть живет, а остальных в топку.

Он вообще предпочитал с женщинами не связываться, не важно, старыми они были или молодыми. Его злило и пугало их спонтанное поведение. В особенности это касалось его ровесниц. Он до сих пор помнил свидание, которое добряк Дима устроил ему.

Образ цыганки немедленно растворился во мраке. На смену ему пришло миловидное личико той самой девицы. Рыжие волосы подстрижены коротко, как у парня. Круглое кукольное личико. Вздернутый кверху нос. Тонкие губки растянуты в слащавой улыбке. На щеках веснушки.

– Ты ведь этого желал, – констатировал голос. – Хочешь расслабиться?

Костя задрожал от волнения. Всякий раз, когда он вспоминал ее, желудок начинал неприятно ныть. Между ног нарастало напряжение, которое ему не всегда удавалось подавить. Дима уверял, что эта девушка была самой скромной в училище. И та решилась на поцелуй! Не хотел бы он встретиться с самой развратной.

– Хочешь расслабиться? – спросил Deus ex machina.

– Расслабляются на унитазах.

Ответ был принят и образ девушки тотчас преобразился. Она подмигнула. Губы сложились в трубочку. «Опять полезла целоваться», – догадался Костя. Неужели одного поцелуя ей мало? Вот уж потаскуха, так потаскуха. За спиной у соблазнительницы вновь возникла цыганка. Старуха насмеялась над ними, вертя цепочку с хрустальным шариком все быстрее, а девушка продолжала тянуться к нему своими мерзкими губками.

– Моя прелесть. Чмок, чмок.

Костя вжался в пустоту, изо всех сил стараясь увернуться от плывущих навстречу губ. Цыганка оскалилась, обнажив два ряда золотых зубов, показала пальцем и захохотала. Костя не видел своего лица, но чувствовал, как оно пылает от стыда. Наконец девушка свершила задуманное, и он дико завизжал, словно коснулся губами раскаленного железа.

– У-у-ух ты, пошлая шлюха... – вымолвил он, в напряжении целуя ее.

Сон растаял. Он открыл глаза и включил фонарик. Девушка исчезла, потому что была не настоящая, зато остались последствия их «романа». Только этого не хватало. Костя поежился в липких трусах. Стало легче и живот больше не ныл, зато в паху все зудело и чесалось. Неизвестно, сколько он так просидел.

Встав на колени, Костя посветил в оба конца тоннеля. Дима не вернулся. Он позвал товарища, но ответа не последовало. Тогда Костя пополз к выходу. Разлом в стене действительно был замурован, но он должен был убедиться. Что теперь делать? Дима бросил его, как, впрочем, поступил бы любой другой человек. Друг, которого он считал «братом по крови», оказался ничуть не лучше остальных. Костя царапнул ногтями бетон.

– Предатель!

Он достал из кармана штанов «Чинное перо». В свете фонарика сверкнуло самое длинное лезвие. Костя не знал, как поступить в такой ситуации. Нож не решит его проблем, однако с ним он чувствовал себя в относительной безопасности. Неизвестно, где теперь был их преследователь. Вдруг ему придет в голову отодвинуть блоки и забраться сюда. Костя спохватился. Так он же сейчас сидит прямо у выхода! Если не хочешь встретиться с ним, нужно срочно догнать Диму и... Костя вздрогнул, посмотрев на нож. Что он сделает? А что викинги делали с предателями? Нет. Сейчас лучше взять себя в руки и что-то предпринять.

Как там Дима сказал: «Свет под землей важнее воды?»

«Экономь электроэнергию, сынок», – говорила мама.

Он посмотрел на фонарик. Дурацкое правило. Без света он ничего не увидит. Костя протер запотевшие стекла очков. Суставы немели от холода. В трусах подсыхала клейкая масса. В таком состоянии он Америку не откроет.

Костя пополз вперед и вскоре нашел два прохода в небольшой пещере. Заглянув в обе дырки, он наотрез покачал головой. Ну уж нет. Они так не договаривались. Это ведь все равно, что лезть в шахту мусоропровода. А вдруг он застрянет? Вдруг там змеи и скорпионы пируют на искусанном трупе Димы?

– Дима! Дима!

Костя посветил в каждый проход и крикнул. Над левым отверстием он заметил нарисованную мелом стрелку. Выходит, приятель хотел, чтобы он спустился за ним. Вместо того чтобы подняться наверх, он хочет забраться еще глубже! Положив фонарик, Костя уселся рядом с каменной чашей в центре пещеры и скрестил руки на груди. Его трясло от негодования. Не дожидается. Он и так слишком долго танцевал под его дудку. Сейчас нужно лезть в какую-то кишку, а что потом? Сплаваться по подземной реке? Нырять? Прыгать с водопада? Это не Голливудский фильм. Пусть «Моя прелесть» ползает по пещерам, о которых всегда мечтал. Его это не касается. Он останется здесь и попытается во всем разобраться.

Костя вдруг понял, что совсем не боится. Все страхи и волнения ушли в трусы. Он был спокоен и рассудителен. Разумеется, ведь поблизости не было людей.

– Люди, – раздался его тихий голосок.

Почему он их так боялся? Почему прятался в квартире даже от гостей? Он и сам не помнил, когда это началось. В школе все было нормально. У него были друзья. Учителя хвалили за успеваемость. Особенно ему нравились уроки биологии и ИЗО. Он помнил пятый класс. Первый месяц в шестом классе, а потом все обрывалось. Радость жизни уступила место страху. Он больше не выходил на улицу. Одноклассники о нем забыли. К нему стали приходиться репетиторы, потом врачи и психологи. Родители пытались ему помочь, но, в конце концов, и у них опустили руки. Он остался один дома. На многие годы.

Свет фонарика освещал проход, по которому он попал сюда. Костя так глубоко погрузился в размышления, что не сразу услышал шаги. В следующий миг сзади на него навалился кто-то тяжелый. Его схватили за шею и прижали затылком к чему-то мягкому. Костя захрипел, вдыхая терпкий запах ванили. Пальцы вонзались в мокрую ткань. Он вырвался и лягся, но кто-то крепко держал его, продолжая сдавливать шею. Рука с ножом поднялась для удара, но нападающий без труда выбил оружие, попутно едва не вывихнув ему запястье. В этой схватке у него не было шансов.

Затем пещеру наполнил тихий свист. Жертва все еще брыкалась, но уже не так рьяно. Наконец, сквозь скрип подошв кроссовок об камень, раздался хруст позвонков, и Костя перестал сопротивляться.

***

Стрелки на часах показывали полтретьего ночи. Антон Гончаров достал из внутреннего кармана куртки пачку сигарет и закурил. Прошло полчаса с тех пор как он вышел из метро. В это время он уже должен был вернуться домой, поужинать и лечь спать. Жена, наверное, уже спит. В последнее время она редко дожидалась его. Этим днем он обещал закончить дела пораньше, и закончил, если бы не начальник. Угрозило же его потащиться с ним. Теперь придется весь завтрашний день ловить ее осуждающие взгляды. Жаль ее. Красивая девушка не должна быть одна, а она была красива, даже слишком для той, которую постоянно печатают в глянцевах журналах. Зато не слишком тощей, как большинство моделей, хоть и стервозной порой. Вся полна женского естества. Антон понимал негодование молодой супруги. Восемь месяцев как поженились и на тебе. Впрочем, она знала, на что шла, связав жизнь с лейтенантом милиции. Антон печально улыбнулся, впуская в легкие теплый дым. Теперь уже старшим лейтенантом. Если он будет продолжать в том же духе, то и до капитана недалеко.

Антон стоял один, облокотившись об крыло патрульной машины. Зря Алексеев не взялся за убийство. Возни больше, но и результат выше. За три года совместной работы они раскрыли массу дел, вот только дела те были мелкими, а пользы обществу от их раскрытия было еще меньше. Посадить убийцу престарелой женщины приятнее, чем искать пропавшего обходчика, который, скорее всего, валяется где-нибудь пьяный.

Антон отошел от машины и запрыгнул на широкий гранитный парапет, огибавший спуск в метро. По нему он стал разгуливать из одного конца в другой. Такой расклад его всегда беспокоил. Кажется, за годы службы он так ничего и не сделал, никому не помог. Начальство его хвалило, называло исполнительным и дисциплинированным. Его даже повысили и перевели на еще более нудную работу. После окончания школы милиции он только и делал, что копался в делах или заполнял горы ненужных бумажек. В этом они с Алексеевым были похожи. Капитан многому его научил. Он был щедр на советы и примеры из служебной практики, но никогда не навязывал свою точку зрения. Помог развить интуицию и объяснил, как строить логические цепочки. Они оба были всесторонне развиты и понимали друг друга с полуслова. И все же, в отличие от теоретика Алексеева, Антон предпочитал действовать, а не рассуждать. В двадцать пять лет иначе быть не может.

«Кто-то всю жизнь спокойно служит, а кто-то в первый же месяц попадает под пули. Как повезет», – вспомнил он слова чудака-капитана, которому ни разу не удалось воспользоваться табельным оружием. Антон знал, что в тайне Алексеев мечтал об этом. Ему такое желание казалось вполне естественным. В любом страже порядка есть что-то от ковбоя. Фуражка, пистолет у пояса, железный конь. Особенно пистолет, который они имели право применить. Алексеев говорил, что огнестрельное оружие – это одновременно дар и проклятье. Оно делает их сильнее, но может так же легко и погубить. Конечно, у них было несколько сложных дел, один раз даже с риском для жизни, но до стрельбы никогда не доходило. Все проблемы решал их коллективный разум. Как там говорилось у Бомарше:

В жизни есть закон могучий:
Кто пастух – кто господин!
Но рождение – это случай,
Все решает ум один.

Глаза закрывались от усталости. Антон помассировал виски, запрокинул голову, покачнулся и едва не упал вниз. Так дальше продолжаться не может. Он осмотрелся. Ночь выдалась теплая. В небе над городом плыли прозрачные облака. Площадку у метро освещал тусклый свет уличных фонарей. Торговые ряды за спиной давно были закрыты. Таганская площадь шумела где-то в стороне. Прохожих поблизости не было, только машины проносились по дороге. Все спешили домой. Он тоже.

Антон выбросил сигарету и спрыгнул с парапета на площадку между ступенями. Каблуки туфель вонзились в гладкий камень. В детстве помешанный на туризме отец часто брал его в походы. С тех пор он всегда держал себя в хорошей физической форме. Осталось только бросить курить.

Спустившись по ступеням к стеклянным дверям, Антон увидел свое отражение. В меру длинные волосы были зачесаны назад, только одна прядь упрямо сползала на висок, сколько бы раз он ее не поправлял. Кожа гладкая, без единой царапины или родинки. Девушки находили его красивым, а может их по-своему привлекала форма. Уложив прядь на место, Антон заметил на лице какое-то пятно похожее на серп. Взгляд скользнул вниз. Так и есть. Под ногами лежал крошечный осколок зеркала. Свет фонарей отражался в нем. Антон отодвинул зеркало носком туфли и «серп» пропал. Очень похоже на знак. Серп, коса – это к смерти, кажется. Суеверная бабушка говорила, что таким образом Господь посылает людям знаки, пытаясь уберечь их от беды. Вечно она видела только плохое.

Антон улыбнулся, еще раз взглянув на отражение. По лицу можно было понять, каково ему сейчас. Весь день он провел за столом в душном кабинете. Алексеев обещал подбросить его домой после визита в подземку, но прошел целый час, а воз и ныне там.

Не мог же начальник так увлечься поисками обходчика. Сейчас он пойдет к нему и напомним о времени, а если тот действительно занят, возьмет такси и поедет домой.

Антон открыл дверь и вошел в вестибюль. Еще на подходе к турникетам он заметил, что со стороны касс за ним кто-то наблюдает. Антон присмотрелся. Из тьмы вышла высокая фигура. Это был худощавый мужчина с длинным орлиным носом. Скошенный подбородок придавал ему сходство с диснеевским Икабодом Крейном⁷, – самым уродливым мультперсонажем какой Антон видел в детстве.

- Простите, вам сюда нельзя, – надменно ухмыльнулся доходяга, приблизившись к лейтенанту. На нем был черный спортивный костюм. Черты лица, в особенности нос, под прямым верхним светом делали его похожим на грифа-стервятника. – Если вы не уйдете, я буду вынужден позвать охрану.

Антон осмотрел себя с ног до головы. Туфли, джинсы, куртка. Разумеется. Он принял его за случайного прохожего. В руке тотчас появилось удостоверение, расставившее все на свои места. Увидев заветную книжечку, доходяга сразу подобрел.

- Э-э-э... Простите... Я не хотел препятствовать следствию.

Длинноносый принялся усердно расшаркиваться, хоть Антон и не давал ему повода. Он похвалил его за приверженность делу, отметил блестящую работу капитана и тактичность подчиненных. Антон молча слушал, потом спустился по эскалатору, стараясь мысленно заглушить противный голос, продолжавший доноситься сверху.

Попав в центральный зал, лейтенант первым делом заглянул в оба нефа. Ни души. Он пошел туда, где последний раз видел начальника. Они собирались проверить тоннель, ведущий к «Площади Ильича». Наверное, уже были внутри. Антон остановился на противоположном конце перрона и заглянул в темный провал под аркой. Алексеев вроде говорил, что после закрытия там всегда горит свет. Так и есть. Внезапно вереница лампочек вспыхнула, осветив пыльные стены и блестящие плети рельс.

На пути Антон решил не спускаться. Просто сел на лавочку и стал ждать. Волны сна накатывали одна за другой. Глаза закрывались. Через некоторое время сквозь дремоту он услышал голоса. Появились оперативники с собакой, а за ними плелся совершенно измотанный обходчик. Кажется, его звали Сергей Кравцов.

Антон поспешно встал, смахнув с глаз дрему.

- Где капитан?
- Ждет на том конце перрона, – ответил кинолог, указав фонариком в противоположную сторону.
- На станции его нет.
- Значит, ушел на соседнюю. Кто знает, что еще ему взбрело в голову, – проворчал кряжистый оперативник.

Антон коротко кивнул. Почему он сам до этого не додумался. Проклятая усталость. Веки тяжелели, в голове царил пустота. В таком состоянии только под жену лечь и забыть, а не вести расследования.

Кинолог снял с пояса рацию и попытался связаться с капитаном, но, кроме помех, ничего не услышал.

- Нам что теперь его искать?

В глазах подчиненных лейтенант прочитал одно желание – поскорее вернуться домой. Он их прекрасно понимал.

- Придется найти, – сокрушенно вздохнул Антон.
- Он может быть на «Таганской», на кольцевой, в тоннеле, наверху. Да где угодно! – негодовал здоровяк, барабанил толстыми пальцами по дулу автомата.
- Я все время был у выхода. Алексеев не поднимался, – заключил Антон, пытаюсь восстановить привычный ход мыслей. – Куда он мог пойти?

Кинолог снова указал на конец перрона, на тоннель. На тоннель? Антон заметил фонарик у него в руке.

⁷ Икабод Крейн – главный герой рассказа Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной лощине».

- У него был фонарик?
- Да... – оперативник осекся. – Потом он отдал его мне.
- Когда я спустился сюда, света в тоннелях не было.
- Правильно, – кивнул Кравцов. – Последнее время это часто случается. И не только здесь. На всей линии бывают сбои.
- Когда его выключили?
- Как раз, когда мы ушли проверять боковой тоннель.
- В тот момент Алексеев был на перроне?
- Да.
- Без света капитан в тоннель не сунется, – вслух подумал Антон. – Значит, он на одной из соседних станций.

Приглушенные шаги привлекли их внимание. Антон опрометью бросился на звук. В центре перрона он встретил тощего обходчика. Чудной парень с ног до головы был одет в спортивный костюм марки Adidas, даже на кроссовках и бейсболке с обрезанным козырьком красовалось аналогичное название. На плечах он держал лом и лопату. Заметив постороннего человека, выскочившего из-за колонны, юноша попятился.

- Доброй ночи. Вы спускались оттуда?

Лейтенант показал на гранитные ступени перехода ведущего на станцию «Таганская». Парень кивнул.

- Видели там мужчину в милицейской форме?

Парень отрицательно мотнул головой. Антон поблагодарил его и вернулся к остальным. Вчетвером они проверили кольцевую, но дежурившие там две пожилые уборщицы побожились, что капитана не видели. Осмотр коридоров и лестниц так же не принес результатов. Рация молчала. На зов Алексеев не отзывался. В полном замешательстве они вернулись на «Марксистскую» и столпились на краю перрона.

- Где его теперь искать? – спросил кинолог, поглаживая овчарку.

Взгляд Антона коснулся торцевой двери в конце перрона, как раз рядом с входом в тоннель. Кажется, поклонник марки Adidas отнес инвентарь именно туда.

- А там что за дверь?
- Служебные помещения, – ответил Кравцов и широко зевнул. – Столовая для уборщиков, кладовки и санузел. Вашему капитану там делать нечего.
- Уверен?
- Думаете, Алексеев решил облегчиться? – хохотнул громила.

Антон бросил на здоровяка раздраженный взгляд. Плоский юмор оперативника и полное отсутствие мозгов раздражали его. Гнат Сехно был родом с Украины. Дюжий малоросиец с вечно сосредоточенным лицом, перекошенными губами и приплюснутым носом напоминал боксера. Сехно был из разряда тех «счастливчиков», о которых говорил Алексеев. В первый месяц службы Гнат застрелил преступника. Спонтанное убийство его ничуть не огорчило, даже позабавило. Он тогда рассудил просто и с пафосом, как-то так: «В конце концов, оружие мы не для красоты носим» или «Он сделал свой выбор». Низкая дисциплина и частые понижения в звании мешали громиле подняться выше сержанта. Антон не любил оперативника, видел его нечасто, а при встрече старался не замечать. Тем не менее, он слышал, что в случае опасности на Гната всегда можно было положиться. Если, конечно, опасность не исходит от него самого.

Кинолог встал и сделал шаг вперед, собираясь подвести собаку к двери, но Антон его остановил.

- Проверим лучше тоннели.
- Издеваетесь? – возмутился Гнат. – Мы уже это сделали!
- Разговоры, Сехно! Я старше тебя по званию.
- Вы не при исполнении, старший лейтенант Гончаров.

Антон достал удостоверение и для убедительности помахал книжечкой у него перед глазами.

– Все меняется, Сехно. Или ты не знал?

Громила буркнул что-то и умолк. Кравцов, все это время наблюдавший за ними, вдруг указал пальцем на тоннель.

– Вон там. Это монтеры из нашей бригады. Может они его видели?

– Можно спросить.

Гнат шагнул вперед и окликнул монтеров. Те остановились у входа в тоннель и переглянулись. Низкорослый мужчина в желтом сигнальном жилете сделал шаг назад, словно испугался чего-то.

– Эй! Ты, в желтом жилете! Ты чего? Оба идите сюда. Не бойтесь.

– По уставу милиционер обязан обращаться к гражданину на ВЫ, – поправил его лейтенант. – С этого момента говорить буду я.

– Зануда...

– Опять за свое, Гнат, – нахмурился кинолог. – Только вчера выговор из-за тебя получили. Потактичней. Тут тебе не армия.

– При чем здесь армия? Что ты вообще знаешь об украинской армии.

– То, что ты мне рассказывал.

Антон оставил их и подошел к путейцам. Поджарый монтер в желтом жилете оказался азиатом. Его смуглое лицо лоснилось от пота. Посаженные глубоко глаза напоминали две узкие щели. Жиденькая бородка под нижней губой не стрижена. Маленький человечек слегка поклонился в знак приветствия, с тревогой воззрившись на лейтенанта и людей в форме у него за спиной.

– У меня есть миграционная карта, – почти шепотом вымолвил азиат.

Лейтенант понимающе кивнул и посмотрел на его спутника. Это был мрачный увалень, втрое крепче напарника. Громила держался уверенно. Плечистый и черноволосый, по комплекции он не уступал Гнату, разве что живот был больше, а толстые бедра при ходьбе терлись друг о друга. На правой щеке у монтера темнело большое багровое пятно, напоминавшее ожог. Грубый тон оперативника его не смутил. Он даже пожал руку Антону и спокойно произнес:

– Чем мы можем вам помочь?

– Мы ищем нашего начальника. Примерно моего роста, носит форму, задает много вопросов. Он вам не встречался?

– Нет, – коротко возразил путеец.

– У вас что, свидание? Почему вдвоем гуляете? – набросился на них Кравцов. – Бычков, ты что-то зачастил к нам в гости? Заняться нечем?

– Воронцов велел инвентарь принести, – произнес громила, указав на служебное помещение.

Антон повернулся к подчиненным. Его охватило волнение. Алексеев еще в машине говорил, что случай исчезновения не единичный. Согласно показаниям свидетеля, это происходило в течение многих лет. С другой стороны, у кого из работников метро хватило ума встать на пути капитана милиции и тем более похитить его. Для чего? При всем желании Антон не мог представить себе идиота, решившегося на такое. Информация, которой он располагал, была неполной, не говоря уже об уликах. Он вообще должен был уехать домой, черт возьми!

– Лейтенант, что делать будем? – спросил Гнат, поглаживая большим пальцем предохранитель автомата.

– Проверим тоннели.

– Шан Цунг, ты пойдешь с нами. – Кравцов повелительно махнул азиатку. – Я найду тебе занятие. Ты, Бычков, иди, куда шел.

– Но Воронцов велел...

– Мне плевать, что Воронцов велел, – грубо оборвал помощник бригадира. – У него свой участок и своя бригада. Жаль, только своих мозгов нет.

Впятером они зашагали туда, где находился передаточный тоннель. Сначала Антон решил проверить задел, рядом с которым исчез обходчик. Алексеев часто повторял, что в любом деле важен результат. Промедление смерти подобно. Придется взять предварительное расследование на себя до тех пор, пока не вернется начальник.

Спать все еще хотелось, но уже не так сильно. Чтобы избавиться от вялости, Антон убыстрил шаг и вскоре спустился в тоннель. Остальные следовали за ним. Вперед вышел кинолог. Овчарка уткнулась носом в пол и стала принюхиваться. За спиной раздался голос верзилы. Антон сразу понял, что тот обращается к азиату.

- Вы откуда родом?
- Северный Вьетнам, – тщательно выговорил монтер. – Хайфон.
- Почему вы зовете его Шан Цунгом?

Кравцов первый раз дружелюбно рассмеялся.

- Слышали когда-нибудь о ким-ке?
- Золотой петух, – не оборачиваясь, произнес Антон, осматривая пыльную нишу с проводами. – Экзотическое боевое искусство. Боец использует в основном ноги и голову как петух.
- Очень познавательно.
- Да. Чанг Фу настоящий мастер. Он такие фокусы вытворяет. Одно время даже работал тренером.
- Ясно, – пробубнил Гнат. – А это правда, что вьетнамцы собак едят?

Все, кроме овчарки, посмотрели на оперативника.

- Сехно! Я тебя предупреждал? – воскликнул Антон.
- Все-таки с нами Сканер. Мало ли что?
- Я собак люблю, – незлобиво отозвался Чанг Фу.

В тот же миг азиат споткнулся и обязательно упал бы, если бы Кравцов вовремя его не удержал. Из-под ноги монтера выкатился похожий на гильзу золотистый цилиндр. Антон поднял лазерную указку. Этот брелок капитан всегда носил с собой. Овчарка внезапно гавкнула и натянула поводок вправо. Чуть поодаль у стены валялся пистолет Макарова.

Наступила тишина. Антон с опаской вглядывался в круглый тоннель, уводивший за поворот. Лицо обдувал прохладный ветер. Две цепочки лампочек, закрепленные на тубинговых кольцах, сияли тусклым светом. Похоже на дурной сон. А что, если так оно и было? Может он все еще сидит на лавке и крепко спит? Даже в фазу быстрого сна, а это около пятнадцати минут реального времени, человек неосознанно успевает прожить целый день или даже жизнь.

Кинолог достал рацию и еще раз попытался связаться с начальником, но ответа не дождался.

- Опять встали, – обозлился Гнат. – Пошли его искать!
- Не спеши, – пробормотал Антон, массируя виски. – Надо подумать.
- Хватит уже думать! Вся эта ваша с Алексеевым теоретическая тягомотина только тормозит следствие. Не понимаю, зачем она вообще нужна? Пока вы думаете, преступник скроется и еще кого-нибудь решит.
- Какой преступник? – недопонял кинолог.
- А ты думаешь, Алексеев пистолет случайно выронил? Валер, давай, просыпайся! На капитана напали.
- Невозможно, – вмешался Кравцов. – Кому это вообще нужно?
- Тому, кто напал на вашего обходчика.
- На Петренко? Никто на него не нападал. Старик просто исчез.
- Капитан Алексеев сказал, что в дежурную часть поступил звонок, в котором неизвестный утверждал, что на одного из обходчиков Калининской линии было совершено нападение. Нападение, – по буквам произнес Антон.
- И кто это был? – спросил Кравцов.

- Неизвестно. Звонил ночью с таксофона на Таганской площади. Очевидно, кто-то из работников метрополитена.

Антон подобрал пистолет и сунул его за пояс. Сомнения растаяли вместе с остатками сна.

- Слушайте внимательно. Пистолет – это улика. Она дает нам право утверждать, что Алексеев исчез в этом тоннеле или в передаточном. Когда пропал обходчик, камеры на перронах ничего не зафиксировали. Значит, из тоннеля он не выходил. Строго говоря, Алексеев и Петренко по-прежнему где-то здесь.
- Чертовщина какая-то, – поежился кинолог. – Не могли же они провалиться сквозь стену?
- Вот мой приказ. Мы еще раз обыщем тоннель, а если никого не найдем, вызовем подкрепление и перевернем все вверх дном от вестибюля до унитазов.

Никто из подчиненных возражать не стал. Сергей Кравцов и Чанг Фу так и вовсе дружно закивали. Может, Алексеев и зря подозревал обходчиков, в особенности Кравцова. Конечно, теоретически помощник бригадира мог убить коллегу и спрятать тело, к тому же у него были ключи от подсобных помещений. Другой непременно стал бы развивать эту смехотворную теорию, но Антон знал секрет – убийцу выдает поведение. Стремясь держаться естественно, многие перегибают палку. У кого-то от пролитой крови быстро сдают нервы, другие пытаются казаться равнодушными, не понимая, что именно равнодушные чаще бросается в глаза. Не важно, какой силой воли обладает человек. Играть в несознанку с опытным следователем бессмысленно. Требуется не больше часа прямого контакта, чтобы раскусить такого «актера». Кравцов же за те полчаса, что Антон за ним наблюдал, ни разу не дал повода себя заподозрить.

Поправив упавшую на висок прядь, он повел свой маленький отряд на поиски.

«Важен результат», – повторял про себя Антон. Чем быстрее они найдут улики, тем легче будет раскрыть дело. По горячим следам. Сканер считалась опытной ищейкой. Уловив запах Алексеева, она должна была что-то учуять, ведь преступление произошло менее получаса назад. Преступление? Антон стиснул кулаки. Сколько лет подряд они с капитаном во всеоружии выезжали на место происшествия, а потом важно расхаживали как фламинго в зоопарке, поражая друг друга знаниями. Один раз им пришлось расчехлить оружие и напрячься, но и тогда все решилось миром. Почему же теперь, когда он устал и рассеян, судьба подвергает его такому суровому испытанию?

Из размышлений Антона вырвал лай. Собака рвалась к металлической двери в левом заделе. Лейтенант поднялся по ступеням и дернул за ручку. Закрыто.

- Это кладовка, – пояснил Кравцов, доставая из кармана штанов связку ключей. – Мы ею давно не пользуемся.
- Он ее уже нам показывал, – добавил Гнат, встав за спиной у начальника. – В тоннеле таких три.

Кравцов протиснулся между ними и отпер дверь. Щелкнул выключатель. Взору Антона предстало грязное помещение, наполненное ржавчиной и мусором. Пол был выложен кафелем. Заваленная нечистотами раковина смердела так, словно туда облегчилась бригада обходчиков. На полу виднелся ржавый след от ведра. Антон дотронулся до кафеля. Если кладовкой не пользуются, то куда делось ведро? Судя по всему, кто-то забрал его, но как давно – точно сказать невозможно. Напротив двери вплотную к стене стоял деревянный шкаф. Ничего противоестественного, помимо невыносимой вони, здесь не было.

- Посмотрели? Пойдем дальше, – прикрывая нос рукой, простонал Гнат.

Антон пропустил вперед кинолога с овчаркой. Собака вошла неохотно, понюхала, заскулила и попятилась к выходу. Кинолог хотел ее увести, но Антон попридержал его. Подойдя к шкафу, он распахнул дверцы. В тусклом свете лампочек они увидели еще одну дверь. Эта тоже была металлической, но без ручки и с узкой замочной скважиной. Антон без труда забрался внутрь и толкнул тяжелую преграду. К всеобщему удивлению дверь со

скрипом отворилась. Глубоко в темноту уводил узкий проход и множество ступеней. Внизу у основания лестницы сияла лампочка, сверху казавшаяся не больше булавочной головки.

- Все проверили? – сквозь зубы процедил Антон.
- Но мы... – начал было Сехно. – Тут была такая вонь и мы...
- Завтра же подам рапорт! Во всех подробностях! Получите по полной программе!

С какими идиотами приходится работать. Он представил, как Алексеев стоит на перроне и, по обыкновению, выстраивает логические цепочки, основанные на «фактах» предоставленных этими недоумками. Долго, должно быть, капитан голову ломал. Ничего. Сейчас за дело взялся он. Антон Гончаров, как всегда, все исправит.

- Отныне все слушают меня, – прервал лейтенант виновато бубнившего оперативника. – Действуем быстро и четко. Кравцов!
- Да.
- Что там внизу?

Помощник бригадира потупил взор. Переминаясь с ноги на ногу, он пожал плечами, но, поймав напряженный взгляд Антона, быстро сдался.

- Слышали о «Метро-2»?
- Конечно. – Лейтенант в шоке уставился на обходчика, плечом уткнувшись в боковую стенку шкафа. – Хочешь сказать, что вход в правительственное метро находится в заваленной дерьмом подсобке метрополитена? Это же байка.
- Конечно, байка, – обозлился Кравцов. – Вход в правительственное метро находится в закрытом павильоне за золотыми воротами и его сторожит архангел с пылающим мечом. Господи! Да где ж ему еще быть как не в подобной подсобке.
- Он прав. Зачем привлекать внимание.
- Ты вообще помалкивай, – указал на Гната лейтенант. – Что еще я должен знать? Выкладывай, Кравцов, или заберем до выяснения.
- Угрожаете мне?
- Лучше начинай говорить, если не хочешь пополнить наш персональный зоопарк.
- Что?! – возмутился помощник бригадира. – У меня есть права и я...

Антон почувствовал, как в нем закипает злоба. Мало того, что обходчик его обманул, так теперь еще пытался на место поставить. Что этот доходяга с потным лицом о себе думает? Антон всегда следовал правилам, даже мигалку в пробках не использовал, за что нещадно получал от жены, считавшей, что у старшего лейтенанта есть какие-то «особые привилегии». Однако в такие минуты, когда под угрозой авторитет, об уставе лучше забыть. Важно сразу дать понять, кто есть кто, иначе из тебя начнут веревки вить.

- Будешь качать права в клетке с другими обезьянами, если не скажешь все что знаешь! Ты и так влип по уши. Дача ложных показаний, сокрытие улик, препятствие следствию... Мне продолжать?
- Это не моя вина! – сдался обходчик, чей тон сразу стал мягче и спокойнее. – Так распорядилось руководство. Я человек маленький.
- Тут я с тобой согласен. С маленького человека и спрос меньше. Выкладывай.
- Я нашел этот ход давно.
- Как давно?
- В 96-ом году. Что с того? Когда начальство об этом узнало, меня чуть не уволили. Если бы не бригадир...
- Ближе к делу.
- Ближе некуда, – развел руками Кравцов. – У них, наверное, договор с военными. Нам запрещено говорить о подобных местах и тем более туда спускаться. Поэтому я молчал.
- И все же ты нам дважды открыл дверь, – заметил кинолог. – Значит, хотел, чтобы мы нашли этот ход?

Кравцов оглянулся на Чанга Фу, словно боялся, что тот его сдаст. Вьетнамец в ответ улыбнулся.

- Вы рано или поздно узнали бы обо всем от мужиков. Ведь это они рассказали вам историю о привидениях.
- О Витьке Косматском? О да, – хохотнул Гнат.
- Есть еще кое-что. – Обходчик зачем-то перешел на шепот. – Я двенадцать лет работаю на Калининской линии и слежу за порядком. Все входы и выходы на мне. Так вот, с недавних пор я начал замечать, что сотрудники «Метро-2» стали чаще пользоваться этой кладовкой. По крайней мере, обе двери почему-то иногда оставляют открытыми.
- Подозреваешь тех, кто работает внизу?
- Нет. Самих сотрудников я не видел, но кто-то же шастает через шкаф и обратно. Обходчики и оперативники переглянулись. Все думали об одном и том же.
- Звучит паршиво, – наконец вымолвил кинолог. – Если тут замешаны военные, стоит задуматься, – надо ли туда спускаться.
- Я не оставлю Алексева. – Антон шагнул за порог на лестницу. – Я иду вниз. Вы идете за мной. Это приказ.
- Стойте! – остановил Гнат. – Мы даже не знаем, кто это делает и сколько их. Давайте вызовем подкрепление.
- Лейтенант, это вам не Нарния, – поддержал кинолог. – Едва ли внизу нам нальют чашку горячего чая.
- Сначала убедимся, что мы не ошиблись. Я не хочу выглядеть дураком в глазах начальства. Прежде чем начать операцию нелишне собрать хоть какую-то информацию. Не знаю как у вас, а у меня на погонах лишних звездочек нет.
- У нас тем более, – буркнул Гнат, зыркнув на три потертые лычки.

Антон включил фонарик и пошел вниз. Остальные неохотно последовали за ним. Последним кладовку покинул помощник бригадира. Сергей Кравцов предусмотрительно выключил свет и плотно прикрыл обе двери, напоследок перекрестившись.

Лестница уводила вниз под большим углом. Под скошенным потолком висели старомодные плафоны из толстого стекла. Ступени покрывал слой извести. Спускаясь в такие места, особенно остро начинаешь ощущать одиночество. Затхлый воздух, шершавый бетон с трещинами, тишина и темнота давят со всех сторон.

Вскоре они попали в длинный узкий коридор. Вдоль стен в обе стороны тянулись покрытые ржавчиной трубы. Над головой чернели кабели и пустые ламповые патроны. Далеко впереди на большом расстоянии друг от друга подобно путеводным звездам сияли лампочки. Антон дал собаке понюхать брелок. Сканер сразу взяла след, потянув вправо.

Идти пришлось долго, но легко, все время вниз. Вскоре им попался первый задел. Лучи фонариков осветили каменные блоки, штабелями сложенные подле стены. Чем дальше они уходили, тем шире становился тоннель и тем чаще появлялись заделы и ниши. Иногда попадались кладовки, запертые на окаменевшие от ржавчины замки. Помещения без дверей почти все пустовали. В воздухе подобно снегу летала пыль и паутина.

- Откуда такой сильный ветер? – спросил Антон, ощущая на вспотевшем лице растущий напор воздуха.
- Впереди вентиляционная штольня, – пояснил Кравцов. Он обогнал остальных и подошел ближе к лейтенанту. – Глубокие участки вроде этого проветривают с помощью них. Эти штольни уже и длиннее обычных шахт метрополитена.
- Через нее можно попасть наверх?
- Исключено. Там почти вертикальный ствол с мощной турбиной у основания. Такие используют в основном на рудниках.
- Какая же тут глубина?

Кравцов сощурился.

- Семьдесят метров от поверхности. Может больше.

- Вы действительно рассчитываете найти здесь капитана? – спросил кинолог, одной рукой вцепившись в поводок, другой придерживая висящее на плече оружие. – Это же лабиринт. Нам не справиться в одиночку.
- Пока собака чует запах, мы будем идти вперед, – раз и навсегда отрезал Антон.
- Сейчас будет большой задел, – вмешался Кравцов. – Потом через полкилометра лестница вниз. Она выводит в новый тоннель. Вот туда я бы вам не советовал спускаться.

Гул от турбины нарастал. Лучи фонариков скользили по бетонным стенам. Лампочек вокруг становилось все меньше, и все чаще впереди и сзади царил тьма. Как тут не вспомнить слова итальянского классика: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»⁸. Антон думал именно об этом. Тоннель хоть и тянулся в одном направлении, но не переставал петлять. Настоящая винтовая лестница в ад.

- В вестибюле я встретил человека, – вполоборота произнес лейтенант, – в черном спортивном костюме. Тощий, как скелет, и с кривым носом. Много болтает, часто извиняется. Знаете его?

Чанг Фу и Кравцов переглянулись.

- Зайцев? – предположил вьетнамец.
- Скорее всего.
- Кто он такой? Какая у него должность?
- Никто, – злобно отозвался Кравцов. – Шестерка начальства, заместитель десятого заместителя. Не знаю, кто он сейчас. Может, как и раньше, в обходчиках ходит. Стольких мужиков из-за него уволили. Меня пару раз оштрафовали. Вам он тоже не понравился?
- Подозрительный тип, – согласился Антон.

Они завернули за очередной поворот. Дальше тоннель тянулся только прямо. Лампочки на стенах висели сплошь затянутые пыльной паутиной. Здесь света не было уже очень давно.

- Если идти все время вперед, можно выйти к третьей линии правительственного метро.
- Куда? – недопонял Гнат.

Грузный оперативник плелся следом, держа автомат наготове. Рядом с ним шел вьетнамец, бедный, как мел, насколько это вообще позволял цвет его кожи. В руках он держал фонарик, который ему отдал Гнат.

- Известно куда. В сторону Балашихи в центральный командный пункт войск ПВО.
- Микрорайон Заря, – в подтверждение собственных слов кивнул Антон. – Опять байка.
- Это не байка. Между станциями «Авиамоторная» и «Шоссе Энтузиастов» на большой глубине находится охраняемый военный объект, что-то вроде контрольного пункта, и правительственная ветка в сторону Зари. Отсюда это очень далеко, но все равно есть риск нарваться на патруль.
- Откуда ты все это знаешь?
- Мой отец раньше работал в метро. Да и я сам, признаться, пару раз туда пробирался. Слышал, два месяца назад один пацан из бригады Воронцова решил поиграть в разведчика. Спустился вниз прямо в руки патрульных. Такой скандал был. Начальство нас чуть на рельсы не положило.
- Значит, внизу группа вооруженных людей и закон, в любом случае, на их стороне, – закончил мысль Антон.
- Я про то и говорю. Здесь опасно находиться.
- А вдруг это солдатики шалят? – предположил кинолог.

⁸ Оставь надежду всяк сюда входящий (*итал.*) – отрывок из поэмы «Божественная комедия» Данте Алигьери, своего рода предостережение для тех, кто решил спуститься в ад.

- Зачем им это? Похищают людей для научных экспериментов? Такое только в кино бывает.
- Да какая разница, – пробасил Гнат. – У меня все просто. Попытаются нас убить, я им весь рожок скормлю. Пусть потом рапорты строчат.
- Подумайте, лейтенант, – умолял обходчик. – Мы действительно не можем туда спуститься. Это военный объект. Они даже вас имеют право арестовать.

Антон промолчал, убыстрив шаг. Скоро показался задел. Обширное прямоугольное помещение с пятью проходами тянулось вширь. Где-то во мраке неподалеку шумела турбина вентилятора. Как назло, здесь овчарка потеряла след, и Антону ничего не оставалось, кроме как отдать приказ разделиться. Они разошлись, стараясь держаться друг у друга на виду и стали осматривать ниши. Вскоре из темноты принесся дрожащий голосок Чанга Фу.

- Начальник, сюда! Скорее!

Через мгновение Антон был рядом. Потеснив обходчика, он с содроганием посмотрел на лужу крови. Пятно света застыло на ней. С детства, после того как больная бабушка в буквальном смысле захлебнулась ею у него на глазах, он боялся вида этой красной массы. Плазма, дающая жизнь людям и животным, подобно воде в трубах бегущая по артериям к сердцу и наружу через рот, нос, уши... Антон кашлянул и отпрянул, натолкнувшись на кинолога.

- Ого, – вымолвил тот. – Это то, что я думаю?

Лучи трех фонариков забегали по темному коридору, но кровь была только на полу в одном месте.

- Рана небольшая. Возможно, он все еще жив, – произнес Антон с трудом поборов тошноту. Убедившись в том, что постыдная слабость осталась незамеченной, он продолжил: – Валер, Гнат! Нужно там все осмотреть. С максимальной осторожностью.

Кинолог надел на собаку намордник, чтобы та не выдала их лаем. Передав поводок Кравцову, он взялся за автомат. Оба оперативника двинулись вперед, держа автоматическое оружие наготове. Антон с обходчиками последовал за ними. Вооружившись пистолетом, он плотно прижал его к руке, в которой держал фонарик. Мечты о «большом деле» сбылись. Внеплановый рейд в подземку грозился обернуться самым диким расследованием в его жизни.

- Боже, упаси. Я на такое не подписывался, – гудел Кравцов, удерживая рычащую овчарку. – Мне хватает маньяков среди начальства.

Завернув за угол, Гнат осветил приоткрытую внутрь металлическую дверь. В глухом помещении пахло тухлятиной. Судя по консервным банкам и кипам тряпья на полу, это было логово какого-то бомжа. Самодельная кровать в углу окончательно развеяла сомнения. Здесь жил человек. Повсюду валялся ржавый хлам и наполненные мусором пакеты. Кроме старой табуретки со спиленными ножками, пристроенной у кровати на манер столика, и металлического стеллажа из нержавеющей стали другой мебели в логове не было.

- Вы должны это видеть! – Кинолог направил луч света на внешнюю сторону двери.
- Замочная скважина запаяна свинцом или оловом. Дверь можно открыть только изнутри. Ловко придумал. Судя по всему, он живет здесь очень давно.
- Выходит, это он напал на капитана и на нашего обходчика? – уточнил Кравцов.

Антон не ответил. Он первым вошел внутрь и стал шарить лучом света по полу. Сразу найти что-то среди мусора и металлолома не представлялось возможным. Под ногами лежали самые разные вещи от игрушек, сумок и рюкзаков до ржавого инструмента и кип одежды. Иногда попадались освежеванные тушки крыс, на манер шаурмы завернутые в газеты и вскрытые банки с заплесневелыми консервами. Обитатель подземного логова не брезговал даже тухлятиной. Не будь поблизости вентиляционной штольни, они бы и минуты не смогли здесь провести.

Чанг Фу тем временем прокрался к стеллажу и стал рыться в сваленных там вещах. Антон первым заметил в руках у монтера пластиковый прямоугольник. Вьетнамец показал ему смарт-карту. В центре на синем поле была выведена красная буква «М», а внизу расшифровка. Такие электронные ключи носят при себе сотрудники метрополитена, чтобы попасть на рабочее место. В глаза Антону бросился торчащий из-под журналов уголок красной книжечки. Это уже серьезно. Он раскрыл найденный паспорт и внимательно присмотрелся к фотографии владельца.

- Кипятков, – по слогам произнес вьетнамец и окликнул Кравцова. – Эй! Это не тот, который из дневной смены?
- Знаете его?
- Он самый, – согласился Кравцов и подвел собаку к стеллажу. – Говорят, ему жена изменила, и он ушел в запой.
- А я слышал, что он пропал.

Валера приподнял одеяло дулом автомата, обнаружив под ним длинный нож с прорезиненной рукоятью. Он провел пальцем по клинку и отдернул руку. Острый, как бритва! Может отшельник и жил в помойке, но оружие точить не забывал. Взгляд его обратился на продолговатый предмет в углу. Луч фонарика очертил контур рельсовой плети. Кусок был аккуратно обрезан по краям. Рядом валялся молоток. Очень похоже на наковальню. Сверху лежал сигнальный жилет, вернее сразу несколько жилетов сшитых вместе. Часть материи была обложена грубо вырезанными пластинами. Каждый такой прямоугольник крепился к жилету внахлест с помощью проволочных колец. Странная поделка напоминала чешуйчатый доспех. Интересно, для чего бомжу этот средневековый бронежилет, и как, черт возьми, он приволок сюда рельсовую болванку. Судя по качеству стряпни, обитатель подземки едва ли мог похвастаться крепким здоровьем.

Свет коснулся подушки. Под ней Валера обнаружил еще один необычный предмет. Это была книга – великолепная улика, которая о многом говорила. На обложке были изображены два человека. Мужчина и женщина стояли друг напротив друга, приподняв руки.

- Смотрите, – он посветил на обложку, показав ее лейтенанту. – Какой продвинутый бомж. Учит язык глухонемых.

Антон махнул ему рукой, подзывая к себе. Они обнаружили еще один коридор за стеллажом. На другом его конце располагалась комната с электроцитами. Там лучи их фонариков соединились на широком проломе в стене. Складывалось впечатление, что кирпичная кладка просто треснула и разверзлась. Под ногами валялись осколки бетона. Снизу трещина была прикрыта тяжелым металлическим листом. Кинолог сбросил его и посветил вглубь фонариком.

- Ничего не вижу. Дыра какая-то.

Антон подступил к пролому. Внимание его привлекли капли крови на полу. В пыли отчетливо виднелись три бурые точки. Опять знак. Три капли крови – это к смерти. Спасибо чахоточной бабушке за языческое наследие.

Валера первым вызвался на разведку. Вооружившись фонариком и пистолетом, кинолог пробрался в трещину и надолго растворился во тьме. Антон уже готов был последовать за ним, но разведчик внезапно вернулся. На лице его читались страх и недоумение.

- Вы не поверите. Там пещера.
- Какая еще пещера? – не понял Гнат.
- Самая настоящая. Метра три в высоту.
- Она куда-то ведет?
- Да. Там три прохода. Большая трещина и две норы. Камень гладкий словно стекло, как будто его полировала вода. Мы с семьей в прошлом году были в Таиланде. Там в морских гротах повсюду такие камни.

- Миллионы лет назад на месте Москвы было море. Вот только следы его сохранились на глубине нескольких километров. – Антон наморщил лоб, помассировав двумя пальцами переносицу. – Что-то тут не вяжется. Здесь в городе так близко от поверхности пещер быть не может.

Кинолог с тревогой воззрился на Антона.

- Вы ведь не ползете туда? Скажите, пожалуйста. Если ползете, то это будет самый глупый поступок в вашей жизни.

Антон забрал у него пистолет и подозвал Гната. Оперативник обреченно вздохнул, повесив автомат на плечо.

- Мне нужен еще один человек. Кравцов?
- Ну уж нет! Я пасс. Пусть лучше Шан Цунг лезет.
- Спасибо, начальник. Вы настоящий друг, – отозвался вьетнамец.
- Старший лейтенант Гончаров. Вы отдаете себе отчет в том, что делаете? – кинолог постарался придать голосу как можно больше строгости. – Опомнитесь. Подумайте, куда вы рветесь. Это пещера, а не тоннели метро. У вас нет необходимого снаряжения. Вы погибните там.
- Что, если Алексеев все еще жив?
- Вот заладил!
- Валер, посмотри на это с моей стороны. Разумеется, мы можем вернуться и вызвать подкрепление. Пройдет не меньше часа, прежде чем закончат бумажную волокиту, подготовят специалистов, проведут сюда спасателей.
- МЧС не нужна подготовка. Если попросим, они будут здесь через десять минут вместе с пожарными.
- Ты меня не слушаешь! Я понятия не имею, сколько нужно ждать, чтобы получить полномочия для проведения спасательной операции на таком объекте. Представь, сколько звонков нужно сделать и скольких людей разбудить. Какова вероятность, что министерство обороны вообще согласится? Сошлутся на военную тайну, осмотрят все сами, а потом скажут, что ничего не нашли. Это же секретный объект.

Антон вернулся в соседнее помещение и взял со стеллажа две каски. Одну отдал Гнату, вторую протянул Кравцову.

- Я же сказал, что не пойду.
- Если поможешь, я не упомяну в рапорте о твоём обмане. Напрасно ухмыляешься. Я ведь хочу тебе помочь. Следствия об исчезновении людей могут длиться годами. – Лейтенант вымученно рассмеялся, намекая, что ждет обходчика. – Сложно описать такое увлекательное занятие как предварительное расследование. Его нужно испытать на себе. Скажу только, что люди, вовлеченные в это, зачастую не знают спокойных выходных. Тебе ведь не нужна вся эта морочка? Пройдешь по делу как свидетель, пару раз дашь показания, и о тебе все забудут.
- Обещаете?
- Богом клянусь.
- Нашли кем клясться. Бог не ваша собственность.
- По рукам?

Кравцов нахмурился и надел каску в знак согласия. Валера забрал у него поводок и первым делом снял с овчарки намордник. Гнат и Кравцов полезли в трещину. Кинолог протянул Антону рацию, но тот отказался. На такой глубине связь бесполезна. Даже говорить друг с другом будут сквозь помехи, а за первым же поворотом сигнал между радиостанциями и вовсе пропадет.

- Не говорите пока никому, что мы сюда спускались, – попросил лейтенант. – У нас действительно нет на это полномочий. Могут возникнуть проблемы.
- Они и так возникнут, – вздохнул кинолог. – Подумать только, обыкновенный вызов и такая задница! Может, все-таки не ползете?

- Я принял решение, сержант. Наша работа – обеспечивать безопасность граждан, но и о друзьях забывать нельзя. Вдруг Алексеев истекает кровью в паре метров отсюда, а мы пойдем звать на помощь, которая может вовсе не прийти.
- Будьте осторожны. Тот, кто его унес, поблизости.

Антон пожелал им того же и, пригнувшись, забрался в трещину. Луч его фонарика растаял во мраке.

***

Оставив задел позади, они стали подниматься вверх. Вьетнамец шел впереди, освещая путь фонариком. Перед глазами Валеры то и дело мелькала его волосатая макушка. Монтер двигался уверенно, хорошо выверенным шагом. Складывалось впечатление, что он перестал бояться или его воодушевляла мысль о возвращении в безопасные тоннели метро. Валера и сам думал о том же. Он поднимется к машине и свяжется с диспетчером. На этом его дежурство будет окончено. Не важно, кто напал на Алексеева. Бродяга это или обходчик – его схватят и посадят лет на двадцать... или на кол. Зависит от того, кто найдет его первым, – милиция или военные.

Валера опомнился. Слишком рано расслабился. Сначала нужно выбраться. Тот, кто расправился с капитаном, по-прежнему где-то внизу. Он мог подстеречь их в любом из заделов или напасть со спины. Чанг Фу внезапно повернулся и не сбавляя скорости произнес:

- Тяжело идти, начальник?
- Да.

Вьетнамец смахнул с морщинистого лба градины пота.

- Подниматься всегда тяжелее, чем опускаться.
- Как в жизни, так и в спорте, – согласился кинолог.

Он вдруг ощутил сильную усталость. Кажется, прошла целая вечность с тех пор как они спустились сюда. Странно, что он почувствовал это только теперь. О какой там глубине говорил Кравцов? Семьдесят метров? Господи, скорей бы глотнуть свежего воздуха. Как люди вообще могли тут работать сутки напролет по шесть дней в неделю без солнца и домашней пищи. Не удивительно, что кто-то сошел с ума и стал пускать коллегам кровь.

Хорошо бы сейчас не наткнуться на этих маньяков. Валера еще в заделе снял автомат предохранителя. Если кто-то попытается на него напасть, он сразу отпустит поводок, а там уже не важно, носят отморозки средневековые доспехи или кевларовые бронежилеты. Калашу все равно. Он в угоду обладателю везде красную дорожку простелет.

- В чем дело, начальник? – спросил вьетнамец, поймав его настороженный взгляд.
- Ты ногами хорошо работаешь?
- Да, начальник. И головой.
- А кулаками?
- Ладонями и пальцами. Бойтесь, на нас нападут?

Валера озабоченно кивнул. Чанг Фу в ответ мягко улыбнулся.

- Им же хуже.

Внезапно монтер оторвался от земли, подпрыгнул на добрый метр и, оттолкнувшись ногой от стены, крутанулся в воздухе. Валера замер в изумлении. Опомниться не успел, а коренастый человечек уже стоял в другом месте, деловито поглаживая бородку. Чтобы носитель экзотического боевого искусства работал за копейки в метро – такое возможно только в России. Едва ли Чанг Фу представлял, какими возможностями располагает. Давно бы нанялся в какую-нибудь элитную школу, где детишки богатых родителей учатся отрабатывать смертельные приемы.

Кстати о детях.

- Послушай, – вежливо попросил Валера, – не мог бы ты потренировать моего сына? Он у меня модельер, одним словом, – тюфяк. Пропадет ведь парень.
- Можно, начальник.
- Вот и хорошо. О цене договоримся.
- Пусть сначала подготовится. Больше риса, сои, кунжута и овощей. Час на разминку утром и вечером в течение месяца. Я вам упражнения напишу.

Валере стало жаль добряка-азиата.

- Послушай, приятель. Что ты здесь забыл? Мог бы неплохо зарабатывать. Зачем сидишь в этой дыре?
- Я работал... – вьетнамец понуро кивнул. – Пять лет в клубе товарища Сахарова на Барвихе. Много людей тренировал. Платили мало. Потом растяжение сильное получил. Доктор сказал, что не смогу заниматься как раньше и меня выгнали.

Валера покачнулся. Овчарка неожиданно рванула вперед, едва не вывихнув ему запястье. Тоннель огласил яростный лай. Нацелив автомат в темноту, он подал сигнал спутнику, но Чанг Фу не нуждался в предупреждениях, успев занять боевую стойку. Луч фонарика осветил массивную фигуру вышедшую из задела. Сверкнули полосы сигнального жилета. Человек был вооружен. В правой руке он держал фомку.

- Не стреляйте! – послышался торопливый голос. – Это я...

Валера опустил автомат и присмотрелся. Пухлое лицо Бычкова в свете фонарика казалось совсем гротескным. Ожог на щеке напоминал глубокий провал. Для человека, которого едва не пристрелили, здоровяк выглядел чересчур спокойным.

- Что ты тут делаешь? – спросил Чанг Фу, удивленный появлением громилы-монтера не меньше Валеры.
- Я пошел за вами... Думал, что смогу помочь. Говорят, здесь небезопасно.
- Поэтому ты гуляешь в темноте один?
- Мой фонарик сломался. – Бычков вытащил из-за пояса серебристый цилиндр и щелкнул выключателем. – Видите? Я собирался вернуться назад и вдруг увидел вас.

Монтер оглянулся в пустоту, облизнул высохшие губы и поманил обоих пухлым пальцем.

- Пойдемте. Я думаю, вас это заинтересует.
- Что такое?
- В общем, я тут кое-что нашел. Это в другой стороне от выхода.
- Что ты там нашел? – нахмурился Валера, не отводя взгляда от фомки.
- Пойдемте. Я покажу.

***

Лейтенант осторожно ступал среди гладких камней. Под ногами скрипела известь. Свод по краям пещеры плавно соединялся с полом. В потолок упирались драпированные каменные плиты, отколовшиеся когда-то и теперь сросшиеся благодаря натечным отложениям. Три такие колонны держали свод. Когда он жил в Домодедово отец иногда водил его в Сьяновские каменоломни, так что опыт исследования пещер у него уже был. Главное в таких местах смотреть под ноги и не спешить.

Антон подошел к стене и провел по ней ладонью. Действительно, как стекло. Луч фонарика коснулся бледных жил слюды, оплетающих камень подобно вьюну. Кое-где у основания стен попадались пласты ломкого известняка. Значит, раньше здесь была вода. Он осветил стены в глубине, обнаружив там два прохода. Повсюду лежали осколки твердой породы. В основном это бы не камень, а карст и глина. Тем не менее, ни о каких пещерах так близко от поверхности и речи быть не могло. Большинство провалов и карстовых воронок, о которых говорят в новостях, образуются благодаря пустотам в высохших известняковых массах. Порой такие разломы уходят в толщу карста, но чаще

просто в зыбкую почву. Пещеры же находятся на глубине нескольких километров и с поверхности до них не добраться.

Впрочем, на данном этапе расследования геология интересовала его меньше всего. Антон посмотрел на спутников. Кравцов и Сехно стояли неподалеку, с трепетом осматривая каменный зал.

- Мне здесь не нравится, – пробормотал верзила. – Как в могиле. Под землей должны жить только черви.
- Волшебное место, – полушепотом произнес Кравцов и, заметив устремленные на него взгляды, добавил: – Не думал, что когда-нибудь увижу нечто подобное. Отец рассказывал, как однажды при заложении новой станции нашел пещеру. Хороший был бригадир. Где только не бывал. Исходил метро вдоль и поперек.
- Нам бы твой отец сейчас пригодился.
- Он давно умер. Я тогда еще даже в метро не работал.
- Посмотрели и хватит. Не забывайте, скоро здесь появятся патрули. – Антон указал на разлом в стене, который пересекала глубокая трещина, тянувшаяся по своду через всю пещеру и дальше к выходу. – У нас в запасе не больше двадцати минут. Потом вернемся.

Антон извлек из кармана куртки мобильный телефон, установил на секундомере таймер и задал сигнал. Они быстро осмотрели пещеру, но не нашли никаких следов пребывания в ней человека. Оставались проходы. Заглянув в трещину, Антон увидел внутри две серпантинные дорожки и пропасть между ними. Дальше пролом заметно расширился.

Антон шагнул внутрь и ухватился за выступы. Повсюду известняк и глина. Опасная будет прогулка. Единственная опора под ногами закрипела. Постояв с минуту на месте, он убедился, что уступ выдержит, и стал двигаться дальше.

- Я туда не пойду, – воспротивился Кравцов. – Думаете, здесь вообще кто-то сможет пройти?

– Он прав, – добавил Гнат. – Возможно, Алексеева утащили в одну из тех нор.

Лейтенант прижался к стене и короткими шагами двинулся вперед, освещая путь фонариком. Уступ оказался крепче, чем он думал. Вскоре к нему присоединился Гнат.

- Ерунда. Идти можно, – заключил оперативник, перебрасывая вес с одной ноги на другую. – Главное не стоять на месте.
- Я обещал помочь, а не рисковать жизнью! – крикнул Кравцов. – Эй! Оставьте мне фонарик!
- Жди там, пока мы не вернемся.
- Один в темноте? А что, если вернетесь не вы?

Гнат зычно рассмеялся и, повернувшись к обходчику, пропел:

Помнят с горечью в Тамбове,
Хоть прошло немало лет,
Об обходчике Кравцове,
Чей лежит в метро скелет.

- Я из Москвы, – донесся рассерженный голос. Послышались хруст и шорох стекающего в трещину песка. Кравцов шел за ними.

Чем дальше они уходили, тем шире становился разлом. Наконец Антон остановился. Уступ, на котором они стояли, стал сужаться. Слева тянулась сплошная стена. Антон взглянул на туфли с острым носком. Гнат носил такие же. Валера был прав. Чтобы исследовать пещеры, нужна соответствующая экипировка. Если кто-то погибнет, отвечать придется ему. Идти дальше рискованно в любом случае. К тому же маловероятно, что убийца смог протащить здесь тело.

- Поворачиваем?

Ответом ему было молчание. Никто не возражал. Потребовалось немало сил и времени, чтобы вернуться в пещеру. Кравцов первым пошел к выходу. Антон и Гнат в это время осматривали тоннели поменьше.

– Предполагаете, он уволок его туда? – спросил оперативник.

Антон пожал плечами, осветив тоннели. Тащить тело по таким норам непросто. Впрочем, в глубине они были шире, чем у входа. Чем черт не шутит.

– Это возможно. Или его вообще здесь не было.

– Я следы не видел, – заключил Гнат. – Если только он их не замел.

За спиной раздалось невнятное мычание. Кравцов подзывал их к себе, энергично жестикулируя.

– В чем дело? – спросил Антон, проследив за жестами обходчика. – Мы уже уходим.

– Он ведь был здесь?

– Кто?

– Выход, разумеется! Это он или нет?

Антон не сразу понял, о чем тот говорит. Подойдя туда, он посмотрел на стену пещеры. Конечно, это выход. Путь во внешние тоннели был один. В этом он не сомневался. Почему же тогда на месте прохода лежал массивный валун?

– Не понимаю...

Антон посветил фонариком вокруг себя. Внимание его привлекли множественные следы. Они вошли в пещеру отсюда. Тогда каким образом здесь очутился камень? Антон посмотрел вверх. Не мог же он свалиться с потолка.

– Что это значит, лейтенант? – возмущенный голос Гната сорвался. – Это ведь тот самый проход! Скажите!

– Кто-то приволок камень и загородил выход.

– Кто-то? Да их тут не меньше десяти. Такой булыжник один человек не поднимет.

Кравцов неожиданно задохнулся. Достав из-под жилета крест, чудаковатый обходчик принялся судорожно его целовать.

– Ты что?

– Смотрите! – Он указал на ямку неподалеку, где до этого лежал валун. Слой извести вокруг нее был нетронут. – Его подняли. Понимаете? Камень не волокли, а несли!

Возле ямки Антон заметил еще одну пару следов – отпечатки больших рабочих ботинок. Похоже, в их отсутствие кто-то проник в пещеру и, судя по следам, он был один.

– Бред какой-то, – пробормотал Гнат, с опаской глядя по сторонам. – Не возможно сделать это в одиночку.

– Это ловушка.

– Как ты сказал?

– Нас обманули.

Антон уселся на камень, обхватив живот руками. Теперь понятно, почему преступники так легко позволили им обнаружить свое логово. Все было тщательно спланировано. Пистолет и брелок, двери в кладовке, кровь... Не могла она вытекать так неравномерно. Сначала целая лужа, потом три капли. Они знали, что их поведет собака и направили ее по ложному следу. Кровь могли выпустить заранее, сбить запах, а потом отнести тело вниз по тоннелю и оставить пятна в коридоре. Значит, капитан все-таки мертв. Теперь они останутся здесь, а двое других... Валера и Чанг Фу? Антон покачал головой. Прав был Алексеев, когда говорил, что ему рано браться за собственное расследование.

Дрожащими пальцами он достал из кармана пачку сигарет и закурил. Гнат присоединился.

– Вы так и будете сидеть? – негодовал Кравцов. – Вы же милиция. Делайте что-нибудь. Давайте попробуем подвинуть камень.

Оба удостоили его холодными взглядами.

– Значит, будем ждать помощи.

– Какой помощи?

Обходчик плюхнулся на соседний камень и схватился за голову.

- Сверху.
- От кого? – терпеливо переспросил Антон.
- Пораскинь мозгами, Кравцов. Кто еще знает, что мы спустились сюда?
- А как же ваш человек? А Шан Цунг?

Антон и Гнат переглянулись. До Кравцова наконец дошло. Обходчик открыл рот и с минуту смотрел на них не моргая. В чувство его привело шипение сигареты, которую верзила потушил об камень.

- К дьяволу все это! – крикнул оперативник, отчего из трещины посыпались струйки песка. – Он прав. Мы не можем просто сидеть и ничего не делать.
- У нас два варианта. – Антон осмотрел пещеру и встал. – Полезем туда, откуда он пришел или останемся здесь, и будем надеяться на чудо.
- Это опасно, – запротестовал обходчик. – Если он такой сильный, с ним никто не справится.
- Может он и сильный, но не пуленепробиваемый. У нас оружие. Уверен, в ближайшее время убийца сюда не сунется.
- Вот и хорошо. Здесь мы в безопасности.
- Надолго ли? – Антон посветил фонариком в сторону двух тоннелей. – Сколько ты протянешь без воды и пищи? А без света? Может, сутки мы и проживем, если будем экономить батарейки. А дальше что? Рано или поздно нас начнут искать. Преступник это знает и свой шанс не упустит. Прежде чем сюда спустятся люди, от нас останутся лужи крови.

Шум в динамике заставил всех вздрогнуть. Гнат сорвал с пояса рацию.

- Прием! Прием! Капитан? Вы меня слышите? Прием!

Антон забрал рацию и попытался настроиться на частоту. Усилил громкость. Пещеру наполнили помехи. Лейтенант сощурился, приложив динамик к уху. Гнат и Кравцов ждали. Внезапно он отдернул руку, словно оттуда вылезла игла.

- Слышали? Кто-нибудь это слышал?
- Нет. – Гнат выхватил рацию у него из рук и прислушался. – Что вы слышали?
- Смех...
- Это он! Ублюдок издевается.

Гнат сбросил с плеча автомат и кинулся в ту часть пещеры, где были проходы. Сигнал не мог пробиться сквозь камень. Радиостанции должны находиться рядом, а это значит, что и он был поблизости. Наверняка там. Из дыры послышалось приглушенное царпанье. Упав на гладкий валун напротив прохода, Гнат яростно завопил:

- Я его вижу!

Луч фонарика заплясал по стенам. Раздалась короткая автоматная очередь. Пули со свистом оцарапали камень.

- Не стреляй! Здесь нельзя!

Антон и Кравцов бросились к нему, но было слишком поздно. Камни задрожали. Из трещины в потолке водопадом хлынул песок. Густое облако извести мгновенно заволочло пещеру, поглотив задыхающихся людей.

***

Открыв глаза, Дима увидел низкий свод с сосульками. Шум капель разбивавшихся о воду привел его в чувство. Фонарик лежал рядом. Он попытался его включить. Бесполезно. Наверное, сел аккумулятор. Странно, что он мог видеть в темноте, но куда более странным казалась ему сама мысль о том, что он мог видеть. Он был жив! Опомившись, Дима вскочил с холодного пола и упал грудью на валун в поисках жуткой твари. Взгляд перескакивал с одного места на другое. Любая дыра или трещина где могло

притаиться чудовище. В пещере не было ничего подозрительного. Только камень и песок. Никакого движения и звуков, кроме ударов капель о воду.

Дима подошел к озеру. Остатки страха рассеялись, уступив место абсолютной уверенности. Он знал что делает, видел пещеру, знал каждый ее уголок, словно жил в ней с рождения. Встав на колени, он опустил руки в прохладную воду и смочил вспотевшее лицо. Ему приснился страшный сон и только. Он задремал возле камня раньше, чем услышал шорох. Кто бы ни был тот хохотун в высокой пещере, его след он потерял.

Расстегнув комбинезон и верхние пуговицы рубашки, Дима облегченно вздохнул. Обогнув озеро, он зашел за выступавшую из воды колонну сталагната⁹. Там среди груды камней и кальцитовых шишек он увидел нечто, отчего его сердце забилось быстрее. Из дыры за завалом исходило слабое сияние.

Перепрыгнув через бугристые наросты, перебравшись через завал камней, Дима погрузился лицом в мягкий дневной свет. Прорубленный в камне тоннель тянулся далеко вверх, заканчиваясь крошечным отверстием, из которого в пещеру проникали лучи солнца.

Ломая ногти о шершавый камень, скользя и падая, Дима пополз навстречу свету. С каждым новым метром мрак рассеивался. Подземная прохлада отступала. Стало тепло и сухо. Дима уже слышал, как из рощ доносится щебет птиц. Под ударами ветра колыхались стебли крапивы и луговой травы, вместе с комьями земли ввалившейся внутрь. Он приблизился к дыре и протянул руку, коснувшись мягкой завесы. Все чего он хотел – скорее покинуть жуткий склеп и броситься под защиту городских улиц.

Подтянувшись, Дима вплотную подобрался к дыре и раздвинул зеленую ширму. Окно в мир распахнулось перед ним. Сквозь заросли холма он увидел парк и автостраду. За чахлой березовой рощей по трассе двигались потоки машин. Внизу по насыпным дорожкам прогуливались люди.

Он протянул руку навстречу теплу, как вдруг почувствовал легкое прикосновение. Что-то липкое забралось под узел комбинезона и коснулось кожи. Дима повернулся, нос к носу встретившись с чем-то большим и толстым. Оно навалилось на него всем весом. И вновь перед лицом маячили водянистые глаза. Мысль о свободе утонула в двух мутных блюдцах. Мерзкая осклизлая масса подмяла его под себя, вдавив в камень. В этот миг он понял, что уже никогда не выберется из пещер.

Отняв от горла склизкую конечность, Дима не сразу догадался, что сжимает собственную руку. Он стал громко кашлять, сплевывая мерзкий привкус ванили. Прочистив глотку, подобрал под себя ноги и обхватил руками живот. Вокруг царила непроглядная тьма. Суставы сковывал холод. Он по-прежнему сидел на полу, уткнувшись спиной в шершавый камень. Неизвестно, сколько времени прошло. Наверное, сидел тут с тех пор как ему дважды приснился тот урод. Стоп! Дважды? Дима попытался вспомнить, что произошло на самом деле. Он был у озера. Потом на него напали. Или он заснул еще до того, как в грот проникло нечто? Может, оно сжалилось и ушло с миром? Тогда почему сзади шершавая стена, а не гладкий валун? Почему во рту такой странный вкус? Он пошарил рукой вокруг. Фонарик исчез.

В голове царила неестественная пустота, словно кто-то изъясил мозг, наполнив череп ледяной водой. Чувство глубокой медитации не покидало его до тех пор, пока он не решил встать. Стоило ему это сделать и сердце едва не лопнуло от холода. Дима застонал и согнулся. Вся его одежда под комбинезоном оказалась насквозь пропитана водой. Холод и влага пробирали до костей. Он даже дышать толком не мог.

Пытаясь собраться с мыслями, Дима снова сел и вытянул ноги так далеко, как только смог. Обе конечности уперлись в ряд ржавых прутьев. Он сидел в клетке! Руки нащупали покрытые коррозией трубы, вбитые в камень. Впереди была решетка. Справа стена пещеры. Слева пустое пространство. Он пополз туда и сразу натолкнулся на что-то теплое.

⁹ Сталагнат – сросшийся воедино сталактит и сталагмит.

- Даже не думай дотрагиваться до меня, – раздался из темноты обиженный голосок.
- Костя! Ты ли это?
- Предатель!

В том, что перед ним его друг Дима окончательно убедился, когда нащупал очки. Костик жался в углу клетки, словно замерзший котенок.

- Как ты сюда попал?
- Я не хочу с тобой разговаривать.
- Ну что ты, – растерялся сбитый с толку заявлением Дима. – Ты сам отказался со мной пойти. Поверь, я хотел за тобой вернуться, но у меня не получилось. Я рад, что теперь с тобой все в порядке.
- Это ты виноват...
- Хорошо. Только скажи, как давно ты здесь?
- Я не хочу с тобой разговаривать.

Отхаркивая подкативший к горлу ком, Дима сильно пожалел, что рядом нет фляжки. Снаряжение пропало. Не осталось даже спичек в кармане, даже ключей от Костиной квартиры. Его обобрали дочиста, а он по-прежнему ничего не помнил, только мутный взгляд в темноте. Неизвестно, где они находились. Кроме шума падающей воды он ничего не слышал. Сказать сколько времени прошло было еще сложнее. В пещерах, как в космосе, слово «время» теряет смысл. Холод сковывает конечности и замедляет движение крови. Тяжелый воздух вызывает сонливость. Они могли просидеть здесь полчаса или сутки. Вообще странно, что их не убили сразу.

Дима воздел кверху руки, надеясь нащупать потолок клетки. Ему пришлось встать на цыпочки, прежде чем пальцы коснулись стальных прутьев. Подпрыгнув на месте, он попытался ухватиться за них и поранил палец.

С побегом пришлось повременить. Мокрая одежда мешала двигаться, но тело постепенно согрелось само. Он обошел клетку от стены до Кости сидящего в углу. Тюрьма оказалась не слишком большой. Кроме дюжины прутьев и вбитых в камень труб не было никакой двери.

Дима сел, прислонился спиной к стене и попытался выбить прутья. Хватило трех ударов, чтобы оставить бесполезную затею. Казалось, металл сросся с полом. Даже расшатать их не представлялось возможным. Ударив незыблемую преграду окоченевшей ногой еще раз, Дима в отчаянии уронил голову и затих.

- Угомонился? – донесся со стороны недовольный голос.

Дима встрепенулся, издав односложный звук. Рядом зашуршала влажная материя. Раздался тихий стон.

- Можешь забыть. Ее не выбить и двум профессиональным боксерам.
- А это кто? – робко спросил Дима, шаря слепым взором по сторонам.
- Кто, кто? Конь в пальто. Я тебе сказал, что это дерьмо месить бесполезно.
- Правда? Не возражаешь, если я еще раз попробую?
- Если не перестанешь шуметь, придет он и отвинтит тебе башку.
- О ком ты говоришь?
- Не знаю, – пробурчал невидимка. – Бомжара какой-то. В бутсах. С тесаком. Никак не врублюсь, зачем я ему. Знаю только, что клетки эти, мать их, сделаны из ржавых труб. Они вбиты в камень вокруг стены и каких-то каменных столбов. Сверху тоже трубы. Еще там есть люк. Над каждой клеткой есть люк. Это все, что я успел рассмотреть.
- Люк? Он крепко заперт? Там замок или что?
- Не знаю...
- Где мы? Я слышу шум воды.
- Не знаю, – огрызнулся собеседник. – Я в этом сортире кантуюсь давно. У меня была зажигалка. Я ее включал, пока он не отобрал.
- Кто же ты такой? Это, я надеюсь, ты знаешь.

- Зачем тебе мое имя? Биографию собрался писать?
- Послушай, – Дима постарался придать голосу строгости, – если хотим выбраться, мы должны действовать сообща.
- Ничего себе ты резвый. Проснулся и сразу втопил. Ничего себе.
- Нас посадил в клетки не для того, чтобы бананами кормить. Прежде чем он нами займется, мы должны узнать: где мы, с кем имеем дело и как отсюда сбежать. Теперь говори, у тебя есть имя или мне его придумать?
- Слышь! Ты вообще, что такой дерзкий? Ничего я тебе не должен. Мы здесь все в одной лодке. Или ты считаешь себя особенным?

Голос сокамерника сошел до блатной низости. Дима слегка опешил. Станный ответ для человека обреченного стать кормом подземного бомжа. Если он спорил даже по таким пустякам, что же дальше будет? Дима уже собирался перейти на личности, но сосед по клетке внезапно сменил тон:

- Ладно, не злись. Меня зовут Василий Кличков.
- Дмитрий, – вежливо представился Дима. – Как ты сюда попал, Васек?
- Утром ехал в метро. Хотел встретиться с друзьями. Вышел на станции, потом услышал из тоннеля смех. Думал там ребенок, ну и любопытствовал. Дальше не помню. Теперь вот чалюсь тут с тобой, мокрый, как дельфин.
- Мокрый?
- Эй, это не то, что ты думаешь! Наверное, нас тащили по воде. Не знаю.
- Почему сразу не заговорил?
- Нафига? Чем ты мне поможешь?
- Ты видел того, кто это сделал?
- Сказал же – нет! – разозлился тот, ударив ногой по прутьям. – Я вообще ничего не вижу! Сижу здесь уже целый день.
- Откуда ты знаешь?
- Жрать охота, – простонал Василий и громко рыгнул. – Слышал, как он принес тебя. Положил в камеру к этому нытику, а сам ушел. У него тут неподалеку берлога.
- Ты его видел?
- Да, – тяжелый голос внезапно дрогнул. – Видел, что он сделал с тем мужиком. Черт, это просто херня какая-то. Видал я садистов, но этот...
- С каким еще мужиком?
- Не знаю. Мент какой-то.
- Как ты его увидел в темноте?
- Этот псих зажег свечи на столе. Там столько кровищи и мяса. – Василий поперхнулся слюной и стал тонко покашливать. – В общем, он положил тело. Голова у мужика болталась за плечами, как будто ее повернули несколько раз. Я отсюда почти ничего не видел, только тесак, которым он кромсал труп. Просто рубил в капусту. Как миксер. Куски так и сыпались.
- Достаточно. Я тебя понял.

Костя заскулил. Он внимательно слушал, но боялся вставить слово. Невидимый грубиян пугал его не меньше убийцы. К тому же он по-прежнему был зол на Диму, а еще у него болел позвоночник.

- Что же с нами будет?

Со стороны клетки Василия донесся прерывистый стон. Дима резко повернул голову, чуть не убившись о выступавший из стены нарост.

- Кто там с тобой?
- Дед какой-то. Сказал, что его зовут Игорь Денисович, и вырубился.
- Что ж ты мне сразу не сказал?
- Ты не спрашивал.
- Ерунда какая-то. Сколько здесь людей? Сейчас я спрашиваю.
- Четверо...

Из клетки донеслось шуршание мокрой одежды и грубые толчки. Кто-то протяжно замычал.

- Считай, что уже трое, – спокойно сообщил Василий.
- То есть?
- Дед – покойник. Он вот-вот концы отдаст. Когда я оклемался, старик едва мог говорить. Теперь считай помер.
- И ты ему не помог?
- Не-е, ну ты в натуре дерзкий. Кем себя возомнил? Рэмбо? С какой стати я вообще должен ему помогать. Мы в таком дерьме, что сами себе помочь не можем. Будешь заботиться о других – долго не проживешь.

Дима промолчал. С людьми вроде Василия он сталкивался на ночных улицах. Мышление его было предельно четким. Настоящий пацан, который уважает пиво по вечерам, коришей по району, баб по стоимости и родных... по случаю. Если такой «герой» и поможет, то только из принципа.

- Я пробовал ломать эти прутья, – продолжал Василий, – но ничего не вышло. Единственный способ покинуть этот сортир – люк, но он, похоже, закрыт.
- Ну и что? Предположим, ты сбежал. Что дальше? – спросил Дима на случай, если сокамернику действительно удастся вырваться.
- Дальше? Уберусь подальше! – огрызнулся верзила. – Я слышу шум. Это водопад. Мы, наверное, в лесу. Может на Лосином острове. Там полно всякого мусора и маньяков тоже хватает.
- А может в ботаническом саду МГУ? – незлобиво добавил Дима. – Где ты в Москве видел водопады?
- Ну, например...
- Мы под землей, – сжалился над мыслителем Дима, – скорее всего, еще глубже, чем раньше. Под Москвой есть пещеры. О них мало что известно, поэтому в ближайшие лет сто никто к нам точно не спустится. Если решишь сбежать, не забудь о нас.
- А мне никто не нужен, особенно этот нытик. Пришлось дать ему затрещину, чтоб заткнулся.
- Нашел на ком злость срывать! Если руки чешутся, мог бы прутья выбить. В такой ситуации любой имеет право поплакать, – произнес Дима под усиливающиеся всхлипы Костика, которому было стыдно, что его жалеют.
- Ага, друг. Ты прав, – вкрадчивым голосом молвил Василий. – Открою тебе один секрет. Я тоже плакал... пять минут. Но не час же подряд! Это бесит. Не мужик, а баба какая-то! Ты только послушай, этот лох и сейчас ревет.
- Не называй его лохом. Моя вина, что он здесь. Парень многое пережил. Ты его не знаешь. Раньше он вообще из дома не выходил.

Василий аж присвистнул. Дима попытался успокоить товарища, но Костя от этого разревелся еще громче.

- Елки-палки, ты кого сюда привел? Наверняка еще и девственник, – зычно загоготал верзила.
- Замолчи или мы не возьмем тебя с собой.

Угроза сработала. Василий угомонился.

- Только заткни его, пожалуйста. Из-за этого нытья у меня голова раскалывается.
- Мне тебя пожалеть?
- Ага, если нетрудно. Ты ведь у нас такой правильный.

Дима уселся рядом с Костей и задумался. Глядя в пустоту, он стал поэтапно восстанавливать события. Концентрация на проблеме зачастую способствует ее решению. Он прожил двадцать лет не для того, чтобы умереть в этой выгребной яме. Если в пещеру можно попасть, то и выбраться тоже можно. Главное сохранить присутствие духа.

Василий между тем стал бубнить какую-то песенку:

Сотню за сотней, полк за полком
 Русские витязи рубят мечом
 В бешенстве хан не может понять
 Русских дружинников дух не сломать

Опустив руки на скошенные плечи, Дима попытался утешить товарища.

- Я все равно тебя ненавижу, – раздался дрожащий голосок.
- Мда, классный у тебя друг, – послышалось из соседней клетки. – Был бы у меня такой, я б ему давно морду набил.

Дима печально вздохнул. Ну и компанию он себе нашел. Ему и так паршиво, а тут еще Костян бойкот объявил. Домашний мальчик видимо до конца не понял, в какую беду они угодили. Размышляя над тем, как вернуть доверие товарища, Дима совсем забыл об опасности.

Он опомнился, когда размеренное шипение воды нарушила тяжелая поступь. Кто-то прошел совсем близко от клетки, где сидел Василий. Постепенно шаги стали удаляться, пока не исчезли совсем.

- Это он. Он вернулся! – прозвучал громкий шепот. – Долго его не было.

В дальнем конце пещеры замерцало желтоватое сияние. Кто-то зажег свечу или факел. В тусклом свечении стали прорисовываться очертания арочного отверстия. Что-то заскрежетало. Послышалось тихое позвякивание и шипение. Похоже, точили нож. Дима почувствовал неприятную дрожь в теле и крепче обнял паренька. Костя тоже дрожал. Он мог только догадываться, что в эту минуту делает Василий, но, судя по прерывистому дыханию, остатки выдержки тот растерял.

- Сейчас этот бич возьмет кого-нибудь и разделает как свинью.
- Замолчи!

Их ослепил яркий свет. Мощный поток галогена скользнул по стене, задев крупную фигуру. Дима успел разглядеть крепкого, стриженного парня в черной футболке, забившегося в дальний угол клетки. Рядом под прутьями лежал седовласый старик в оранжевом жилете. Светоотражающие полосы на груди обходчика отливали серебром. Круг света поплыл в сторону. Дима изо всех сил напряг зрение, стараясь рассмотреть мучителя, но увидел только рослую фигуру с непропорционально большой головой.

Луч света коснулся лежавшего на полу старика, задержавшись на нем дольше остальных. Внезапно гигант разразился приглушенным смехом, отдаленно похожим на смех ребенка.

- Это смех... я же тебе говорил, – простонал Костя, не переставая плакать. – Он мне шею свернул. Больно.

Дима проследил за плечистой фигурой. В свете фонарика было видно, что громила обошел прямоугольный камень – тот самый разделочный стол, о котором говорил Василий. Миновав алтарь, обитатель пещеры скрылся в провале за стеной. Вновь воцарилась тишина.

- Теперь он точно кого-то кокнет, – всполошился Василий, вскочив с пола. – Я не хочу умирать. Пусть он лучше нытика разделает.
- Замолчи, трус! Еще раз скажешь что-нибудь подобное, попрошу маньяка разделать тебя.
- Отлично! Черт, просто здорово! Я что здесь единственный нормальный человек?
- Не знаю, Васек. Сложно сказать, пока ты жалеешь себя как баба.
- Знаешь, за такие слова можно и по морде схлопотать. Был бы я на свободе...
- Но ты под землей, и я один могу здесь перемещаться без вреда для здоровья. Так что закрой рот и слушай меня внимательно, если хочешь снова глотнуть холодного пива.
- Опять дерзишь. Куда мы убежим? К какой матери чертовой ты нас поведешь? У нас нет ни света, ни жратвы, ни оружия. О сигаретах я вообще молчу. Этот бич знает

тут каждый камень. Ему убить нас все равно, что помочиться. Если даже смоемся, он нас догонит и отвинтит голову, как тому менту.

– Значит, убьем его раньше, – твердо произнес Дима.

Мысль о том, что придется лишиться кого-то жизни, не радовала, но выбора им не оставили. Совершенно очевидно, что договориться с маньяком не получится. Выродок уже убил как минимум одного человека и довел до полусмерти другого. Пусть теперь сам сдохнет.

– Решено. Мы его убьем, – повторил Дима.

– Хорошо. Но как?

– Придумаем что-нибудь.

Василий поутих, принявшись задумчиво ворчать. Костя тихо всхлипнул. Дима вспомнил, что тот сказал о позвоночнике. Осторожно прощупав худую шею паренька, он обнаружил бугорок прямо под затылком. Надавив на него, он дернул голову Кости влево, заставив шишку исчезнуть. Пещеру огласил дикий визг. Из проема показались очертания большой головы. Убийца долго тарачился на них, а потом снова исчез.

– Вы чего там творите! Жить надоело? – испугался Василий.

Растирая шею хнычущему другу, Дима как ни в чем не бывало продолжал:

– Я диггер, если тебе это о чем-то говорит. Я могу выбраться из любой подземной системы. В моей сумке есть все необходимое. Мы обязательно спасемся, если вернем снаряжение и обезвредим этого живодера.

– И как ты предлагаешь это сделать? Обматерить его до полусмерти?

– Предлагаю для начала выбраться из клетки. Нужно разобраться, на чем крепится люк, и попытаться его открыть.

– По-твоему, у нас есть шанс, пока рядом баба? Чем он нам поможет? Этот нытик даже моему пятикласснику-брату руку не заломит.

– Васек! Я, кажется, предупреждал. Костя мне дороже тебя. Он пойдет со мной до конца. Если ты вдруг захочешь сыграть в последнего героя, я вырублю тебя и скроюсь с другом в любом тоннеле. Ты меня понял?

– Да. Я тебя понял. Теперь объясни, как ты найдешь выход?

– У меня своя техника. Просто следуй за мной.

Василий пробурчал что-то, но спорить не стал. Дима привстал на цыпочки, коснувшись пальцами решеток.

– Мы не сможем просто убежать. Нужно обязательно убить его, иначе он будет нас преследовать. Усек?

– За меня не беспокойся.

– Приходилось раньше убивать?

– Ага, но ведь это останется между нами, – с неопишуемой гордостью прозвучал голос.

– Мне все равно кто ты наверху. Ничего не хочу знать.

Тяжелые шаги вынудили его вернуться на место. Костя опять заскулил, забившись в угол. Василий тоже зашевелился. Из-под арки вышла темная фигура. В левой руке убийца держал длинный багор. Луч фонарика стал беспощадно шарить по клеткам.

– Черт, черт, черт, черт! Я же вам говорил, бич нас кокнет. Не хочу умирать. Не хочу, – истерил Василий, беспокойно ерзая на месте.

Громила обошел каменный стол и, чиркнув зажигалкой, запалил три свечи. Дрожащее пламя осветило красный камень, на котором встречали смерть нарушители подземных границ. Повернув голову в сторону клеток, убийца выключил фонарик. Из темноты донесся звук шагов. Все было четко спланировано. Маньяк хотел, чтобы жертв было много. Он специально ждал, пока они проснутся, дал им время познакомиться, а затем приступил к любимой части. Никто из пленников до последнего вздоха не должен был знать в кого войдет наконецник багра.

Дима отчетливо слышал, как Василий в истерике бьется головой об стену, причитает и умоляет не губить его первым. Вел он себя как клоун, возможно, поэтому до сих пор был жив. Дима сидел неподвижно, чувствуя на затылке горячее дыхание Кости. Он крепко зажмурился, когда шаги остановились напротив их клетки. Острые багра срезало слой ржавчины на прутьях. Заскрипела каменная крошка под подошвами.

Почувствовав присутствие убийцы, Василий заскулил еще громче:

– Нет! Не меня! Там полно народу! Убей их!

Последовал удар. Захрустели сломанные кости. В лицо Диме ударила теплая струя. Василий умолк. Послышался стон. Жертва была выбрана. Дима отчетливо слышал, как кровь ручейками стекает на пол, слышал, как в судорогах трепещет напряженное тело. Раздался новый удар. Прутья задрожали. Пещерный человек вскарабкался на крышу клетки и, немного повозившись с запором, открыл люк. Как только часть стальной дверцы упала на прутья, тишину прорезал треск распарываемой ткани. Тело повисло в воздухе, забившись конечностями о прутья, точно свежепойманная рыба. Убийца втащил труп вверх и отшвырнул его в сторону. Об пол звякнуло копьё. Маньяк закрыл люк и спрыгнул вниз.

– Я жив! Черт, я жив! – раздался ликующий возглас.

В пламени свечей было видно, как маньяк кладет вздрагивающее тело Игоря Денисовича на камень. Потом громко стал нежно водить рукой по лицу старика. Нижняя часть массивной фигуры слилась с алтарем. Отчетливо просматривался только торс и плечи, над которыми нависала большая шарообразная голова. Светоотражающие полосы сигнального жилета переливались серебристым светом. Неестественно длинные пальцы рук, жадно прощупывавшие каждый сантиметр изувеченного тела, были обмотаны бинтами. Убийца как будто пытался исправить содеянное, вернуть жертву к жизни, но потом все изменилось. Подчиняясь неведомому импульсу, садист издал пронзительный свист, выхватил из-за пояса длинный тесак и стал кромсать тело путейца. Одна из свечей погасла, но удары только усилились. Он рубил так энергично и усердно, что звуки сочного чавканья и частые шлепки заглушили даже шум падающей воды.

– А-а-а! Нет, пожалуйста, только не снова! – вопил Василий, катаясь по полу. Костя лишился чувств, и только Дима смог вынести вакханалию до конца.

Кульминацией расправы стала голова, после искрящегося удара о камни укатившаяся во тьму. Сунув тесак за пояс, маньяк подобрал голову старика, понюхал ее и ушел. Дима с трудом подавил приступ тошноты. На милость этого садиста они могли не рассчитывать.

– Я не хочу умирать! Я тебе доверял, а ты... Ты мне больше не друг! – взревел Костя, изо всех сил лягнув Диму ногой.

– Я же объяснил тебе...

– И ты смеешь после этого разговаривать со мной? Это пошло! Я говорил, что нам нужно остаться дома! Нам нужно остаться дома! Дома!

Из арочного прохода вышел убийца. Дима поспешно зажал пареньку рот. Воцарилась тишина. Гигант покачал шар-головой и ушел обратно.

– Заткни эту бабу, пока нас всех не порешили! Заткни его, – зашипел Василий, ударив ногой по прутьям за которыми ревел Костя.

– Не могу. Он в истерике.

– Зато я могу.

Просунув короткую руку между прутьями клеток, Василий с быстротой и профессиональной точностью обрушил на Костика шквал мощных ударов. Робкий паренек сдавлено крикнул, забулькал и послушно умолк.

– Ты что творишь, скотина! Тебе крови мало? – опешил Дима, встряхнув обмякшее тело товарища.

Костя тихонько заскулил, вздрагивая всем телом. Пальцы вцепились в комбинезон. Дима попытался поднять его, но тот как будто чего-то испугался и стал вырваться. Диме пришлось оставить его на полу.

- Подумаешь, пара затрещин, – небрежно бросил Василий. – Хочешь сказать, его ни разу не били?
- Не били! Я же тебе сказал, что он всю жизнь дома сидел. Ну, теперь ты доволен? Он в шоке!
- Отлично, – удовлетворенно буркнул верзила, отползая глубже в клетку, на тот случай, если Дима попытается отомстить.
- Можешь забыть о побеге. Мы убежим, а ты останешься здесь до следующей расправы. Угадай, чьи кишки он наматает на кулак, когда увидит, что нас нет.
- Эй, эй, эй, подожди, я же не сильно, – заволновался Василий. – Диман, ты пойми, я оказал нам обоим услугу, вырубив этого... Костяна. Он ведь теперь не кричит, и мы будем в порядке от рук этого... убийцы.

Дима промолчал. Оставив лежавшего в беспомощности Костю, он поднялся на цыпочки и начал ощупывать пространство над головой. Пальцы сразу натолкнулись на петли и импровизированный запор. Решетка люка была стянута с краями клетки мотками проволоки и держалась тоже на ней.

- Я нашел. Тут обыкновенная проволока, только очень тугая, – сообщил Дима, пытаясь разогнуть первый виток. Глупо было ожидать, что средневековые тюрьмы будут оснащены крепкими петлями и электронными замками.
- И все? Может быть, я тоже смогу открыть, – оживился Василий, занявшись своим люком. Он был выше ростом, а потому без труда дотянулся до решетки.
- Только следи за выходом и не шуми.
- Хорошо. Я понял.

В клетках закипела работа. Проволока оказалась пружинной, очень прочной. Дима порезал палец и едва не проколол ноготь, но первый виток отогнул быстрее Василия. Дальше дело пошло быстрее. Размотав проволоку и аккуратно открыв люк, он ухватился за одну из ржавых труб и бесшумно подтянулся вверх.

- Эй! Я почти открыл! – раздался ликующий возглас Василия.
- Помолчи. Лучше расшевели Костю.

Раздались шаркающие шаги. Василий просунул руку сквозь прутья клетки и стал тормозить лежавшего на полу паренька. Тот зашевелился, издав тихий стон.

- Эй ты, четырехглазый. Ты... Костян! Вставай, давай.
- Ты что? – испугался Костя, оттолкнув тяжелую руку.
- Ничего. Поднимайся на свои цыплячьи ножки и тащи задницу вверх.
- Костя, мы сбежим. Быстрее хватайся, – произнес Дима, протягивая вниз руку.
- Как ты там оказался?
- Ты тупой? Тебе же сказали, – зашипел Василий, возвращаясь к своему люку.
- Костя, пожалуйста.
- Это глупо. Я никуда не пойду, – насунился паренек, деловито поправив очки.
- Что ты сказал?
- Я остаюсь здесь.
- Ну и подыхай, лошара. Государство не обеднеет.
- Замолчи!
- Я сказал, что остаюсь. Лучше с ним поговорить. Если вы убежите, он вас убьет.
- Он нас и так убьет.
- Нет. Если мы останемся, все будет в порядке. Мама говорила, что к людям нужно относиться с пониманием.
- Вот идиот. Правильно ты из дома не вылезал.
- Костя, пожалуйста, я не могу уйти без тебя. Ты мой лучший друг. Слышишь, ты мне друг.
- А ты мне нет! – от обиды и отчаяния завопил Костик, разревевшись с новой силой.
- Ах ты, сука!

Со стороны арочного прохода раздались шаги. Василий утробно зарычал. Изловчившись, он выбросил ногу аккуратно между прутьями, вонзив рельефную подошву в спину Кости. Последовал сдавленный вскрик, звон разбившихся очков, плашмя рухнуло обездвиженное тело. Из глотки паренька вырвался протяжный клекот. Дима не смог ничего сделать, даже подумать не успел. Окутанный золотистым заревом свечей под аркой стоял убийца. Поймав на себе пристальный взгляд, Дима едва не рухнул обратно в клетку. Василий тоже заметил маньяка и отбросил свой люк.

– Спасай меня, Диман! Спасай!

Василий подпрыгнул и повис на прутьях. Он стонал и охал, пытаясь подтянуться, но гриндара тащили обратно. Шум поднялся несусветный. Убийца, вооруженный ножом, уже спешил к клеткам. Дима спрыгнул вниз, подобрал лежащий на полу багор и направил острие во мрак. Шаги остановились. Дима воспользовался заминкой и бросился к свету. На столе горели только две свечи, но и этого было достаточно, чтобы видеть его. Черная фигура с завернутой в тряпки головой двигалась следом. Убийца не торопился. Напротив. Он отошел глубже во мрак и стал кружить вокруг жертвы, выжидая удобного момента для атаки.

Сосредоточившись на сгустке тьмы перед собой, Дима сжал багор. Как первобытный охотник, готовый убить пещерного медведя, чтобы спасти себя и племя от голодной смерти, так и Дима твердо решил покончить с убийцей ради тех, кто был с ним и тех, кого он мог спасти. Его чувства обострились. Разум больше не мешал, уступив место инстинктам. Все стало предельно ясно – убей или будешь убит.

Наконец стоны Василия привлекли внимание маньяка. Стоило ему повернуться, и Дима вонзил багор. Извлек и удачно засадил еще раз, но на третьем ударе реакция подвела. Убийца поймал наконечник и уже не отпускал. Дима потянул багор на себя, а вместе с ним и убийцу. Спасаясь от ножа, зазубренное лезвие которого мелькало перед глазами, он уперся ногами в камни и рывками стал выкручивать копьё из крепкой руки.

Пока оба делили багор, Василию удалось выбраться из клетки. Подобрал тяжелый камень, он бросился на гиганта и одним сокрушительным ударом свалил его наземь. Звук был такой, словно камень попал по пустой канистре. Острый булыжник не проломил ему голову, просто вошел в нее и отскочил. Убийца сразу не понял, что произошло. Несколько мгновений он просто лежал на полу, вращая взад-вперед огромной головой. Дима помог ему прийти в себя, вонзив багор еще раз. Острие попало в шею. Маньяк захрипел и выпустил нож. Василий стал ожесточенно работать гриндарами.

Пиная обмякшее тело, он так увлекся, что не расслышал криков товарища. Надо было покончить с убийцей. Дима занес копьё. Потеснив стонущего от наслаждения верзилу, он смог наконец ударить. Наконечник вошел в камни. Гигант перекатился на бок и схватил Василия за ногу. Плечистая фигура тотчас погрузилась во мрак. Было слышно, как катится по камням тело. Отброшенный мощным ударом, Василий остановился где-то у клеток и затих.

Маньяк вытащил из ножен длинный тесак и, прочертив в воздухе дугу, едва не перерубил Диме переносицу. Избегая частых ударов, он был вынужден отступить за алтарь. На этот раз Дима занял выгодную позицию, не подпуская агрессора ближе, а пламя свечей помогало его рассмотреть. Он копил силы для последнего удара, выжидая подходящего момента и наконец получил его. Противник подался вперед, и Дима вонзил наконечник багра ему в сердце. Тот отшатнулся, схватившись за грудь. Некоторое время они просто стояли друг напротив друга. Потом убийца пошатнулся и нырнул во мрак. Грохот ботинок стих в шуме воды.

– Я его прогнал! – с облегчением выдохнул Дима.

Костя всхлипнул. Сознание не сразу к нему вернулось. Он обнаружил себя лежащим на полу. Ладони и часть лица касались камня. Кожа онемела от холода. Спину ломило так, словно по ней бульдозер проехал. Приподняв голову, он увидел фигуру Димы. Вооруженный копьем победитель стоял у кровавого камня. Откуда-то из темноты

донеслось невразумительно бормотание. Костя узнал Василия. Грубиян лежал прямо рядом с клеткой, совсем неподалеку от него.

Приподнявшись, он отполз к стене, подобрал ноги и обхватил колени руками. Под подошвами скрипели осколки стекла. Василий так сильно его ударил. За что? Он ведь ничего плохого ему не сделал. Каким дураком нужно быть, чтобы пускать в ход кулаки без повода. Судя по стонам, они не сильно-то ему помогли. Хорошо, что все закончилось и хорошо, что он не видел как именно.

- Прогнал! – повторил Дима.
- Не убил? Прогнал? – прохрипел голос.
- Да. Эта тварь сбежала.

Раздался тяжелый топот. Последовал удар и багор выскользнул у него из рук. Дима завалился на забитый ошметками алтарь, попутно перевернув обе свечи. В пещере воцарилась тьма. Секундное замешательство сменилось страхом. Он приподнял руки и застыл, не зная, откуда ждать удара. Почувствовав давление воздуха над лицом, он увел голову в сторону. Сталь со свистом опустилась на залитый кровью камень в дюйме от левого уха.

- Васек! Сюда! – успел прокричать он.

Лезвие вновь обрушилось на алтарь. Теперь рядом с плечом. Снова мимо. Следующий замах Дима предупредил. Изловчившись, он поймал правую руку маньяка и заломил ему ее за спину.

- Где ты?

Дима стиснул грязную конечность обеими руками и застыл в замешательстве. Пальцы погрузились во что-то мягкое. Тонкая кисть как будто была обложена ватой. Спина, хоть и казалась широкой, напоминала подушку. Складывалось впечатление, что он боролся со скелетом, завернутым в тряпки. Маньяку этого хватило, чтобы перебросить противника через плечо. Затылок коснулся камня. Невыносимая боль затопила разум. Дима снова очутился на алтаре, на этот раз в останках Игоря Денисовича. Убийца схватил его за горло и погрузил лицом во что-то мягкое и липкое. Стало трудно дышать. Дима понял, что тот собирается сделать, и стал сопротивляться, но силы были не равны.

Внезапно тоненький смех оборвал треск материи. В темноте будто собака зарычала. Послышались удары. Тесак со звоном упал на пол. Раздался топот ног. Кто-то схватил его за плечо и поднял. В ухо ударило кислое дыхание.

- Цел? – спросил Василий. – Я его прогнал. Пусть знает наших.

Дима не сразу ответил. Его тошнило. Выплюнув все, что было во рту и на губах, он упал на колени и в такой позе просидел несколько минут. Потом побежал к клеткам, где в темноте за ржавыми прутьями тихо плакал Костя. Запрыгнув наверх, Дима протянул руку на звук.

- Хватайся. Живо! – сквозь зубы потребовал он, не обращая внимания на попытки паренька его разжалобить.

Благополучно переместив товарища за пределы клетки, Дима вернулся к алтарю. Василий дожидался их там. Тесак был при нем. Догадавшись, что рядом стоит виновник всех неприятностей, верзила занес кулак у паренька над головой, но Дима схватил его за руку.

- Ничего не было. Понял?
- Ладно, – сдался Василий. – Только я не врублюсь. Насадил его на пику, а он все скачет. Непорядок.
- С такими ранами он точно далеко не уйдет.

Верзила проворчал что-то и зашагал к выходу.

- Стой! Ты куда? Я же сказал, что без света, без воды, без моего снаряжения мы пройдем метров десять, прежде чем напоремся на какой-нибудь сталагмит или сорвемся в пропасть. Нужно забрать сумку и вооружиться.
- Давай сначала проверим. Может быть, мы где-то в лесу.

Дима задержал взгляд на темном силуэте. Василий вырос на улицах, а на поверку оказался глупее домоседа Костика.

– Делай что хочешь, – махнул он рукой и, подобрав ржавый нож, зашагал к арочному проходу.

Костя и Василий последовали за ним. Приготовив оружие, все трое одновременно вошли внутрь. Все что они увидели дальше, напоминало кошмар. У дальней стены в каменной нише были закреплены деревянные полки. На полках сверкали десятки черепов. Ниже стоял алтарь поменьше, на котором лежали кости животных. В центре возвышалась костяная башенка. По бокам вокруг нее горели сальные свечи.

Дима, Василий и Костя пошли туда, мимо сваленных в кучу на столах вещей. Здесь были каски, жилеты обходчиков, рабочий инвентарь, сумки, обувь, одежда, даже электронная гитара без струн. На осклизлых стенах гирляндами висели связки костей и зубов, стянутых между собой веревками и проволокой. Стол у алтаря ломился от грязных банок наполненных прозрачной слизью. Внутри темнели бесформенные куски чего-то. Дима нагнулся, чтобы рассмотреть содержимое и отпрянул. В банках лежали человеческими органы. Некоторые наполовину растворились и плавали сверху бесформенной массой. Здесь же на пластиковом стуле лежала стальная миска с недоеденной зеленоватой кашей покрытой той же слизью. Скорее всего, они оторвали обитателя пещеры от трапезы.

– Этот убудок просто конченный псих, – прикрывая нос рукой, произнес Василий.

В дьявольской крипте не было ничего, на чем мог бы отдохнуть глаз. Верзила брезгливо фыркал, на ходу опрокидывая грязные вещи. Костя безучастно жался в сторонке. Не каждый маньяк был способен на такое зверство. Еще неизвестно, на кого они наткнулись, и как давно он этим занимался.

Дима подступил к алтарю, рассматривая коллекцию черепов. Головы мертвых людей были выстроены в ряд по шесть штук на каждую полку, блестящие и гладкие, как отшлифованная слюда. Первый череп на нижней полке был украшен скальпом каштановых волос. На втором была пробитая шахтерская каска с пятнами высохшей крови. На третьем бейсболка с обрезанным козырьком. На четвертом выбиты непонятные символы, похожие на пирамиды. У пятого были вырваны несколько зубов, скорее всего, золотых. На макушку шестого надета новогодняя шапочка с бубенцами.

Взгляд Димы упал на предмет, венчавший крышу костяной башенки. На постаменте из ровных костей лежала облезлая книжечка, на поверку оказавшаяся старым советским паспортом.

– Что все это значит? – не выдержал Василий, наблюдая за его действиями. – Не трогай! Ищи свою сумку, и валим, пока он не вернулся.

Дима оглянулся. Перед ним стоял толстоватый бритоголовый качек в мешковатых армейских штанах и черной футболке с черепом. Широкое мясистое лицо было вымазано грязью. Приплюснутый нос, как у боксера, повернут вправо. Над бровью шрам. На скуле свежая царапина. Примерно таким он себе его и представлял.

– Тебе не интересно, кто похитил нас? – произнес вполборота Дима, пытаясь разлепить склеившиеся страницы документа.

– Пожалуйста, я хочу домой, – взмолился Костя.

– Заглохни, баба! – пригрозил ему Василий огромным кулаком. – Мы из-за тебя чуть не сдохли. Еще раз себе такое позволишь, и я разобью тебе не очки, а голову.

В этот раз Дима не стал заступаться. Так или иначе, Костик заслужил хорошего тумака. Пока паренек тихо плакал в сторонке, он перевернул влажную страничку. Изображенный на фотографии усатый мужик в квадратных очках лучезарно улыбался.

– Смотри. Может быть, это лицо нашего маньяка? – сощурился Дима.

Он подозвал Василия. Тот подошел неохотно и, глянув через плечо, сразу отвернулся.

– Да, урод на выданье. Теперь можем идти?

- Тут написано: Валерий или Виталий Косматский. Черт его разберет, почти все буквы выглядят как водяные знаки.
- Линять пора, – сквозь зубы процедил Василий. – Хватит читать. Мы не в библиотеке. Мне наплевать кто этот Хачатский, кто был тот бомжара, кто ты сам. Все чего я хочу: выбраться наружу, выпить пива, пожрать и поспать.

Василий схватил паспорт, порвал книжечку на части и швырнул остатки в Костю. Его пухлые щеки дрожали. Глаза в темноте опасно блестели.

- Если есть что сказать, говори.
- Ты сказал, что сможешь вытащить нас – флаг тебе в руки. Руководи!
- Тогда нам нужно подготовиться, – спокойно ответил Дима. – Найди еду и оружие. Найди сумку, чтобы все это сложить. Сможешь?

Васили без возражений пошел собирать вещи. Дима посмотрел на черепа. Всего он насчитал двадцать четыре штуки, не считая валявшейся за алтарем головы Игоря Денисовича. Черепа выглядели ненастоящими, напоминая скорее пластиковые муляжи из кабинета биологии. Кость была чем-то обработана, паром или химическим раствором. Каски, парики, кепки и прочие головные уборы присутствовали, очевидно, чтобы придать каждому индивидуальные черты. Наверное, маньяк любил смотреть на них, возможно даже разговаривал с ними, вспоминая встречу с каждой жертвой. В замкнутом мирке, где он жил изгоем, черепа могли быть для него чем-то вроде семьи, и семья эта неуклонно росла.

Выбрав ту или иную голову можно было предположить, как умер ее обладатель. У кого-то была пробита глазница. У одного рабочего в треснувшей каске в темя был забит гвоздь. У другого несчастного череп был рассечен на две половинки. Кто-то встретил смерть с куском арматуры в переносице. Два маленьких черепа с прошитыми одновременно висками принадлежали детям. У двух других была сломана нижняя челюсть. У волосатого мужчины в очках раздавлена и склеена по кусочкам голова. Странно, что жертв было так много, как и то, что большинство были убиты ударом в голову. Садист, судя по всему, питал глубокую ненависть к человеческим лицам.

- Я все собрал, – отозвался Василий, ткнув Диме в спину спортивной сумкой. – Твое барахло?
- Да. Как ты ее нашел?
- Интуиция.

Сумка на самом деле лежала на столе рядом с выходом. Внутри было много непонятных предметов, назначения которых Василий не знал. Кроме того, он набил ее консервами, мобильными телефонами, кошельками и всем тем, что посчитал полезным лично для себя. Глядя на тяжелую ношу в руках бритоголового парня, Дима благодарно улыбнулся, перебросив через плечо моток страховочного троса.

- Вот и хорошо. Ты ее понесешь.

Василий плотно сжал губы. Он и не думал признавать Диму в качестве лидера, более того – собирался присматривать за ним, поскольку считал не слишком надежным. Очевидно, что этот парень тоже вырос на улицах, но был моложе, дружил с лохом и как-то странно рассуждал. В этом ему тоже предстояло разобраться. Вообще, не появился еще на свете такой человек, которому Василий Кличков доверил бы собственную жизнь. Пусть этот дерзкий герой делает что хочет, главное чтоб вывел его отсюда, а если будет зазнаваться на «высоком посту», он обязательно займется его воспитанием.

Дима собрался уходить, как вдруг взгляд его коснулся коричневой книжечки на одном из столов. Еще один паспорт? Он открыл его и остолбенел.

- А это что такое?

Дима в недоумении посмотрел на находку. Потом до него вдруг дошло. Он повернулся к Косте и показал ему паспорт. Паренек в ответ виновато улыбнулся.

- Я же просил не брать его с собой.
- Прости. Мама говорит, что я должен всегда держать его при себе.

– Скажи спасибо маме. Теперь он знает, где ты живешь.

Дима пошутил, но Костя не на шутку испугался. Приняв дрожащими руками промокшую книжечку, он поспешно спрятал ее в карман штанов. Василий тем временем рылся в вещах и слушал разговор друзей. Как дети малые: «Я же просил», «Мама говорит». Противно слушать.

Заглянув под стол, сбросив кипы влажной одежды, он резко отшатнулся, да так, что едва не опрокинул Костю.

– Боб, – на одном дыхании выдал Василий.

– Что ты делаешь? – спросил Дима.

Василий подошел к столу и, сняв острием тесака целлофановый пакет, присмотрелся к лежащему под ним детскому рюкзаку.

Кто проживает на дне океана?
Губка Боб Квадратные Штаны!

С картинки на него уставилась знакомая рожа. Вот уж где не ожидал встретить желтого ублюдка. Василий поежился, отогнав звучащую в голове песенку. Это какое-то проклятье. Даже под землей от него не скрыться. Отшвырнув рюкзак в сторону, он заглянул под стол.

– Может, скажешь, что ты делаешь? – переспросил Дима.

– Ствол ищу. Он мента завалил. Где-то здесь по любому должен быть один.

– Сомневаюсь, что тут можно стрелять.

Выудив из кучи хлама кремовую кожаную сумку, Дима свалил в нее все зажигалки и коробки спичек какие смог найти. В куче хлама было много фонариков, но рабочими оказались только три. Один из них – громоздкий и тяжелый – принадлежал Диме. Кроме того, оставались еще два сухих фальшфейера, которые он засунул в нагрудный карман комбинезона. Если правильно этим распорядиться, света хватит надолго.

– Уходим, – распорядился Дима, повесив на плечо сумку.

– Подожди. С пистолетом безопаснее.

– В пещерах стрелять нельзя. Даже кричать опасно. Нам обвал не нужен.

Василий схватил сумку и молча зашагал обратно, но у выхода остановился. Внимание его привлек комок шерсти, шевелившийся в углу пещеры. Лоснящийся бок, поросший черным волосом, часто вздымался и опускался. Тонкие лапы вздрагивали. Даже на последнем издыхании животное продолжало цепляться за жизнь.

Из всех зверей Василий с детства испытывал симпатию только к собакам, предпочтительно бойцовых пород. Эта была все еще жива. Он бережно перевернул огромную тушу наконечником тесака и отшатнулся. Свод крипты огласил пронзительный писк. Костя включил фонарик. В углу они увидели тело гигантской крысы. Гноящиеся глаза размером с мячик для гольфа вылезали из орбит. Обрубок хвоста забил по стене. Василий замахнулся и ударил крысу по шее тесаком. На пол брызнула пенная кровь. Треугольная голова укатилась под стол. В посмертной судороге тело попыталось встать, но перевернулось на спину и заболтало лапами.

Выбежав во внешний зал, они не останавливались до тех пор, пока не достигли прохода. За поворотом шумела вода. Дима толкнул Василия к выходу и приготовил нож. Больше их врасплох не застигнут. Теперь у них есть свет, запас еды и оружие. Даже если обитатель пещеры был жив, легко с ними справиться у него уже не получится.

Завернув за угол, они вышли на уступ. Сверху во мрак неслись массы грязной воды и пены. Слева был обрыв. Направив фонарик вправо, Дима осветил причудливый тоннель, с одной стороны отгороженный камнем, с другой стеной воды. Высеченная в карсте серпантинная тропинка тянулась под каменным козырьком.

– Я пойду первым, – объяснил Дима. – Когда выберемся наверх, смотрите в оба. Если увидите его раненого или мертвого, не приближайтесь. Это относится к тебе, Василий.

– Как скажешь, БОСС.

Карст был покрыт скользкими зеленоватыми наростами. Узкий уступ завален песком и осколками камней. Дима двигался медленно, прежде чем сделать новый шаг, прощупывал место, куда собирался наступить. У него был один шанс и одна жизнь. Даже если внизу нет подводных камней, подняться из бурлящего потока по скользким стенам невозможно. Человек, упавший во мрак, останется там навсегда. Дима то и дело оглядывался на Василия и Костю. Оба плелись позади. Он их ободрил. Пообещал свободу. А что еще он мог сказать? В действительности задача казалась ему невыполнимой. Василий, скорее всего, застрянет в первом же узком рукаве. Костя пролезет где угодно, но едва ли сможет хотя бы раз подтянуться и тем более забраться на высокий уступ. К тому же в случае опасности на них нельзя было положиться. Они были обузой для него. Легче забрать еду, оружие и двигаться дальше – быстро, методично, ни на что не отвлекаясь. До этого в одиночку он преодолел большое расстояние и сделал это меньше чем за полчаса. С балластом же каждые десять метров будут даваться с большим трудом.

Дима старался не думать о плохом, пытался концентрироваться на проблеме, но предательские мысли не отступали. Вопрос жизни и смерти – самый насущный вопрос. Бросить их он все равно не посмеет. Или все-таки посмеет? Пробираясь дальше по уступу он думал о доме, о родителях и о том на что готов пойти, чтобы увидеть их снова.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ УЗКАЯ ГРАНЬ

*Повитый пеленами,
Срываемыми смертью, вверх иду,
Подземными измучен глубинами.*

Данте Алигьери, «Божественная комедия»

Константин Леонидович Маслобойщиков был деловым человеком. Высокая должность не позволяла ему проявлять панибратства и сантиментов. Его боялись, ему выражали почтение, почти как императору. Шелковая рубашка, отглаженные брюки, легкий черный плащ и начищенные до блеска туфли придавали ему еще больше величия. Шагая по коридору, он с наслаждением наблюдал, как немногочисленные работники в страхе расступаются перед ним. Старые уборщицы так и вовсе склоняли головы, едва слышав стук каблучков. Такая уж у него была должность – держать всех в подчинении. Сейчас он был царь и Бог, но если что-то случится, если кто-то допустит непоправимую ошибку, отвечать придется ему и только ему. Константин Леонидович это понимал, и действовал с предельной жестокостью. Ведь жизнь у каждого одна и всяк хочет ее прожить с максимальной выгодой.

Завернув за поворот, он вышел в узкий облицованный белым кафелем коридор. Пожилая уборщица, мывшая там пол, в страхе вжалась в стену, да так, что спина хрустнула. Все-таки приятно быть начальником. Вот бы жена так его боялась. Константин Леонидович поморщился, вспомнив супругу. Очередная меркантильная провинциалка, ошалевшая за два года жизни в столице. Первые полгода после свадьбы завтрак в постель, обед и ужин по расписанию, «Дорогой тебе сделать массаж?» и так далее. Потом адаптировалась, нашла каких-то тупоумных подружек точно так же сосущих кровь из своих мужей, и покатилося... Бутики, рестораны, заграница и истерики. «Дорогой, тебе следует сбросить вес», «Как же я устала лежать на диване», «Почему ты задерживаешься допоздна?», «Ты меня не любишь?», «Где мои подарки?».

– Вот стерва! – вслух рявкнул начальник, бросив неосторожный взгляд на уборщицу.

Старуха вздрогнула и удивленно покосилась на него.

– Нет. Это я не вам. Продолжайте, – бросил он через плечо, убыстрив шаг.

Константин Леонидович был не из тех, кто хвастается большой зарплатой, а она была очень большой, соразмерно ответственности. Стерва-супруга сжирала почти половину доходов, тем не менее, у него оставалось достаточно средств, чтобы жить так, как хочется. Казино, любимая китайская кухня, раз в полгода Таиланд, заправка Хаммера и другие прелести жизни. Он не хотел всего этого лишиться по вине непутевых обходчиков. Константин Леонидович усмехнулся.

«Непутевые путевые путейцы», – пришел в голову начальника ребус. Угадайте, о ком идет речь. Вечно эти проныры суют нос не в свои дела. Чего стоит хотя бы недавно прославившийся разведчик из бригады Воронцова. Хватило же ума сопляку полезть вниз, да еще попасться патрульным. А сколько еще подобных «исследователей» мечтают устроиться на работу в Службу пути и бороздить подземелья. Невдомек им, что это грязная, трудная и неблагодарная работа. Романтикам там не место. Скольких еще придется уволить по статье, прежде чем под сводами тоннелей воцарятся мир и порядок.

Константин Леонидович открыл дверь и спустился по служебной лестнице. Новый коридор за стеклянной дверью был шире. Люминесцентные лампы над головой глухо потрескивали. Вышагивая по пустому коридору, он размышлял сразу о двух непутевых путейцах – Петренко Игоре Денисовиче и его сумасшедшем напарнике. Один пропал, другой съехал с катушек. Очаровательная история.

Если найдут труп или даже намек на гибель обходчика, руководство с него шкуру спустит. Тогда прощай Паттайя, шлюхи и железный конь. Супруга, без сомнения, тоже исчезнет. Раствориться в каменных джунглях и будет выкачивать деньги из другого кошелька. Чтобы этого не случилось, следовало сделать все грамотно.

С тех пор как он получил высокую должность, ему дважды удавалось замести следы, так же как и его предшественнику, у которого за семь лет тоже пропали двое обходчиков. Темное это дело. По-хорошему следовало заварить опасные двери. Он давно хотел это сделать, но опасался последствий. Военные запрещали им даже стоять рядом с эвакуационными выходами. Взамен обещали держать их закрытыми. Обе двери, одна в тоннеле у «Марксистской», а другая за «Авиамоторной», стояли там как ком в горле. Если кто-то часто открывал их, это почти всегда предвещало новое исчезновение. Ну и что же он обязан был предпринять? Руководство сохраняло нейтралитет, обходчики сочиняли байки про какого-то Косматского, солдафоны грозили оружием, а он должен был отвечать за весь этот бардак. Может и правда заварить двери ко всем чертям? Мысль зрелая, но, допустим, внизу случится пожар, и военные выпрыгивают из своих бункеров как крысы с тонущего корабля? Поднимутся наверх, а двери-то запечатаны? Что тогда?

– Константин Леонидович, вас взывают на ковер? – вслух, хорошо поставленным голосом закончил он мысль. – По какому поводу, вы спрашиваете? По поводу барбекю на нижних уровнях.

Кроме позорного увольнения получит срок, а руководство поклянется, что запретило ему трогать те двери. Если же раскроется череда исчезновений обходчиков, руководство снова поклянется, что он не поставил их в известность. Вот такая у него была работа. Большие деньги, большая ответственность и большой геморрой.

Повернув за угол, Константин Леонидович открыл дверь и шагнул за порог диспетчерской. Здесь, как и снаружи, было тихо и спокойно. На стене были закреплены двенадцать плазменных мониторов. На столе стояли четыре компьютера. Там же за широким пультом сидел молодой рыжеволосый парень в голубой форменной рубашке. Увидев начальника, диспетчер немедленно вскочил. Константин Леонидович жестом заставил его вернуться на место.

– Говори, что выяснил.

– Тот следователь, что приходил сюда час назад, попросил предоставить ему запись с камер наблюдения на указанных станциях, – потирая руки, произнес парень. – Я сделал копии, как вы и велели.

Он провел ладонью по лежащим на столе видеокассетам и внезапно устремил на него испуганный взгляд. Было заметно, что парень чем-то взволнован, и это волнение частично передалось ему.

- Еще раз спрашиваю, в чем проблема?
- В общем, у меня был перерыв. Я решил еще раз просмотреть архив видеозаписей. Посмотрел. Там, как бы это сказать, я нашел несоответствие...
- Ближе к делу, – с раздражением произнес начальник. – Несоответствие в чем?
- Я ни в коей мере не хочу никого очернить и тем более обвинить, но все это выглядит очень подозрительно. Посмотрите сами.

Диспетчер обратился к пульту. Щелкая компьютерной мышью, он выбрал заранее приготовленный фрагмент видеофайла и воспроизвел его на нижнем мониторе.

- Вы уже видели эту запись?
- Конечно, нет. У меня есть дела поважнее.
- Ее смотрел тот капитан. Странно, что он не заметил этого...
- Чего? – не выдержал Константин Леонидович и вплотную подошел к столу. – Ты нашел что-то, чего не смог обнаружить следователь? Не смеши!
- Боюсь, что так...

Голос диспетчера прозвучал достаточно убедительно. Начальник немедленно подкатил соседний стул и уселся рядом. Оба устремили взгляды кверху. На экране настенного монитора было видно, как вдоль перрона идут два обходчика. Толстяк и старик задержались на станционных путях, а затем ушли в тоннель.

- Это Петренко с напарником, – догадался начальник.
- Да. Напарника зовут Павел Николенко. Они вошли в тоннель на станции «Площадь Ильича» ровно в 3:20.

Диспетчер отмотал запись вперед. На часах в углу экрана было 3:30, когда на платформе у входа в тоннель появился еще один обходчик. Глядя себе под ноги, убрал руки в карманы, мужчина проследовал в тоннель.

- Вот здесь, видите? Это Сергей Кравцов.
- Да. И что?
- Смотрите дальше, – парень указал на экран. Вскоре по перрону, переваливаясь на ходу, словно утка, прошел тучный мужик. Массивная фигура быстро исчезла из поля зрения камеры расположенной над аркой тоннеля. – Это монтер из бригады Воронцова. Его зовут Юрий Бычков.
- Мне ведь не обязательно знать их имена? – с усмешкой спросил Константин Леонидович.
- На всякий случай запомните. Это может пригодиться. Бычков вошел в тоннель в 3:35. Через пять минут после Кравцова.

Диспетчер открыл окно поиска и защелкал тонкими пальцами по клавиатуре. Начальник стал наблюдать за действиями парня, который, кажется, начинал волноваться все сильнее. Потом посмотрел на экран. На мониторе он увидел выход из тоннеля на станции «Марксистская». Съемка велась с камеры, закрепленной над станционными путями в противоположной стороне перрона, поэтому оба обходчика выглядели на ней крошечными. Константин Леонидович посмотрел на указанное время. В 3:45 Петренко и его напарник были уже там.

- Вы готовы? – спросил парень и, не дожидаясь ответа, отмотал запись вперед. С быстротой пули один из обходчиков выскочил на перрон. Второй вошел в тоннель. – Стоп!

Диспетчер переключился между камерами. Теперь на экране у входа в тоннель стояли две крупные фигуры – Юрий Бычков и Павел Николенко. Константин Леонидович спешно поднялся с места. Он был не дурак и обо всем сразу догадался.

- Тот капитан, он так быстро просмотрел запись, – на всякий случай объяснил парень, внимательно наблюдая за действиями начальника, который в этот момент

доставал из кармана сотовый телефон. – Наверное, тогда его больше интересовал тоннель на «Марксистской». Он не заметил этого...

Диспетчер еще раз отмотал запись. На экране было видно, как Павел бежит по перрону. Бычков посмотрел ему вслед и бодро зашагал дальше. Вот массивная фигура монтера растворилась во тьме тоннеля. Прошло десять минут. На пустом перроне появился Сергей Кравцов.

- Я не знаю, как это у них получилось. Выходит, что на «Площади Ильича» Кравцов вошел в тоннель первым, а на «Марксистской» вышел последним. При этом, как я слышал, оба говорили, что никого не встретили. Никого... – дежурный внимательно посмотрел на начальника. – Даже друг друга.

Константин Леонидович в этот момент приложил телефон к уху и стал слушать гудки. Только этого не хватало. Привык, что за него все делают другие. Совсем отупел на высоком посту. Он и не подумал, что в деле могли быть замешаны непутевые путейцы.

- Константин Леонидович, я вас внимательно слушаю, – раздался в динамике покорный голос Федора Зайцева.
- Ты все еще на месте?
- Да.
- Где сейчас Сергей Кравцов?
- Простите, но точно сказать не смогу. Я распорядился, чтобы бригадир отрядил его в помощь нашим гостям. Наверное, где-то в районе «Марксистской».
- Хорошо. Пусть с ними и остается. Теперь позови мастера или бригадира. Кого-нибудь из старших, кого найдешь. Срочно!
- Сейчас, одну минуту...

В динамике раздалась какая-то возня. Начальник стоял и жал, в нетерпении постукивая каблуком по полу. Диспетчер тем временем еще раз просмотрел запись и, повернувшись затем к руководителю, многозначительно кивнул в сторону мониторов. Наконец в трубке раздалось покашливание.

- Константин Леонидович, это Денис Воронцов, – твердым голосом произнес бригадир.
- Хорошо, что я говорю именно с вами. Мне нужно знать, чем сейчас занят ваш монтер. Его зовут Юрий Бычков.

В динамике воцарилась тишина. Потом бригадир стал кого-то звать. Началась короткая переписка. Кто-то что-то стал объяснять. Константин Леонидович все это терпеливо слушал. В душу закрались дурные подозрения, которые вскоре оправдались.

- Сложно сказать точно... – раздался неуверенный голос. – Если он вам нужен, мы его поищем.
- Я вас не совсем понял? – сквозь зубы процедил начальник. – Вы не знаете, где сейчас ваш работник? Вы бригадир или кто?
- Я знаю, где он. Бычков был на планерке. Я знаю, что он здесь, но не знаю, где именно. Последний раз его видели полчаса назад. Я послал его за инвентарем на «Марксистскую», но он пока не вернулся...

Константин Леонидович спрятал телефон в карман. Форменный дурдом, а не бригада. Его лицо дрожало от злости. Поймав на себе растерянный взгляд диспетчера, он коротко кивнул тому в знак благодарности.

- Ты кому-нибудь еще говорил об этом?

Парень отрицательно мотнул головой. Начальник облегченно вздохнул. Хоть этот попался не из болтливых. Константин Леонидович давно работал в компании и знал, что инициатива часто бывает наказуема. Жаль, что не все это пока уяснили.

- Не вздумай!
- Это же улика.
- Улика это или нет, пусть с ней разбирается следственный отдел. Передашь кассеты тому капитану и забудешь об этом навсегда.

Диспетчер кивнул. Задумался.

- Я все-таки не понимаю, – пригладив копну рыжих волос, пробубнил он. – Бычков и Кравцов пробыли в одном тоннеле около двадцати минут. Не заметить друг друга они там не могли. Либо кто-то что-то недоговаривает...
- Или лгут оба.

***

Впереди была тьма. Антон полз первым, освещая путь фонариком, попутно прикрывая рот и нос платком. Все пространство тоннеля было заполнено известняковой крошкой. Гнат и Кравцов за спиной часто покашливали. Они едва не погибли. Когда свод пещеры стал оседать, они чудом успели забраться в нору, где скрылся преступник. Выбора у них все равно не было. Отсидеться в обороне и дождаться помощи не получится. Необходимо поймать убийцу. В крайнем случае, Антон был готов даже на самосуд. Лучше так, чем подставить собственные шеи под нож.

Миновав поворот, они ненадолго остановились. Пещера осталась далеко позади. Воздух стал легче, и пыли было уже меньше. Потолок поднялся почти на метр. Еще раньше Антон заметил на стенах глубокие борозды. Похоже на следы от ударов острым инструментом. Кто-то специально расширил тоннель. Убийца, похоже, провел здесь много лет. Вполне возможно, где-то под землей у него было еще одно логово.

Антон убрал платок и достал из-за пояса пистолет. Пока неизвестно, кого они преследуют и какой силой тот обладает. И человек ли это вообще? Последняя мысль его смутила. Конечно, это человек. Кто же еще? Чудовищ не существует. Хотя бабушка в них верила. Впрочем, в домовых и леших она тоже верила, а еще в то, что во время грозы Илья-пророк катается по небу на огненной колеснице.

- Ну и что теперь? – раздался за спиной тяжелый голос.

Антон оглянулся. Гнат и Кравцов стояли на коленях и внимательно на него смотрели. У Гната на плече висел автомат. Кравцов держал фонарик. Каждый прикрывал нос ладонью.

- Теперь я тебя убью, – сквозь забитые песком зубы произнес Антон, направив пистолет на верзилу.
- Сколько можно? Я уже извинился.
- Плевал я на твои извинения. Ты все время нарушаешь правила. Не подчиняешься приказам. Говоришь какую-то ерунду. Думаешь, после этого кто-то будет воспринимать тебя всерьез, сержант?
- Да ладно, – смутился здоровяк, не ожидавший открытого упрека. – Я знаю, каково вам, но...
- Ты знаешь? – Антон поперхнулся пылью и захрипел не своим голосом. – Это я тебя едва знаю, но даже об этом давно жалею.
- Вы ничего обо мне не знаете.
- Как же. Достаточно послушать твои армейские байки. А сколько в твоей практике опасных арестов бомжей и алкоголиков, сколько боевых операций по снятию котят с деревьев? А чем ты больше всего гордишься? Тем, что убил дрища-наркомана, напавшего на тебя с бензопилой. Какой подвиг. Многая лета вечному сержанту Гнату Сехно!

Гнат молчал, вперив в молодого лейтенанта задумчивый взгляд.

- Помню, ты как-то раз сказал, что дома тебя ждет бутылка пива и телевизор. Поэтично. Ты хоть представляешь, каково это, арестовывать очередного нарушителя и молиться, чтобы он не достал нож и не всадил его тебе в сердце исподтишка. Нет? Знаешь, каково это, каждый раз, отправляясь на вызов, бояться, что назад ты вернешься уже не на своих ногах. Меня дома ждет молодая жена, которая считает минуты до моего возвращения. Теперь ты понимаешь, что я

чувствую? Понимаешь, что вместе с пещерой ты мог разрушить мою жизнь и жизнь моей жены.

– И мою, – донесся робкий голосок Кравцова.

Оперативник долго молчал, глядя на лейтенанта. Он не вспыхнул, как обычно, не пытался оправдаться. Просто молчал. Потом коротко кивнул. Антон ответил аналогичным кивком. Он высказался и больше не собирался к этому возвращаться.

– Давай просто забудем. Сейчас есть проблемы посерьезнее.

Гнат снова кивнул и скупно улыбнулся.

– Верите ли, мне эта работа тоже поперек горла, но выхода особого не вижу. Либо обратно в армию, либо ЧОП. Жизнь – дерьмо.

– Жизнь – это все, что у нас есть, – отрезал Антон. – Поймешь это, когда появится что-то более увлекательное, чем работа.

– Правильно, – торопливо ввернул Кравцов, прикрывая рот рукой. – Цени свою жизнь или сыграешь в игру.

Оба с раздражением посмотрели на обходчика.

– Эм... Ну, я просто хотел сказать, что нужно двигаться дальше. Здесь становится очень душно.

Антон посветил в противоположный конец тоннеля. Вход, должно быть, полностью завален, если облачка пыли потянулись следом. Пришлось ползти еще долго, прежде чем воздух вокруг до конца отчистился. Наконец Антон остановился напротив развилки. Один из тоннелей уводил наверх под углом, другой тянулся прямо.

– Сначала проверим тот, – распорядился он, указав пистолетом на прямой коридор.

– Пусти! Дай пролезть! Я пойду за лейтенантом! – внезапно заволновался Кравцов. Он несколько раз вяло толкнул Гната и попытался протиснуться между ним и стеной.

– Ты чего? Успокойся! – Оперативник боднул доходягу плечом.

– Я не хочу быть последним. Что, если он спустится оттуда?

– Все остаются на своих местах, – приказал Антон. – Никто на тебя не нападет, Кравцов. Тоннель прямой. У нас оружие. Он знает, что мы его сразу застрелим.

– Да. Этот ублюдок хитрый. Наверняка спрячется, и будет поджидать нас где-нибудь впереди.

Антон быстро пополз вперед, разгоняя тьму лучом света. Тоннель был прямой и гладкий, с множеством глубоких отметин, только свод стал понемногу опускаться. Почти как подземный лабиринт в районе Кучи. Антон вспомнил документальный фильм про спецподразделения американских солдат, сформированные во время войны во Вьетнаме. Даже в самых опасных сражениях они держали при себе только пистолет, нож и фонарик. «Тоннельные крысы», – так их называли. Недостойное название для храбрецов, которые добровольно рисковали жизнью, глубоко под землей вступая в схватки с вьетнамскими партизанами. Он и представить себе не мог, что однажды окажется на их месте. Благо «партизан» в этих тоннелях был всего один. Хотел бы он в это верить.

Они миновали крутой поворот и поползли глубже. Вскоре как будто повеяло ветерком. Хороший признак. Впереди было открытое пространство.

– Извините, что спрашиваю, – внезапно спросил сержант. – Ваша жена ведь Руслана Кудрявцева? Точнее была Кудрявцевой. Она действительно работает моделью? Для журналов снимается?

– Что? – не сразу понял Антон. – Нашел время!

– Ну...

– Да. Работает.

Гнат изумленно присвистнул.

– Тогда понятно, почему вас так домой тянет. А для Плэйбоя она снималась?

– Черт побери, Сехно! Опять за свое?

Оперативник стал покашливать, надеясь таким образом закрыть тему. Антон сильно пожалел о том, что наговорил ему сгоряча. Все равно громила ничего не понял, у него и семьи-то никогда не было. В его интересах, чтобы Гнат воспринимал его как начальника, а не как друга. Можно с ним вообще не церемониться, только приказы отдавать, как собаке: «Фас», «Сидеть», «Фу».

- Фу! – выдохнул Гнат. – Я весь вспотел. Сколько можно ползти. Откуда здесь такие длинные тоннели?
- Карстовых пещер без влаги не бывает. Вода пробилась. Наверное, все дело в реке. Не забывай, мы рядом с Москвой-рекой.

Сергей Кравцов, долгое время молчавший, вдруг подал голос:

- Я, конечно, не эксперт и не знаю всех тонкостей... Вот мой отец был настоящим специалистом. Он много лет работал бригадиром и не раз находил пещеры в таких местах, где их просто быть не должно.
- Ну и что? – зевнул Гнат.
- А то, что, возможно, нам известно далеко не все о недрах земли. Я говорю о тех недрах, которые находятся под Москвой. Многие до сих пор считают правительственное метро выдумкой, но мы-то его видели и знаем, что оно реально. Если его не могут найти, это не значит, что оно не существует. Почему же тогда пещеры вымысел? Не важно, что говорят ученые. Мы ведь здесь, в пещерах, которых, по их мнению, не существуют.
- Мы и так уже поняли, что они существуют, – поторопил Гнат. – К чему ты клонишь?
- Какая область Земли, кроме океана, исследована меньше всего? Та, где мы сейчас находимся. Давайте представим, что еще, кроме воды, мы можем здесь обнаружить. Вам не кажется странным, что ваш преступник так легко поднял большой камень? Откуда он пришел? Вы думаете, что этот человек жил наверху. А вдруг наоборот? Что, если он пришел из недр? Поднялся с глубины?

Антон остановился и посветил обходчику в лицо.

- Пещерный человек? Что ты несешь? Существо таких размеров не может жить под землей без еды и воздуха? Это же не рыба или насекомое.
- Есть много выходов на поверхность...
- Насекомое?

Лейтенант вдруг невольно поежился. Гнат, заметив это, сразу подполз ближе. Кравцов тоже умолк и последовал его примеру. Оба с надеждой и волнением посмотрели на Антона, словно тот нашел ключ к разгадке.

- В чем дело?
- Нет. Наверное, ерунда.
- И все же?
- Я подумал о муравьях. Муравей может нести груз, многократно превышающий собственный вес. Сила и прочность его тела напрямую зависят от хитина, содержащегося в экзоскелете. Это природная броня, которая укрепляет мышцы. Разумеется, все дело в росте. Насекомые слишком малы, оттого и сильны. Глупо, конечно... Но что, если муравей будет большим?

Наступило молчание. Легкий ветерок продолжал скользить по вспотевшим лицам. Фонарики освещали гладкие стены. После того, что они пережили, в темноте под землей, мысль о разросшемся под Москвой гигантском муравейнике не казалась такой уж нелепой.

Затянувшееся молчание разрядил урывчатый писк таймера. Двадцать минут истекли. Антон торопливо вытащил из куртки мобильный телефон и ударил по кнопкам, но прежде чем блокировка была снята, звук успел разнестись по тоннелю.

- Это просто теория, – заверил спутников Антон, убирая телефон в карман. – Если бы муравей вырос, его сила уменьшилась бы за счет увеличения массы тела. Он бы едва смог ползать.

Издали донесся глухой стук. Где-то посыпались камни. Антон, ни слова не говоря, ринулся вперед, выставив перед собой фонарик. Пистолет держал в правой руке. Он мог в любой момент спустить курок, зная, что здесь не пещера и обвал им не грозит. Преодолев расстояние быстрее остальных, он первым достиг выхода. Это было узкое отверстие. Здесь коридор обрывался, а вместе с ним и пол. Антон едва успел затормозить, прежде чем луч фонарика потонул во мраке. Впереди на многие метры разверзлась пустота. Еще дальше темнела вертикальная стена пещеры. Антон посветил вверх и обомлел.

Сзади заскрипел песок. Между ним и стеной в трещину протиснулся Гнат. Поймав взгляд лейтенанта, оперативник посмотрел туда же. Прямо у них над головами, буквально в нескольких метрах, нависала бесформенная масса. В одну плотную кучу по всей длине пещеры сгрудились камни, сырая земля, гнилые корни и обломки карста. В двух местах тонны земли опирались на отколовшиеся от стены куски известняковой породы, застрявшие между берегами трещины. Непостижимо, что все это месиво до сих пор не рухнуло вниз.

- Запомни, Гнат, – прошептал Антон напряженным голосом. – Ни в коем случае здесь нельзя шуметь. Никогда.

Сверху в пропасть сорвалась золотистая струйка песка. Антон посветил вниз, но дна не нашел, зато увидел кое-что другое. Слева в стене темнела широкая трещина. Она тянулась в потолок и дальше во тьму, сужаясь книзу. Антон перебросил луч света на противоположную сторону пещеры. Так и есть. В дальнем ее конце он нашел еще одну трещину. Кроме того, справа в стене были выбиты многочисленные выступы, по которым можно было туда добраться.

- Такая большая пещера, – вымолвил Гнат.
- Мы не в пещере. Это основание той трещины, которую мы обнаружили под тоннелями метро. Скорее всего, именно в нее мы сначала пытались забраться.
- Трещина под городом? Это разве не опасно?
- Очень опасно, особенно для тех, кто наверху. Этому месту, наверное, несколько сотен лет. На такой глубине пласты карста растворяются долго.
- И как, по-вашему, такое могло произойти? – спросил Гнат, давно убедившийся, что лейтенант знал чересчур много, чтобы хорошо спать.
- Может, Москва-река вышла из берегов или здесь был подземный водоем. Боюсь, что Кравцов прав. Воды тут хватает. Может быть, она и сейчас где-то там внизу.
- Почему же земля до сих пор не осела?
- Глубина большая. Сверху бетон и асфальт.
- Мы далеко ушли? Что там над нами?

Антон быстро рассчитал в уме расстояние и направление.

- Так. Мы в центре Таганского района. Шли на восток в сторону «Площади Ильича». Тогда, возможно, над нами сейчас Андроньевская площадь. – Антон покачал головой. – Плохо дело. Там повсюду дороги и жилые дома.

Необходимо как можно скорее выбраться и сообщить о том, что они обнаружили. Это важнее поисков убийцы. Если трещина будет расти и дальше, не только тоннели метро, но и все что выше непременно уползет в нее.

- Уходим. Мне это место нравится все меньше, – поторопил Гнат. – Предлагаю поискать выход.
- Согласен. Проверим тоннель, который вел наверх.

Они развернулись и поползли обратно, вернее хотели так поступить. Покрыв несколько метров, оба остановились, уставившись на пустой коридор. Кого-то не хватало.

- А где Кравцов? – вымолвил Гнат.

Антон пополз вперед. Добравшись до поворота, он присел на корточки и приготовил оружие. Выглянув, он нацелил вперед пистолет, который держал наравне с фонариком. В тоннеле никого не было. На полу лежала оранжевая каска. Рядом чернели капли крови. Подняв ее, Антон в страхе отпрянул. Под каской лежал красный обрубок на поверку оказавшийся человеческим ухом. Еще выше в потолке темнела дыра. Впервые проползая здесь, он слишком торопился, чтобы заметить ее. Это была его ошибка, и она стоила жизни человеку.

За спиной раздалось недовольное сопенье. Гнат сосредоточенно посмотрел на находку. Дотронулся дулом автомата до лоскута кожи. Потом заглянул в отверстие под потолком.

- Бред какой-то.
- Когда ты его видел в последний раз?
- Когда мы ползли... Он сопел прямо у меня за спиной.
- Все время?
- Ну, – запнулся Гнат. – Когда вы сломя голову помчались на шум, я последовал за вами.
- А он?
- Он был за мной.
- Ты должен был присматривать за ним!
- Я же не знал, кто впереди. Я хотел прикрыть вас.

Антон заглянул в дыру. Они попали в какой-то дьявольский клубок, который его мозг просто не мог распутать. Вертикальный каменный ствол тоннеля тянулся вверх. Самостоятельно подняться туда, а тем более втащить тело, было невозможно. Тут нужны крепления, веревка и огромная физическая сила. Разве что наверху убийцу ждали помощники с тросом, а сам он спустился вниз, используя страховочный пояс. Даже если так, то скорость, с которой он все это проделал, должна быть просто фантастической.

- Кравцов! – завопил Антон, просунув плечи и голову в дыру. Луч света выхватил шершавый свод другого коридора. Очень высоко. Три, может быть четыре человеческих роста. – Кравцов! Отзовись!
- Он мертв.
- Мы не знаем точно.
- Уж конечно мертв! – не выдержал Гнат. – Ему оторвали ухо!
- Почему же он не кричал?
- Его могли сначала убить, а потом...
- Ну да. Убили и оборвали как липку. Для чего?
- Чтобы испугать нас.

Антон прерывисто выдохнул. Им это удалось. Теперь для него совершенно ясно, что убийца действует не один. Сколь силен бы он не было, не управился бы так быстро. И нет никакой надежды на то, что капитан Алексеев жив. Так же как нет вероятности, что они найдут выход. Ситуация тупиковая. Их осталось двое, а впереди сотни метров каменных коридоров и группа маньяков, которые, без сомнения, готовят им новую ловушку.

- Он не сразу услышал голос сержанта.
- Что теперь делать, лейтенант? Что делать?
- Прорываться. Двигаться дальше.
- Обрато к дыре?
- Нет.

Антон твердо решил идти до конца. Нет смысла возвращаться назад и лезть в то узкое отверстие. Да, тот тоннель тянулся наверх, но выход там они не найдут. Возможно, он соединялся с тем, через который утащили Кравцова, но на проверку не было времени. У них всего один фонарик и нет батареек в запасе. Придется двигаться и действовать быстро. Более выгодным Антону представлялся шанс перебраться через пропасть и исследовать трещину до конца. Углубления в стене были пробиты не для отвода глаз. Конечно это не Сьяновские каменоломни, но и не Кунгурская пещера. Навряд ли

протяженность всех этих лазов превышает квадратный километр. Над ними все такие не Уральские горы, а Москва. К тому же кто-то намеренно расширял коридоры, следовательно, раньше они были совсем небольшими и не могли уводить далеко.

Итак, решено. Они пойдут самым опасным путем и выиграют время. Этому здешние обитатели ожидают меньше всего.

***

Водопад гремел потоками темной воды. Встав на краю обрыва, Дима направил луч света в пустоту, тщетно пытаясь нащупать пределы окружавшей его тьмы. Сначала ему показалось, что наступила ночь. Он представлял нечто подобное, но действительность превзошла все ожидания.

Василий и Костя стояли за спиной. Лучи фонариков беспомощно скользили по пустому пространству, раскинувшемуся во всех направлениях. Пещера напоминала гигантский купол, окруженный непроницаемым слоем камня. Со временем в темноте стали проступать контуры ребристого свода утыканного сосульками. Впереди в десяти метрах была отвесная стена. За спиной шумел водопад, белой полосой окаймляя предел подземного озера. Прямо под ногами у берега варилась грязная пена.

Дима шагнул к краю пропасти и осмотрел место, откуда они только что выбрались. Далеко за водопадом темнело дно затопленного ущелья. Где-то в глубине шумели и другие водные артерии подземного царства, но хуже всего было то, что вдоль камней и выступов гулял ветерок. Было слышно, как он завывает под сводами. Этот же ветер мог колебать пламя спички наверху, да и выход мог быть всего один – тот, что ведет на станцию-призрак. Так или иначе, выбравшись из одной западни, они попали в другую.

Дима прошелся по берегу и осмотрел озеро. Водопад оказался больше, чем он предполагал и, наверное, был здесь не единственный. Обойти озеро они могли только по каменному пляжу вдоль стены. Чтобы отыскать нужный перелаз придется покинуть грот, найти любую пещеру и там попытаться ограничить доступ воздуха поступающего отсюда. Еще можно поискать метки на камнях, оставленные обитателем грота. Ведь не мог же он перемещаться по такому гигантскому лабиринту по памяти. На самом деле Дима не представлял, что нужно делать в подобной ситуации и идеи рождались у него в голове экспромтом.

Василий и Костя молчали, внимательно наблюдая за его действиями. Наконец Дима повернулся к спутникам и виновато развел руки в стороны.

- Мне жаль, но мы не сможем сейчас уйти из пещеры.
- Как? – выдохнул Костя.
- Попробуем отойти как можно дальше от воды. Найдем и пометим все тоннели и пещеры, до которых сможем добраться. Потом пометим тоннели в каждой новой пещере...
- Подожди, сталкер, – оборвал Василий. – Эта бомж где-то поблизости, а ты предлагаешь просто разгуливать вокруг и рисовать крестики на стенах.
- Ты не слушал, – нахмурился Дима. – Я не найду тягу в такой большой пещере. Чтобы выбрать нужное направление придется потрудиться.
- Хочешь сказать, что мы здесь застряли надолго?
- Именно так.
- Ты обещал вывести нас!
- Я ведь не ожидал увидеть здесь озеро размером с Красную площадь.
- Ты обманул меня!
- Еще слово и будешь искать выход сам.

Раздался приглушенный свист. Перед носом у Димы пронеслось что-то маленькое и темное. Миг и гладкий камень раскололся о стену пещеры. Потребовалось несколько мгновений, чтобы определить, откуда был пущен снаряд. Повернувшись, Василий едва

успел увернуться, пропустив новый камень в дюйме от лица. Лучи фонариков выхватили размытые очертания человеческой фигуры за водопадом. На уступе по ту сторону пропасти стоял убийца. Непонятно, каким образом он туда попал, но действовал с поразительной быстротой. Вот он ловко перескочил на соседнюю террасу и стал раскручивать какой-то узел.

– У него праща! – догадался Дима и, пригибаясь, бросился прочь от воды.

Еще один снаряд просвистел у лица бегущего Василия.

– Он нам в головы целится!

Костя вырвался вперед и не слышал, что кричит верзила. Стук в висках мешал соображать. Он не знал, куда бежит, и что будет там делать. Еще один камень пронесся совсем низко над шумящей водой. Василий рухнул на пол, схватившись за ногу. Дима поспешил к нему, в то время как Костя бежал со всех ног вдоль озера. Оглянувшись один единственный раз, паренек споткнулся, беспомощно взмахнул руками и рухнул лицом в песок. Краем глаза Дима заметил, как устремился вверх луч его фонарика. Подтягивая за собой Василия, он попутно увернулся от нового пущенного камня и кое-как добрался до Кости.

– Цел?

– Вроде да?

Костя стукнул фонариком по ладони и тот вспыхнул вновь. Свист камней прекратился. Василий отполз к стене и выставил вперед тесак так, будто кусок железа мог защитить его от снаряда.

– Он хотел меня убить! – выпалил верзила, вперив ошалелый взгляд во тьму.

– Нас всех.

– Он целился в меня! – его голос сорвался на визг. – Ты это видел? Он хотел убить меня!

О возвращении назад не могло быть и речи, по крайней мере, до тех пор, пока есть путь вперед. Задерживаться на одном месте тоже было опасно. Переступая через кальцитовые натски, выдававшиеся из плит берегового карста, как корни деревьев из почвы, они пошли вдоль озера. Несколько раз Дима подходил к воде и видел стайки головастика, шнырявших у поверхности. Чуть глубже в известняковых трещинах у берега ползали бледные саламандры. Уловив вибрацию шагов, рептилии бросались врассыпную, оставляя за собой пыльный след.

– Двигайтесь осторожно, – напутствовал Дима, освещая движущуюся поверхность озера. – Смотрите под ноги и не...

– И не промочите их, – буркнул себе под нос Костя.

Дима пристально на него посмотрел.

– Сколько еще ты будешь на меня обижаться?

– А разве я не имею на это право? – произнес паренек, по-детски выпятив нижнюю губу. – У меня есть принципы и...

– Засунь себе их в задницу чмо четырехглазое, – рявкнул Василий так громко, что вся прибрежная живность разом подалась на глубину. – После того, что ты сделал, у тебя нет права даже разговаривать с нами!

Костя боязливо покосился на Василия, потом на Диму и нашел в себе силы закончить:

– Если бы не твое любопытство, ничего бы не случилось.

– Я же сказал, что не знал...

– Кое-что ты знал. Я же не дурачок какой-нибудь. Люк на заводе был открыт всю неделю. Цепь на дверь повесили изнутри. Туша собаки, которую мы нашли в подвале, была еще свежая. Убили ее как раз вот этим ножичком. – Костя указал на тесак в руках Василия.

– Вы вообще о чем? – спросил громила, с презрением наблюдая за ссорой друзей.

- Ты его выпустил, – с торжеством повторил Костя. – Мы оказались здесь по твоей вине, потому что тебе вечно не хватает приключений, а я пошел с тобой, потому что думал, что мы друзья и должны помогать друг другу.
- Это правда, – ответил Дима. – Мы друзья. Мы просто вышли на улицу, и пошли гулять. Все что случилось потом, могло произойти с кем угодно.
- Скажешь тоже.
- Давай больше не будем возвращаться к этому. Если хочешь меня винить – вини, но только про себя.

Василий махнул рукой и зашагал прочь. Два придурка, с которыми его свела судьба, постоянно спорили, прямо как муж и жена. Да и темы для бесед у них были какие-то неправильные. Тут его посетила зрелая мысль: «А может они любовники?» Точно! Петухи чертовы. Такое ведь случается не только в тюрьмах с правильными пацанами. Василий зычно рассмеялся, представляя, как эти двое кувыркаются в кровати под песню Милен Фармер.

- Что смешного? – спросил Дима, нагнав скалящегося верзилу.
- Да так. Фантазия разыгралась.
- Хорошо. Тогда пофантазируй на тему: «Как бы нам отсюда выбраться».

Пока они шли, грот становился все больше. Неизвестно, сколько здесь было залов и пещер. Дима уже приготовил мел, собираясь пометать тоннели, но все оказалось намного проще. Вскоре вода покрыла собой всю пещеру от стены до стены. Сбоку у берега среди отложений и натечных шишек темнел перелаз. Другого безопасного пути из пещеры не было.

Конечно, можно попробовать вернуться назад и осмотреть ущелье под водопадом, но риск получить камень в висок был слишком велик. Лучше попробовать выбраться из пещеры здесь. Все что им требовалось теперь – доброволец, который осмотрит найденный тоннель. Дима посмотрел на спутников. Костя и Василий сразу обо всем догадались и, напустив на себя задумчивый вид, разошлись в стороны.

- Не-е, я не полезу, – протянул верзила, поймав на себе взгляд Димы. – То, что у меня эта штука в руках еще ни о чем не говорит. Можешь ее забрать.
- Я тоже не полезу, – подал голосок Костя.

Делать нечего. С жеребьевкой они скорее перессорятся, к тому же ни Костя, ни Василий не были должным образом подготовлены. Дима смирился, понимая, что роль разведчика в этой войне отведена ему.

- Васек, можно тебя спросить, на какой станции ты встретил этого выродка?
- «Перово».
- Мы спустились под землю на Кировском сталелитейном заводе, рядом с «Авиамоторной».
- Знаю это место. И что?
- А то, что сейчас мы под восточной промышленной зоной. Над нами фабрики, заводы, железнодорожное депо и спальные районы. Вполне возможно, что наверху есть ход на Калининскую линию метро, плюс тот, который мы нашли на заводе. Итого один вероятный выход. Расклад не в нашу пользу.
- Согласен.
- Если ты действительно хочешь найти его, то будешь мне помогать руками, ногами и зубами. Я прав?
- Допустим.
- Я понимаю, что для вас все это в новинку, поэтому я пойду первым, но впредь, когда я сочту нужным, ты полезешь раньше меня.
- Эй! Я здесь не один. – Василий грубо толкнул жавшегося позади Костика, отчего тот едва не свалился в озеро. – К тебе у меня пока претензий нет, но этот нытик заслужил право быть первым всегда.

Дима слегка опешил от такой наглости. Он считал себя человеком гуманным и с пониманием относился ко всем людям, к какой бы национальности они не принадлежали. Василий жил по другим законам. По одежде и манере речи, он давно понял, чем этот «витязь» занимался на поверхности. Герой, судя по всему, запомнил, кем является и что, по справедливости, с ним нужно сделать.

- Ты сильнее Кости и умеешь обращаться с оружием. Этого достаточно?
- Значит, если я правильно тебя понял, когда ты поймешь, что впереди нас ждет засада, ты отправишь на разведку меня? – обозлено прорычал верзила.
- В данном случае засада может ждать меня, – поправил Дима, забирая у Василия тесак. – Никто не собирается гнать тебя на смерть, но мне тоже нужен отдых. Я, так же как и вы, понятия не имею куда идти. Вы будете следовать за мной или останетесь здесь в качестве экспонатов. Все ясно?
- Так точно, БОСС, – кисло улыбнулся верзила.
- Васек, ты хоть знаешь, как расшифровывается слово БОСС? – вполборота произнес Дима, осматривая тоннель. – Был Опущен Собственными Сокамерниками. Если расценивать эти подземелья как большую тюрьму, а нас как зеков, то это как раз про тебя.

Дима закинул сумку за спину и забрался в дыру. Повсюду был песок и гладкие камни. Скорее всего, этот рукав в прошлом был под водой. Покрыв ползком несколько метров, Дима заглянул за поворот и шумно вздохнул. Этого просто не могло быть! На камнях темнели багровые пятнышки. Еще свежие. Кто-то прополз здесь совсем недавно и этот «кто-то» был ранен.

- Чего встал? – раздался за спиной голос Василия.

Дима растерялся. Он-то был уверен, что убийца остался позади и ему ничто не угрожает, а теперь впереди его действительно могла ждать засада. Но как ему удалось так быстро перебраться через ущелье, водопад и озеро? Дима провел рукой по камням и песку. Пол был сухой. Значит, он не плыл.

Добравшись до конца тоннеля, Дима залег недалеко от выхода и долго вслушивался, но никаких звуков, кроме приглушенного шума водопада, не услышал. Тогда он выпрыгнул наружу, перевернулся и вскочил на ноги, выставив перед собой лезвие и фонарик. К счастью, пещера оказалась пуста. Ворох камней и несколько перелазов. Единственное, что его беспокоило – три отверстия под сводом. До земли далековато, но именно оттуда мог спуститься убийца.

До тех пор пока спутники не вылезли из тоннеля, Дима стоял на месте и осматривал пещеру. В ней не было ничего необычного, кроме, разве что, кучи камней, из которой торчал какой-то продолговатый предмет. Вскоре они увидели ржавую кирку-мотыгу. Под ней лежала керосиновая лампа и шахтерская каска. Булыжники были аккуратно уложены, а пространство вокруг кто-то подмел.

Присев возле могилы, а это без сомнения она и была, Дима подобрал головной убор, осмотрев его со всех сторон. На первый взгляд обыкновенная каска, только толще и тяжелее современной.

- Что это за дрянь? – раздался за спиной голос Василия.
- Могила чья-то. Может какого-нибудь обходчика или диггера.
- Видел, что он делает с теми, кто спускается сюда? Думаешь, садист похоронил кого-то по доброте душевной.
- Может, этот человек был ему небезразличен? Вдруг это его паспорт мы нашли в пещере?

Костя судорожно всхлипнул и уселся на пол. Дима с тревогой проследил за ним. Паренек усиленно растирал колени ладонями. Наверное, стер о камни, пока полз. Не прошли и ста метров и уже остановка.

- Все? Посмотрел? Пойдем дальше, – поторопил Василий.
- Нам нужен отдых.

- Нам? – Василий пристально осмотрел себя с ног до головы. – Мне не нужен. Тебе, я вижу, тоже. Ты говоришь об этом сопляке, да? Зачем он нам? Смотри, мне камнем по ноге заехали. Мне больно, но я все равно иду! Так поступают настоящие мужчины. Понял?
- Я все понял. Садись и отдыхай, мужчина.
- Но я домой хочу. Чем быстрее будем двигаться, тем быстрее выберемся отсюда, – огрызнулся Васек. Он повернулся и отвесил мощный подзатыльник жавшемуся позади Костику. – Вставай, тряпка!

Дима встал и дал бритоголовому парню такую смачную оплеуху, что на затылке затряслись складки кожи. До сих пор уверенный в собственной безнаказанности, верзила не ожидал ничего подобного, а потому пронзительно вскрикнул чистым певческим голосом, которому позавидовал бы сам Фаринелли. Диму такой звонкий дискант позабавил. Он хотел рассмеяться, но радость быстро ушла, как только появилось лицо Василия.

- Ты что творишь, придурок? Хочешь в эту могилу?
- Тронешь его еще раз и пожалеешь. Мне плевать, кто ты там наверху. Мы в пещерах, а здесь может случиться все что угодно, и бочки потом катить будет не на кого.
- Ты на что намекаешь? Здоровья много?
- Предупреждаю, Васек, – произнес Дима, приподнимая тесак. – Нам проблемы не нужны, но и ты знай свое место.
- Хочешь меня пырнуть этой штукой? А очко не треснет?

Не дожидаясь ответа, верзила толкнул обидчика в грудь. Дима покачнулся, но на ногах устоял.

- Он не хотел тебя обидеть, – робко заметил Костя.

Василий молча схватил его за волосы и оттаскал. Костя завыл и попытался освободиться, за что получил еще один подзатыльник.

- Ну что, будешь ответ держать или превратишься в такого же лоха, как твой дружок-любовничек?
- Ты что несешь?

В ответ Василий громко расхохотался. Дима не выдержал:

- Кем ты себя возомнил? Ты что думаешь – ты тут главный? Без меня ты и двух шагов не сделаешь. Знаешь, кто ты?

Верзила отпустил Костю и пристально посмотрел на обвинителя.

- Ты просто зажавшийся спиногрыз сидящий на шее у родителей. Вот ты кто! Думаешь, я не слышал о вас? Право на жизнь имеют все люди, и не важно, какого цвета у них кожа. Конечно, вдесятером легче бить одного, но если уж вы такие герои взялись страну чистить, сначала приберитесь в собственной хате.
- Так, так, так, – повысил голос Василий, дав понять, что намек не прошел бесследно. – Вот оно значит как! Еще один обожатель солнечного Таджикистана? Что ж ты тогда с ними не живешь в горах или на нашей стройке?

В глазах бритоголового парня вспыхнул опасный огонек ненависти, в узком кругу считавшийся праведным.

- Почему молчишь? – закричал Василий, забывая об опасности. – Чижиков любишь? Хочешь возглавить освободительное движение угнетенного гастарбайтера? Моральную поддержку оказать?

Дима понял, что перегнул палку, но назад дороги не было. Любой намек на извинение Василий мог истолковать как трусость и это, несомненно, взбесило бы его еще сильнее. С таким спутником их поход мог закончиться в следующей пещере.

Глядя на взбешенного славянина, Дима не знал, как и чем его убажить. Может гимн спеть? Костя был напуган не меньше. Он и сам, похоже, толком не понял, как несколько слов могли так сильно сдвинуть с оси Васильев глобус. В его глазах верзила обернулся

неуравновешенным шизофреником, приходившим в ярость от одной мысли о национальном равенстве, на искоренении которого заикнулся с детства.

Василий со всей силы толкнул обидчика. Дима потерял равновесие, оступился на камнях и рухнул прямо на могилу. Тесак выскользнул из рук. Фонарик укатился в сторону, осветив истлевшую материю, торчащую из кургана.

Верзила зычно загоготал, наблюдая, как Дима барахтается в куче чьих-то останков. Он слишком увлекся представлением и, услышав тоненький смех, сначала не придавал этому значения. Ему даже показалось, что смеется Костя. Только когда смех усилился, он понял, что звук исходит сверху.

Луч света устремился к потолку, соединившись с двумя мутными глазами, летящими навстречу. Облаченный в грязный комбинезон гигант приземлился напротив. Последовал мощный удар и Василий укатился в темноту. Фонарик разбился. Вооруженный ножом убийца бросился к жертве. Чувствуя, как в плечо вонзаются цепкие пальцы, Василий изловчился и схватил врага за руку.

В пылу короткой схватки ему удалось выбить нож и несколько раз ударить противника по лицу. Кулак вонзился во что-то упругое, больше похожее на резину. На этом сопротивление иссякло. Убийца вытянул руки и стал его душить.

– Костян, убей этого уро... – прохрипел верзила, сиюсь расцепить сомкнувшиеся на горле пальцы. – Нож... Костян...

Нож лежал под ногами Кости и паренек это знал. Василий продолжал упрямо хрипеть, и Костя наконец обратил внимание на нож. Василий судорожно закивал и взревел с новой силой, когда тот отвернулся. Голос прозвучал уже слабее, срываясь на свист:

– Костян... нож... убью... су...

Гигант разразился тоненьким смехом. В этот момент Дима занес над головой убийцы кирку и ударил. Наконечник рассекло пустоту. Убийца перекатился на бок и в два прыжка очутился у стены. словно паук, он вскарабкался по выступам и забрался в самое высокое отверстие, сбросив им на головы россыпи камешков.

В пещере воцарилась тишина. Василий стонал у стены, растирая руками шею. Костя сидел неподалеку и плакал. Дима вернулся к разбитому кургану, занявшему все его внимание. Он увидел там нечто странное. Складывалось впечатление, что в могилу вместе с костями положили пушечное ядро или кожаный мяч. Теперь, имея возможность осмотреть кости, он понял, что это огромный череп. Два года назад в кинотеатре показывали фильм «У холмов есть глаза»¹⁰ и в одном из эпизодов там был мутант, страдавший отеком мозга. Его голова была такой огромной, что ему приходилось возить ее на коляске. Тот, кто лежал в могиле при жизни мог выглядеть не лучше. Дима не помнил название заболевания, знал только, что оно бывает только у новорожденных. Тем не менее, в могиле были кости взрослого человека. Очень большого, судя по величине грудной клетки и длине берцовых костей. А какого размера была голова у того, кто их преследовал?

За спиной раздался рев. Дима оглянулся. На его глазах Василий с разбегу ударил Костю ногой в живот. Паренек неожиданно увернулся и, дико завизжав, убежал в дальний угол пещеры.

– Остановись! – прокричал Дима, вовремя встав у него на пути.

– Я убью его. Плевать на законы. Дважды из-за этого выродка я чуть не сдох!

– Мог бы на маньяка злость спустить.

– Ты сиди, сиди, – теряя воздух, прохрипел Василий, тыча толстым пальцем в Костю.

– Думаешь, я забуду? Оглянуться не успеешь.

Обхватив голову руками, Костя с содроганием слушал, как неподалеку брызжет слюной неуправляемое животное. В голове не укладывалось, как с виду мыслящий человек мог впасть в такую беспамятную ярость. Ему Василий представлялся упрямым зверем, сокрушившим клетки зоопарка и выбежавшим на улицы города в слепой надежде

¹⁰ «У холмов есть глаза», 2006 год. Реж. Александр Ажа.

обрести свободу. Он ухал и рычал, словно обезумевший от голода бабуин, мечтая добраться до него. Костя по-прежнему боялся грубияна, но уже не так сильно. Понемногу он и сам начинал злиться, и ему это нравилось.

- Он баба, – уже спокойнее произнес Василий, перестав вырываться. – Да, он баба, и когда мы выберемся ему лучше не показываться на улицах.
- Хорошо, только прекрати драку.
- Ты тоже не обольщайся.
- Как скажешь.

Василий, судя по шраму и кривому носу, был живым примером классического воспитания. Возможно, пьяный отец слишком ревностно учил его самообороне или у друзей было дурное чувство юмора. Неполноценность била из всех щелей, и ее не всегда удавалось сдерживать.

- Ты дважды спас мне жизнь, – наконец буркнул он, стряхивая песок с одежды. – Я забуду все, что ты сказал. Только впредь следи за языком. Не знаю, с кем ты трешься, но будет лучше, если станешь меньше выступать. Не твое дело кто я и чем занимаюсь.
- Учту.

Подняв нож, Василий указал зазубренным лезвием на Костю, чье лицо напоминало лунный пейзаж.

- А с тобой, звереныш, у меня будет отдельный разговор в четырнадцать слов. Без свидетелей!

Дима проследил за верзилкой. Разумеется, жестокий парень ничего не забыл и не простил. Годы, проведенные на улицах, позволили ему хорошо изучить этот сорт людей. Они путешествуют с бомбой замедленного действия. Рьяный патриот ненавидел их обоих. На его стороне была сила и внезапность. Вооруженный ножом, он вполне мог дожидаться момента, когда впереди заблещет свет лампочек и воспользоваться им по назначению во славу нации.

Пока Дима искал тягу в четырех доступных тоннелях, Василий помочился на могилу. Так он хотел отомстить маньяку. Он с радостью сообщил на всю пещеру, что поливает останки его товарища, а потом предложил убийце спуститься обратно и утолить жажду. Глядя на толстоватого парня в мокрых гриндарах, Дима невольно содрогнулся, представив себя на месте прохожего, зажатого в кольцо таких бугарей на темной улочке.

Пламя зажигалки едва заметно колыхнулось. Дима старался как мог, чтобы ветер из грота не потревожил огонь. Все равно он не был до конца уверен, что нашел подходящий тоннель. Выход мог быть и там, куда забрался убийца.

Лишь только свет фонариков истлел в тоннеле, сверху в пещеру соскользнула черная тень. Бесшумно подобравшись к могиле, человек в грязном комбинезоне стал собирать мокрые кости, аккуратно складывая их на место, изо всех сил стараясь придать могиле прежний вид. Засыпав останки камнями, он водрузил сверху каску и лампу. Только кирка осталась у него в руках. Протяжно зашипев, гигант стиснул ороговевший черенок и посмотрел на лаз, по которому ушли его жертвы.

***

Попав в новую пещеру, Дима с Василием первым делом заблокировали вход в тоннель тяжелым камнем. После недавней ссоры наступила короткая разрядка. Оба молчали и послушно выполняли команды, которые отдавал Дима. Осмотрев заваленную камнями полость, они нашли только один широкий лаз. Достаточно просторный, чтобы проползти там вдвоем, без камней и песка, но с низким потолком.

Наконец Дима приказал всем сесть. Они перебрались к дальней стене пещеры, чтобы удобнее было наблюдать за выходами. Дима откупорил флягу, сделал глоток и протянул ее спутникам. С едой повременили. Неизвестно, сколько займет путь наверх. Вода

закончится быстрее, но можно пить бульон из банок. Это лучше, чем отравленная бензином и токсинами вода из рек и озер.

Пока они сидели, Дима еще раз проверил те фонарики, которые взял с собой. К сожалению, только два были рабочими. Из разбитого он вытащил батарейки и спрятал в сумку.

- Что-то мне совсем хреново, – пробормотал Василий. – Глаза закрываются
- Можешь отдохнуть пять минут, – не глядя, ответил Дима.

Костя рядом тоже зевнул. В таком состоянии далеко они не уйдут, а эта пещера была идеальным местом для привала. Запихнув несколько консервных банок себе в сумку, он посмотрел на Костю.

- Как ты себя чувствуешь?
- Колени болят.
- Ходить трудно?
- Нет.
- Тебе тоже надо отдохнуть. Впереди долгий путь.
- Думаешь, тут очень глубоко?
- Нет. Уверен, что метров сто, не больше.

Получив обнадеживающий ответ, Костя все равно всхлипнул. Дима ободрил товарища, потрепав его по худому плечу. Он не знал точно, сколько придется карабкаться наверх, знал только, что большие пещеры под Москвой не найти и на глубине двухсот метров. К тому же такие пустоты вблизи от поверхности давно обнаружили бы геологи, без которых не обходится строительство ни одного здания. Сейчас они очень глубоко, так глубоко, что даже представить страшно.

- Постарайся отдохнуть, – успокаивающим голосом повторил Дима. – Все будет хорошо.

Он оглянулся на Костю, но тот уже дремал. Василий сопел рядом, опустив голову пареньку на плечо. Воспользовавшись моментом, Дима достал флягу и перелил часть воды из нее в заранее спрятанную бутылочку. Из сумки извлек подаренную отцом «восьмерку», часть креплений и аккумуляторы. Оставив им две зажигалки, он бесшумно поднялся и забрался в тоннель.

Это решение далось ему нелегко. Он долго думал и понял, что больше не может рисковать. В одиночку двигаться легче и быстрее. Соответственно и опаснее, но здесь важнее скорость. Время работает против них. Свет, вода и еда кончатся быстро. Без чистого воздуха и дневного света организм пойдет вразнос. В таких ситуациях люди должны действовать слаженно. А что на деле? Действует он один. Почему он должен рисковать жизнью ради людей, которые так хотят умереть? Недавняя ссора показала, как близки они к гибели. Человек, для которого амбиции дороже собственной жизни и тем более жизнью других, не заслуживает помощи. Понимал ли Василий, что в том гроте он повел себя не лучше любого гордого кавказца, готового зарезать любого ради сохранения достоинства.

Можно было бы оглушить верзилу и увести с собой Костю. Он сначала так и хотел сделать, но потом передумал. Вдвоем у них было бы немногим больше шансов на спасение. Когда на них напали, паренек даже не пошевелился, а в пещере под водопадом его необдуманный поступок едва не стоил им жизни. Он обуза, которая обязательно потянет его на дно. Не стоило забывать и о Василии. Верзила впадет в ярость, пустится в погоню и благодаря медлительности паренька обязательно их настигнет.

Проползая под низким сводом, Дима с трудом сдерживал слезы. Второй раз он оставляет друга, но на этот раз уже навсегда. В нем обнаружилась мерзкая червоточина, которая есть в каждом. Она, как вирус, до поры до времени дремлет, но стоит появиться возбудителю и человек начинает слабеть. Долго он вел себя как герой, спасал, придумывал планы, даже схватился с убийцей. И ради чего? Несколько раз он чуть не

погиб. Там в пещере под озером ему помогли, потому что он был нужен. Имей Василий и Костя шанс на спасение, непременно сбежали бы, оставив его в беде.

Героев на самом деле не бывает, и Дима это всегда знал. Когда один человек спасет другого, его поступками руководят принципы или установки, заложенные с детства, а не отважное сердце и добрая душа. В любом случае, свой лимит добродетелей он исчерпал.

***

Чанг Фу сидел за крошечным квадратным столиком в грязной столовой, больше смахивающей на помойку, пил воду из кружки и размышлял. Не так давно он вернулся на станцию, занял скамейку возле лестницы, что вела на перрон, и стал наблюдать. Многие русские, которых он знал, если не все, считали его простофилей. Не мудрено, ведь он стремился казаться таковым, пользуясь тем, что внешность бывает обманчива. С глупого человека спросу примерно, как с обезьяны, зато не задает вопросов и пашет как бык. Никто бы ему не поверил, если бы он сказал, что на родине постиг философию, в совершенстве владел искусством каллиграфии и умел медитировать. Ежедневных медитаций работникам этого каменно лабиринта как раз не хватало. Тут внизу все были слишком нервные и злые, особенно начальство. Наверху ситуация обстояла еще хуже. Во время первого визита в город, Чанг Фу был поражен царящей там дисгармонией. Складывалось впечатление, что все дееспособное население Москвы было просто помешано на деньгах. Ипотека, менеджмент, девелопмент, инвестиции и прочая непонятная дребедень безраздельно правили столицей. В грязном котле варилось столько амбиций, честолюбия, зависти и ненависти, что проситься в душ было просто смешно. Зато пенсионеры приятно удивляли своей самодостаточностью, терпением и силой духа. Ему они чем-то напоминали стариков с окраин Хайфона. Те в свое время тоже прошли сквозь огонь войны, только не с немцами, а с южанами и американцами.

Наблюдая за вереницей сияющих лампочек, Чанг Фу еще некоторое время размышлял о том, что случилось внизу. Тот кинолог, чьего сына он обещал тренировать, едва не пристрелил Бычкова. Ничего удивительного. Если из темноты к вам выходит человек вооруженный фомкой и зовет куда-то, а куда не говорит, что бы вы сделали? Чан Фу хорошо знал Бычкова, но в тот момент сам готов был его уложить. Пока толстяк вел их по коридору, периодически оглядываясь, у них едва не сдали нервы. Валера уже готов был спустить на него овчарку, но монтер вовремя показал находку.

Вьетнамец содрогнулся, вспомнив, как милиционер осматривает ведро до краев наполненное человеческой кровью. Густая масса и место вокруг ведра были щедро посыпаны хлоркой. Молодой следователь, который их вел, оказался прав. Скорее всего, капитану милиции выпустили кровь, а остатки использовали, чтобы сбить со следа. А может, завели в ту пещеру намеренно. Убийца действовал хладнокровно, с точным расчетом, но каким больным нужно быть, чтобы так расправиться с человеком.

Потом они бежали сломя голову. Прочь из кошмарного подземелья. Валера поднялся наверх и вызвал наряд милиции, а он оставил Бычкова и уселся на лавочку. Минут через двадцать прибыло подкрепление. Чанг Фу насчитал тринадцать или даже пятнадцать человек. С ними были собаки. За милицией подоспели сотрудники МЧС и собственная пожарная охрана метрополитена. Своего места он лишился, когда прибыло подразделение черных, как смерть, бойцов в масках. У каждого автомат, бронежилет, шлем и нашивка – ОМОН. В отличие от других они не суетились и даже не разговаривали. Действовали четко и быстро, словно знали заранее, что должны делать. Каждый встал на своем месте, остальные ушли в тоннель. Чанг Фу смутно представлял, что входило в их обязанности. Кто-то из его друзей с Черкизовского рынка утверждал, будто подразделение было специально создано, чтобы потрошить торговые ряды. Слишком много чести. Он точно знал, что этих людей вызывают, когда случается что-то серьезное.

Дверь в подсобное помещение отворилась. По коридору шаткой походкой прошел тощий парень. На нем, как и на других работниках метро, был безразмерный оранжевый жилет. На острой макушке бейсболка с обрезанным козырьком. Вся одежда от головы до ног была марки Adidas. Грязные кроссовки ступали по покрытому ржавчиной полу. «Стас-Адидас» – узнал молодого монтера Чанг Фу. Парень работал в бригаде Воронцова, но сейчас почему-то был здесь.

- Здорово, Шан Цунг, – махнул рукой парень, присаживаясь за соседний столик.
- Доброй ночи. – Чанг Фу склонил голову в знак приветствия. – Ну, как там дела?
- Это ты мне скажи, – с азартом спросил Стас, наливая в кружку воду из чайника. – Говорят, вы мертвяка нашли.
- Выдумки! Кто это болтает?
- Бычков, кто же еще. Его сейчас наверху допрашивают. Скоро за тобой придут. Так вы труп нашли или что?
- Нет. Только кровь.
- Из трупа?
- Да.

Чанг Фу поморщился.

- Офигеть! Это что же получается, кто-то в метро людей крошит, а мы, как бараны, тут сидим и ждем, пока нас на фарш пустят?

Вьетнамец счел разумным промолчать. Он себя бараном не считал. Ему в метро было приятно работать, и намного легче, чем на стройке или в супермаркете. Это Стас был постоянно чем-то недоволен и любил об этом поболтать, а еще бунтовать за спиной у начальства и писал тактичные жалобы в Совет по работе с молодежью.

- Говорят, там еще мента кокнули. Вот блин лажа, а?
- Стас, говори нормально. Я тебя не понимаю, – намеренно по слогам произнес вьетнамец.

Этот парень ничем не отличался от своих сверстников, разве что реже матерился. Молодежь везде одинаковая. Все время болтают на непонятном языке. Чанг Фу, едва освоивший русский язык, не переставал удивляться, как людям удастся смешивать его с какой-то западной белибердой. У нее и название было – какой-то «сленг».

- Да я, вроде, по-русски говорю, – усмехнулся парень. – Расскажи лучше, что еще вы там нашли? Наши говорят, что внизу «Метро-2» и какой-то военный объект.
- Там только коридоры и пустые комнаты.
- И никаких бункеров?
- Нет.
- Вот блин лажа-то. А я надеялся, когда все уляжется, туда спуститься.
- Лучше не надо. Вдруг тебя тоже убьют.
- Меня? – парень глянул на него с презрением. – У меня первый дан по айкидо. Знаешь, что я умею?
- Если первый, то почти ничего. Ты новичок.

Стас напустил на себя возмущенный вид, но потом все-таки улыбнулся.

- Ты-то откуда знаешь? Я думал, ты этим, как его, ким-ке занимаешься.
- Про единоборства я знаю очень много. Могу даже взвесить тебя взглядом.
- Да ты что! И сколько дашь?
- Пятьдесят пять.

Парень присвистнул, придирчиво осмотрев свое костлявое тело, закованное в засаленную синтетику.

- Надо бросать курить, – критически покачал он головой и вдруг хитро улыбнулся. – Жаль, мы с тобой редко общаемся. Мне вообще нравятся экзотические страны. Таиланд, Камбоджа, Лаос... Я даже был в Паттайе. Хотели с друзьями снять девочек на ночь. Если бы не те отморозки с ножами...
- У меня на родине тоже красиво.

- Ясно. Слушай, тебя ведь по-настоящему зовут Нгуен Чанг Фу?
- Да.
- А секретное имя у тебя есть?

Чанг Фу, до этого времени пребывавший в умиротворении, разом встрепенулся. Неожиданный вопрос. Стас по-прежнему глупо улыбался, но ему было не до смеха. О таком не принято говорить с посторонним, а шутить и подавно. Едва ли парень это понимал. В единое божество, которому поклонялась добрая половина человечества, Чанг Фу не верил. Он чтит предков и боялся их гнева. Традиции, сложившиеся в далеком прошлом, выдержали испытание временем и не могли нарушаться просто по желанию одного человека.

- Конечно. У всех вьетнамцев оно есть, но откуда ты узнал о нем?
- Из Википедии.
- Откуда?
- Из интернета... Можешь на меня положиться. Я умею хранить тайны, поэтому, если ты мне его скажешь...
- Нельзя. Ты что!
- Да ладно, Шан Цунг. Ничего страшного не случится. Мы же не в Земноморье¹¹ живем. Ты ведь не веришь, что злобные духи утащат тебя в лимб или еще куда-нибудь?
- Верю, – на полном серьезе ответил Чанг Фу. – Духи на все способны. Особенно Шикулькан.
- И кто он такой?
- Дух подземелий.
- Стало быть, наш сосед, – улыбнулся Стас. – Понимаю. Может, его спросим? Шикулькан, назови секретное имя Шан Цунга!
- Хватит.
- Ну хотя бы первую букву скажи, – парень ткнул пальцем в пространство над головой, словно там была подсказка. – Давай я сам попробую угадать: «М», «П», «Л»?
- Стас, это не смешно!

Заскрипела дверь. Стас, сидевший как раз напротив входа в столовую, как-то странно посмотрел в ту сторону. Чанг Фу сразу понял, что пожаловал кто-то важный. Послышался тяжелый вздох. По кафелю защелкали каблукы. Первым в столовую вошел Федор Зайцев. Вечно расслабленный, в затасканном спортивном костюме, тощий и угрюмый. На лице, как правило, два выражения: раболепие перед руководством или презрение перед всеми остальными. Эту птицу Чанг Фу знал хорошо. Длинный орлиный нос, скошенный подбородок. Настоящий падальщик, вечно рыскавший по тоннелям и коридорам метрополитена в поисках новой жертвы.

Зайцев приоткрыл облезлую деревянную дверь, дождавшись, пока мимо пройдет осанистый мужчина. Хмурым взглядом гость осмотрел заваленную хламом столовую, но не слишком придирчиво, чтобы сотрудники чего доброго не подумали, будто он пришел наводить порядок. На нем была черная шелковая рубашка, отглаженные брюки и блестящие туфли. Рубашку снизу оттягивало объемное брюшко. Широкая челюсть выдавалась вперед. Меленькие глазки опасно блестели.

Константин Леонидович Маслобойщиков был большим начальником. Чанг Фу не знал, какая у него должность знал только, что этот мужчина руководил всеми, кого видел. Кивком он обратился к Стасу и сразу отвернулся, видимо решив, что обращение к рядовому монтеру ниже его достоинства.

- Встал. Вышел, – последовал приказ со стороны Зайцева.

¹¹ Земноморье – вымышленный мир американской писательницы Урсулы Ле Гуин в котором у каждого живого существа и предмета есть «настоящее имя» узнав которое можно им управлять.

Парень немедленно растворился, словно его и не было. Константин Леонидович аккуратно пригладил зачесанные назад блестящие волосы и уселся на один из табуретов. Зайцев остался стоять в дверях, сложив руки за спину. В столовой наступила гнетущая тишина. Поймав на себе пристальный взор начальника, Чанг Фу слегка опешил, даже поклониться забыл. Все это сильно смахивало на допрос.

- Что ты им сказал? – раздался сильный голос. Без сомнения Константин Леонидович часами работал над дикцией. Чанг Фу в таких людях хорошо разбирался, особенно после знакомства с напыщенным рублевцем Сахаровым. Каждое движение было хорошо выверено и продуманно.
- Кому? – переспросил Чанг Фу.
- Милиции.
- Меня еще не допрашивали.

Раздался, как ему показалось, вздох облегчения. Константин ударил кулаком по столу, но не со злости, а скорее от радости.

- Не вздумай!
- При чем тут я? – удивился вьетнамец. – Что бы там не случилось, Бычков уже разболтал все, что только можно...
- Бычков уже уволен, если ты не в курсе, – со злостью отозвался Зайцев и добавил деловым тоном: – Мы не знаем путевого монтера с такой фамилией. Сегодня ночью он без разрешения проник в метро, используя смарт-карту, которую не сдал при увольнении, сославшись на потерю оной. Вот так!
- Бычкова мы не успели перехватить, – объяснил начальник. – Тебя предупреждаем. Скажешь то, что мы сочтем нужным.

Чанг Фу поспешно закивал, с трудом изобразив раболепие, которое видел на лице Зайцева.

- Теперь рассказывай, что видел. Живее!

Последовала короткая история, с применением фразеологизмов вьетнамского языка и искусного коверканья русской речи, чтобы те думали, будто он волнуется. В результате начальник остался недоволен. Оно и понятно. Пропажа капитана милиции и незаконное проникновение на военный объект сотрудника метрополитена сильно подпортят репутацию компании. Зато новость о том, что он нашел паспорт, принадлежащий Анатолию Кипяткову, была воспринята как должное. Начальник даже бровью не двинул. Кравцова Чанг Фу, разумеется, выдавать не стал. Сказал, что собака сама нашла проход, а потом отвела милиционеров к логову бомжа.

- Кравцов вроде не дурак, – произнес Зайцев. – Зачем он полез с ними?
- Лейтенант ему угрожал.
- Ах вот оно что! – рассердился начальник. – Это меняет дело. Мы обязательно подадим на него в суд. Он дважды превысил свои полномочия. С Кравцовым я разберусь лично, когда он вернется. Очень пристрасно...

На лице Константина Леонидовича вдруг появилось выражение, которое бросилось в глаза обоим. Складывалось впечатление, что начальник чего-то опасался.

- Знать бы только, когда это произойдет, – забеспокоился Зайцев, почесав скол в том месте, где должен быть подбородок.
- Я скажу оператору, чтобы держал тебя в курсе. Когда Кравцов вернется на станцию, немедленно приставь к нему двоих охранников. Нет. Лучше троих. И пусть ведут его ко мне.
- Это еще зачем? – удивился Зайцев.
- Потом объясню.
- Будет исполнено. Но что, если спецподразделения уже спустились и перехватили его? А вдруг Кравцов проболтался, и все давно знают...

Константин предостерегающе зыркнул на Зайцева, потом посмотрел на монтера.

- Они не имеют права. Да, они вызвали ОМОН и оцепили станцию, но это все, что они могут. Сейчас толпятся в тоннеле у двери и ждут разрешения. Думаю, простоят там еще час, если не больше.
- Тот капитан, с которым вы приказали мне поговорить, он и мне угрожал, – жалобно протянул Зайцев. – Весь такой важный из себя. При оружии. Думает, если у него погоны, то ему все можно.
- Почему ты сразу мне не сказал?

Обходчик виновато потупил взор.

- Ладно. С ним тоже разберемся, если он все еще жив. Пока надо другими делами заняться. – Константин Леонидович встал и кивнул в сторону вьетнамца. – Ты. Скоро они придут за тобой. Федор Геннадьевич объяснит тебе, что можно говорить, а что нет. О паспорте Кипяткова помалкивай и помни, Бычков здесь не работает, и проник сюда незаконным путем. Вы этого не знали.
- А как же дача ложны показаний? – осторожно спросил Чанг Фу, заметив недовольство на лице начальника.
- А как же твои премиальные? – ввернул Зайцев.
- Я все устрою. Тебя никто ни в чем не обвинит. Ты ведь хочешь здесь и дальше работать?

С этими словами Константин Леонидович круто развернулся и быстро зашагал к выходу. Хлопнула дверь. Щелканье каблучков о мрамор вскоре стихло. Чанг Фу остался один на один со стервятником. Зайцев как-то странно улыбнулся и подсел к нему за стол. Без сомнения он упивался временно данной властью и собирался ею пользоваться без ограничений.

- Дашь показания в точности, как я скажу. После того как тебя допросят, спустишься обратно и перейдешь на «Таганскую». Я буду ждать тебя наверху у запасного выхода.
- Зачем?
- Нас ждет небольшое путешествие.
- Это какое? – заволновался Чанг Фу, заметив, как на тощем лице расцветает мерзкая улыбочка.
- Поедем верхним путем на «Авиамоторную».
- Зачем это?
- Там увидишь.
- Вдвоем?
- Нет. Втроем. Ты, я и сварочный аппарат.

***

В расщелине стояла мертвая тишина. Слышно было только, как комья сухой земли с шорохом падали во тьму. Цепляясь за ниши, Антон перебирался с уступа на уступ, забивая в глубокие проемы острые носки туфель. Этот путь оказался не таким уж опасным. Стена тянулась вверх под наклоном и была покрыта отверстиями, вручную выбитыми в карсте. Все это чем-то напоминало скалодром. Держа в зубах фонарик, Антон без труда добрался до расщелины. Гнат не отставал, подтягивая массивное тело. Его автомат болтался за плечами. Свои туфли оперативник снял, и повесил за шнурки на пояс.

Поставив ногу на узкий парапет, Антон ухватился за край расщелины и забрался внутрь. Взяв фонарик, он осветил Гнату, пока тот не присоединился к нему.

- Это было так уж необходимо? – спросил оперативник, надевая туфли.
- Незаметно преследовать нас этим путем у них не получится. Да, это было необходимо.

Антон осветил вглубь. Между шершавых стен в темноту уводил кривой проход без потолка и пола. По краям трещины были выбиты широкие выступы, достаточно удобные,

чтобы по ним можно было пройти боком. Луч света скользнул вверх, выхватив массу земли, стянутую корнями.

- С ума сойти, – вслух прошептал лейтенант. – Что могло заставить людей жить в таком опасном месте.
- Говорят, у психов нет мотивов, – пробубнил Гнат. – Вы мне так и не объяснили, что конкретно мы будем делать? Ловить преступников или искать выход?
- Найдем их убежище, арестуем преступников, найдем выход и, по возможности подними наверх тела Алексеева и Кравцова. Потом сообщим об этой трещине.
- Хоть что-то из этого сбудется?
- Я надеюсь найти выход.

Дождавшись, пока оперативник завяжет шнурки, лейтенант вжался в стену и стал двигаться вглубь. В конце они нашли широкий лаз. Антон коснулся рукой осыпающихся краев тоннеля. Темно-серые пласты карста, совсем не заглубевшие. Место было опасным не только из-за садистов окапавшихся где-то в глубине, но и из-за обвалов. Этот проход раньше не существовал, судя по всему, его провели вручную.

- Еще раз повторяю, что бы ни случилось, не стреляй. У тебя нож есть?
- Гнат покачал головой. Антон недовольно поморщился, дав понять, что у него тоже.
- Используй приклад.

Преодолев прямой тоннель, с ног до головы испачкавшись в песке и глине, они достигли развилки. Антон оставил оперативника на месте, а сам пополз в левый тоннель. Через минуту он вернулся.

- Ну что там? – спросил Гнат.
- Есть проход, но ты там не пролезешь.

Антон махнул рукой вправо. Этот тоннель тянулся вглубь. С каждым новым метром угол наклона возрастал. Постепенно они стали сползать вниз вместе с песком. Под конец пришлось едва ли не съезжать по шершавому полу. Хватаясь за ребристый свод тоннеля, Антон пролез ногами вперед в узкую дыру и прыгнул в новый проход. Гнат едва не свалился ему на голову.

Из двух направлений они снова выбрали левое, и оно снова их подвело. Тоннель закончился тупиком. Здесь над пластами известняка тоже поработали инструментом. Повсюду были отметины и трещины. Гнат и Антон поползли в противоположном направлении и вскоре достигли небольшой воронки. Дальше коридор сужался. Ползти вперед Антон не рискнул. Скорее всего, там тоже был тупик. Приказав Гнату держать его за ноги, Антон взял в рот фонарик, достал пистолет и просунул голову в воронку.

«Почти как тоннельная крыса», – пронеслось в голове, пока его спускали по песчаному рукаву. Больше всего Антон боялся получить внизу удар ножом в лицо. Место для засады было идеальным, но коридор оказался пустым, не считая толстого слоя песка. Свод нависал очень низко. Забравшись внутрь, Антон понял, что сможет передвигаться только ползком.

Они долго ползли вперед, глотая песок, надеясь, что выбранное направление окажется верным. Если бы и это лаз закончился тупиком, то перед ними встала бы неприятная необходимость – ползти обратно ногами вверх. К счастью, этого не произошло и коридор, повернув несколько раз, вывел их в небольшой песчаный грот. Здесь на полу лежала треснувшая каска, туфля без шнурков и длинный ржавый костыль¹².

- Фу! – пробасил оперативник, цепляясь автоматом за стены тоннеля. – Мне кажется или здесь нет гравитации?
- Что?
- Я уже не понимаю, где верх, а где низ? Может, нам следует оставлять какие-нибудь метки.
- Пока не вижу смысла, – пробормотал Антон. – Метки оставляют, когда есть альтернатива. Здесь же одно направление.

¹² Костыль – гвоздь для закрепления рельсовых плетей на деревянных шпалах.

Антон взял каску и осмотрел ее. Она была именная. Кто-то фломастером вывел на внутренней стороне фамилию и имя:

СКВОРЦОВ ДМИТРИЙ

Лейтенант нахмурился. Наверняка очередной бедняга, ставший жертвой местных головорезов. Выбросив каску, он изучил туфлю. Ни один обходчик не пошел бы на дежурство в такой обуви. Возможно, она принадлежала капитану. Все-таки не справедливо, что опытный следователь закончил жизнь таким бесславным образом и что еще хуже, его тело могут вовсе не найти. Родные проводят пустой гроб, и в глубине души будут хранить пустую надежду, что «пропавший без вести» вернется.

- Не бойтесь здесь заблудиться? – раздался голос Гната.
- Здесь нельзя заблудиться! Эти норы не могут тянуться к центру Земли! Они из глины. Их вырыли эти крысы, вручную. Понимаешь? Здесь нет настоящих каменных пещер!
- Ладно, ладно, – поспешил успокоить лейтенанта Гнат. – Сами же сказали, что здесь нельзя кричать.
- Пойми, наконец, что нет времени выбирать. У нас один фонарик китайского производства и он на батарейках. Теперь понимаешь? Мы идем вперед!

Антон оставил грот и пополз дальше. Впереди была развилка. Они начертили стрелку в правом тоннеле и углубились туда. С каждым новым лазом, дырой, коридором чувство уверенности таяло. Вскоре карст заметно окреп. Стены и свод перестали осыпаться. Песок практически исчез. В известняке стали появляться твердые пласты – зловещие признаки глубоких пещерных отложений, так называемой коры, которой со временем покрываются пещеры, вмещавшие в себя большое количество воды.

Вскоре Антон нашел несколько кристаллов доломита. Дальше тянулись целые россыпи этого минерала на потолке и на стенах, сверкавшие под воздействием света и делавшие каменный коридор похожим на трубку калейдоскопа. Проползая по нему, Антон понял, что вновь ошибся. Верхние карстовые полости, в которых здешние обитатели проложили ходы, соединялись с руслами высохших рек, залегавших под ними. Именно по ним они сейчас перемещались. Неизвестно, на какую глубину они уводили и как найти правильный маршрут.

- Вы точно знаете, что делаете? – спросил Гнат, осматривая наполненный бледным светом тоннель. – Никогда ничего подобного не видел. Мы, наверное, очень глубоко.
- Я уже все сказал.
- Что нам делать, если сядут батарейки?
- У меня есть зажигалка, – пошутил Антон, но Гнат был сама серьезность.
- Это хорошо, но что, если...
- Послушай. Что, если мы будем говорить реже и по делу?
- Хорошо. Ответьте тогда, зачем вы вообще сюда полезли, и нас за собой потащили? Думаете, начальство оценит ваш подвиг?
- Я уже сказал, что делаю это не ради начальства.
- Ну конечно. Ради людей. Сколько раз уже подобное слышал. Мы должны помогать и относиться к ним с пониманием, а они пусть об нас ноги вытирают. Можно подумать, кто-то вам потом спасибо скажет.
- Если бы я хотел народной любви, то пошел бы в артисты. О том, что мы сделали, скорее всего, вообще никто не узнает.

Антон умолк. Лишь только он завернул за поворот, свет фонарика уперся во что-то темное. На мгновение ему показалось, что это крыло. Потребовалась секунда, чтобы поднять пистолет и нажать курок. Прогремел выстрел, эхом пронесшийся по тоннелю. Гнат вскинул автомат и дико захрипел, потребовав, чтобы лейтенант потеснился.

– Стой!

Он как будто услышал собственный голос со стороны.

– Я понял...

Антон подполз к тому месту, где обрывался тоннель и выглянул. Свет фонарика скользнул по ровным каменным стенам и ушел вниз, остановившись на бурлящем потоке. Они обнаружили колодец, тот самый, который когда-то питал верхние тоннели. Лейтенант подался вперед, одной рукой держась за край лаза. Прямо под колодцем текла река. Если и были тоннели внизу то они, скорее всего, были затоплены. Антон направил луч вверх и чуть не поплатился жизнью. Увернувшись от пронесшегося перед лицом камня, он вовремя отпрянул, больно ударившись затылком о край лаза. Каска слетела с головы плюхнувшись в поток. Снизу раздался всплеск. Сверху смех. Антон потерял терпение. Направив луч света в потолок, он увидел высоко наверху террасу. На краю примостился сгорбившийся силуэт. В руках у человека был камень. Антон спрятался в тоннель.

– Что происходит? – закричал Гнат.

Камень вонзился в пол, раскололся и упал вниз.

– Он здесь, – ответил Антон, наблюдая, как гладкий булыжник отскочил от стены и исчез в бурлящем потоке. – Наверху. Прикрой меня.

– Как прикрыть? То есть, каким образом?

– Не позволяй ему метать камни.

Антон спрятал пистолет за пояс, схватил зубами фонарик и выбрался наружу. Рядом с лазом в стене темнели трещины, которые чья-то умелая рука расширила и углубила. Там же были выбиты множественные выступы. Антон воспользовался ими, чтобы подняться наверх. Хватаясь за углубления в камне, он стал стремительно взбираться по стене колодца. Гнат высунулся из лаза, уперся ногой в стену тоннеля и вскинул автомат. Вскоре тень появилась вновь. Прогремел выстрел. Пуля вонзилась в свод над фигурой, осыпав агрессора каменной крошкой. Антон забросил ногу выше и подтянулся, минуя сразу несколько углублений. Он поспешил. Носок туфли не попал в трещину. Тело поползло в пустоту. Вцепившись в камень, он едва не лишился опоры. Антон посмотрел вниз, но увидел лишь тьму. Если он упадет, вода смягчит удар, но потом водоворот непременно утянет его в затопленный канал. В любом случае, – смерть.

Левое плечо и часть руки пронзила боль. Камень, пущенный с террасы, достиг цели. Гнат выстрелил три раза. Человек наверху спрятался. Антон отнял от скалы левую руку и судорожно ей встряхнул. Острый кусок карста оцарапал плечо и распорол рукав до локтя, оставив неглубокий порез. Стараясь не смотреть на кровь, преодолевая боль, Антон стиснул зубы и взобрался наверх, ухватившись за край террасы. Перед лицом сверкнуло лезвие ножа. Антон не растерялся и поймал тощую конечность. Наконец он его увидел. Не силач, и уж точно не гигантский муравей. Обыкновенный человек в черной толстовке с капюшоном. Преступник попятился, надеясь освободить руку. Антон этим воспользовался и без труда запрыгнул на уступ. Опрокинув врага, он перевернул его лицом вниз и попытался скрутить, но получил локтем в челюсть. Человек больно лягнул его ногой, вырвался и с разворота ударил ножом. Лезвие прошло в дюйме от плеча. Антон остановил его руку и схватился за пистолет. Тот заметил опасный ход и оттеснил лейтенанта к краю колодца. Антон вовремя упал на спину и, уткнувшись коленом в живот врагу, перебросил его тело через себя.

Шум потока прорезал пронзительный крик. Человек повис на краю террасы, беспомощно болтая ногами в воздухе. Антон не позволил ему упасть. Только не теперь, когда наконец нашелся подозреваемый. Сейчас он в его руках и любое слово, которое он скажет, будет на все золота. Свободной рукой лейтенант нащупал фонарик. Луч света проник под капюшон, осветив бледное лицо, вспотевший лоб и натянутые жилами глаза.

– Не может быть, – выдохнул Антон, стараясь удержать Кравцова в подвешенном состоянии.

Обходчик молчал, продолжая со злостью на него смотреть.

– Я помогу тебе, только скажи, почему?

Снизу донеслось кряхтение и бранная речь. Гнат лез наверх, не прекращая материться, добавляя при этом, что он не монтажник и тем более не скалолаз. Кравцов ухватился за ближайший уступ. Антон помог ему забраться наверх и, держа под прицелом, потребовал, чтобы тот выбросил нож.

– Говори, зачем?

– Или что? Убьешь меня? – прохрипел обходчик, потирая ушибленный живот.

Антон выбросил нож в колодец. Взгляд коснулся окровавленного рукава куртки. На глаза навернулись слезы. Антон покачался, стараясь не смотреть на рану. Кравцов это заметил и улыбнулся.

– Я так и думал. Ты уверен, что не ошибся профессией?

– Уверен, – раздался крепкий голос за спиной.

Гнат сидел на краю уступа, целясь в обходчика из автомата. Указательный палец лежал на курке. Заметив оперативника, Кравцов угомонился.

– Отвечай на вопрос или прострелю ноги.

– Брось. – Кравцов миролюбиво приподнял руки. – Мне не оставили выбора. Поймите же, я просто иссохну, если не помогу ему. Я уже и так долго жду.

– Не заговаривай нам зубы или потеряешь собственные.

Как только к допросу подключился Гнат, обходчик сразу стал сговорчивее. И так всегда. Хочешь с нарушителем объясниться по-человечески, а в ответ получаешь плевков в лицо или насмешку. Потом еще говорят, мол, милиция людей пытается. Так ведь пытка пытке рознь, а милиционер не инквизитор. Он человек и у него тоже есть точка кипения.

Кравцов все еще молчал. Гнат и Антон смотрели прямо на него. Вдруг глаза обходчика наполнились слезами. Закрыв лицо руками, он упал рядом со стеной и в такой позе просидел некоторое время.

– Ну и что ты молчишь? – спросил Гнат и обратился уже к лейтенанту. – Лично я прописал бы этому доходяге «Слоника». Мигом все выложит. Жаль, у нас нет подходящих инструментов. Хотя, можно надеть браслеты... до предела.

Гнат потянулся к поясу, где в кожаном чехле лежали наручники.

– Не надо! – встрепенулся Кравцов и стал дышать еще быстрее. – Я расскажу все, что захотите.

– Нет. Не так, – оборвал Антон. – Мы хотим узнать правду, поэтому расскажешь все что знаешь. Во-первых, кто твои сообщники. Во-вторых, где выход. В-третьих, где вы держите тела жертв. По порядку. Дальше я решу, какие вопросы задать.

Кравцов коротко кивнул.

– Я точно не знаю, кто он.

– Он? Всего один?

– Он не любит компанию. Живет в одиночестве. Его дом где-то там, внизу. – Он указал на колодец, под которым текла река. – Глубоко под землей за водопадом есть пещера...

– Что за бред ты городишь! – расสวิрепел Гнат, вытаскивая наручники.

– Пусть говорит.

– Спасибо, – от всего сердца поблагодарил обходчик. – Я был в той пещере один раз. Там он держит в клетках похищенных людей. Головы им отрезает, а тела кромсает острым ножом. Раньше убийств было меньше, но в последний год он словно с цепи сорвался.

– Вы это ради денег делаете? Много награбили?

– Нет. – Кравцов перекрестился, словно считал воровство худшим из грехов. – Я не знаю, зачем он это делает. Может хобби такое. У всех есть хобби. Я, например, собирал пачки сигарет. Он собирает головы.

– Как замечательно. И каковы размеры коллекции?

– Я их не считал.

- Сколько вы уже убили?
- Я никого не убивал.

Антон повел исцарапанным плечом, по которому до сих пор стекала кровь.

- А в меня камнями бросался для тренировки?
- Кто этот маргинал? Смотри в глаза! Как он выглядит? – скороговоркой произнес Гнат. – Знаешь его? Знаешь? Смотри в глаза!
- Его имя? – поддержал темп Антон. – Фамилию ты не знаешь. Может кличка? Смотри мне в глаза! Как ты его зовешь?

Кравцов все это время отрицательно мотал головой и в глаза не смотрел. Испытанный способ не подействовал. Сбить обходчика с толку оказалось не так-то просто.

- Ты хоть что-то о нем знаешь?
- Нет.
- Он врет. Это же видно, – процедил оперативник, поигрывая наручниками. – Пора его обручить.
- Это правда! – закричал Кравцов. – На голове он носит маску и капюшон. Если хочет что-то сказать, жестикулирует. Мне кажется, он вообще говорить не умеет. За двенадцать лет я не услышал от него ни слова.

Антон и Гнат переглянулись. Они не ослышались.

- Сукин сын! Ты помогал ему убивать людей двенадцать лет? – злобно произнес Гнат. – Да тебя к стенке надо поставить. Немедленно! Никакого суда тебе не видать, тварь!
- И так, – прервал его Антон, решив расставить точки над «i». – С твоих слов, маньяк один. Ты о нем ничего не знаешь. Он живет под землей больше двенадцати лет и коллекционирует головы. Я ничего не упустил?

Кравцов кивнул. Гнат презрительно фыркнул.

- И ты думаешь, мы тебе поверим?
- Я ничего не думаю.
- Говори, где выход?
- Сначала пообещайте, что не убьете меня.
- Обещаю, – произнес Антон, спрятав пистолет. – Так просто ты не отделаешься.

Обходчик вытер вспотевший лоб. Странно, что Кравцов так легко сдался. Антон подозрительно посмотрел на него. Может все дело в Гнате? В такой ситуации лучше сразу показать, кто есть кто. В любом другом случае преступник перестанет тебя бояться, а уважать и подавно.

- Тогда слушайте, – начал Кравцов. – Есть несколько выходов. Кроме того, который вы знаете, есть один в районе станции «Перово». Там на поверхности стоит киоск, незащищенный сигнализацией, откуда он выбирается наверх. Насколько мне известно, существует так же выход через старый передаточный тоннель рядом с «Авиамоторной». Там под заброшенным заводом есть замурованный строительный цех, но тот проход заблокирован сверху. Ближе всего находится выход у ветки правительственного метро рядом с командным пунктом военных.
- Тот, куда ты не советовал нам ходить?
- Все верно.
- Ты должен отвести нас туда. Немедленно. И не вздумай обмануть.
- Хорошо. – Понуро кивнул Кравцов, поглядывая на дознавателей исподлобья. – Я вас не обману. Сомневаюсь, что он меня пощадит, когда увидит, что я опять с вами.
- Сами виноват. Зачем ты вообще ему помогал? – спросил лейтенант, которого слова обходчика ничуть не тронули. – Какая тебе от этого выгода?

Кравцов обвел себя руками.

- Я умираю. Разве не видно? Не знаю, что он сделал со мной, но это медленно убивает меня.
- Что убивает? Он тебя чем-то заразил?

– Не знаю. Наверное. Я устроился на работу в Службу пути в начале 1996 года. Ближе к осени я шел по тоннелю навстречу своей бригаде и нашел ту дверь. Она была открыта. Я спустился на нижний уровень и там встретил его. Он что-то сделал со мной. Заставило вдохнуть носом какую-то бледную слизь. Потом несколько часов держал в том логове, и снова заставляло ее вдыхать. Потратил на меня целую бутылку.

– Что это было? Ты не брал образцы?

Обходчик вытаращился на него как на полного идиота.

– Я не следователь. Даже если бы и взял, куда их потом тащить? На экспертизу в лабораторию РАН? Никто меня не станет слушать, а если расскажу правду, посадят в психушку. Я обращался в поликлинику, но врач сказал, что мой организм в порядке. Прописал какие-то таблетки. От них, по-моему, стало только хуже.

– И вместо того чтобы сбежать или рассказать руководству, ты предпочел убивать с ним на пару людей и глотать какую-то дрянь двенадцать лет подряд?

– Это полный бред, – согласился Гнат.

Кравцов вытер лицо рукавом толстовки. Уголки рта оттянулись в мучительной улыбке.

– Представьте, что он подсадил меня на наркотик. Если не принять дозу, я умру.

– Я сразу понял, что ты наркоман, – кивнул Гнат, удовлетворенно замычав. – Торчка за километр видно.

«Доходягу, который напал на тебя с бензопилой, ты не сразу заметил», – пронеслось в голове у Антона. Кравцов все-таки не наркоман, по крайней мере, до тех пор, пока экспертиза не установит, что он принимал препараты. Назвать его врагом тоже сложно. Если все было так, как он говорит, то следует провести дополнительное следствие по факту причастности его к убийствам. Он сообщник и все еще опасен для них, но на роль полноценного убийцы не тянет. Любой человек мог оказаться на его месте. Кравцов выбрал собачий путь слуги и подметалы, что не удивительно. Он уже давно заметил, что обходчик чересчур религиозен. Вперед его гнал звериный страх перед неизвестностью или проще сказать страх смерти. Даже нынешняя агония была для него благом в сравнении с концом, который он всеми силами старался отсрочить.

– Капитан Алексеев сказал, что обходчики из Службы пути давно жалуются на какого-то Виталия Косматского, – задал новый вопрос лейтенант. – Якобы призрак похищает членов их бригад. Похоже, они были недалеко от истины. Что ты теперь об этом скажешь?

– Косматский давно умер. Старожилы говорят, что он работал в одной из шахтерских бригад, которые строили метро в тридцатых годах прошлого века. У страха глаза велики, вот что я скажу. В чем-то они, конечно, правы, – улыбнулся Кравцов. – Считают, что там наверху на счету этого призрака десятки жизней. На самом же деле только четыре... с Петренко уже пять. Остальных действительно уволили или перевели на другие линии.

– Руководство метрополитена знает о твоём приятеле?

– Только догадки. Они знают, что за последние годы исчезли четверо работников ночной смены, но не знают куда. Всех пропавших уволили задним числом, за нарушения или по болезни, а от вещей избавились. Об этом почти никто не знает. Остальным работникам, доверенные люди начальства, вроде Федора Зайцева, с подачи руководства рассказывают байки. Обычно выдумывают, мол, пришел на работу пьяный или ушел в запой. В обоих случаях следует немедленное увольнение.

– И все верят?

– Это же Россия. К тому же в компаниях с таким штатом всегда большая текучка кадров.

– Это неправильно! – возмутился Гнат.

- А чего вы ожидали? Думаете, они просто так в час пик возьмут и объявят по громкоговорителю: «Уважаемые пассажиры, в московском метрополитене участились случаи исчезновения людей. Пожалуйста, будьте бдительны».
- А ты шутник, – низким голосом пробасил оперативник. – Кравцов, не испытывай мое терпение. Расскажи лучше, как ты ему помогал? Да. Расскажи, как свечку держал, пока он людей резал.
- Я почти ничего не делал. В каждом тоннеле есть распределительные щитки. Я устраивал короткое замыкание. Свет гаснет, и он похищает людей. Но так было всего пять раз за двенадцать лет. Обычно он все делает сам и охотится чаще на поверхности. Иногда бродит по подсобным помещениям и крадет инвентарь. Я только запираю за ним двери и слежу, чтобы не было следов. Вот и все.
- Все? – тяжело произнес Антон. – За Петренко ты ловко замел следы. Капитан Алексеев долго ломал голову. Скажи, он ведь тоже мертв?

Кравцов кивнул и на лице его, как показалось Антону, мелькнула тень раскаяния.

- Мне пришлось. Без этой прозрачной жидкости я как будто высыхаю изнутри. Я не могу нормально есть, спать, не могу жить и каждую неделю возвращаюсь за новой порцией.
- Где тело?
- Наверное, в пещере. Он всех туда тащит, живых и мертвых.
- А нас ты привел добровольно, специально на убой? – процедил Гнат, последний раз повертел наручники вокруг пальца и спрятал их обратно в чехол.
- Мне пришлось. Простите.

Гнат наотрез покачал головой, дав понять, что не верит ни единому слову.

- Правильно капитан Алексеев тебя подозревал. Не слушайте его. Я в людях разбираюсь. Наркотик тут ни при чем. Он всегда был скользким ублюдком и может завести нас в ловушку. Давайте просто убьем его. Сбросим вниз. Никто не узнает.
- Нет, я не могу просто так убить человека.
- Зато я могу.
- Я запрещаю. Он наш единственный свидетель и проводник. Когда выберемся, его обследуют психологи и врачи. Они решат, что с ним делать, а не мы.
- Конечно, а потом признают его невменяемым и отправят в санаторий. Трехразовое питание, мягкая постель, прогулки по вечерам. Не жизнь, а сказка.

Антон оставил без внимания язвительную речь сержанта. Насчет Кравцова у него не осталось никаких сомнений. Он знал, как должен поступить. Антон подошел к обходчику и присел рядом, положив тому руку на плечо.

- Слушай, Кравцов, я готов тебе верить. Поклянись, что ты выведешь нас отсюда.
- Клянусь!
- Он нас обманет.
- Нет! Правда! – испугался Кравцов и, достав из-под толстовки крест, несколько раз поцеловал святыню. – Клянусь! Мы теперь в одной лодке. Скоро он узнает, что вы живы и тогда... Наверное, мне конец... Я еще ни разу его не подводил.

Антон выдержал паузу, посмотрел на Гната. Оперативник едва заметно покачал головой. Он все еще держал автомат. Глаза устремлены на обходчика. Стоило Антону моргнуть, и они попрощаются с Кравцовым навсегда. Нет человека, нет проблемы. Впрочем, Иосиф Виссарионович не мог знать наверняка, поскольку жил под охраной в Кремле и в подобной ситуации не бывал.

- Веди нас, – произнес наконец Антон.

Кравцов хотел забраться в тоннель, но Гнат потеснил его, объяснив, что тот будет ползти между ними. Больше они с него глаз не спустят. Кравцов полез вторым, достав из кармана фонарик, который тут же отобрал Гнат. Втроем они миновали короткий каменный рукав, и оттуда попали в скошенную полость полную острых камней. Боковая стена пещеры соединялась с покатым сводом и уходила под уклоном вниз. На дне темнела

узкая расщелина, в центре которой была дыра, расширенная вручную. Через нее они пролезли в вертикальный лаз, не слишком длинный, который привел их в новый грот, поросший мхом.

Повсюду стены тоннелей состояли из твердого карста и в свете фонариков отливали металлическим блеском. В окаменевших отложениях стали попадаться вкрапления слюды и доломита. Целые пучки таких кристаллов, острыми наконечниками тянулись во все стороны. Нижние тоннели густо поросли этими маленькими кинжалами. Гнат с Антоном часто натывались на них и получили немало царапин. Кравцов полз легко и бесшумно, опираясь на пальцы и носки ботинок. От прежней неловкости и ворчливости, не осталось и следа. Подобно старой слепой змее, он ползал здесь много лет и знал каждый метр. Бледный, сверхчувствительный, гибкий и скользкий, как рептилия, теперь он и впрямь напоминал подземного гада.

Чем глубже они спускались, тем меньше становилось вокруг кристаллов. Тоннели стали гладкими и длинными с ребристыми стенами и высокими сводами. Воздух загустел. Стало холодно. Усилился шум воды, доносившийся снизу. Все это время Кравцов выбирал тоннели, которые вели строго вниз, объясняя это тем, что необходимо обойти какую-то реку. Можно было бы пойти напрямик, но тогда пришлось бы часто нырять, поскольку за последние годы из-за трещин наверху произошло смещение карста и некоторые тоннели затопило. Гнат все сильнее выказывал недовольство, клялся, что их ведут на смерть, но пристрелить Кравцова больше не порывался. Оба понимали, что с такой глубины им без провожатого уже не выбраться.

Постепенно шум воды стал стихать, и обходчик повел их вверх. В новом тоннеле они смогли подняться в полный рост и таким образом беспрепятственно войти в следующую пещеру. Здесь повсюду были разбросаны огромные валуны, часть из которых поросла густым слоем бурого мха. Кравцов сел на один из таких ежиков и сделал знак остальным, чтобы те последовали его примеру.

- И как же я тебя сразу не раскусил? – произнес Гнат, подсаживаясь рядом, держа автомат наготове. – Таких притворщиков еще поискать. Все то время, что шатался с тобой по метро, я ведь с тебя глаз не сводил. А ты идешь, отвечаешь на вопросы, молчишь, когда тебя не спрашивают. Само спокойствие. Должен был догадаться.
- Я не притворялся, – буркнул Кравцов, уткнувшись носом в капюшон толстовки. – Мне действительно было плевать, что вы делаете. Я знал, что в итоге вы попадете сюда. Все попадают.
- Мы вообще-то думали, что ты убит, – произнес Антон, перебирая пальцами влажный мох. – Хотя уши у тебя на месте.
- Не понимаю, при чем тут уши?
- Мы нашли ухо в том тоннеле. Еще свежее.

Кравцов поначалу растерялся, но потом кивнул.

- Наверное, он уронил, когда протягивал мне канат. У него на поясе много чего висит: уши, пальцы, языки...
- Вы оба больные убудки, – перебил Гнат.
- Почему? Потому что я так легко об этом рассуждаю? – спросил Кравцов, чье бледное лицо не выражало никаких эмоций, с тех пор как они покинули колодец. – За двенадцать лет я многое повидал... Иногда приходилось самому тащить тела через тоннели, а иногда и части тел. Один раз он дал мне мешки с органами. – Кравцов поежился. – Даже представить не мог, что внутри человека столько всякой дряни. Я как заглянул туда...
- Это того стоило? – резко спросил Антон, первый раз видя человека давно лишившегося рассудка, но продолжавшего считать себя здоровым. – Ты не слишком-то огорчен.
- Из-за убитых людей? Конечно, нет. Их на Земле шесть миллиардов. Подумаешь, одним больше, одним меньше. – Кравцов откашлялся и продолжил: – Вы должны

понять, я всю жизнь живу один. Родители давно умерли, я их даже не помню. Друзей нет, женщин и врагов тоже. Я как будто и вовсе не живу.

- Нам тебя пожалеть? – спросил Гнат.
- Только он меня и пожалел. Сначала даже помог. Как будто с тем веществом вдохнул в меня новую жизнь. Первое время я чувствовал настоящий подъем. Как в фантастических фильмах, когда человек обретает невероятные способности. Я стал быстрее и сильнее, мог не спать сутками, не уставал, не боялся. Наверное, он чувствует то же самое.
- А потом?

Кравцов как-то жалко на него посмотрел и глубже уткнулся носом в капюшон.

- Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Через три года силы истощились, появилась усталость. Днями напролет не находил себе место. Дома в одиночестве стал медленно сходить с ума и решил пойти на подработки, чтобы совсем не лишиться рассудка. Что вы так на меня смотрите? Я знал, на что иду, и старался держаться выше этого. Он не просил меня убивать. Я просто делал то, что было велено, а он позволял мне глотнуть из бутылки.
- Может, ты и считаешь себя избранным, – пробасил Гнат, – но на деле ни чем не отличаешься от любого алкоголика.
- Я бы хотел заполучить образец этой жидкости, – задумчиво произнес Антон. – Где ее можно взять?
- Понятия не имею. Может она вырабатывается из его слюны.
- И тебе не противно было ее глотать?
- Меня тошнило почти год каждую неделю.
- Мог бы проконсультроваться с нормальным врачом.

Кравцов горько усмехнулся.

- Вы что не знаете наших докторов? Они человеку без головы цитрамон пропишут.
- Я говорю о частных клиниках, о специалистах.
- Откуда у меня деньги на специалистов? Обходчик в метро получает копейки, плюс постоянные штрафы. Кроме своей работы мы выполняем кучу других обязанностей, при этом терпим постоянные унижения начальства. Я ненавижу свою работу и не могу уйти. Приходится терпеть. А что делать? Для таких людей как я в этой стране нет выхода и нет будущего.
- Да ты мстишь, – догадался Антон. – Если себя не жалко, то других и подавно. Можешь не объяснять. Попал в замкнутый круг и сдался. Разумеется, легче приложиться к бутылке, когда цель далека.
- И где эта цель? Я ее не вижу. Знаю только, что наверху меня отправят в тюрьму, где я через неделю умру.
- Ты сам за себя все решил. Неужели думал, что это кончится иначе?
- Я прошу только немного снисхождения.
- Проси не у меня. Я всего лишь лейтенант. Мое дело доставить тебя наверх.

Раздалось тяжелое покашливание. Гнат поднялся с камня и повесил автомат на плечо.

- Правильно. Давайте двигаться. Батарейки не резиновые.

Антон кивнул, дав знак Кравцову, чтобы тот встал. Обходчик ловко соскочил с камня и направился к ближайшему тоннелю, но потом вдруг остановился. Взгляд его коснулся узкого лаза, черневшего за горами камней. Он повернулся и посмотрел на Антона.

- И какой у меня, по-твоему, выход?
- Нужно было думать об этом раньше. Ты знаешь наши законы. Ты на самом дне и выход у тебя один. – Антон ткнул пальцем в свод пещеры.
- Раз я на дне, то и терять мне нечего?
- Но ты все еще можешь помочь людям. Спасти тех, кого он захочет убить. Поможешь, и тебе сразу станет легче. Обещаю.
- И мне скостят срок? Скажем с двадцати пяти лет до двадцати.

- Это не мне решать.
- Знаю, «Всего Лишь Лейтенант». Ты вообще ничего тут не решаешь.

Кравцов указал на лаз, видневшийся за камнями. Гнат первым забрался туда. Тоннель был узким, повсюду валялись камни и по нему они ползли очень долго. Антону уже стало казаться, что каменная труба никогда не кончится, как вдруг Гнат впереди остановился.

- Тут высоко. Осторожно.

Он повернулся и спустился куда-то в темноту ногами вперед. Кравцов провалился во мрак следом за ним. Антон подполз к отверстию и выглянул наружу. Первое что бросилось в глаза – размеры пещеры. Таких больших полостей в Сьяновских каменоломнях не было. Пещера была просто огромна. Дальних ее стен не было видно вообще. Под высоким сводом десятки каменных сосулук отбрасывали густые тени.

Выбравшись из лаза, Антон спрыгнул вниз. Подошвы туфель погрузились во что-то мягкое. Полог пещеры был покрыт бурой моховой лужайкой. Впереди лежали огромные валуны. По обе стороны поднимались уступы и террасы. Сбоку виднелись остатки водопада, сохранившегося в форме многоярусной каменной лестницы.

- Это одна из трех больших пещер, – объяснил Кравцов. – Вторая по величине. Отсюда можно попасть практически в любой тоннель.

Повсюду темнели отверстия. В дальнем конце пещеры Антон различал какие-то столбики. Скорее всего, это были поросшие мхом сталагмиты. Везде, куда не кинь, стены и террасы были облеплены кальцитовыми шишками. Должно быть, раньше тут было озеро, а может, пещера и вовсе находилась под водой. Антон перепрыгнул через гладкий валун и пошел напрямик, но Кравцов его окликнул, предостерегающе стрельнув взглядом по сторонам.

- Мой вам совет, держитесь стен.
- Ну конечно. Чтобы твой приятель нам на голову камень сбросил, – ответил Гнат, подступив к Кравцову.
- Вы не знаете, на что он способен. В таких пещерах он перемещается поверху, цепляясь за сталактиты. У него там и ловушки приготовлены.
- Ага. Конечно.
- Как хотите, – отозвался обходчик и, встав в позу швейцара, пригласил следовать дальше. – Когда он уронит вам на голову одну из этих сосулук, будет поздно. Лично я буду двигаться вдоль стены.
- Кто тебе позволит?

Лейтенант последовал за ним, на всякий случай достав пистолет. Все-таки обходчику было виднее. Он еще школу заканчивал, а Кравцов уже ползал по этим пещерам. Рот обходчика скривился в презрительной усмешке, когда тот заметил оружие в руках у лейтенанта.

- Все еще хотите меня пристрелить? А я думал, что мы понимаем друг друга.
- Я не псих, чтобы понимать тебя. Здесь ты друзей не найдешь.
- Спасибо, что подтвердили мою теорию, – удовлетворенно кивнул обходчик.
- Какую теорию?

Кравцов не ответил. Антон с него глаз не спускал. Шанс сбежать был велик. Все-таки пространство большое, тоннелей много, есть где затеряться. Он почему-то был уверен, что Кравцов способен двигаться здесь без света. Глаза у него были мутные, почти как у рыбы. Если бы обходчик не шагал так уверенно, можно было бы подумать, что он слепой.

Все это время над ними тянулась голая стена, но потом стали появляться отверстия. Высоко над головой темнели несколько таких проходов. Антон с опаской посматривал вверх. В крайнем случае он может выстрелить, но последствия предсказать сложно. Все-таки свод здесь был крепче, чем в известняковой пещере, да и трещин в нем вроде бы не было.

Впереди вокруг стены лежали камни. Им пришлось обогнуть завал. Освещая полог пещеры, он заметил в кучках мха странный блеск. У стены под сломанным сталагмитом

лежали командирские часы. Антон поднял знакомый предмет и долго на него смотрел. Короткая тонкая стрелка бежала по циферблату, отмеряя секунды. Гнат подошел к нему и заглянул через плечо.

– Капитан, – произнес Антон с сожалением. – Я помню, как мы их подарили ему. Хороший был день.

– Он заплатит за это. Слышишь, Кравцов? Твой приятель получит сполна.

Обходчик стоял у стены, с полным безразличием наблюдая за ними. В свете фонарика блестело его вспотевшее лицо. Услышав слова Антона, он только пожал плечами.

– Может нам и следует его убить, – внезапно произнес Антон, наблюдая за движением секундной стрелки. Он посмотрел на Гната и к большому удивлению поймал его осуждающий взгляд.

– Вы так считаете?

– Ты же сам предлагал.

– Я и сейчас готов, но... Лишить мерзавца жизни, когда он так этого хочет, все равно, что зад ему подтереть. – Сержант посветил Кравцову в лицо. – Тут нет ничего сложного. Просто задержал дыхание и нажал на курок. Я с тем наркоманом так и поступил, когда пришло время.

– Судьба?

– Я не верю в судьбу. Мы сами за себя все решаем.

– А в приметы?

– Почему вы спрашиваете?

Антон рассказал о разбитом зеркале и трех каплях крови, которые видел, перед тем как спуститься в пещеры.

– Суеверие, – отмахнулся Гнат. – Почему вы постоянно все усложняете?

– Я будущий следователь. Это моя работа.

– А вы представьте себе спасателя МЧС. Прежде чем войти в горящий дом он вдруг станет думать, не обрушится ли плита у него над головой. Потом будет рассчитывать, хватит ли ему времени подняться по лестнице. Пока он будет стоять на пороге, дом развалится, люди сгорят, а сам он, скорее всего, погибнет.

Лейтенант улыбнулся. До этого он ни разу не слышал, чтобы сержант рассуждал подобным образом. Гнат был не из тех людей, которые от безысходности ударяются в философию.

– Может ты и прав. Спасателю это нужно, а я следователь и должен работать головой.

– Каждый хорош на своем месте, – согласился Гнат. – Вы в кабинете следователя, я в патруле с оружием в руках, а Кравцов на толчке в тюрьме.

За спиной раздались частые хлопки. Обходчик улыбался, не прекращая аплодировать.

– Добротный милицкий юмор. Уважаю. Капитан Алексеев бы это оценил. Более того, он бы с радостью выступил с вами в КВН, хотя, что там делать без головы.

Выпад удался. И все же Сергей Кравцов совершил роковую ошибку, хоть и не сразу понял, какую. Осознание пришло довольно быстро, когда из темноты на него двинулась крупная фигура оперативника. В два прыжка через валуны Гнат очутился рядом с обходчиком. Антон мог только пожалеть остряка. Кравцов принял мощный удар прикладом в живот безропотно. Согнувшись, как показалось Антону, до пят, доходяга задохнулся. Обхватил живот руками, он рухнул на колени и погрузился лицом в мох. Гнат поднял автомат над головой, примиряясь нанести решающий удар в шею.

– Я предупредил?

– Но я только... шутил... – пролепетал тот, не смея поднять голову.

– Одним наркоманом меньше, – закончил Гнат, со всей силы опустив приклад.

Обходчик отчаянно вскрикнул. Послышался хруст. Лицо и шею залила теплая масса. Раздался выстрел и протяжный крик. Кравцов поднял голову, увидев перед собой бесформенную массу из которой струйками во все стороны била кровь. Он был жив, чего

никак нельзя было сказать о Гнате Сехно. Кравцов видел, как оседает тяжелое тело оперативника. Как громадные трясущиеся руки тянутся к тому месту, где секунду назад была голова. Мгновение, и они стали хватать воздух, словно боролись с кем-то невидимым. Окровавленный камень, сброшенный сверху, утонул во мху рядом.

Антон стоял в двух шагах от него и стрелял. Луч света и ствол пистолета были направлены в одну точку. Краем глаза Кравцов заметил движение высоко под сводом. В проходе, куда вонзались пули, мелькнула тень. Разрядив обойму пистолета, Антон поднял автомат, прицелился и спустил весь рожок ту да же. Затем выхватил из подвешенной у плеча кобуры табельное оружие, но Кравцов его удержал.

– Он тебе понадобится! За мной!

Подобрав фонарик, лежавший возле конечности оперативника, все еще продолжавшей царапать мох, обходчик бросился через пещеру туда, где в камне были прорублены ступени. Убедившись, что Антон следует за ним, он забрался на террасу и юркнул в первый попавшийся тоннель. Сползая вниз по каменному рукаву, Кравцов не выдержал и рассмеялся. Смерть хамоватого громилы вызвала в нем чувство душевного подъема. Сбросивший камень как будто угадал его мысли. Вот бы так было всегда.

***

Ранним утром на Черкизовском рынке было много народа. По асфальтовой дороге от метро и до торговых рядов шныряли поджарые кавказцы, узбеки, таджики и черт знает кто еще. Попадались монголы в национальных боевых костюмах, вооруженные копьями и луками. Вереницы гастарбайтеров тащили в сторону арочных порталов рынка тюки одежды, везли тележки с коробками и передвижные вешалки, нагруженные китайским барахлом. На подступах к торговым рядам в заваленных мусором палатках торговали чебуреками и шаурмой. Там же в вольерах для забоя скота выли откормленные собаки. Мимо проносились автобусы и маршрутные такси, груженные новыми партиями гастарбайтеров. зубоскалы водители, завидев знакомых, высовывались из окон и выкрикивали приветствия на непонятном языке. У мест остановки маршруток бурлила толпа. Рядом в оружейных новоприбывшим выдавали лопаты, грабли, серпы, копыя и мечи. Тотальный развал и хаос царили повсюду. Русских за прилавками практически не было, как не было слышно русской речи.

Чем ближе шли по дороге к рынку, тем гуще становилась многонациональная братия. Среди тысяч тощих, невымытых, одетых в синтетические лохмотья людей попадались сытые и важные персоны. Хозяева рядов с ног до головы в золоте и замше, с перстнями на пальцах, вальяжно расхаживали под защитой охранников. Черные бороды были коротко подстрижены. Мясистые рожи выражали презрение и ненависть ко всем, но в первую очередь к русским.

Василий шел в числе первых, с опаской посматривая по сторонам. Они только что миновали арку и крайний торговый ряд. Поблизости шагал рослый богатырь. Кольчуга и меч были скрыты под малиновым купеческим кафтаном, отороченным лисьим мехом. По бокам за ними следовали два правительственных агента. Каменные лица, солнцезащитные очки, строгие черные костюмы. В руках автоматы. За спиной сплошной колонной двигалась сотня русских людей с флагами. Каждый представлял определенную московскую компанию и нес дары. По обе стороны колонну сопровождал десяток автоматчиков в черных костюмах. Русское посольство медленно продвигалось в сердце Черкизовского рынка.

Еще у входа Василий понял – происходит что-то неладное. Слишком много собралось оккупантов. Тысяч десять, не меньше. Маршрутки так и вовсе в наглуемую перебрасывают с мелких областных рынков свежие силы. Судя по всему, дело шло к войне. Впрочем, серьезного оружия он у них не заметил. Только копыя, луки да сабли. Оно и понятно. Если обезьяне дать автомат или гранату ничего хорошего из этого не выйдет.

Тут в толпе волонтеров он заметил нечто странное. Далеко позади среди торговых представителей суетился желтый квадрат. Потом он вдруг исчез. Василий подумал, что ему показалось, но квадрат вскоре появился вновь. Чем быстрее он приближался, тем лучше Василий его видел. Наконец странное существо поравнялось с ним. На коротких ножках сверкали лакированные черные туфли. Квадратные штаны натянуты на квадратный пористый зад. Галстук присутствовал. В коротких ручках он держал золотой поднос, нагруженный морскими звездами, золотыми монетами, кораллами, ракушками и прочими дарами моря.

- Ух! Думал, не успею, – широко улыбнулся Боб, воззрившись на Василия огромными голубыми глазами.
  - Что так долго? – отозвался замаскированный под купца богатырь.
  - Там у метро стадо ослов дорогу перегородило.
  - Да. Я слышал, гастарбайтеры подтягивают резервные отряды с гор. Хотят пополнить армию ослами и мулами.
  - Значит, будет война? – спросил Василий, не отрывая взгляда от гигантской желтой губки.
  - Да мы уже давно воюем, но теперь по-крупному. А что? Сами виноваты. Десять лет границы были открыты. Правительство обещало новую рабочую силу. Доигрались. Сейчас в одной Москве их в два раза больше, чем жителей. Зато Кавказ пуст. Можно ездить в Пятигорск за минералкой и не бояться, что тебе горло перережут. В горах да степях одни старики остались.
  - Беда-беда, – торопливо покачал головой Боб, а вместе с головой и всем телом, потому что они были единым целым. – Но с ослами мы как-нибудь справимся.
  - Мы со всеми справимся! – поддержал Василий, с опаской поглядывая на губку. – Дайте мне автомат, и я прямо сейчас открою сезон охоты.
- Оба автоматчика в черных костюмах одобрительно закивали.
- Еще рано, – отверг богатырь. – Правительство надеется уладить дело миром. Хотят предложить им стройки на Урале и за Полярным кругом.
  - Они не согласятся, – заволновался Боб, едва не уронив поднос. – Нужен другой план.
  - Есть и другой. Хороший план.

Василий оглянуться не успел, как они оказались в темных глубинах дьявольского логова. Миновав забитые грязью торговые ряды, колонна вышла на закрытую площадку, отгороженную от лабиринта ларьков транспортными контейнерами. В центре на широкой асфальтированной площадке стоял роскошный шатер. Под тентом на деревянном троне умягченном подушками сидел коренастый человек азиатской внешности. Хищный орлиный взор изучал посольство. Из-под острого носа до подбородка спускались жиденькие усики. Василий сразу узнал его. Это был хан Салджбэк, последний из древнего рода монгольских гастарбайтеров. Дальше к трону вела красная ковровая дорожка. Вдоль дорожки той по обе стороны в три ряда стояли вооруженные копейщики. По правую руку от хана по-турецки сидели четыре заплывшие жиром фигуры. Длинные бороды, золотые одежды с узорами и роскошные шапки выдавали в них советников своего повелителя. Рядом с тронем стояли сундуки, доверху нагруженные шелками и драгоценностями. На низких столиках в узорчатых медных подносах дымился плов с мясом. В корзинах лежали экзотические овощи и фрукты.

Василий оглянуться не успел, как их колонну окружили с четырех сторон. Салджбэк медленно встал и твердой походкой проследовал к ним. Богатырь поклонился в знак приветствия. По мановению могучей руки из толпы русских четверо вынесли сундуки с золотом. Главарь захватчиков усмехнулся, глядя на подношение. Настала очередь Боба. Подскочив к хану, желтая губка ловко поставил на высокий столик поднос с дорогими вещами.

– Специально для хана, дары со дна океана, – нараспев произнес Боб и убежал к своим.

– А ты чаго мнэ принес? – спросил Салджбэк, ткнув тонким пальчиком в Василия.

Все вокруг дружно посмотрели на него. Василий смутился. Он-то принес гранату, которую все это время держал в кармане. Осталось только вытащить чеку и подарить зверьку.

– Да так. Ничего пока.

– Это как? – удивился хан. – Или принес или нэт. Говори, шакал!

Вперед вышел богатырь и еще раз поклонился.

– Дары перед тобой, великий хан. Не ходи на Русь...

– Да я и так ужэ на Руси, нэдоумок.

– Нет. Ты туда не ходи.

Богатырь указал куда-то в сторону многоэтажек. Василий проследил за жестом и ахнул. Откуда ни возьмись вдалеке выросли красные башенки Московского кремля. Даже с большого расстояния он отчетливо различал вьющийся на ветру флаг и красную звезду, венчавшую шпиль Троицкой башни.

– Не ходи туда. Оставайся на рынке. Взамен получишь новые рабочие места за Полярным кругом...

– Там баранов нэт и трава плохая. Нэ пойду на Русь, если приведете мнэ на забаву Илью Муромца.

В толпе за спиной у Василия поднялся шепот. Воины, охранявшие хана, тоже стали переговариваться. Даже советники Салджбэка вдруг оживились, принявшись о чем-то спорить.

– Всем известно, что Илья Муромец сидит в подземелье Кремля, – произнес богатырь, – за то, что пытался отрубить голову твоему брату – хану Джэбэдэ.

– Он-то мнэ и нужен. Я сам ему голову отрублю.

– Кому? Джэбэдэ?

– Да нэт жэ, идиот! Илье Муромцу! Хочу Муромца!

Хан затоптал ножками и стал грызть зубами воздух. Василий вдруг испытал жгучее желание затолкать гранату в глотку зверьку. Проглотил пол России, так еще хватает наглости добавки просить. Нашли место для кормежки. Его любимая страна и так давно отставала в развитии по всем показателям, кроме нефти и газа. С тех пор как эта макака Батый пришла на Русь, у них из века в век возникали проблемы одна круче другой. Василий хорошо знал имена врагов древней Руси: Чингисхан, Батый, Тохтамыш, Мамай, Ахмат и другие. Словом, целый зоопарк приматов. Даже мысли их именами оскорблять не хочется.

– Хочу Муромца! – повторил Салджбэк.

– До Кремля далеко, стар я уже так много ходить, – посетовал богатырь.

– Я могу сплавиться по реке, – предложил Боб.

– А пускай этот шакал за ним и сходит, – потребовал Салджбэк, указав на него.

Василий напрягся. Он уже готов был вытащить из кармана гранату, как вдруг богатырь распахнул кафтан. В лучах утреннего солнца сверкнула кольчуга. Из расписных ножен с шипением выполз меч-кладенец. Кто-то из посольства подал ему шлем. Заклацали автоматные затворы. Люди в черных костюмах плотнее подступили к отряду.

– Я и есть Илья Муромец! – произнес богатырь.

Послышался лязг оружия. Толпа гастарбайтеров в страхе попятилась прочь, тыча в богатыря саблями и копьями. Даже самые сильные воины задрожали от страха перед русским витязем. Только Салджбэк не оробел.

– Какой смэлый герой, а монголы уважают храбрэцов. Следовало бы казнить тэбя, но я помилую тэбя, а за милость мою, ты послужишь мнэ. Что скажешь?

– Не было еще такого, чтоб русский богатырь перед чижигом прогибался!

– Хэ! Штё??? – возмутился Салджбэк и забегал вокруг сундуков.

Стоило Илье Муромцу взмахнуть мечом, и голова предводителя монголов покатила в толпу. Страх охватил оккупантов. Толпы людей бросились врассыпную. Василий вырвал чеку и запустил гранату в шатер, прямо под подушки, на которых сидели советники хана. Осколки разнесли четыре жирные фигуры на куски. Автоматчики открыли прицельный огонь, убивая всех, кто держал оружие. В ответ в них полетели стрелы.

– Началось! – завопил кто-то из толпы русских, поднимая саблю. – Теперь уж никого не щадите!

Откуда-то сверху из-за облаков раздался сильный голос:

– Так немногочисленное русское посольство под предводительством Ильи Муромца и Василия Кличкова совершило беспрецедентный подвиг, остановив десятитысячную армию жестоких монголов мечтавших поработить Россию.

– Меня забыли! – закричал Боб. – Представители подводного царства тоже участвовали!

Василий схватил автомат сраженного стрелой агента и с диким хохотом стал поливать свинцом обезумевшую от страха толпу монголов. Он выл от удовольствия, наблюдая, как взрывались их головы, как валились под ноги простреленные тела.

– Васек, здесь нет никаких монголов... – раздался откуда-то со стороны робкий голосок.

Василий дернулся и припечатал кулаком пустоту. Разомкнув веки, он увидел перед глазами свод пещеры. Костя лежал на полу с разбитой губой и скулил, обхватив голову руками. Василий вскочил и осмотрелся.

– Не ной, четырехглазый. Ты мужик или кто?

Ему приснился такой классный сон. Если бы не этот сопляк, он бы покрошил всю эту нечисть в капусту. Жаль, что она была ненастоящая. Тут Василий застыл. Взгляд его коснулся сумки, на которой лежали две пластиковые зажигалки. Включенный фонарик был там же, освещая шершавую стену пещеры. Чего-то не хватало. Он посмотрел по сторонам. Так и есть, пропал самый правильный человек на свете.

Василий вытащил из-за пояса нож и схватил фонарик. Первая мысль, промелькнувшая в голове: «Диму утащил маньяк». Но это глупо. Совершенно невозможно. Если бы в пещеру забрался убийца, они бы все сейчас лежали с перерезанными глотками. Никакого маньяка не было. Был один трус, который наконец себя проявил.

– Кончай ныть! – рявкнул Василий, с тревогой поглядывая в сторону прохода.

Он схватил Костю за руку и заставил подняться. Паренек был напуган. Смахивая слезы с пылающих щек, он продолжал шмыгать носом и похрюкивать.

– Чего ты все время ноешь?

– А ты чего дерешься?

– Помалкивай.

Василий обошел место стоянки и заглянул в лаз. Луч света осветил ворох камней и песка. Дальше в глубине царил тишина. Он отошел в противоположную часть пещеры и уселся возле камня, которым они заблокировали выход из тоннеля. С минуту Василий слушал, не доносятся ли оттуда шорохи, но все было спокойно. Ни маньяка, ни Димы. Они остались вдвоем под землей. Невероятно. Он был уверен, что эти двое неразлучны, иначе к чему столько красивых слов. На деле же оказалось, что сталкер ничем не лучше любого уличного чмошника. Слишком рано он расслабился и поверил ему. «Правильные герои» вроде Димы любят много рассуждать, они заставят тебя поверить в свое благородство и силу духа, а когда поймут, что собственная жизнь дороже, поступят примерно так же.

– Вот сука! – не выдержал верзила.

Взгляд его упал сначала на нож, потом на Костю жавшегося в темноте возле сумки. Следовало бы отыгаться за предательство. Просто прирезать труса и двигаться дальше. Однако этот дохляк мог пригодиться. В голове Василия созрел план. Костя поползет сзади. Если убийца нападет с тыла, он хотя бы успеет это понять и убежать.

– Доволен? Твой дружок нас кинул. Клялся в вечной любви и смылся. Вот какая он тварь!

Василий положил зажигалки в карман и взял сумку. Костя молчал, с тревогой наблюдая за действиями громилы.

– Когда он ушел?

– Не знаю, – пробормотал Костя. – Я проснулся минуту назад.

– Почему спал? Нас могли прирезать во сне!

Костя потупил взор, не зная, что ответить.

– Тебе задали вопрос, чмо четырехглазое! Я тебе разрешал спать?

– Но ты тоже спал...

Рука Василия непроизвольно разжалась. Он выпустил сумку и схватил паренька за воротник рубашки. Такое прощать нельзя. Нужно пометить аутсайдера, оставить на щеке порез поглубже, как делали в старину на Руси, помечая предателей и ничтожеств. Костя весь дрожал, беспомощно отбиваясь тощими руками. Внезапно вся ненависть ушла. Василий вдруг понял, кто в действительности перед ним. Жалкое, слабое, безвольное существо. Просто паразит, которого нетрудно задавить. Сильный человек об такого руки марать не станет.

Василий с отвращением толкнул Костю, словно тот был прокаженным. Возможно, они еще успеют нагнать Диму. Ага. Нагнать. Тогда он отрежет ему голову. Иных вариантов нет. Скорее всего, тем самым он подпишет себе смертный приговор, но лучше уж так, чем давать кому-то второй шанс. Раньше он часто доверял людям, и всякий раз его обманывали. Потом он стал их за это бить и обманы тотчас прекратились. О чем это говорит? Собаки понимают только язык палки. Василий Кличков никому не прощал ошибок и тем более оскорблений. С друзьями иначе, но Дима не был его другом. Он был его врагом.

– Слушай меня, – обратился он к Косте. – Я лезу первым. Ты за мной. Отстанешь – умрешь. Ты мне не нужен. Понял?

Костя кивнул, и глаза его вновь наполнились слезами. Очевидно, он был шокирован побегом товарища. Василий это понимал. На его месте он и сам бы опешил от такой подставы. Все же он не собирался жалеть паренька. Костя тоже не был его другом. Он был обузой, трусом, слабаком и помощи не заслуживал.

– Надеюсь, догоним его быстро. Тогда ты увидишь, как Василий Кличков поступает с предателями.

Василий забрался в лаз и с трудом стал подтягивать вперед массивное тело. Под низким сводом было тесно. Камни вонзались в грудь, но силы ему предавала ненависть. В тяжелые минуты только она питала его. С ее помощью он жил или правильнее сказать – выживал.

***

Чернильные бугорки медленно сползали по каменным сосулькам. Маслянистые капли с мягким стуком вонзались в воду, сотрясая гладь подземного озера. Шаткой походкой Антон проследовал к берегу. Встав на колени, он опустил ладонь в воду и смочил горящий лоб. Кажется, минула вечность, с тех пор как они с Кравцовым приползли в эту пещеру. Он уже не помнил, как долго сидел за камнем напротив лаза, нацелив пистолет и луч света на черных проход через который мог пробраться убийца. Обходчик тем временем обошел пещеру и сообщил, что есть три тоннеля, после чего Антону все-таки пришлось оставить лаз без присмотра. Наступила разрядка. Так всегда бывает, когда спадает напряжение в теле. Он почти перестал соображать, шел, едва ворочая ногами. Смерть Гната потрясла его. До сих пор перед глазами стоял разбитый череп и живущие собственной жизнью руки, подобно лапкам раздавленного насекомого, пытающиеся ухватиться за первый попавшийся предмет.

Приблизившись к озеру, Антон увидел Кравцова. Обходчик стоял в темноте, бледный, как покойник. Подождав пока лейтенант умоется, он зашагал к следующему тоннелю.

– Стой! Ты куда? – вымолвил Антон, с удивлением обнаружив, что язык его не слушается.

– Надо двигаться дальше.

– Я не отдавал такой приказ.

Кравцов наотрез покачал головой.

– Лучше бежать, пока есть время. С этим черепом он будет работать очень долго. Не знаю, что на него нашло. Обычно он старается не слишком уродовать головы.

– Почему именно головы? Почему он так не любит людей?

– Не людей. Их лица.

– Почему?

– Возможно потому, что у него нет собственного. – Кравцов загадочно провел пальцем по носу и скулам. – За двенадцать лет я ни разу не видел его лица. Он прячет его под тряпками и бинтами. Может быть, над ним поработали ножом или кипятком. Сам знаешь, какой у нас народ душевный. Мало ли что взбредет в голову после пятой бутылки.

Антон почти не слушал, умылся еще раз и глубоко вздохнул. Его мутило. Мозг отказывался соображать. Он пытался размышлять, но любое решение приходило с большим запозданием.

– А что у него с головой? Она огромная, как шар. Он что гидроцефал?

– Кто?

– Человек, у которого в задних полостях головного мозга скапливается много жидкости. Это болезнь такая – «водянка головного мозга».

– Не слышал о таком. Да это и не важно.

– Нет. Важно. Если он болен, достаточно ранить его в голову и ему конец.

Кравцов тихо засмеялся. Все-таки приятно знать то, чего не знают другие. Интересно, он один сознавал, что пещерный человек не позволит лейтенанту в себя выстрелить. Страж порядка выпустил в него три десятка пуль и после этого еще надеется покончить с ним одним выстрелом? Если бы Антон только видел то, что видел он. Как паук или муха, этот гидроцефал может карабкаться по стенам и даже по потолку. Стоит ему только снять ботинки и перчатки, ладони сами прилипают к поверхности. Если бы он видел, как в тоннелях правительственного метро под «Авиамоторной» тот прикончил солдата. Просто перепрыгнул через голову автоматчика, да так, что молодец даже прицелиться не успел. Такого противника Антон решил убить, имея в запасе две обоймы по восемь патронов?

– Значит, ты твердо решил? – насмешливо спросил Кравцов. – Убьешь его?

– Да. Я возьму его мертвым. Этот человек лишился права на жизнь.

– И кто его приговорил?

– Я.

– А я думал, что «Всего Лишь Лейтенант» не может взять на себя такую ответственность.

– Не называй меня так.

– Ты сам себя так назвал.

Антон нахмурился. Кравцов наглед на глазах. Он и теперь стоял перед ним с мерзкой улыбкой. Глядя на изорванный рукав куртки, лейтенант стал опасаться, как бы тот снова не попытался на него напасть. Обходчик был на удивление проворен и двигался практически бесшумно. Зрение его подводило, зато развился слух. Еще неизвестно, какое вещество двенадцать лет он употреблял. Вполне возможно, Кравцов медленно превращался в своего «благодетеля». Может, маньяк готовил смену? Нового хранителя коллекции черепов.

Лейтенант направил пистолет Кравцову в лицо. Обходчик и глазом не повел.

– Ты специально отвел нас в ту пещеру. Гнат был прав. Ты завел нас в ловушку!

Кравцов задумчиво покривился.

- Можешь не верить, но я хотел вывести вас, до тех пор, пока не услышал приговор. А чего ты ожидал? Не слишком-то приятно, когда тебя ставят перед фактом, что твоя жизнь кончена. Пришлось взять на себя роль Ивана Сусанин.

Антон в одно мгновение оказался напротив обходчика и приставил тому пистолет к горлу. Кравцов вздрогнул. Улыбка пропала, но страха в глаза по-прежнему не было.

- Гнат хотел, чтобы одним наркоманом стало меньше...
- А ты хотел ему помешать, – добавил Кравцов и шумно сглотнул, коснувшись кадыком ствола. – Клянусь, о ловушке в пещере я не знал, но я на нее надеялся, поэтому повел вас у стены.
- Ты доволен?
- Ничуть. Возможно, тот камень предназначался мне.

Лейтенант отпустил мерзавца и стал ходить взад-вперед по каменному берегу. Кравцов уселся на высокий валун неподалеку и закрыл лицо руками.

- Вы с Алексеевым два сапога пара. Слишком много думаете. Держу пари, ваш капитан так увлекся, выискивая мотивы преступления и связывая факты, что не заметил главной улики.
- О чем ты?
- Это же просто, как дважды два! – заулыбался Кравцов. – Впрочем, я вас не упрекаю. Сам понял только сегодня. Если бы вы не торопились и внимательно смотрели запись, то увидели бы, что на «Площади Ильича» я вошел первым в тоннель, а на «Марксистской»...
- Вышел последним, – закончил мысль за него Антон.
- Прямо как в Библии. Да? Это говорит о том, что я нашел место, где спрятаться. Жирный монтер, сам того не подозревая, едва не сорвал наш план. Хорошо еще, что ты и твой капитан оба в облаках летаете.

Антон весь напрягся от злости. Если обходчик хотел его разозлить, то ему это удалось.

- Ты не убийца, «Всего Лишь Лейтенант». Ты даже не мент. Крови боишься, делаешь кучу ошибок, вместо того чтобы сосредоточиться на работе мечтаешь вернуться домой к семье. Не хватает только фотографии жены. Кстати, можешь мне ее показать. Будет отличный штамп как в дешевом кино.
- Да что ты можешь знать о семье? – произнес Антон, с отвращением глядя на доходягу. – Ты ведь всю свою жизнь один, как персонаж неудавшейся истории. Сомневаюсь, что ты читаешь книги и все же... Таких ничтожеств как ты писатели убивают в завязке, чтобы не мучиться с тупиковыми характерами. У Гната и то было больше шансов найти себе жену, чем у тебя. Теперь понимаешь? Это твоя жизнь – глотать слизь и шляться по тоннелям метро, которых от канализации отличает то, что в них плавают только один кусок дерьма – ты.

Кравцов задержал на нем ненавистный взор. Улыбка переросла в хищный оскал. Антон посветил ему в лицо, но тот даже не моргнул, словно был слеп. Обида не прошла бесследно.

- Жена будет по тебе скучать, – наконец, после долгой паузы, произнес обходчик.
- Я вернусь к ней.
- Нет. Ты никогда к ней не вернешься.
- Повтори...

Антон ощутил неприятный озноб. Холодок сковал тело от кончиков волос до ногтей. Выпад удался. С легкой руки Кравцов вынес ему приговор, и это лишило его уверенности.

- Мы не персонажи какой-то истории. Мы настоящие люди и это наша жизнь, а в жизни хэппи-эндов не бывает.

Кравцов спрыгнул с валуна и почти вплотную подошел к Антону, игнорируя упершийся в живот пистолет. Во мраке прозвучал его отрешенный голос.

- Тебе конец, лейтенант.

***

Дима перевел дух возле нового перелаза. Последнее время на пути попадались только узкие извилистые тоннели и крошечные пещеры с понорами. В каждом из таких каменных мешков было два коридора – вход и выход. Скорее всего, он полз по руслу высохшей реки. Полз все время вверх. Время тянулось медленно, он двигался быстро. Почти не отдыхал. Просто полз вперед, стараясь шуметь как можно меньше. Тем не менее, ни дуновения ветерка, ни грохота поездов, ни гула машин или любых других признаков цивилизации слышно не было.

В новой пещере он на всякий случай поднес зажигалку к проходу и повернул колесико.
– Все хорошо, – прошептал Дима.

Язычок пламени поклонился ему в ответ. Путь наверх существует. Хотя бы тот, через который они попали сюда. Дима даже готов был снова пролезть через «кошачий лаз». Все что угодно, лишь бы выбраться. Воздух не мог циркулировать по пещерам из грота в грот, не имея выхода на поверхность. Конечно, бывают пещеры и без воздуха, но в «Карстовом дворце» говорилось, что такие полости находятся на большой глубине, образованные подземными потоками лавы или смещением тектонических плит. Самые неглубокие из них находили бурильщики и рудокопы. В таких полостях даже бактерий нет, только камень и вечная тьма. Эти пещеры чем-то напоминали ему преисподнюю. Не адский котел, а нечестивое место, наполненное бесконечным мраком и пустотой, в которой гниющие заживо грешники, словно рыбы, выброшенные на берег, изо всех сил напрягают легкие, вдыхая пустоту.

Стараясь сосредоточиться на цели, он забрался в узкий перелаз. Через некоторое время луч света уперся в камень. Тяжелый булыжник прилегал почти вплотную к выходу. Дима прислушался. Из тьмы доносился приглушенный шум воды. Протолкнув вперед сумку, он взобрался по гладкому камню и осмотрелся. Под скошенным сводом было разбросано множество осколков. Иные замером с автомобиль. Сверху над головой нависали сталактиты. В отличие от прежних сосулук эти были короче и тоньше. Некоторые из них были сломаны образовавшейся в своде трещиной. Сверху пещера как будто была разделена на две части. Правый ее край был завален обломками камней, левый удерживали осколки карстовых плит. Эти же осколки подпирали свод, не давая каменным массам опуститься и раздавить все, что лежало ниже.

Дима решил здесь не задерживаться. Перебравшись через гладкий валун, забрал сумку и зашагал влево. Направил луч света туда, где журчала вода, он остановился. Фонарик в руке дрогнул. От массивного осколка отделился кусок тьмы. Дима шумно вздохнул, понимая, что его наконец выследили.

Обитатель пещеры застыл на вершине конического камня, касаясь шарообразной головой свода. Его лицо было обмотано тряпками и закрыто капюшоном. На теле комбинезон. На груди сигнальный жилет. Все в крови и грязи. Толстую талию стягивал потрескавшийся кожаный ремень, на котором словно гирлянды висели уши, пальцы, языки и прочие кровавые ошметки на крючках или просто привязанные проволокой. Там же сверкали ключи и отмычки.

Бежать бесполезно. Его настигнут раньше, чем он успеет добраться до лаза. Дима до предела затянул ремень сумки и приготовил тесак. Так просто он ему не дастся. Фигура ловко спрыгнула с камня. Ботинки вонзились в песок. Убийца зашагал к нему, переступая через булыжники и осколки карста.

– Слушай! – крикнул ему Дима. – Да послушай же!

Человек остановился.

– Я не знаю, кто ты и зачем хочешь убить меня. Можешь не объяснять. Учти, что меня будут искать. Я все рассказал своим друзьям наверху. Они знают о заводе и о тоннеле. Они найдут тебя и сделают все то же самое, что ты сделаешь со мной.

Фигура в темноте не шевелилась, только слегка покачивала головой, словно размышляла, как лучше поступить.

– Все чего я хочу – вернуться домой. Прошу, отпусти меня и я обещаю, что никто никогда не узнает о том, что здесь было.

Рука в грязной перчатке потянулась к поясу и извлекла из-под комбинезона какой-то предмет. Дима подвел луч света туда и вздрогнул. Убийца сжимал в руке ржавый крюк. Едва ли он понял хоть что-то из сказанного. Приготовив оружие, он стал медленно приближаться, тесня жертву в угол.

Дима рванул влево и, перескочив через камни, приземлился в кучи песка. Впереди бежал закованный в каменные берега ручей. Вода текла через всю пещеру, исчезая где-то во мраке между завалом и стеной.

Вовремя перекатившись на бок, Дима увернулся от наконечника крюка, пронесшегося над ухом, вскочил и махнул тесаком. Убийца отступил. Для больного человека с переизбытком воды в голове он двигался слишком быстро. Уж точно перед ним не инвалид. У него был один шанс найти лаз, успеть пробраться по нему, а потом забить его камнями и решить эту проблему надо раньше, чем решат его.

– Слушай! – начал Дима, стараясь, чтобы голос звучал убедительнее. – Зачем я тебе?

Он медленно отступал туда, где шумел ручей, держа противника на расстоянии с помощью лезвия. Убийца уже не реагировал на слова и спокойно следовал за ним.

– Зачем тебе мой череп? Своего не хватает?

Маньяк изогнулся. Последовал удар ногой в живот. Дима задохнулся от боли, едва не полетев затылком на острые камни. Все-таки мерзавец его понимал. Удержав равновесие, Дима сделал выпад. Противник этим воспользовался и обошел его слева, заступив дорогу к ручью.

– Ты больной выродок! Слышишь? Надеюсь, тебе голову отрежут раньше, чем убьют!

Осмотревшись, он не нашел поблизости ни одного лаза. Бежать было некуда. В исступлении Дима стал размахивать тесаком. Все равно с головой он так легко не расстанется. Многие ли жертвы сопротивлялись? Он будет отбиваться до конца.

Ретировавшись к завалу, Дима уперся спиной в камни. Последовал стремительный удар. Ржавое острие вонзилось плечо. Крюк вошел неглубоко, ковырнув мясо и порвав комбинезон. Дима стиснул зубы, прочертив снизу вверх дугу лезвием. Увернувшись от клинка, противник все-таки подставил спину. Сквозь рассеченную материю на песок посыпались густые капли крови. Темная фигура вся изогнулась и подалась во мрак.

Замахнувшись, Дима последовал за ним в надежде решить проблему одним сокрушительным ударом. Убийца увернулся, но и на этот раз не столь умело. Лезвие оцарапало запястье. Крюк выпал из ослабевшей руки. Дима был уверен, что мерзавец пустится в бега, но маньяк его удивил, грудью бросившись на острие. Он опомниться не успел, как попал в крепкие объятия. Теперь руки его были намертво прижаты к телу. Снова ощущение, будто борешься с плюшевой игрушкой. Дима тщетно пинал и рвал мягкую массу. Очутившись нос к носу с грязной кучей тряпок, он почувствовал пристальный взгляд. Кто-то с бесконечной злобой смотрел на него из прорезей в бинтах. В ноздри ударил мерзкий запах разложения.

– Помогите! – в исступлении завопил Дима, прекрасно понимая, что сопротивляться бесполезно. – Помогите!

Его голос эхом прокатился по пещере. Убийца тихо засмеялся, продолжая увеличивать нажим. Дима захрипел. Что толку. На помощь все равно никто не придет. Он двигался очень быстро, а в пещерах, кроме него и оставшихся позади товарищей, больше никого нет.

«Все кончено?» – пронеслось у него в голове. Так просто? Он сделал все, чтобы выжить. Неужели этого мало? Краем глаза Дима заметил кусок плиты, стоящий рядом. Оказывается, что не все. Оттолкнувшись ногой от камня, он перебросил массу тела на

левый бок. Убийца потерял равновесие. Стоило им упасть, и хватка тут же ослабла. Дима освободил правую руку и ударил врага лезвием по лицу. Маньяк укатился в сторону. Забившись в дыру между упавшими плитами карста, Дима полез через завал на шум воды. Камни над головой зловеще поскрипывали. Сзади доносилась какая-то возня.

Наконец его руки погрузились в воду. В этот миг в ногу вцепились крепкие пальцы. Дима почувствовал, что его тащат обратно. Свет фонарика застыл на кусках изорванной материи, из-под которых сочились кровь и густая слизь. Сейчас лицо убийцы напоминало разорванный кокон насекомого. Дима просунул руку под камни и что было силы воткнул тесак в массу тряпок. Маньяк исчез за камнями.

Выбравшись из-под завала, Дима погрузился в воду. Тесак со звоном ударился о камни и растворился в бурном потоке. Ухватившись свободной рукой за берег, Дима наблюдал, как преследователь выползает из темноты. Направив фонарик на противоположную стену пещеры, ту, где пенистая струя разбивалась о камни, Дима понял, что должен сделать. Преследователь уже возвышался над ним с крюком в руке. Острый кусок металла оцарапал мокрые камни, едва Дима отпустил руку. Мощный поток подхватил его и потащил во тьму. Сжимая фонарик, барахтаясь в каменном желобе, он мчался сквозь пещеру. Мимо проносились острые камни. Последний раз оглянувшись, он заметил, что убийца бежит следом за ним по берегу, перепрыгивая через осколки камней.

Его швырнуло в сторону и несколько раз повернуло. Локти вонзились в стену. Дима вскрикнул и набрал полный рот воды. Пещера стал сужаться. Гладкие валуны окружили его со всех сторон. Течение усиливалось. Он понял, что уже не в пещере. Его утянуло в закрытое русло. Тоннель быстро расширился, но скорость течения увеличилась. Это была самая настоящая река. Он пытался держаться одной рукой за камни, но они были гладкими. Пальцы соскальзывали со стен. Потолок стал опускаться. Дима почувствовал, что водоворот тащит его на дно. Задержав дыхание, он погрузился в мутную воду и снова всплыл, больно ударившись головой о потолок. В глазах потемнело. Тело сковал холод. Дима стал часто дышать, стараясь прийти в себя. Если он сейчас потеряет сознание, все будет кончено.

Спереди донесся шум. Грохот нарастал. Его бросало из стороны в сторону. Водовороты крутили и били об стены. Дима с трудом повернулся, цепляясь рукой и ногами за стены. Луч света уперся в пенистую массу, бурлившую впереди. Его несло к водопаду. Отцовский фонарик был слишком большим и тяжелым, чтобы держать его во рту, поэтому он стиснул зубами ремешок. Луч света ушел под воду. В следующий момент поток воды выбросил его наружу.

Тело погрузилось в пустоту. Взмахнув руками, Дима на лету ухватился за скользкие камни. Выставив вбок ногу, он уперся ею во что-то твердое и в таком положении застыл. Где-то внизу бурлила вода. Холодная струя заливала сверху. Руки скользили на камнях. Задышавшись и фыркая, силясь рассмотреть хоть что-то залитыми водой глазами, он проследил за тем, куда падает луч света. Это был естественный природный колодец. Ребристый ствол уходил на многие метры вниз, туда, где шумел водоворот. Сверху падала вода, внизу бурлила вода. По бокам камни. Дима понял, что попался. Природа тоже умеет расставлять ловушки.

По виску в угол глаза сбежала струйка крови. Он склонил голову к плечу, стараясь смахнуть ее, и в этот миг сорвался. Ударившись рукой о стену колодца, перевернувшись в воздухе, он вонзился головой в бурлящую воду. Водоворот завертел его и потащил на дно. В затопленном тоннеле не было воздуха, только холод и тьма. В ушах стоял гул. Прежде чем погрузиться, он успел задержать дыхание и закрыть глаза. Это могло продлить агонию, но не спасти. Полностью отдавшись водам, Дима пытался координировать положение, выставив вперед руки, цепляясь ногами за стены в ожидании нового броска. Фонарик все еще был в зубах, но света он не видел. В голове путались мысли. Он не мог ясно соображать, не знал, что делать. Постепенно запас воздуха в легких иссяк. Часто сглатывая, чувствуя нарастающий под горлом ком, Дима попытался подняться на

поверхность, но поверхности не было. Голова ударилась о свод. Силы начали его покидать.

Удушье стало невыносимым, когда он наконец почувствовал опору под ногами. Кроссовки погрузились в песок. Течение замедлилось. Дима попытался ухватиться за свод, и ему это удалось. Руки погрузились в пустое пространство. Вынырнув, он втянул носом воздух и схватил фонарик. Свод все еще низко нависал над водой, но впереди была пустота. Постепенно река вынесла его к берегу.

Весь израненный, Дима выполз на песок. Обнаружив у воды узкий перелаз, он сразу же забрался туда. Нельзя было терять ни минуты. Маньяк наверняка знал, куда впадает подземная река. Возможно, он уже был поблизости.

Дима толком не понимал, что делает и куда ползет. Карабкаясь куда-то вверх, он думал только об одном: «Скорее бы выбраться на поверхность». Его разум больше не выдержит. Все эти пещеры, водопады, реки, убийца, – слишком много испытаний для одного дня. Минуту назад он должен был утонуть, а еще несколько минут до этого его могли сломать пополам, а до этого снова убить.

Кровь продолжала сочиться из головы, руки стерлись о камни, плечи терзала боль, но он упрямо полз вперед. Вдруг издали как будто донеслись голоса. Дима прислушался, не сбавляя темпа. Так и есть. Это были люди, и они о чем-то спорили.

Дима пополз быстрее. Голоса приближались. Кажется, он и сам что-то кричал, но уже не понимал, что именно. Наконец впереди показался выход. Он выбрался из перелаза и зажмурился. В лицо ударил мощный луч света.

- Помогите! – выпалил Дима, упав на каменный пол. – Я заблудился...
- Мы тоже, – раздался грубый голос.

***

Три прожектора освещали бетонную площадку. Послышался короткий сигнал разблокировки электронного замка. Тяжелая огнеупорная дверь медленно открылась. На площадку вышли двое. Оба были одеты в темно-зеленую форму. За три месяца службы молодой солдат Олег Ершов часто бывал в патруле и давно привык к таким прогулкам. Вообще, как сказал ему в первый день службы Скачков, новичков любят «пускать по кругу». Олег тогда не совсем понял, что тот имел в виду, пока ему не объяснили, что технический коридор, который они патрулируют, уводит от головного тоннеля на запад и огибает сектор полукругом. Большинство коридоров базы были проведены с таким расчетом, чтобы любой человек, сошедший с главного пути, непременно снова оказался бы на нем. Таким образом, патрульные покидали базу, шли по тоннелям и коридорам, а затем вновь возвращались на исходную позицию. Так было раньше, пока не провели два выхода на Калининскую линию метро.

Олег проследил, как сержант убирает в нагрудный карман блестящую прямоугольную пластину. Электронные ключи разрешалось носить только членам командного состава. Если повезет, в будущем он получит повышение и сможет шагать где захочет.

- Пойдем, – сухо произнес сержант и, поправив автомат, зашагал вправо.

Олег пошел следом, для удобства повесив оружие на плечо. Мощное свечение натриевых ламп быстро иссякло. Они попали в темную зону, где сияло несколько лампочек. Чтобы полностью обойти охраняемую территорию от них требовалось сделать круг в три с половиной километра. В идеале они должны были проверить каждый задел по пути, заглянуть в каждый коридор и помещение. И так два раза в день. Хорошо хоть в верхние тоннели их заставляют подниматься нечасто. Говорят, там иногда разгуливают обходчики, но это уже не их дело. Наверху ничего нет, кроме мусора и пустых коридоров.

Вдоль площадки в обе стороны тоннеля тянулись рельсовые плети. Всего один путь, ведущий куда-то в область, где находился командный пункт ПВО, так далеко, что не

хватит и дня дойти пешком. Так ему объяснили сослуживцы, в штабе же сказали, что они охраняют важный стратегический объект. Рядовому больше знать не положено.

Вскоре настили кончились. Потянулись зажатые в бетон шпалы. Пока они шли, переступая со шпалы на шпалу, Олег молчал. Усатый мужчина в очках рядом, как и всегда, был угрюм. Про Павла Павловича Феликса говорили, что у него отсутствуют чувство юмора, мозги, собственное мнение и много чего еще, что делало из него идеального исполнителя. Олег же считал себя в меру веселым парнем и не любил, когда грузятся по пустякам. В патруль он старался ходить только со Скачковым. Кинолог часто шутил, к тому же при нем всегда была одна из четырех местных овчарок, с которыми можно было поиграть. С Феликсом Олег предпочитал вообще не связываться и всякий раз впадал в уныние, когда старшина отряжал их в дозор.

Участок тоннеля, который он истоптал вдоль и поперек, находился на большой глубине. Здесь давление грунта сдерживали специальные чугунные тубинговые кольца, забитые паутиной и отложениями ржавчины. Тут было не так душно, как на базе, зато воздух не очищался фильтрами. Света тоже не было. Пыльные лампочки мерцали всего в нескольких заделах. За время службы Олег насчитал около тридцати и это на участке длиной более километра. Остальные давно отслужили свой срок, некоторые еще в восьмидесятых. В технических коридорах света не было вообще. Последняя лампочка, по словам старожил, потухла там в конце шестидесятых. В принципе они были и не нужны. Патрульные пользовались фонариками.

– Товарищ сержант, разрешите обратиться. Почему мы не взяли пса? – спросил Олег, глядя на вышагивающего рядом усача.

– Не положено. По инструкции патрульные имеют право пользоваться собакой только в сопровождении подготовленного специалиста.

Олег хихикнул. Вот зануда этот сержант. «Пользоваться собакой». Надо это занести в негласную инструкцию. Будет над чем посмеяться в столовой после отбоя.

– Что же может случиться, товарищ сержант? Зачем нам специалист? – спросил Олег без задней мысли, надеясь разговорить мрачного спутника. – Как будто мы без кинолога с овчаркой не справимся. Это же не лошадь.

– Инструкция, – словно робот, монотонным голосом повторил сержант.

Олег ковырнул носком сапога разохшуюся шпалу. Эту ветку обслуживали не часто. За все время он видел здесь только хозяйственные составы и мотовозы. Они прибывали из центра раз в полмесяца, чтобы привезти продукты или починить какое-нибудь барахло. В сторону Балашихи поезда ходили и того реже. Об этом свидетельствовала ржавчина на топах рельсовых плетей. В тех местах, где обычно была сверкающая полоска от колесной пары, тянулась бурая черта.

Вместе всего минуту, а ему уже скучно. Олег с раздражением глянул на сержанта. Хорошая работа, Павлович. Стремясь себя хоть как-то развлечь, Олег задал ему необычный вопрос:

– Интересно, почему шестая койка проклята?

Феликс пристально на него посмотрел и замедлил ход.

– Это чушь. Бугер все придумал.

– Что придумал? – терпеливо переспросил Олег.

Он-то знал, об этой истории все, но желал услышать ее из уст сержанта. Возможно, Феликс знает что-то, чего не знает он.

– То, что она проклята, – в обыкновенной скучной манере объяснил Феликс.

Несчастливая кровать номер шесть. Олег не жаловался на недостаток фантазии, да и внешне был не урод. Во всяком случае, девушкам он нравился. К тому же у него снова отросли густые каштановые волосы, которые старшина требовал побрить при первом удобном случае. Фигура тоже что надо, не такой боров, как Бугер, и не дистрофик вроде Стравина.

– А я слышал, что со всеми, кто на ней спит, случается плохое.

– Я спал на ней три года назад, – буркнул Феликс.

«Ну тогда все понятно», – подумал Олег. Койка точно проклята и, похоже, он нашел того, кто зарядил ее негативной энергией.

Они миновали глубокий задел, заваленный ржавыми рельсами. По бокам гудели распределительные щитки. В гнетущей тишине, когда стены и потолок давят на тебя двадцать четыре часа в сутки, жизненно необходимо оставаться бодрым и здоровым. Старшина это понимал и допускал всяческие послабления. Это был вопрос жизни и смерти. Если бы весь состав базы был таким же серьезным и принципиальным как Феликс, они бы давно покрылись паутиной и заросли плесенью.

– Я хочу сказать, – продолжил Олег, – что тот солдат с глупой фамилией, сбежал, а Машков, спавший на койке до него, вообще исчез.

– Ты говоришь о Самоварове? Кто тебе сказал, что он сбежал? Бугер или Стравин? – спросил сержант и помрачнел сильнее. – Эти бездельники и не такое могут придумать. Сущие дети, а ведь каждому уже под сорок.

Это была правда. Олега перевели на объект три месяца назад. До этого на его месте служил некий Евгений Самоваров. Простой солдат, прослужив шесть месяцев, Самоваров внезапно подал рапорт о переводе на другой объект. Почему? Дедовщины в их крошечном отделении быть не могло, хотя бы из-за свободного доступа к огнестрельному оружию. Конечно, были приколы, иногда очень неприятные. Так упомянутые сержанты Бугер и Стравин в первую неделю его службы зашили ему в пододеяльник крысу. Безобидная шутка, если вспомнить кошмар, который творился в российской армии. Тем не менее, Самоваров сбежал. Сержанты говорили, будто во время обходов рядовой постоянно видел какую-то тень. Утверждал, что кто-то за ним наблюдает. Потом сержанты рассказали ему про Машкова. Тот якобы бесследно исчез, после чего и взяли Самоварова.

– Машкова перевели в Раменки. Был прямой приказ из штаба, – ответил Феликс. – Самоваров сам подал рапорт о переводе его в наземную часть. Это его право, тем более что условия службы здесь тяжелые, и никто никого насильно держать не будет. Бугер и Стравин это знают, но продолжают пугать новичков сказками о проклятых кроватях, Владимирском тракте и привидения.

– Меня сложно напугать.

– Тогда тема закрыта...

– Но шестая койка? – начал было Олег.

– Ни слова больше, рядовой. Наше дело патрулировать, а не болтать.

Олег понуро кивнул. Настоящий зануда этот сержант. Десять человек служат вместе, а он держится в стороне и все время молчит. Сержанты говорят, что даже на гражданке Феликс старался избегать людей и редко принимал участие в служебных праздниках. Олег и сам не любил шумные тусовки. Ему приятней было посидеть с бутылочкой пива в узком кругу друзей или в обществе знакомых сослуживцев. Конечно, в армии с уютом и уединением было туго даже по ночам. Тяжело оставаться человеком, терпя муштру с утра до ночи. Он бы мог и дальше служить наверху. Повезло, что знакомый в штабе, узнав о переводе Самоварова, включил его в список кандидатов. Вообще на такие объекты берут не каждого. Он с честью и чувством юмора прошел отбор, доказав, что молодой солдат способен на многое во имя своей родины и душевного покоя. Последнее он, разумеется, в сочинении не писал.

Впрочем, идти в армию было не обязательно. Дома Олег мог заняться семейным бизнесом вместе с отцом и братом. Жаль, что они работали на местного авторитета. Оба занимались краденными тачками. Олег никогда не интересовался тем, что творилось по ночам в отцовском автосервисе. Служба в армии казалась ему более выгодным, честным и безопасным занятием. На войну с китайцами не отправят, а выполнять команды он привык с рождения. Он бы и сам не прочь был пойти учиться, получить бумажку с печатью и командовать другими, вот только Бог обделил его мозгами. Хоть ты тресни, не мог он долго держать информацию, которая была ему не интересна. В детстве мать часто

била его по голове и приговаривала, что слышит звон, мол, там пусто, как в медном чайнике.

- Товарищ сержант, разрешите обратиться? Вопрос по службе?
- Хватит язык ломать. Я Феликс и лучше будет, если перейдем на «Ты».

«Ого, это уже что-то», – обрадовался Олег. С остальными он давно сдружился, один только сержант избегал панибратства.

- На базе обращайся как положено, по уставу, – объяснил тот, заметив улыбку на его лице. – Здесь я просто Феликс.
- Тогда почему не по имени? Вас ведь Павел зовут?
- Потому что так надо. Ты что-то хотел спросить?

Олег и об этом знал. У сержанта была странная фамилия похожая на имя. Феликсом его прозвали Бугер и Стравин. Правда, поначалу шутники имели в виду kota из популярной рекламы, а прозвище прижилось позже.

- Говори же, Олег.
- Я хотел спросить о местах, которые мы охраняем. Здесь ведь находится не только наша база.

Феликс кивнул.

- Есть еще пещера...
- Кто тебе сказал? Может, ты сам туда спускался? – сержант посветил ему фонариком в лицо.
- Нет, – зажмурился Олег. – Это запрещено.

На самом деле спускался и не раз вместе со Скачковым, но кто докажет. Пещера была огромная и красивая, как в горах. Даже сталактиты и сталагмиты были. Непонятно только, откуда она тут взялась.

- Я беспокоюсь, что под нами может быть пещера побольше и вся база туда провалится.
- Не провалится.
- Почему ты в этом так уверен? Ты же не геолог.
- Потому что на то есть приказ. Если базу построили, значит, она надежная и не провалится.

«Ну прямо золотая голова», – подумал Олег. Предсказания Нострадамуса отдыхают.

- Кроме пещеры я еще видел коридор...
- Коридор?
- Тот, что на кольцевом участке, рядом душевой. Мы же там все время проходим. Он шире других, облицован кафельной плиткой и двери там металлические с усиленными замками. Каждая пронумерована, а на одной из них даже есть табличка – «Архив».
- Ну и что? Это просто коридор. Тут много всякого хлама осталось после развала союза. Его не растащили только потому, что мы здесь. Не будь тут базы, ты бы даже таблички на двери не нашел.
- Но почему базу построили именно здесь?

Олег сгорал от любопытства. Даже пытливым Скачков не знал, что охраняет и почему повсюду столько дверей и коридоров, а ведь он за три года осмотрел тут каждый метр. Служба в подземельях Москвы напоминала Олегу его любимый фильм «Обитель зла»¹³. Мрачные обесточенные коридоры, древние лифты, уходящие на многие этажи вглубь, а так же пыльные склады, уставленные сломанной техникой, напоминали ему подземную лабораторию корпорации Umbrella. Овчарки могли бы сойти за догов-зомби, а Феликс за «Красную королеву», такой же бесчувственный и высокомерный, как баба.

- Феликс, ты меня слышишь?

Сержант остановился и зажмурился, вытер вспотевший лоб и глянул на солдата утомленным взором.

¹³ «Обитель зла», 2002 год. Реж. Пол У.С. Андерсон.

- Ну что?
- Стравин говорил, что Калининскую ветку построили для отвода глаз, чтобы скрыть восточную линию правительственного метро. Это возможно?
- Стравин говорит чушь, – сказал Феликс, широко зевнув. – Калининская линия метрополитена открылась только в 1979 году. Наша база появилась в начале шестидесятых, да это и не база была тогда. Здесь жили шахтеры и рабочие, прокладывавшие головной тоннель в сторону Балашихи. Потом этот сектор перешел под юрисдикцию министерства обороны. Здесь хранили оборудование, перевозившееся в строящийся комплекс ПВО под поселком Заря.

Нечто похожее Олег слышал и от других, но не в такой подробной форме. Феликс, оказывается, был проинформирован лучше всех. Разумеется, ведь зануды любят придирается к любым мелочам.

- И тебе совсем не интересно, что там за дверьми, которые мы каждый день проходим?
- В архиве, скорее всего, кипы заплесневелой бумаги, а в других комнатах ржавые станки или стройматериалы, – в одно мгновение разбил мечты сержант.

До следующего задела они двигались молча. Олега не покидала мысль, что начальство от них что-то скрывает. Может, здесь и была подземная база рабочих-строителей. Со временем в ней отпала надобность. А что было потом? До того как министерство обороны решило основать здесь военный объект. Должно быть что-то еще. Слишком много повсюду намеков на какой-то глобальный проект, который пытались старательно скрыть. В любом случае, ответы на вопросы он найдет только в архиве.

Феликс снова зевнул, потянулся и хрустнул плечами. Носок сапога попал в желоб между шпалами. Олег вовремя удержал его от падения. Он и раньше заметил, что сержант плохо выглядит. Старшина сказала, что у него бессонница и переутомление. Слишком много сил отдает общему делу, якобы. Это даже хорошо. Этим можно было воспользоваться. Олег откашлялся и произнес самым заботливым тоном, на какой только был способен.

- Ты себя хорошо чувствуешь?
- Я в норме.
- Нет, ты едва стоишь на ногах.

Феликс не ответил, убыстрив шаг. Олег его нагнал и обошел с левого бока.

- Я думаю, тебе лучше вернуться на базу.
- Я в норме, – стиснув зубы, повторил Феликс. – Ты же видишь, я могу ходить.
- И падать тоже.

Сержант нахмурился, поправив очки. Промолчал.

- Бугер и Стравин засели в столовой. Старшина только что уснул. Остальным вообще нет дела до нас, они и сами часто разгуливают...

Олег кашлянул, прикрыв рот рукой. Выдавать товарищей было не в его правилах, к тому же всегда есть риск получить по морде. К счастью, Феликс не расслышал конец предложения, а может, сделал вид, что не расслышал, ведь о нарушениях и так все знали. Просто шел себе и шел, глядя по сторонам.

- Обещаю, все будет нормально. В крайнем случае, накажут только меня. Знаешь, в части по ночам я часто сторожил арсенал...
- Мы не дневальные и не охраняем тумбочки с конфетами. Наша служба ничем не отличается от пограничной. Устав запрещает патрульному находиться вне базы без сопровождающего.

Олег достал рацию и показал ее Феликсу.

- А связь на что? Стали бы нам их выдавать, если бы мы всегда держались вместе. Я позову тебя, если что-то случится... Сделаю круг и вернусь назад. Никто и не узнает. А ты часок вздремнешь.
- Почему ты так хочешь остаться один?

Олег замялся. Феликс резко затормозил. Два глаза из-под тонких стекол воззрились на него с подозрением. Если бы знал получше, не задавал бы подобных вопросов, но сержант его совсем не знал и настойчивые просьбы насторожили его.

- Просто хочется побыть в одиночестве.
- Почему?
- Ну... меня бросила девушка...
- И что?

Олег растерялся. Он думал, это сработает. Сразу видно, что с женским полом усач общался по уставу – тоже на «Вы». Наверное, до сих пор жил в какой-нибудь малогабаритной хрущёвке вместе с мамкой и бабушкой. Пока Олег пытался что-то придумать, Феликс, сам того не подозревая, ему помог.

- Тяжело одному, да? – вдруг печально улыбнулся сержант. – Это верно. И вдвойне тяжелее, если ты не хочешь быть один.
- Золотые слова, Феликс, – изо всех сил постарался явить участие Олег. – Я ее очень люблю. Знаешь, хотел даже жениться и семью завести... А еще у нас были бы дети, счастливая семейная жизнь... Дружная семья...

Олег специально произнес слово «семья» три раза, наблюдая, какой эффект это произведет на одиночку. Феликс сдался быстро. Усы зашевелились. Он стал переминаясь с ноги на ногу. Пальцы быстро забарабанили по рожку автомата. «Железный Феликс» оказался не таким уж железным.

- Ладно. Я все понимаю. Ты был в патруле достаточно долго, чтобы запомнить направление, – наконец произнес сержант.

Он оттянул рукав ветровки и посмотрел на циферблат часов. Потребовав от Олега сделать то же самое, Феликс сверил время на них.

- Ровно через час буду ждать тебя у входа. Рацией без надобности не пользуйся. От курса не отклоняйся. Будь все время на чеку, – терпеливо инструктировал сержант.
- Надеюсь, плеер ты с собой не взял?
- Да ты что! Мне бы и в голову такое не пришло. И вообще я сама пунктуальность.
- Вот и не вздумай опаздывать. Это в твоих же интересах, если не хочешь снова мыть полы вне очереди.

Феликс развернулся и к большому облегчению Олега зашагал прочь. Наверное, ему и впрямь было плохо, иначе он ни за что не нарушил бы правила. Проследив за лучом света, растаявшим во тьме, Олег пожалел старожилу. Даже такому человеку порой достаточно, чтобы его выслушали. Главное, чтобы Феликс в дальнейшем не воспринял их сегодняшний разговор как попытку наладить связь, и не стал при любом удобном случае изливать душу. Нытья Олег не выносил.

Пошарив в кармане куртки, он извлек оттуда набор отмычек. Хорошо, что у отца нашлись опытные друзья медвежатники. До этого он месяц тренировался на чердачных замках и гаражах. Навыков должно было хватить, чтобы проникнуть в архив и покопаться в «разработках» корпорации Umbrella. Об этом он мечтал с первого дня дежурства.

***

- Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, – шептал Кравцов, не переставая креститься.

Обходчик сидел на гладком валуне, скрестив ноги. Сжимая в руке нательный крестик, он непрерывно кланялся, не отводя взора от пустоты перед собой, словно Господь был там. Антон стоял у входа в тоннель и курил. Держа пистолет в руках, он терпеливо наблюдал за этим цирком.

- Господи, помилуй, Господи, помилуй...
- Не помилует.
- Это не тебе решать, «Всего Лишь Лейтенант», – огрызнулся Кравцов и умолк.

Поднявшись с валуна, он еще раз перекрестился и спрятал крестик под толстовку. На Антона поднялись полные злости глаза.

- После всего, что ты сделал глупо вообще крест носить.
- Что же, по-твоему, я должен был сделать? Написать явку с повинной, отдать себя в лабораторию на опыты. Ради Бога! – с деланным подобострастием произнес Кравцов. – Все что угодно, лишь бы вы все жили спокойно и в достатке. Сколько счастливых людей повсюду. У всех семьи, друзья, любовники и любовницы. Зачем Сергею Кравцову нарушать чью-то идиллию? Пусть доктор уйдет с работы на час пораньше. Сергей Кравцов не станет нагружать его своими проблемами.

Антон молча наблюдал за тем, как обходчик из шкуры вон лезет, медленно приближаясь к нему. Все оказалось намного хуже, чем он предполагал. Кравцов ненавидел всех и вся, и эта ненависти непостижимым образом соседствовала с любовью и верой в Бога. Выпади ему шанс уничтожить человечество, он бы непременно им воспользовался, а потом проклинал бы себя за это.

- Может, мне покончить с собой? Ведь моя жизнь с двадцати лет ничего не значит, после того как помер отец. Я ведь кусок дерьма, как ты и сам сказал! Пусть все вокруг живут счастливой жизнью, а Кравцов им не мешает.
- Это все?
- Только вступление... Вступление для второй части нашей книги. Как ты там сказал? Таких ничтожеств как я писатели убивают в завязке? Ну так я еще жив!

Кравцов похлопал себя ладонями по груди, продемонстрировав тому видимость собственной плоти.

- Если следовать правилам литературного стиля и твоей логике, «Всего Лишь Лейтенант», то ничтожества уже сдохли, это Петренко, Сехно и Алексеев. А я жив! Слышишь? Я жив!

Антон выронил сигарету. Рука с пистолетом поднялась сама собой. Ствол уткнулся обходчику в грудь.

- Ни шагу дальше.
- Хочешь убить меня? Куда же ты потом пойдешь? Назад, вперед, останешься здесь, и будешь ждать помощи?
- Ты этого не знаешь.
- Я просто так не умру. Видишь ли, в этой книге ничтожество вроде меня, – обходчик указал на себя, – наш неизвестный писатель, по-видимому, решил приберечь напоследок, чтобы я удивил читателей.
- Ты удивишь их, если поможешь, – мягко возразил лейтенант.
- Кому? Тебе? Нашим читателям? – Кравцов натянуто рассмеялся. – Конечно, если другим людям понадобится помощь, Сергей Кравцов должен прибыть по первому зову, а пока пусть не путается под ногами и не мешает им жить полной жизнью. Но если Кравцов откажется – его отправят в ад и крест сорвут. Это в твоём понимании справедливость, «Всего Лишь Лейтенант»?
- Я просил меня больше так не называть.

Кравцов пожал плечами и, задержав взгляд на пистолете, медленно отошел. Они пробыли в этой пещере слишком долго. Антон как мог подгонял обходчика, но тот сначала лежал на камне, потом уселся молиться, а теперь и вовсе затеял глупый спор. Складывалось впечатление, что доходяга тянул время. Одно из двух: либо Кравцов ведет двойную игру, либо вконец спятил.

- Не знаю, что со мной будет. Мне самому интересно. Меня пощадят или убьют вместе с тобой? Как думаешь?
- Не убьют, если выберешься отсюда.
- Чтобы протянуть на неделю дольше? Ты вернешься домой к своей молодой жене, а я на больничную койку, на которой иссохну до суда. Хороший расклад.

- Умрешь с чистой совестью. А может тебя даже вылечат, – произнес Антон, надеясь вселить в обходчика хоть немного надежды. – Здесь ты будешь гнить заживо, продолжая всех ненавидеть.
- Бред! Ни один специалист не станет мараить об меня руки бесплатно. Я отвечу перед Богом. Он все видит и знает, что у меня не было выбора. Я просто ошибся. Это ведь не преступление.
- Может, он и простит тебя, если ты исправишь эти ошибки.
- Каким образом?
- Поможешь мне.
- Как удобно! Вы только послушайте его. Господь меня простит, если я помогу этому лейтенанту. Ты с ним уже договорился или пока ждешь звонка?
- Ты ведь христианин? – вдруг спросил Антон.

Кравцов не ожидал подобного вопроса и, судя по выражению на бледном лице, сильно удивился.

- Да. Конечно.
- Тогда ты должен знать какую важную роль для верующего человека играют похороны. И как ты относишься к смерти без погребения? А к смерти без покаяния? Останешься здесь и ад тебе обеспечен.

Антон импровизировал на ходу. Может быть, это прозвучало и не слишком убедительно, во всяком случае, нормальный человек на месте Кравцова, услышав подобные угрозы, рассмеялся бы ему в лицо, но обходчик задумался.

- Значит, чтобы помереть по-человечески я должен тебе помочь?
- Есть другие предложения?
- Давай ты меня отпустишь. Я проведу тебя к выходу, а потом вернусь в пещеры. Кажешь, что я сбежал.
- Нет.
- Почему?
- Если уйдешь, этот кошмар никогда не кончится. Ты нам нужен, чтобы найти маньяка.
- Ты не в том положении, чтобы ставить условия. Если я не сдвинусь с места, мы оба умрем.

Антон плотно сжал губы. Так дальше продолжаться не может. Пытаясь убедить обходчика помочь, он тем самым рыл себе могилу. Рано или поздно Кравцов наберется смелости и нападет на него. Надо действовать. Сейчас у него преимущество. Пока в руках пистолет, мерзавец будет вести себя смирно. Этим можно воспользоваться.

- Покажи мне дорогу наверх.
- Обожди. Сначала умоюсь.
- А потом?
- Потом... – обходчик на мгновение задумался и просиял. – Потом – суп с котом.

Лейтенант с размаху ударил Кравцова рукоятью пистолета по лицу. Тот принял удар в полном неведении с улыбкой застывшей на бледном лице. Едва ли он рассчитывал на такой ответ. Кравцов вскрикнул и повалился на спину. Из разбитого рта брызнула кровь.

- Веди меня наверх или я убью тебя.
- Так значит? – зарычал Кравцов. – Я же вам нужен живой...
- Мне надоело спорить!

Антон выстрелил. Пуля вонзилась в камни рядом с плечом обходчика. Доходяга дернулся всем телом. Лейтенант удовлетворительно кивнул. Жаль, что все зашло так далеко, но Кравцов по-другому не понимал. Зато теперь он проникнется к нему уважением, по крайней мере, пререкается точно перестанет.

- Хорошо! Договорились, козел! – завопил обходчик, глотая кровь, и со злостью ударил кулаком по полу. – Но больше не смей со мной разговаривать!

Антон дождался, пока тот поднимется, и проводил его к лазу. Пистолет все еще был при нем. Им он указал на тоннель.

– Ты первый и без глупостей.

Кравцов плотно сжал губы и забрался в перелаз.

***

Забившись в неглубокую нишу, Костя с испугом наблюдал за Димой. Его лучший друг сидел связанный по рукам и ногам и неподвижно глядел в пустоту. Лицо в свежих кровоподтеках было освещено лежащим рядом фонариком. Они нашли его в бреду с ног до головы вымокшего. Правая щека и глаз затянуты темно-бурой краской. Оба плеча в крови. Комбинезон разорван на груди. Камни под ним были мокрые, так что складывалось впечатление, будто Дима обмочил штаны. Он бы и вправду мог, ведь над ним мрачной тучей нависал Василий. В руке бритоголовый парень держал нож.

Узкая пещера с высоким сводом была опасным местом для привала. Наверху темнели длинные сосульки. Повсюду валялись острые осколки камней. Василия это ничуть не заботило, и света он не жалел. Дима пришел в себя не сразу. Верзила постарался на славу, но сначала привел его в чувство, дал выпить воды, а затем приступил...

С ужасом следивший за методичной расправой Костя отказывался верить в то, что все это проделывает человек. Василий рычал и постанывал, словно занимался какой-то пошлостью. Хорошо еще, что в ход шли только кулаки и ботинки. Ножом он вооружился только теперь.

– ...и, наконец, виновен в том, что поддерживаешь идеи гуманизма и социализма, направленные на ассимиляцию русского народа с захватчиками, – с удовольствием подвел черту Василий, поигрывая зазубренным лезвием.

Дима стойко выслушал все обвинения, большая часть из которых была продиктована комплексами и убеждениями нациста. Наконец верзила закончил обвинительную речь и с торжеством воззрился на жертву. Из своего укрытия Костя наблюдал, как Василий проводит ножом по горлу парня, надеясь тем самым запугать жертву. Диме здорово досталось, и не только от Василия. За все время он не произнес ни слова, но Костя и так догадался, с кем ему пришлось столкнуться в темных тоннелях. Сейчас он не шевелился, продолжая таращиться в пространство под ногами Василия.

– Что ты скажешь в свою защиту? – с наслаждением промурлыкал Василий и, подождав немного, добавил: – Что, больше нет желания потрепаться? Аргументы закончились?

– Простите, – только и вымолвил Дима, с трудом разлепив запекшиеся губы.

– Просто так, да? Думаешь за такое предательство можно простить?

– Простите...

Василий наотмашь ударил его кулаком по лицу. Дима вздрогнул и весь согнулся. Из рта вырвался протяжный хрип.

– Уже не такой гордый? Я думал, герои боли не чувствуют. Да, БОСС?

– Я виноват.

– Еще бы. Мы поверили тебе, а ты, крыса, подставил нас.

Василий снова замахнулся.

– Нет! Не надо! – не выдержал Костя и выскочил из убежища. – Пожалуйста. Он же не сможет идти!

Верзила резко повернулся и топнул ногой на попятившегося паренька.

– Мне бы следовало убить вас обоих, – проворчал Василий, нагнувшись к пленнику с ножом в руке. – Ты так легко у меня не отделаешься. Я бы с радостью тебя кончил, да помирать неохота. Наверху еще много дел, и ты знаешь каких именно. Город нуждается в серьезной чистке... – Василий замер и внимательно поглядел на Диму.

– Может, хочешь что-то сказать? Я поступаю плохо, правда?

Злобная, садистская улыбочка расплзлась по толстому лицу. Василий опустил лезвие ножа на первый узел.

– Что молчишь?

– Подожди... – выдохнул Дима. – Не режь ножом. Трос нам понадобится. Руками...

Василий убрал клинок за пояс, поворчал и стал нехотя развязывать узлы. Наконец Дима упал на песок и стал растирать затекшие конечности.

– Ладно, БОСС. Тебе сегодня везет. Ты снова наш проводник... в некотором роде, но главный теперь я.

– Ты в этом уверен? – с трудом вымолвил Дима, усевшись на камень.

– Чего? Повтори-ка?

Такого ответа Василий никак не ожидал. Глядя на предателя, он не мог понять, в каком мире тот живет. Так долго лечил эту зазнавшуюся крысу, напрягался, воспитывал его с таким пристрастием и что получил взамен? Крепкий орешек. Неужели Дима и впрямь считал себя кем-то вроде Рэмбо. Парень не усвоил урок. А может, он действовал не слишком убедительно? В конце концов, степень сговорчивости человека зависит от степени жесткости воздействия на него. Интересно, сможет ли Дима нормально соображать без уха?

– Я тут главный. Главный! – громко и четко сказал Василий, потянувшись к ножу. – Есть возражения?

– Прости, но чтобы вывести вас я должен руководить, а вы слушаться меня.

– Не дожدهшься!

– Как ты собрался командовать? – усмехнулся Дима, стирая с губ засохшую кровь. – Я выберу тоннель и обращусь к тебе с разрешением туда войти, а ты отдашь приказ? Так, что ли?

– Не выводите меня!

– Все будет так, как раньше. Свет идет впереди. Вы за мной.

Василий сжал рукоять ножа. Костя стоял рядом, с опаской наблюдая за спорщиками. Он и сам испытывал смешанные чувства. Дима предал его дважды. Если смотреть на это по-старому, то следовало бы объявить товарищу бойкот, а когда все закончится, благополучно забыть о его существовании. Теперь он точно знал, что «брат по крови» типичный эгоист, которых он игнорировал с высоты балкона. Почему же теперь, когда Дима нашелся, он ощутил радость. В тот момент Костя готов был простить товарищу все. Не это ли называется дружбой?

– Не забывайся, – терпеливо произнес верзила, искоса поглядывая на Костю. – Мы уже поняли, кто ты есть на самом деле. Можешь говорить все что хочешь, предатель. Это клеймо тебе уже не смыть.

– Дим, – наконец вымолвил паренек. Костя робко жался в сторонке, не решаясь подойти. – Дим, зачем ты нас бросил?

– Потому что он крыса, – пробасил Василий.

Получив наконец шанс оправдаться, Дима рассказал о том, как встретил убийцу, как его выбросило течением в колодец, как он чуть не захлебнулся в подземной реке, из которой он выбрался весь в ушибах, напившись грязной воды.

Костя слушал с открытым ртом. Даже Василий постепенно стал отходить. Дима на это и рассчитывал. Они должны были понять, что он сам себя наказал и хуже чем сейчас ему будет только в том случае, если убийца снова займется им.

– ...потом я залез в этот тоннель, услышал голоса и встретил вас, – закончил Дима. Он плеснул немного воды из фляжки на ладонь и смочил пылающее лицо. – О чем вы так громко спорили?

– Я молчал, – звенящим голосом ответил Костя, зыркнув на верзилу. – Это Василий говорил.

– За двоих, что ли?

Костя кивнул. Дима в растерянности посмотрел на бритоголового парня. Василий в этот момент осматривал пещеру. Просто стоял не двигаясь, работая одними глазами, словно искал притаившихся врагов.

– А что у тебя с лицом?

Дима взял фонарик. Тут только он заметил, что у товарища разбита губа, а на щеке ссадина. Времяпрепровождение с Василием принесло свои плоды, но Костя пострадал несильно в отличие от него. Паренек понял, куда тот смотрит, и отвернулся.

– Я упал...

Василий невинно улыбнулся и по-детски закатил глаза. Дима долго смотрел на верзилу, пока улыбка не пропала.

– Так мы идем или нет?

Дима не стал спорить и кивнул. Покопавшись в сумке, он извлек оттуда консервы и крепления и убрал их обратно в большую сумку. Зажигалки и коробки спичек он вывалил на пол. Все было пропитано водой. Едва ли они высохнут в такой сырости. У него остались только фальшфейеры и свечи. Забрав у Василия одну из двух оставшихся зажигалок, Дима перекинул трос и сумку через плечо и подошел к тоннелю.

– Вы нашли меня здесь?

– Да, – ответил Василий. – Мы тоже пришли оттуда. Там большое озеро и узкий берег.

– Сколько перелазов?

– Один, как и здесь, – он ткнул пальцем в ту сторону пещеры, где была ниша, в которой прятался Костя.

Дима пошел туда и поднес зажигалку к отверстию. Язычок пламени колыхнулся. Иных вариантов все равно не было. Из тоннеля они выбрались в широкую пещеру с низким сводом, а оттуда по прямому лазу попали в новый рукав. Последний тоннель был просторнее и выше. Пару раз он выводил их в каверны – гладкие полости, вымытые потоком в пластах карста. Стены в этих крошечных пещерках были пронизаны ветвистыми жилами кварца. Всюду, где они проползали, было сухо и прохладно, но чем дальше они углублялись в удобный тоннель, тем чаще на стенах стали появляться пористые разводы, усыпанные белым грибком. Постепенно в воздухе установился кислый запах. Дима первым заметил перемены и надеялся, что все обойдется, но опасения оправдались. Завернув за поворот, он увидел мутную лужицу. Вода была зеленоватого цвета, и от нее исходил неприятный запах.

Дима поспешно достал зажигалку, задержал дыхание и повернул колесико. Язычок пламени дернулся. Значит, не все потеряно. Василий и Костя наблюдали за ним.

– Ты чего шаманишь? – послышался недовольный голос верзилы.

Дима повернулся и с сочувствием посмотрел на спутников. Так или иначе, это испытание будет не из легких, даже для него. Впереди был сифон – распространенное препятствие, через которое проходят многие спелеологи. В нем не было ничего необычного за исключением того, что это подводный коридор. Вода в таких извилистых тоннелях часто поднималась до потолка, а проход мог сужаться в любом месте, включая затопленную часть.

– Слушайте внимательно, – объявил Дима. – Мы сейчас войдем в воду. Я буду мерить глубину. Вы идете за мной. Если будет слишком глубоко – держитесь за стены. Вода вас обязательно удержит. Главное не паниковать.

– А другого выхода нет?

– Мы не вернемся назад. У нас два фонарика работают на пределе, а до ближайшей развилки далеко. Не бойтесь. Только представьте, что на другой стороне выход. Стали бы вы тогда здесь сидеть?

– Что значит – фонарики на пределе? Я видел в твоей сумке два аккумулятора.

– Они намокли. Здесь света у нас больше нет. Так что кончай болтать и ползи за мной.

Василий посуровел, но счел разумным промолчать. Дима закинул сумку за спину и пополз дальше. Руки погрузились в холодную воду. Пол был покрыт скользким илом и тянулся под уклоном. Дима прополз десяток метров, прежде чем локти погрузились под воду. Свод над головой плавно закруглялся. Будет здорово, если не придется нырять. Он на всю жизнь запомнил болтанку в русле подземной реки. Здесь вода стояла, но от этого тоннель не становился менее опасным, в первую очередь потому, что назад дороги нет. На другом конце действительно был путь вверх, и тоннель необходимо было пройти.

Чем дальше они ползали, тем сильнее становилось зловоние. Диме это место напоминало канализационную трубу, в которую он однажды отважился забраться в Раменках, надеясь, что она приведет его к подземному городу. Трудно представить, сколько глупостей он успел натворить за десять лет своего диггерства.

Тоннель некоторое время тянулся прямо, но затем стал спускаться вниз. Свободного пространства над поверхностью становилось все меньше. Опираясь на левую руку, держа фонарик и зажигалку в правой, Дима чувствовал, как растает глубина. Вода поднималась, и тело дюйм за дюймом сковывал холод. Стены сужались. Через минуту они уже могли идти, согнув колени. Когда вода подобралась к поясу Дима забрал у Василия вторую зажигалку.

– Не нравится мне это, – забеспокоился верзила. – Может, повернем, а?

Дима раскрыл рот, собираясь ответить, поскользнулся и едва не ушел под воду. Василий сразу притих. Стало еще глубже. Расстояние между сводом и водой оставалось прежним. Опускался только пол.

– Когда ты проснулся, почувствовал вкус ванили? – спросил Дима, оглянувшись на него.

– Да.

– И ты слышал свист, когда на тебя напали?

– Ну, допустим.

– Чтобы усыплять жертв он использует какой-то парализующий газ. Наверное, очень сильный, потому что я спал как убитый, даже когда меня тащили по воде. А ты, Костян? Как ты попал в клетку?

– Я проснулся там.

– К чему ты клонишь?

– Хочу понять, как далеко от поверхности мы находимся, – объяснил Дима. – Сначала он замуровал нас. Я ушел на поиски выхода, а Костя остался в тоннеле. Убийца забрался обратно и усыпил Костю...

– Он пришел не из тоннеля, – раздался приглушенный голосок. – На меня напали со спины, когда я был в пещере.

– Подожди! Как ты сказал? – встрепенулся Дима. – Значит, есть еще один выход. Что ж ты раньше молчал?

– Какая разница. Я все равно не знаю где он. Мы ведь и так идем вверх.

– Хорошо, – вернулся к тому с чего начал Дима. – Давайте представим, что он усыпил Костю и перетащил его в грот за водопадом, а потом пошел ловить меня. Я к тому времени уполз от выхода метров на сто в большую пещеру.

– Хочешь подсчитать, сколько времени у него могло бы все это занять? – смекнул Василий.

– Вот именно. Ты мне очень поможешь, если назовешь примерный временной интервал между Костиным прибытием в клетку и моим.

– Это что задача? – растерялся Василий. – Не могу сказать ничего конкретного. Я проснулся от его нытья, отвесил ему подзатыльник и уснул. Потом меня разбудили шаги. Принесли тебя и положили в клетку. Это все, что я помню.

– А я долго потом спал?

– Минут пять.

- Плохо, – вслух подумал Дима, разгребая рукой зеленоватую кашицу, и обратился к другу. – А ты, Костян, после того как проснулся, долго сидел один?
- Минут двадцать, – после затяжного молчания произнес паренек.
- Ну и что мы выяснили? – спросил Василий, хватаясь за осклизлые стены. – Никто ничего не знает, никто ничего не помнит. Тоже мне сыщик.
- Кое-что я все-таки узнал, – добавил Дима. – Даже очень сильному человеку неудобно тащить тело по таким узким перелазам. Считай сам. Полчаса он потратил на меня и еще столько же на Костю. От пещеры до поверхности совсем недалеко.
- Мне кажется, мы тут уже сутки ползаем, – произнес Василий.
- Разумеется, мы ведь не знаем коротких путей.
- Не мы, а ты. Ты вообще ничего не знаешь.

Дима счел разумным промолчать, пока верзила снова не завелся. Внезапно пол опустился так низко, что ему невольно пришлось остановиться. Протоптав пространство впереди ногой, Дима стал осторожно спускаться вниз. Ледяная вода поднялась до груди. Стало трудно дышать.

- Что это? – заволновался Василий.
- Тут очень глубоко. Ступайте осторожнее, – предупредил Дима.

С этого момента коридор потянулся вниз. Дима в полной растерянности шагал вперед, поднимая фонарик все выше. Впереди над зеленоватой поверхностью густился мрак. С потолка бледными макаронинами свисали множественные наросты. Дима пытался держаться за стены, но руки все время соскальзывали. Еще немного и придется плыть.

- Мы утонем, – всхлипнул Василий, перебрасывая сумку на другое плечо. – Тут так глубоко. Нужно повернуть и все обдумать.
- Если вернемся сейчас, дойти до конца не хватит смелости.
- По-твоему, лучше утонуть?
- Ты тонешь?
- Нет... пока...
- Тогда помалкивай.

Дима знал, что говорит. Стоит одному сделать шаг назад и сработает инстинкт самосохранения. Без сильного лидера все потянутся за беглецом. Василий и Костя были в шаге от побега, а лидером Дима, увы, не стал. Он понимал, что не сможет их удержать, но, что еще хуже, не сможет заставить себя последовать за ними. Снова остаться в одиночестве он боялся, поэтому как мог старался ободрить спутников. Дно может и опустится ниже, зато вода не покроет тоннель целиком. Он один узнал секрет сифона, когда наблюдал за колышущимся пламенем зажигалки. Не бывает ветра без воздуха. Между поверхностью и сводом должно оставаться пустое пространство.

С конца цепочки раздался всплеск и фыркание. Дима и Василий оглянулись. Костя барахтался в воде, выплевывая склизкую корку.

- Я не могу дальше идти... – пожаловался паренек, хватаясь за стены.
- Чувствую, как дно поднимается, – откликнулся Дима, заметив искру надежды, вспыхнувшую в глазах паренька.
- Правда?
- Нет. Стало еще глубже, – прорычал верзила.
- Я поворачиваю назад, – раздался возмущенный голосок.
- Нет. Костя, подумай, что скажет твоя мама. Она будет жать тебя дома. Если отступишь сейчас, родители купят гроб и заруют его пустым в память о пропавшем сыне.
- Да ты поэт, мать твою, – с полным ртом воды ухитрился пробулькать Василий, из последних сил удерживая на плече сумку.
- Поэт стихи сочиняет.
- Вы меня вообще слышите? – во всю глотку завопил Костя, приликая щекой к стене.
- Я не достаю ногами дна! Я не могу идти!

Хватаясь руками за потолок и стены, шаг за шагом они пробирались вперед, теряя днище. Теперь ноги действительно свободно болтались под водой. Зловонная водица подбиралась к губам. Дима срывал ногтями пласты мха и уже готов был нырнуть, как вдруг подошва кроссовки коснулась твердого предмета, и это был не камень. Дно коридора потянулось вверх. Стены раздвинулись. Свод опустился. Вверх уводил ровный узкий проход, испещренный паутиной глубоких трещин.

Им опять повезло. Последнее время это случалось бессовестно часто. Все его тело было покрыто синяками и ранами, его мучило от грязной воды в желудке, кости ломало от холода, но он был жив. Прошел весь путь от начала до конца. Не сложил голову на полку в пещере за водопадом. Не дал сломать себе позвоночник. Не утонул и не задохнулся в тесных тоннелях. Он был жив, потому что не сдавался.

– Так прав я был или нет? – спросил Дима. – Мы выбрались, а впереди нас ждет выход, теплая постель и вкусная еда.

– Да. Ты был прав, – виновато буркнул Василий, толкая сумку.

Не похоже чтобы он сильно обрадовался. Во всяком случае, эта крошечная победа не подняла ему настроение. Костя тоже приуныл. Сифон остался позади, но каждый понимал, что до поверхности по-прежнему было далеко.

Все еще пытаюсь рассчитать глубину между выходом и пещерой с водопадом и время похищения, Дима не сразу ощутил прикосновение. По руке как будто что-то проползло. Он не обратил на это внимание и как ни в чем не бывало двигался дальше до тех пор, пока за спиной не раздался брезгливый визг Кости. Скользя лучом света по стенам, Дима оцепенел. Из трещин выползали многоножки. Сотни и сотни. Большие и маленькие. Некоторые, самые отвратительные, были длиной с кошачий хвост. Камень словно ожил, двигаясь им навстречу.

– Эта дрянь кусается! – взревел Василий, пытаясь перелезть через него.

Костя дико завизжал, навалившись следом. Вдвоем они едва не подмяли его под себя.

– Быстрее ползите отсюда! – скомандовал Дима, смахивая с шеи ядовитое насекомое.

Тоннель наполнился скрипящими звуками. Проползая по шуршащему полотну, Дима слышал, как жилистые тельца протискиваются сквозь трещины в стенах, как по песку щелкают тысячи ножек. Вскоре тоннель превратился в сплошной инсектарий. Насекомые двигались сплошным потоком. Из больших трещин выползали самые старые особи. Длинной с ужа, с острыми ножками и длинными усиками, они протискивали сквозь разломы волосатые тельца, каждый сегмент которых пульсировал протеином.

Щелкая ножом по камню, Василий тщетно пытался отогнать агрессивных насекомых. На смену разрубленным тварям приползали другие. На коже, в волосах, на шее, под комбинезоном, – повсюду ощущался противный зуд. Гады забирались даже под рубашку. Одна крошечная многоножка заползла Диме в пупок. Костя в истерике бился всем телом о стены, стряхивая кипучую массу, но больше всех досталось Василию. Сплюывая маячащее у лица насекомое, верзила нос к носу встретился с царицей многоножек – волосатой змеей толщиной с руку. Тварь высунула из разлома голову и, прежде чем тот успел что-то предпринять, запустила ему в рот оба усика. Василий подавился. Разжав передние ногочелюсти, чудовище приготовилось к нападению. Послышался треск и гулкий хлопок. Верзила размозжил безобразную голову насекомого о камни, попутно разбив второй фонарик.

Многоножки ползли за ними до конца тоннеля; кусали и щекотали до тех пор, пока они не оставили их владения. Под сводом новой пещеры, безжалостно передавив всех наездников и преследователей, они забили лаз камнями и укрылись между валунами. Дима выключил фонарик. Наступила тишина, а с ней и долгожданный покой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «МЕТРО-2»

*Дождусь ли я спокойных дней,
Когда над горестью моей
Промчатся многие года?
Он каркнул: – Больше никогда!*

Эдгар По, «Ворон»

Утреннее солнце освещало бетонный мост над железной дорогой и серые многоэтажки, с трех сторон обступившие перекресток на улице Шоссе Энтузиастов. Желтое такси с помятым крылом появилось в районе Лефортово внезапно. Стартовав с Таганской площади, оно за несколько минут покрыло расстояние в четыре километра. Лавируя между другими машинами, успевая проскочить на желтый свет, такси достигло цели, перелетев через трамвайные пути. Как и просили пассажиры, все было сделано «со скоростью света» и автомобиль благополучно въехал на стоянку возле станции метро «Авиамоторная».

Заплатив водителю, Федор Зайцев распахнул дверь и пулей вылетел из салона. Доходяга почти бегом преодолел расстояние, отделявшее стоянку от перехода. Чанг Фу едва поспевал за ним. В одной руке вьетнамец держал красный чемоданчик и набор электродов, в другой сварочную маску. Поток людей поднимающихся из метро преградил путь, и ему невольно пришлось грубо пробиваться сквозь них. Зайцев на тот момент уже подбегал к дверям. Вместе они вошли в вестибюль и проследовали к турникетам. Здесь их уже ждали. Начальником станции был грузный работяга лет под сорок с большим животом, короткостриженный. Он вежливо улыбнулся гостям, назвавшись Иваном Шпалычем. Зайцев связался с ним еще в такси. Теперь, пожав друг другу руки, они пересекли линию турникетов, и сошли на ступени эскалатора. С двух концов окруженные пассажирами Зайцев и Шпалыч стали переговариваться шепотом. Чанг Фу стоял несколькими ступенями выше. Перед ним была пожилая женщина с маленькой собачкой на руках. Животное тьявало на пробегающих мимо пассажиров, но он и так все прекрасно слышал.

– Константин Леонидович тебе все объяснил?

Начальник станции многозначительно кивнул.

– Никто из правоохранительных структур пока не интересовался вами?

– Нет. Вы напрасно спешили. Сейчас тоннель все равно не станут проверять. Могли бы дождаться ночи, когда составы будут ходить реже.

Чанг Фу поставил чемоданчик на ступени и смахнул капли пота со лба. «Конечно, могли бы», – пронеслось у него в голове. Смысл теперь куда-то торопиться. Они и так ждали пять часов, пока его вызовут для дачи показаний. Так уж получилось. В этот день логика гостила где угодно, но только не на станции «Марксистская». Непонятно, почему его решили допросить в последнюю очередь, ведь он видел больше, чем уборщицы и диспетчеры. Пять часов пришлось медитировать в подсобке. Только утром его посадили в машину, почему-то стоящую на самом солнцепеке, и стали задавать каверзные вопросы. В салоне было душно, пахло кожаным и бензином. Окна закрыты. Допрос вел грозный усатый мужчина в погонах. Суровая женщина в форме и в летах старательно что-то записывала. Наверное, они были роботами или ненормальными, которые любят причинять себе боль. Чанг Фу не помнил, как такие называются. Уж точно не люди, потому что человек не смог бы выжить в подобной жаре, а они сидели неподвижно и супили брови, словно решали тригонометрические уравнения. Казалось бы, что сложного в даче показаний? Вопрос – ответ и ты свободен, но и здесь его удивили. Допрос обернулся получасовым маразмом. Записали фамилию, имя среднее и собственное... и понеслось. Дознаватель зачем-то прицепился к его миграционной карте, начал расспрашивать о цели «спонтанного визита» в столицу как будто он лемминг какой-то, о вероисповедании, о прежнем месте работы. Когда выяснилось, что он бывший тренер с

Рублевки, усатый решил узнать больше о товарище Сахарове и бойцовском клубе. Складывалось впечатление, что допрос был организован с целью вытащить из него как можно больше информации. Для чего? Может это особая процедура такая или они всерьез задумали написать о нем книгу. Хорошо хоть не потребовали раскрыть «секретное имя» или принять христианство.

Чанг Фу долго и терпеливо отвечал на вопросы. Из машины он вышел на ватных ногах, опустошенный и подавленный. Потом подоспел Зайцев со сварочным аппаратом и затолкал его в такси, где сидел тот сумасшедший гонщик. В итоге Чанг Фу почти не соображал где находится и что должен сделать, а потому стал слушать, о чем говорят начальники.

- Я выполняю приказ Константина Леонидовича, – после короткого молчания важным тоном произнес Зайцев.
- Неужели все так серьезно?
- Еще бы.
- Слышал, на «Марксистской» столько шума было, – прошептал Иван Шпалыч, торопливо вытирая платком одутловатое лицо. – Это ж надо, чтоб капитан милиции просто взял и исчез. Недоброе это дело. Обходчики опять станут сочинять байки про Косматского.
- Привидения меня волную меньше всего.
- Меня тоже больше беспокоят люди. За каким чертом Кравцов повел патруль милиции вниз? Хватило же мозгов. Мне он никогда не нравился. Бледный, как покойник, постоянно огрызается, ходит один. Весь в отца.
- Ты-то откуда знаешь, что Кравцов пропал?
- Пропал? Об этом не слышал. Вообще-то уже все бригады на востоке столицы знают, что случилось на «Марксистской», – выкрутился толстяк. – Думаю, к вечеру вся Москва будет в курсе.
- Этого еще не хватало!
- А спецподразделениям разрешили спуститься вниз?
- К счастью, нет. Военные свои тайны умеют хранить. Простояли там до открытия и вернулись на станцию. Спрашивается, стоило вызвать МЧС и ОМОН?
- Из-за ведра крови? Наверное, стоило.
- Кто тебе сказал о ведре? – подозрительно сощурился Зайцев.

Иван Шпалыч стал взволнованно барабанить пальцами по резиновому поручню. Эскалатор медленно нес их по овальному тоннелю. Чанг Фу внимательно слушал. По левую руку пробежали пассажиры, задевая его плечами. Собачка внизу тявкала. Все же он услышал достаточно. Странно, что простой обходчик вроде Зайцева так много знал. Конечно, Федор был на короткой ноге с начальством, в особенности с Маслбойщиковым. Его постоянно держали в курсе многих проблем, чтобы тот помогал решать их снизу, и все же он был мелкой рыбешкой в большом пруду. Это и казалось странным. Неужели руководство могло доверить ему информацию о расположении военных объектов?

- Расслабься, – смилостивился обходчик, глядя на смущенного начальника. – Смотри не болтай только. Бычкова уже прорвало. Знаешь, где он теперь?

Иван Шпалыч поспешно кивнул.

- Все-то ты знаешь. Может, скажешь тогда, как нам быстрее добраться до двери?
- Путь один – через тоннель.
- Она закрыта?
- Почти всегда.
- Что значит твое «почти»? Я думал это спуск...
- Правильно, – озираясь по сторонам, зашептал толстяк. – Дверь должна быть закрыта, но иногда по ночам мужики находили ее открытой.
- У кого-нибудь и ваших есть ключи?

Начальник наотрез покачал головой. По левому ряду пронесся парень, второпях задев Зайцева спортивной сумкой. Обозлившись, обходчик замахнулся на него, но тот уже исчез внизу.

- Все! Не важно. После того, как мы над ней поработаем, никто не войдет и не выйдет. Константину Леонидовичу надоел весь этот бардак. Мы заварим дверь, покроем швы сажей и как следует запылим. – Зайцев поднял указательный палец, чтобы подчеркнуть важность следующих слов. – Теперь главное, Иван. Если спросят, отвечай, что дверь стоит заваренной с девяностых. Те, кто видели ее открытой, пусть затвердят это как Отче наш.
- Это же эвакуационный выход.
- Уже нет. Если они нас не слушают, то и мы не обязаны. Ты сам сказал, что дверь иногда открывают, хотя по договору она всегда должна быть заперта.
- Может, у них учения были или действительно авария?
- Давай начистоту, – прервал Зайцев, почесав крючковатый нос. – Мы вообще не знаем, что там внизу и чем занимаются военные. Лучше будет, если никто больше оттуда в тоннель не поднимется.
- Кому какое дело, чем они занимаются. Нас это не касается и начальство метрополитена не несет за это ответственность. Все равно у милиции нет прав туда спускаться.

Зайцев осудительно зацокал языком. Их участок эскалатора практически достиг дна шахты.

- Хорошо устроился в дневной смене? О других подумай. Я, например, тоже по ночам работаю. Сколько еще обходчиков и монтеров должно пропасть? А если это раскрутят СМИ? Нашему руководству скандал не нужен. Кравцов и те два мента так и не вернулись. На станции до сих пор патруль дежурит. Ждут, когда они поднимутся.
- Ну и дела! – глаза начальника станции округлились. – Куда же они исчезли?
- Откуда я знаю. Наверное, туда же, куда исчезли Петренко, Кипятков и еще трое. Ты ведь раньше в ночную смену работал. Это у тебя три года назад пропал человек. Говорят, в тоннеле валялся только его фонарик.
- Да. Андрей Исаев, – поморщился толстяк. – Это я нашел тот фонарик. Он был включен и лежал в пустом заделе. Поэтому я больше и не работаю по ночам.

Они спустились на станцию. Очутившись под овальным сводом, украшенным рядами золотистых конусов, они проследовали в потоке людей до ближайшего ограждения. Иван Шпалыч завернул в правую аркаду. Только что отбыл поезд. На облицованном светлым мрамором перроне у мест остановки дверей толпились пассажиры.

- Сейчас интервал между поездами полторы минуты, – напутствовал Иван, указав на часы установленные над аркой тоннеля. – Диспетчеры и машинисты извещены, так что не спешите. Там достаточно ниш и заделов, чтобы добраться до точки. Дверь будет рядом с распределительным щитком под номером 57.
- Ты не пойдешь с нами? – спросил его Зайцев.
- Шутишь? Я туда ни ногой.
- Что, вообще? – нахмурился обходчик. – Чем же ты тут занимаешься?
- Днем работы хватает на станции и наверху. Ты ведь знаешь, мой участок один из лучших на линии...

Зайцев показал ему спину и быстро зашагал прочь. Впереди что-то шумно обсуждали четверо школьников. Одного из них, в майке с вырезами, Зайцев грубо оттолкнул. На возмущенные слова доходяга только убыстрил шаг. Чан Фу затрусил следом, на ходу извинившись за обходчика перед парнем. Затея нравилась ему все меньше. Лезть в тоннель, по которому носятся поезда с предельным интервалом – еще полбеды, но он должен был заварить какую-то дверь, через которую из тоннелей по ночам некто похищал обходчиков. Вот что пугало. Маслбойщиков и Зайцев рассказали ему такое, о чем

остальные могли только гадать. Почему же выбрали его, ведь у руководства были проверенные люди вроде Шпальча? Чанг Фу сокрушенно вздохнул. Все это не к добру. Теперь он и сам знал достаточно, чтобы стать мишенью для недоброжелателей. Знать бы еще кем они были и откуда ждать удара.

Наблюдая за тем, как Зайцев открывает дверь заслонки, вьетнамец испытал чувство надвигающейся беды. Будучи бойцом, он привык доверять своим ощущениям. Все-таки обходчик знал чересчур много для обыкновенного подлизы. Сейчас он вел его куда-то во тьму. Шагал уверенно и быстро, словно вышел на прогулку в парк. Последний раз, оглянувшись на перрон и на людей наблюдавших за ними, вьетнамец поспешил за проводником.

- Следуй за мной и помалкивай, – не оборачиваясь, распорядился Зайцев.
- Да, начальник.
- Я что сказал? Помалкивай!

Чанг Фу с раздражением посмотрел на стервятника. Чего он так разозлился? Зайцев в этот момент спустился по приставной лесенке в тоннель. В руке обходчика засиял фонарик. Яркий серебристый луч осветил тубинговые блоки и полосы кабелей. В темноте завывал ветер. Чанг Фу едва поспевал за ним. Чемоданчик со сварочным аппаратом оттягивал руку, но вьетнамец этого не замечал. Ему было страшно.

***

По прямому коридору Олег добрался до развилки. Отсюда он мог попасть в любой участок левого сектора. Он уже давно сошел с путей и сейчас гулял по техническим коридорам. Это место напоминало мифический лабиринт на острове Крит. Иногда, когда приходил состав, они относили грузы на специально оборудованные склады находившиеся здесь же. Широкий тоннель в левом секторе был один, но от него ответвлялось множество коридоров с заделами и помещениями для хранения стройматериалов. В первый же день Олег поразился количеству комнат и коридоров. Невозможно, чтобы все это было построено только для обслуживания рабочих строивших правительственный тоннель.

Прежде чем идти в архив, он решил вскрыть одну дверь, которую заметил еще давно. Они часто проходили мимо нее, когда носили материалы на склад. Дверь находилась в дальнем конце левого сектора, в том месте, где начинался обитый шумоизолирующими пластинами тоннель. Шаря лучом света по пыльным стенам, он переходил из секции в секцию, возвращаясь и снова углубляясь в них. Не было ничего предосудительного в том, что вместо обхода он занимался поисками двери. В конце концов, он исполнял свою обязанность – патрулировал сектор.

Под потолком тянулись кабели. На проводах свисали керамические патроны. На полу попадались обломки инвентаря, проржавевшие канистры, мотки проводов и прочий мусор. Олег точно помнил, что путь в запертое помещение находился где-то здесь. В действительности же он заблудился. Ниши со стройматериалами встречались на каждом углу. Заделы и пустые помещения с выбитыми дверьми были похожи друг на друга. Наконец он попал в широкий коридор, на конце которого темнела металлическая дверь.

- С возвращением, – вслух произнес солдат, направив луч света на грубый чугунный замок.

Встав на одно колено, Олег достал подходящий по размеру натяжитель с отмычкой и приступил к взлому. Расколоть его оказалось сложнее, чем он предполагал. Клиновский тяжеловес отличался от современных навесных замков, которые он видел на чердаках. Провозившись с ним пару минут, Олег все-таки смог заставить внутренний цилиндр повернуться. Раздался щелчок и замок повис на петлях. Убрав отмычки, он аккуратно снял замок и толкнул дверь плечом. Фонарик осветил пыльный кафельный пол. Помещение оказалось просторным, только потолок нависал очень низко.

Луч света скользнул по металлическим кроватям, стоявшим вдоль стен друг напротив друга. Кроме них здесь больше ничего не было. Повсюду, как и в коридоре, шумоизолирующие пластины. Олег прошелся по помещению, вдыхая затхлый воздух. У основания каждой кровати был прикреплен номер. Всего двенадцать цифр по числу пациентов.

Почему пациентов? Олег задумался. Учитывая то, сколько людей трудилось над прокладкой тоннеля, место для сна работягам выбирать не приходилось, следовательно, и кровати пронумеровывать не обязательно. Если были номера, значит, на каждой койке лежал конкретный человек. Поэтому помещение скорее смахивало на больничную палату, чем на комнату отдыха.

Воодушевленный выведенной теорией, Олег пошел дальше. Рядом с дальней кроватью он нашел еще одну деталь, пролившую свет на прошлое загадочной комнаты. Несколько пористых пластин на боковой стене отвалились. За ними темнела кирпичная кладка. Раньше это был внешний задел и в нем хранили стройматериалы. Судя по всему, его замуровали со стороны тоннеля, превратив в большое закрытое помещение. Значит, людей поместили сюда уже после того, как была проведена ветка правительственного метро.

Внимание Олега привлек блестящий предмет, закрепленный на толстой раме под койкой. Там висели два крепления с карабинами. Он сразу догадался для чего они. Интересно, зачем врачам потребовалось пристегивать людей к кроватям. Дотронувшись до карабина, Олег молниеносно повернулся. Его вдруг посетило странное ощущение, похожее на «дурной глаз». Довольно неприятно стоять в заброшенном помещении и чувствовать это, особенно если вспомнить слова Самоварова, утверждавшего, что за ним кто-то наблюдает.

Олег подбежал к двери и посветил фонариком в коридор. Никого. Да и кто тут может быть? Все свои сейчас на базе. Он был один в двухстах метрах под землей. Покинув палату, Олег поспешил в технический коридор. Теперь нужное место он нашел без труда. Первая же дверь, которую он решил взломать, была как раз в середине этого коридора. Повозившись с замком, он открыл дверь под номером один и посветил внутрь. Кругом была только пыль и голые стены. Вернув замок на место, он подошел к двери с цифрой номер два. Эта располагалась в глубокой нише, а на полу под ней отпечатались следы колес. Возможно, туда часто завозили медицинскую каталку или тележку. Третий замок Олег открыл еще быстрее. Все они были одной модели, довольно примитивной, если в ней разобраться.

Распахнув дверь, он увидел то, на что рассчитывал. Каталка стояла у противоположной стены, накрытая выцветшей клеенкой. Кроме нее внутри лежали два инвалидных кресла без колес. Значит, когда-то здесь была медицинская часть или даже лаборатория.

Он закрыл дверь и посмотрел на часы. Осталось тридцать минут. Потом Феликс проснется и начнет задавать вопросы. Следовало поторопиться. Олег спохватился, направив луч света в темноту. Ему показалось, что впереди было какое-то движение. Вскинув автомат, он подбежал к нише. Прицелился. Осторожно заглянул внутрь и опустил оружие. Никого. Снова появилось недоброе чувство, как будто кто-то смотрит из-за угла. Посветив в обе стороны коридора и убедившись, что он по-прежнему один, Олег решительно зашагал в архив. Столько раз тут гулял, и ничего подобного не случалось.

Миновав покрытый кафельной плиткой коридор, Олег завернул вправо. В первый раз во время дежурства он перепутал это место с аварийной лестницей, которая располагалась поблизости. Преодолев два десятка крутых ступеней, он поднялся в помещение с укрепленной металлической дверью. Это был тупик. Солдаты и сержанты сюда не ходили. Олег улыбнулся. На полу до сих пор виднелись следы оставленные им три месяца назад.

Взломав еще один клинцовский замок, он дернул за ручку. Дверь распахнулась наружу. Дальше была комната. Справа стол и стул. Впереди деревянная дверь с широким стеклянным окошком, забранном в решетку. У стен низкие деревянные стеллажи, забитые

папками и тетрадами. Олег подошел к столу и открыл лежавший сверху регистрационный журнал. Между страниц была заложена старинная перьевая ручка. Рядом стояла стеклянная чернильница в форме яйца Фаберже. Комната напоминала ему приемную в областной поликлинике – столько же пыли, грязи и старья. В журнале он увидел в основном даты, номера паспортов и подписи. Наверное, когда-то здесь сидел дежурный или архивариус. Олег перевернул последнюю исписанную страницу и присвистнул. В последней строке ровным подчеркиком была выведена дата: «10 мая 1967 года». Свое рабочее место этот служака покинул сорок лет назад.

Олег оставил журнал и взял первую попавшуюся тетрадь с полки. Внутри были номера дел, даты и подписи под ними. Трудно было хоть что-то разобрать. Чернила давно выцвели и стали напоминать водяные знаки. В любом случае, прошло сорок лет, и никому уже не было дела до того, что выносили из архива, и кто его посещал. Вернув тетрадь на место, он распахнул главную дверь.

Продолговатое помещение с сухим воздухом тянулось в темноту. В потолок упирались шесть старомодных стеллажей, снаружи обшитых листами фанеры, скорее всего, собранных на месте, потому как в дверь эти махины точно не пролезли бы. Олег положил фонарик на полку лучом в сторону выхода и достал набитую документами картонную папку. Внутри были несколько черно-белых фотографий. Группа людей в деловых костюмах на фоне выбеленного бюста Ленина. Потом снова эта же группа уже в парке. Потом двое пожимают друг другу руки на фоне знамени с надписью: «Академия наук СССР».

Несмотря на то что текст был набит с помощью печатной машинки, его качество, как и у чернильного письма, оставляло желать лучшего. Олег пробежал взглядом по первым двум страницам. Что-то о симпозиумах и конференциях. Ничего интересного для человека увлекавшегося фантастическими боевиками и оружием. Олег вообще не любил науку, исследования и прочую лабуду, предпочитая не засорять ею мозг. На то были скучные люди в очках вроде Феликса.

Вернув папку на место, он достал другую, ту, что была на предпоследней полке. Опять набор фактов. Что-то об исследованиях проводимых в Физическом институте. Олег небрежно запихнул ее между полок и раскрыл следующую. Теперь о переезде Академии наук из Ленинграда в Москву. Снова фотографии. Кабинеты и залы с важными людьми в костюмах. Олег покачал головой. И почему на таких фотографиях люди постоянно улыбаются? Вот он, к примеру, с приятелями на шашлыках действительно веселится. Там есть пиво и закуска, а тут двое держат пробирки на фоне таблицы Менделеева и сияют от счастья. Олег усмехнулся. Хотя если в этих пробирках водка, то почему – нет.

Достав последнюю папку, он попытал надежду еще раз, изучив ее содержимое. Тут говорилось о воздействии радиации на клетки и о генетике. Опять фотографии людей на фоне невзрачного здания соответствующего той эпохе, когда невзрачным было все. Надпись ручкой на обратной стороне гласила: «Институт генетики. Герман Мёллер в Москве». Генетика – это конечно круто, когда речь идет о фильмах, но в реальности очень скучное и медленное занятие.

Олег со злостью швырнул папку на пол. Листы и фотографии расплзлись по кафелю. Неужели он три месяца мечтал о том, чтобы копаться в подобной ерунде? Зануда Феликс был прав. Ничего, кроме заплесневелой бумаги, он тут не найдет. Вообще странно, что под землей устроили такое хранилище. Может его спрятали во время войны или от товарища Сталина. Олег слышал, что в советское время ученых чуть ли на фонарных столбах не вешали. Хорошо, что спрятали. Вот только зачем? Что тут может быть ценного? Это даже не исследования, а какие-то мемуары академии наук и ее членов.

Дойдя до противоположной стены, Олег увидел еще одну дверь. Пусть металлическая, но и она была не заперта. Те, кто запечатал архив, наверное, думали, что замка на внешней двери будет достаточно. Наивные. Олег толкнул дверь и заглянул внутрь. Комната за ней была поменьше. Сбоку один большой стеллаж. В центре стоял железный стол. В углу

раковина и тумбочка. Узкие столы, тянувшиеся вдоль противоположной стены, нагружены картонными коробками. Повсюду висели фотографии, на которых были запечатлены останки людей. Части тел. Руки и ноги. Головы размером с арбуз. Вывернутые из рассеченных животов внутренности и стальные зажимы, удерживающие лоскуты кожи распущенными, словно лепестки цветов.

– Класс! – вслух произнес он, разглядывая самую большую из них, демонстрирующую законсервированного в банке младенца.

Тут же на стене он заметил таблицы полные чисел и иностранных слов. Опять абракадабра. Почему ученые не умеют изъясняться общечеловеческим языком? Объяснили бы они в доступной форме все что знали, он бы понял, зачем здесь хранилище и не пялился на все эти иероглифы как пингвин на ледокол.

Олег положил фонарик на стол и взял с полки первую попавшуюся папку. Он был уверен, что найдет там очередной бесполезный набор хроник, но чем дальше читал, тем сильнее в нем разгоралось любопытство. Среди макулатуры обнаружилась стопка листов с докладами палеонтологов. В одном из них говорилось о какой-то окаменелости, найденной на месте прокладки тоннеля под Держинской площадью. Помимо беспорядочных заключений специалистов Палеозоологического института там был представлен такой абзац:

«...Методом радиоизотопного датирования, примененным от 3 декабря 1934 года, в ходе повторного исследования удалось сузить временной диапазон до 350-250 млн. лет. Согласно установленным данным, находка относится к одному из поздних периодов Палеозойской эры».

Впечатляет. Это даже больше, чем он искал. Завязывалась любопытная история в духе культового «Нечто»¹⁴. Бегло взглянув на часы, Олег перевернул страницу. В тексте было еще много интересного, но времени оставалось все меньше, поэтому он стал вычитывать только то, что считал полезным. Наконец попался матовый листок с отчетом высшей комиссии, нижняя часть которого была обведена красной ручкой.

«...На данном этапе не было зафиксировано никакой активности. Повторное комплексное исследование фоссилии от 5 ноября 1944 года опровергает первичные данные. Были зафиксированы процессы в соединительных тканях, отмечено наращивание массы экзоскелета. Формирование компонентов внеклеточного матрикса. Самопроизвольное ускорение продукции белка в организме объекта. Учитывая скорость, с которой происходит регенерация, С.В. Ларионов прогнозирует полное восстановление одних только коллагеновых волокон уже через 10-12 дней».

Олег почесал затылок и прочитал текст еще раз. Не совсем понятно, что хотела сказать высшая комиссия, но, судя по всему, окаменелость очухалась после долгой спячки. Звучит зловеще. Он пролистал всю папку, но фотографий этой штуки не нашел. Не было даже ее описания. Зато было указано место хранения – Северная Лаборатория № 12. К счастью, это точно не северная лаборатория, хотя бы потому, что тут не север. Если эта гадость и оживет, то не у него под боком. Олег опомнился. Если эта гадость и ожила, то, как минимум шестьдесят лет назад, и теперь могла быть где угодно.

Он прочитал последнюю страницу. Там снова говорилось о каких-то побочных исследованиях, но об окаменелости ни слова. Впереди был целый стеллаж, а времени до «дедлайна» пятнадцать минут. В принципе, десяти минут хватит преодолеть коридор бегом и отдышаться в каком-нибудь заделе, чтобы Феликс ничего не заподозрил.

Положив автомат на стол, он вплотную занялся архивом. Открывая папки и журналы, Олег внимательно изучал содержимое. Попадались фотографии ученых и странных

¹⁴ «Нечто», 1982 год. Реж. Джон Карпентер.

хирургических инструментов. Инструкции к приборам соседствовали с таблицами и химическими формулами. Вскоре от букв и цифр стало рябить в глазах. Где же полезная информация? Он стал бросать папки на пол, доставая и открывая все новые. Времени оставалось совсем мало. Наконец, когда под ногами образовалась целая куча, он добрался до деревянного ящика, который стоял на нижней полке. Там в двух отделениях лежали пятнадцать папок. Открыв первую папку слева, он увидел на титульном листе список из двенадцати фамилий.

1 – О.Т. Андропов
2 – В.В. Бирюков
3 – Д.Р. Герасимов
4 – А.С. Гордеев
5 – Б.С. Дьячук
6 – Э.П. Костюшко

7 – С.Я. Колосов
8 – В.И. Косматский
9 – Т.М. Немцов
10 – Н.Т. Суханов
11 – Р.П. Самарин
12 – И.Т. Субботин

Половину папки занимала какая-то ерунда. Постоянно в заголовках и сносках попадались два словосочетания: «Musca domestica» и «Hydra Linnaeus». Может, Бог и обделил его умом, но отличить латынь от английского языка он умел. Особенно знакомым словом ему показалась «Hydra». Смахивало на «Гидру». Речь шла не о мифическом чудовище, которое на болоте кромсал Геракл, а о реальном существе. В памяти еще остались школьные уроки по биологии. Кажется, живут в водоемах такие крошечные организмы похожие на столбики, увенчанные пучком щупалец. Учительница говорила, если их разрезать пополам вырастут две особи. Наверное, это и есть та самая гидра.

Олег перевернул страницу. Снова потянулись бессвязные отчеты. Просто набор непонятных слов: мускульные клетки, железы, хитин, энтодерма, регенеративные способности. Олег читал и морщил лоб. Какой-то справочник прогрессивного биолога.

– ...Отсутствует способность к размножению половым путем, – в слух для себя прочитал Олег одно из предложений, чтобы до конца его понять.

Это у кого такое? Написано – «объект». Наверное, опять про того уroda. Он прочитал дальше и покачал головой. Нет. Теперь уже объекты. Не могла же эта окаменелость размножиться. Наконец появилась новая фотография. Олег глянул на нее и поежился. На ней была та самая палата, в которую он недавно заходил. Двенадцать кроватей заняты пациентами. Руки и ноги большинства были пристегнуты к нижним рамам. У некоторых во рту чернели резиновые кляпы. Рядом с каждой кроватью дежурила покладистая медсестра, скрывавшая лицо под марлевой повязкой. Ближайшие к фотографу два пациента, слегка приподняв головы, с угрозой смотрели в объектив черными провалами, на месте которых должны быть глаза.

– Что за чертовщина, – прошептал Олег.

На обратной стороне была выведена дата 1966 год. Поспешно отложив фотографию на стол, он стал читать дальше. Потянулись отчеты, один красочнее другого. Почернение кожи, исчезновение волосяного покрова, высыхание слизистой оболочки, обесцвечивание сетчатки, деформация кишечника, смещение глазных яблок.

Олег читал и не понимал. Эти мутации происходили с разными людьми или с каждым из тех, кто лежал в той палате? Еще один параграф заставил его отвлечься и внимательно прочитать изложенное.

«...Наблюдается частичное наружное пищеварение. На данном этапе объекты уже не способны переваривать твердую пищу в желудке. Для продуктивного пищеварения требуется предварительное выделение соков из кишечных желез. Концентрация в слюне протеолитических ферментов, многократно ускоряющих гидролиз, гарантирует быстрое расщепление органики, как и в случае с образцами Musca domestica»

Олег напрягся, пытаясь грамотно расставить приоритеты. Получается, «объект» изрыгает из желудка какую-то дрянь, поливает ею кусок мяса, а потом все это съедает. На секунду представив обеденный стол, за которым пирует эдакое чудовище, Олег шумно сглотнул. Похоже, здесь была столовая для уродов. Это даже покруче «Сайлен Хилла». Ученые действительно народ ненормальный раз еще и пишут о таких мерзостях.

Отложив папку, он достал из ящика следующую. Кроме нее там была еще одна толстая стопка бумаг. Остальные двенадцать папок располагались в боковом отделении. Просмотрев несколько страниц с формулами, Олег стал быстро переворачивать листы, бегло изучая попавшиеся на глаза абзацы. Отмирание кожных покровов. Нарушенная пигментация. Полное отсутствие пигмента меланина. Внекишечное пищеварение. Выделение соков из кишечных желез.

Олег присмотрелся к оглавлению документа. Тут вообще о людях говорится? Вроде бы стоят фамилии: Гордеев, Самарин, Дьячук, Суханов... Те самые двенадцать фамилий. Может это ученые, проводившие эксперимент? Не обязательно ведь больные. Достав другую стопку листов, Олег разложил их на столе.

Первая же страница заставила его внимательно присмотреться. Сверху большими буквами было напечатано: «Побочные эффекты Сыворотки А71». Наконец снова появилась информация об объекте найденном под Дзержинской площадью. Его нашли первопроходчики во время прокладки тоннеля в марте 1934 года. Странно, но в 1944 году он уже упоминался не как окаменелость, а организм. Тут его почему-то называют по-английски «Crawler». Олег напряг память, но единственная ассоциация при упоминании слова «Краулер» возникала относительно серии игрушечных вездеходов.

Перетряхнув стопку листов, он пришел к выводу, что доктора проводили опыты с какой-то сывороткой созданной на основе материала полученного из человеческой крови. Предприняв попытку ввести ее в тела живых людей, они лишились десяти пациентов. Все-таки те двенадцать несчастных были подопытными. Более того – шахтерами. В одном из отчетов так и было написано: «...шахтеры 3-ей забойной бригады Гришева...» Переброшены с Урала для прокладки тоннелей метро. Выжили только двое: Роман Самарин и Виталий Косматский. Здесь же была папка с фотографиями. Снова медперсонал лаборатории и никаких пациентов. Зато появились изображения медицинских палат. Он увидел знакомый широкий коридор, покрытый кафелем и другие комнаты уставленные мебелью. У входа в архив за столом сидел мужчина в белом халате. Пациент в инвалидной коляске и медсестра рядом с ним. Буфет, где повариха держала поддон с тарелками. Раньше тут было уютнее. Повсюду сияли лампочки, в комнатах отдыха мягкие кресла и автоматы с минеральной водой. В хорошо освещенных коридорах стояли скамейки и фикусы в массивных кадках.

Наконец он наткнулся на информацию пролившую свет на судьбу загадочной окаменелости. Было решено заморозить организм и поместить в непроницаемый контейнер. Уже легче. Правда, контейнер этот находился в Восточной лаборатории № 1. Очень похоже, что именно здесь. Может и сейчас стоит в одной из запертых комнат внизу. От одной мысли об этом Олег ощутил дрожь в коленях. Даже если этот «Краулер» был крошечным зверем или паразитом, он стал причиной гибели десяти человек, следовательно, был очень опасен, может быть даже заразен. Несомненно, все началось именно с него.

Собрав листы со стола, он сложил их в папку и убрал в ящик. Пора возвращаться на базу. Десять минут бегом по коридорам. Глянув под ноги, Олег утомленно вздохнул. Не было времени поднимать остальное. Пусть бумаги валяются, все равно он закроет дверь и сюда никто не войдет.

Ради интереса он достал одну из тех папок, что лежали в боковом отделении, до которых он не успел добраться. На ней крупными буквами было написано:

Похоже, здесь содержалась информация о пациентах. Олег развязал узелок и открыл папку. К титульному листу скрепкой бы прикреплен старинный советский паспорт. Осмотрев тонкую зеленую книжечку, Олег обнаружил внутри выцветшую фотографию Суханова. Это был плечистый мужчина с гладко выбритым лицом и короткими светлыми волосами. Внешне шахтер напоминал ему отца. Дата рождения – 23 октября 1899 года. Олег присвистнул. Настоящий антиквариат. Один из первых советских паспортов. Он бы мог неплохо заработать на этих книжечках.

Прикрепив паспорт на место, Олег перевернул несколько листов и застыл. Уголок его рта чуть заметно дернулся. Напряженный взгляд устремился на то, что многие годы скрывал кусок картона. Он нашел те самые фотографии. На них был Суханов, вернее то, чем он стал после введения Сыворотки А71. На каталке покрытой белой простыней как будто лежала высохшая головешка. Складывалось впечатление, что шахтер обгорел или подвергся воздействию радиации. На его теле не было живого места. Вытянутую человеческую фигуру с ног до головы покрывали язвы и струпья. Губы отсутствовали, обнажив белые зубы верхней челюсти. Нижняя челюсть была непостижимым образом деформирована, словно ее раздавили и склеили заново. На распухшей голове ни единого волоса. Лишенные век глазные яблоки близко посажены друг к другу. Как отличалось это чудовище с безумным искривленным судорогой лицом от того спокойного человека, которого он видел на фотографии в паспорте.

Посмотрев на другие фотографии, он поспешил спрятать их обратно в папку. Читать о метаморфозах, которые так подробно расписывали педанты-ученые, было выше его сил. Напоследок он все-таки достал дела Самарина и Косматского.

Время поджимало. Сейчас он уже должен был бежать по коридору, и задержка сильно его нервировала. Внутри нарастало волнение и страх. Сравнив две папки, он поразился их размерам. Может, оба шахтера и выжили, но Косматский, судя по количеству собранных о нем данных, оставил Самарина далеко позади. Плотная кипа документов едва помещалась в папку.

Олег заметил еще одно отличие. Паспорта были прикреплены скрепками к титульным листам каждой папки и отсутствовали только в делах Самарина и Косматского. Эти двое, судя по всему, выписались. Интересно только, кто их отпустил?

Развернув большой конверт, Олег извлек оттуда фотографии. Глаза его округлились, когда он увидел шахтера. На кровати лежал бледный человек с гладкой почти прозрачной кожей. На собранных в кучу подушках покоилась его неестественно большая голова. Существо чем-то напоминало пришельца, которого вскрывали американские ученые на военной базе Розуэлл. Внизу была знакомая фраза: «...потеря пигмента меланина». Кожа Самарина действительно была подобна мрамору – чистая и бледная. Полная противоположность морщинистой корке, коей был покрыт Суханов. Если шахтерам и ввели какую-то сыворотку, то на каждого она подействовала по-разному.

Открыв папку с делом Косматского, Олег пробежал глазами по отчетам и цифрам. Госпитализация Косматского произошла 25 марта 1934 года. Получается, исследования велись еще до отечественной войны. Как-то рановато для СССР. Он всегда думал, что в стране в то время только колхозы да тракторы развивались. Получается, Косматского привязали к больничной койке еще в 34-ом. Какой напрашивался вывод? Олег еще раз посмотрел на зловещую фотографию палаты лежавшую на столе рядом с автоматом. Значит, согласно дате на обратной стороне, Косматский провел на этой койке как минимум тридцать лет!

Олег перевернул листы на последнюю страницу, рассчитывая найти что-нибудь полезно о судьбе шахтера, но там перечислялись изменения, проходившие в организме пациента во время последнего обследования.

- Увеличение объема черепной коробки... – вслух прочитал Олег, потрепав копну каштановых волос.

В этой папке тоже был конверт с фотографиями, и он достал одну. Глаза его округлились, и он швырнул ее на стол вместе с папкой. Шоу уродов окончено. Это круче чем «Обитель зла». Там хотя бы мутанты были красивые.

Посветив фонариком в проход между стеллажами, где на полу валялась стопка бумаг, Олег задержал на ней взор. Чтобы полностью во всем разобраться потребуется время. Ясно одно – обедать он сегодня точно не будет. А вообще интуиция не подвела. На месте базы действительно располагалась лаборатория, но что еще важнее – в ней проводились запрещенные исследования. Страшно представить, что людей здесь истязали и мучили многие годы. Сколько боли и страданий впитали эти стены. В любом случае, весь этот кошмар был далеко позади. От лаборатории остались кучи бумаг и двое выживших, судьбы которых были покрыты мраком. Что стало с Косматским и Самариним? Почему нет их паспортов? Куда пропала эта «ожившая окаменелость»? Необходимо во всем разобраться, иначе он просто не сможет спокойно спать.

Внимание солдата привлек какой-то звук. Это было очень далеко, судя по эху на другом конце технического коридора и все же... Застыв на мгновение, он схватил автомат и сорвался с места. Фонарик освещал ступени под ногами. Потом их сменил кафель, а затем и бетон. Он бежал по коридору так быстро, как только мог, вслушиваясь в далекие крики.

***

Застыв на пороге школы, Костя почувствовал, что его ноги начинают неметь. Очень важно было сделать еще один шаг, чтобы не застрять в дверях, но силы внезапно покинули его. С теми, кто стоит на пороге обычно не церемонятся. Всегда приходится выбирать – или войти или выйти. Нельзя просто сохранять нейтральное положение, с такими людьми тоже не церемонятся.

Костя сделал над собой усилие и вошел. Пустой холл вмиг наполнился людьми. Повсюду были одни женщины, всех возрастов, форм и размеров. Даже старый охранник у входа и тот сменил пол, превратившись в голубоглазую брюнетку, строгую и требовательную. В руке у хранительницы школьного очага была дубинка, которой та стучала по ладони.

– Ну что встал, четырехглазый? Тебя ждут.

Костя не стал спрашивать, кто именно. Он и так знал. Проследовав по коридору в сторону кабинета директора, терпя презрительные взгляды со всех сторон, он подошел к двери и постучал. Ответа не последовало. Костя постучал еще раз. Дверь в кабинет была приоткрыта. Директор наверняка была там, просто, как и остальные люди, хотела над ним поиздеваться. Наконец раздался суровый голос:

– Да.

Одно единственное слов из двух букв. Большого, по ее мнению, он был не достоин. Костя немедленно вошел в кабинет и извинился. Все равно за что, лишь бы опять не кричали и не таскали за волосы. Директор и завуч часто оставляли его после уроков. Когда школа пустела, женщины заводили его в кабинет и принуждали наряжаться в платье. Иногда, когда у них было плохое настроение, заставляли ползать на четвереньках и гавкать.

Оглянувшись, Костя заметил десятки любопытных глаз наблюдавших за ним из-за приоткрытой двери. Спешно затворив ее, он проигнорировал доносившиеся оттуда угрозы. Раздалась барабанная дробь. В столешницу вонзились острые ногти. Костя посмотрел на привычное место, где его обычно поджидала мучительница, и ахнул. За широким дубовым столом сидела старуха в кружевной шале.

– Это не вы, – вымолвил Костя, с испугом и удивлением глядя на цыганку.

– Что значит я – это не я? – переспросила старуха скрипучим голосом. – Это я.

– Вы не директор.

- Я директор, – ответила та, не переставая барабанить пальцами. Широко улыбнувшись, цыганка оскалила ряды золотых зубов. – Садись. Нам надо поговорить.

Костя выполнил ее просьбу, заняв мягкий стул с откидной спинкой напротив стола. Цыганка достала из верхнего ящика швейцарский перочинный нож и положила перед Костей. Оружие чем-то напоминало «Чинное перо», только образец казался более старым, и приспособлений в него было включено меньше. Паренек в недоумении посмотрел на дарительницу.

- Бери. Он твой.
- Спасибо, но я не ношу оружие. Мне мама запрещает...
- Врешь.

Старуха уставилась на него одним единственным глазом. Вьющиеся седые волосы ниспадали на лицо. В руке у ведьмы появилась золотая цепочка с хрустальным шариком на конце.

- Ты пронес в школу нож и нарушил правила. Более того, из-за тебя уволили директора. Что ты скажешь в свое оправдание?
- Простите, пожалуйста, – заплетаящимся языком промямлил Костя. – Я не помню. Не знаю, как это получилось...
- Как новый директор я обязана исключить тебя из школы. Твои родители уже извещены.

Цыганка стала вращать цепочку под носом у Кости, норовя попасть шариком по лицу. Паренек вжался в спинку кресла, но шарик неумолимо приближался.

- Пожалуйста, не надо. Я ведь никому ничего плохого не сделал.
- Врешь! Ты ненормальный, одинокий, озлобленный на весь мир щенок!
- Я буду хорошо себя вести.
- Хорошо? – цыганка расхохоталась. – Ты состоишь на учете в милиции! На тебя жалуются родители учеников. Если это хорошо, что же будет, когда ты поведешь себя плохо?
- Вы обо мне сейчас говорите? – в шоке выпалил Костя.

Он понятия не имел, кто совершил все эти злодеяния и почему в них обвиняют его. Родители часто повторяли слова психолога, мол, их сын инертен, некоммуникабелен и замкнут. Чтобы совершить подобное он, наверное, должен был слететь с катушек, разом избавившись от всех мнимых комплексов, которые в нем нашли врачи.

- Да вы что! Вы меня с кем-то спутали. Спросите мою маму. Она вам скажет. Я боюсь людей и близко к ним не подхожу. Я даже в школе давно не учусь и сижу дома. Честно!
- А это не твое? – Цыганка указала на нож костлявым пальцем. – Не твое оружие?
- Нет! – Костя увернулся от шарика сделавшего последний зигзаг перед носом и вскочил. Сердце в груди бешено колотилось. Тело покрылось испариной. За дверью раздались гневные возгласы. Толпа женщин готова была ворваться внутрь.
- Ты клянешься, что этот нож видишь первый раз в жизни?
- Да!

Стук в грудной клетке звучал все громче, словно туда зашили дятла. Костя пытался к стене. Цыганка вышла из-за стола, продолжая наматывать на палец цепочку. Ее босые морщинистые ноги с вросшими ногтями медленно ступали по ковру. Седые волосы колыхались на ветру.

- Я тебе не верю, щенок. Думал, сможешь уйти от наказания?
- Да за что вы меня наказываете? Я ни в чем не виноват.

Стук сердца заполнил всю комнату. Дверцы шкафа за спиной у Кости распахнулись, и оттуда выскочила темная фигура. В руке у незнакомца была кирка. Блестящее кайло сверкнуло в свете люминесцентных ламп и вонзилось ему в грудь. Раздался хруст. Сердце

остановилось. Кабинет погрузился во мрак. Откуда-то из пустоты раздались куплеты любимой песни, которую он слушал вечером, перед тем как пришел Дима.

Любовь причиняет боль
Любовь разрывает шрамы
Любовь промывает мозги
Наносит увечья и раны

Лишь черствые сердцем способны любить
Со стойкостью лгать и без совести жить
Кто помыслом чист и нежность хранит
Тому любовь дарит могильный гранит

Удел всех глупцов полюбивших всерьез, –
Быть смытыми в пропасть потоками слез
Как черная туча, любовь холодна
Страданье и боль причиняет она¹⁵

Костя открыл глаза. Он сидел среди камней, облокотившись спиной об гладкий нарост, выступавший из стены. В противоположном конце пещеры находился замурованный лаз. Кажется, они попали сюда совсем недавно. По крайней мере, Дима и Василий были на тех же местах, как и в тот момент, когда он заснул. Дима по-прежнему сидел за соседним валуном и смотрел на луч света, падавший на Василия.

- Свети выше, – попросил тот, доставая из спортивной сумки целлофановый пакет с монетами.
- Может, сядешь поближе?
- Ага. Чтобы ты стырил мои деньги. И так неплохо.

Василий копался в сумке, извлекая оттуда всяческий мусор найденный в пещере за водопадом. В основном его интересовали кошельки. Сейчас у верзилы в руке была приличная пачка купюр, и сумма в ней продолжала увеличиваться.

Глядя на ползущую по полу многоножку, Костя постарался вспомнить подробности сна. Что за ерунда ему приснилась. Большинство снов не поддаются логике, но только не в этом случае. Костя был уверен, что в нем есть смысл. Почему ему все время снится эта старуха? Он ни разу не общался с цыганами, в кино их видел редко, в интернете вообще не замечал. Ученые утверждают, что во время сна в сознании проецируется только то, что ты увидел или испытал за день или даже за всю жизнь. Костя тихо застонал. Ну и где здесь логика?

Достав из кармана штанов перочинный нож, он разложил самое длинно лезвие и стал пристально на него смотреть. Слишком неудобный, чтобы нанести им серьезный вред и тем более убить. Он нашел его на полу в пещере. Маньяку «Чинное перо» было ни к чему. Чего нельзя сказать о Косте. Приятно снова носить его при себе, обрести чувство защищенности. Только на него он мог положиться. Кусок стали не предаст, не станет издеваться, не оскорбит и боль причинит только в том случае, если обладатель будет неосторожен. Как сказал отец Конана в известном фильме¹⁶: «Ни мужчине, ни женщине, ни зверю доверять нельзя. Верить можно только мечу».

- Думаю, пора пожрать, – произнес Василий, с удовольствием спрятав тугую пачку банкнот в карман, и вытащил из сумки консервную банку.

Достав нож, он стал быстро и аккуратно ее вскрывать, словно занимался этим всю жизнь. Поймав взгляды спутников, Василий пожал плечами.

- Мы с пацанами раньше часто ездили на идеологические сборы в леса.

¹⁵ Перевод песни шотландской рок-группы Nazareth «Love Hurts» – «Любовь причиняет боль».

¹⁶ «Конан-варвар», 1982 год. Реж. Джон Милиус.

- Здорово. Дай и нам пару, – попросил Дима.
- Бог подаст.

Воцарилось молчание. Дима умолк, пытаясь понять, шутит тот или нет. Василий, как оказалось, не шутил. Просто продолжал методично вспарывать ножом крышку банки. Его мясистые губы постепенно растягивались в улыбке.

- Не знаю как вы, а я умираю с голода.
- Посмеялся и хватит, – строгим голосом произнес Дима, положив фонарик на пол. – Поделись. Мы есть хотим.
- А кто смеется? Я брал консервы и тащил их тоже я. Они мои.

Дима пристально на него посмотрел и вдруг резко встал. Василий это заметил и бросил им помятую банку Плоский цилиндр заскакал по камням, приземлившись у ног Кости.

- Воистину, твоя милость не знает границ, – произнес Дима, поднимая порцию консервированной горбуши.
- Всегда пожалуйста.

Василий открыл банку, на которой были изображены две кильки. Коснувшись носом зазубренного края, он сразу ее выбросил. Тухлятина. Та же участь постигла тушенку, сайру, тунца и паштет. Вскрывая шестую банку, Василий с усмешкой глянул на спутников. Дима и Костя терпеливо наблюдали за ним.

- Эх, скорей бы вернуться домой, – мечтательно закатил глаза Василий. – Первым делом помоюсь, пожру, покурю и как следует выплюсь. Потом позвоню своей девушке и договорюсь на вечер. Потом встречу с пацанами. Кокнем какого-нибудь чижики в парке, потом...
- Потом тебя посадят, и твоей девушкой станет здоровенный пахан по имени Валя.
- Опять нарываешься, предатель! Ты что мазохист?
- Опять угрожаешь? – вздохнул Дима, прислонившись затылком к холодной стене. – Все еще надеешься, что я тебя испугаюсь? Один совет: в следующий раз, когда будешь бить, сделай это так, чтобы я почувствовал.
- Никак не пойму, в кого ты такой дерзкий. Впрочем, это уже неважно. Я вас еще встречу. Обоих. Особенно эту бабу.

Василий прицелился и запустил камешком в паренька. Спрятавшись за валун, Костя стиснул лезвие. Ему вдруг захотелось пустить его в ход. До сих пор в голове не укладывалось, какое право имел этот бритоголовый качок оскорблять и бить людей. Если жертва терпела удары – он ее презирал, если давала сдачи – он ее ненавидел. Таких идиотов Костя даже в самом паршивом кино не видел. Непонятно, зачем Василий вообще существовал и чего хотел добиться. Очевидно только, что собственного мнения у него не было.

- Пошел ты, козел, – полушепотом произнес он.

Паренек острожено выглянул из-за камня и вздрогнул. Василий и Дима смотрели на него. Они все слышали.

- Офигеть! Голосок прорезался, – даже обрадовался верзила, проведя большим пальцем по лезвию ножа. – Слабо подойти и повторить?
- Сено к лошади не ходит...
- Да ладно? Ну, я не гордый, сам подойду.
- Прекратите вы оба! – потребовал Дима. – У вас короткая память? В прошлый раз мы чуть не погибли.
- Ладно. Позже разберемся. Сиди-ка ты лучше дома, звереныш, – махнул рукой Василий, выбрасывая очередную банку.
- Не знаю, выберемся мы или нет, так что попридержи лошадей.
- Ты обязан это сделать, – прохрипел Василий, запустив в него тухлятиной. – После побега ты мне вообще-то жизнью обязан!

Банка шлепнулась в метре от Диминой ноги. Содержимое цвета собачьих экскрементов выползло на пол. Василий уже успел разбросать половину продуктового запаса по

пещере. Его стараниями под каменным сводом пробудились ото сна ароматы протухшей рыбы, салата, икры и заплесневелого паштета.

- Во-первых, лично тебе я ничего не должен, – доходчиво объяснил Дима. – Должен Косте, которого завел сюда. Ты попал в пещеры по собственной глупости и благодарить меня должен, что я согласился взять тебя с собой. Во-вторых, этот живодер, скорее всего, попытается напасть еще раз. Поэтому тебе лучше уяснить правила игры раз и навсегда. Мы все равны и должны помогать друг другу.
- Слушай, ты ведь нормальный пацан. Почему защищаешь этого четырехглазого придурка? Никак не пойму, что между вами общего?
- Он сильнее, чем ты. Он никогда не захочет легких денег, не станет никого гнобить и не предложит монголоидным голосом пивка для рывка, – твердо произнес Дима, припоминая повадки собственных друзей.
- Потому что девственник.

Василий расхохотался, наспех разрезая последнюю банку. Чертовы консервы оказались сплошь тухлятиной. Одни вздулись, другие заржавели, третьи вовсе пролежали нетронутыми лет сорок.

- Интересно, что эта гнида жрет? У него даже хавчика нормального нет.
- Ты сам видел, что лежало в той миске. Наверное, это и жрет. На закуску может нами полакомиться.
- Да брось.

Василий брезгливо поморщился. Сам-то он был убежденным гурманом. Не по велению сердца, а по долгу службы, считая личным унижением пробовать стряпню других народов. Кроме блюд традиционной русской и немецкой кухни он не признавал иной пищи. Тот, кто предлагал ему чебурек, шаурму, самсу и прочие отбросы непонятного происхождения, рисковал подавиться собственными зубами.

- Почему же шучу? Три раза в день подниматься наверх за хот-догами было бы накладно. Может, пора разобраться с кем мы имеем дело и чего он хочет? Это нам сильно поможет.
- Там наверху мы особо не парились над тем, кто наши враги и какие у них планы на будущее, – ткнув ножом в свод пещеры, произнес бритоголовый парень. – Пришел, увидел, победил. Если еще раз встретим этого бича, предлагаю навалиться разом и прикончить.
- Значит, ты веришь, что это человек?
- Конечно. Кто же еще?
- Ты видел его глаза? Они большие и бледные, как у рыбы.
- Это маска. Когда я его бил, звук был такой, словно луплю покрышку.
- Носить маску в пещерах – самоубийство. У него все лицо в бинтах и голова, как арбуз. Наверное, страдает от опухолей.
- То, что он урод и так понятно.
- На полноценного человека он точно не похож. К тому же он жил здесь не один. Их было как минимум двое.
- Откуда ты знаешь? – удивился Василий.
- У меня есть глаза. Череп в могиле, которую мы нашли, был огромный. Возможно, там лежит его брат. Это могли быть близнецы, родившиеся с отклонениями. – Дима напрягся, вспоминая детали. – Еще он носит рабочий комбинезон, сигнальный жилет, перчатки и балахон. Имеет при себе переносной арсенал. Прекрасно ориентируется в темноте. Ловко карабкается по стенам. Наверное, и плавать умеет.
- Зачем ему в пещере сигнальный жилет? Боится под машину попасть? – перебил его Василий, обнюхав и выбросив последнюю банку.
- Это же очевидно. Он охотится наверху. А что выше? – Дима выдержал паузу. – Метрополитен. В тоннелях метро его издали принимают за своего. Я заметил в пещере много спецодежды. Значит, среди жертв есть работники метро. На поясе у

него связка ключей или отмычек. Наверное, так он перемещается по служебным коридорам и лестницам.

- Какой ты наблюдательный.
- Я дважды боролся с ним. Не знаю, как это объяснить, но впечатление такое, словно на худого человека надели костюм плюшевого медведя. Он кажется огромным, но внутри как будто одни кости. Странно.
- Вместо того чтобы щупать этого урода, мог бы его прикончить, – оборвал верзила, с надеждой поглядывая на банку в руках паренька.
- Если ты не смог, куда уж мне.

Василий уловил насмешку, но достойный ответ так и не смог придумать. Костя тем временем разрезал банку с помощью встроенной в нож открывалки. Почувствовав запах свежей горбуши, Дима и Костя улыбнулись. Василий подобрался ближе, наблюдая, что будет дальше.

Дима позволил другу подцепить первый ломоть. Костя с наслаждением прожевал сочное мясо, а затем передал банку ему. На глазах у Василия они стали отправлять в рот кусок за куском, с наслаждением причмокивая. Верзила терпеливо ждал своей очереди, но завтрак продолжался на две персоны. Тогда Василий выхватил банку из рук Кости и высыпал в рот все, что там было.

- У тебя совесть вообще есть? – нахмурился Дима.
- Это моя банка, – прокомментировал Василий, облизывая липкие пальцы.
- Но ты же сам ее нам подарил, – звонким голосом произнес Костя.
- Заткнись, четырехглазый, – огрызнулся Василий, не обращая внимания, что очков на пареньке давно нет. – Мы все обязаны делиться. Можете забрать. Мне она больше не нужна.

Он швырнул им пустую жестянку. Дима встал и решительно шагнул навстречу громиле, вперив в него полный презрения взгляд.

- Свинья!
- Следи за базаром, предатель.
- Сколько у тебя в сумке осталось воды? – Дима показал ему свою фляжку. – Береги ее. Больше не получишь ни капли.
- Захочу, возьму сам.
- Только попробуй.
- Кто меня остановит? – надменно ухмыльнулся верзила. – Ты? Может быть, твой любовничек? Имей в виду, я терплю эту девочку только по доброте душевной. Если будешь возникать, мне придется ее отшлепать.
- И часто ты людям угрожаешь?
- Ты не понял? Я всегда получаю что хочу! Нужно жить правильно, как настоящие пацаны. Из-за таких вот слюняев-гуманистов в свое время уничтожили великую идею. Не хватило вам ума понять, что настоящие патриоты сражались на германском фронте!

Менторский тон окончательно вывел Диму из себя. Василий важно вскинул подбородок. Лицо густо покраснело. Дыхание участилось. Пухлые губы вздрагивали от волнения. Было что-то жуткое в той слепой убежденности, которую ему когда-то внушили, и которую с тех пор он сам старательно в себе укреплял.

- Только посмотри на себя. Кем ты стал? Давно пора с настоящими пацанами знаться, а ты взял себе в друзья сопливую шавку. Сидишь тут, нюни распускаешь: мой товарищ в беде не бросит, пиво не пьет, – передразнил Василий мерзким голосочком. – Нужно было оставить этого нытика в клетке. Лежал бы сейчас дома с теплой бабой под теплым одеялом. Ты только посмотри на него. Какая нам от него польза. Что он сделает для страны в будущем?
- Стоп! Я все понял. Знаешь, а ведь ты прав, – горячо заверил Дима.
- Серьезно? – первый раз по-настоящему улыбнулся Василий.

- Ага. Твои слова для меня как просветление, – на глазах у изумленного Костика продолжал расхваливать зардевшегося верзилу Дима. – Я только сейчас все понял. Во всем виноваты такие как он. Костян, ты позор нашей нации! Смотри, вот настоящий мужик – символ завтрашнего дня, эталон борца за национальное единство.

Он демонстративно представил опешившему товарищу крупную фигуру Василия. Последний даже выпрямился, расправив могучие плечи.

- Зачем нам лихачи-таксисты, рынки с дешевым китайским тряпьем и овощные ряды с гнилыми помидорами? Зачем стране дворники, строители и мойщики сортиров из зарубежья. Они же занимают наши с тобой рабочие места! – Дима специально сделал ударение на слове «наши». – Не знаю как ты, а я бы с радостью пошел мыть сортиры, если это поможет возродить страну. Пора нам навести здесь порядок. Что скажешь?
- Правильно! Я и сам об этом постоянно думаю, – горячо поддержал Василий, постепенно проникаясь глубоким уважением к смелому реформатору.
- Хватит сидеть! Собирай завтра пацанов. Я займу кресло президента, а ты пост министра обороны. Попробуем оцепить Москву танками. С воздушным пространством будет труднее, но уверен, мы справимся. Потом вызовем спецназ и пустим его на зачистку Черкизовского рынка. Ты возьмешь пять подразделений ОМОН и обойдешь теплотрассы вокруг МКАД. Потом позвоним Джорджу Бушу с просьбой одолжить национальную гвардию для крупномасштабных действий во всех регионах страны...

Дима продолжал разрабатывать и дополнять программу тотальной чистки, но Василий больше не улыбался, только как-то холодно на него смотрел. С каждым новым «изобретенным планом» он дышал все тяжелее. Белки глаз наливались кровью. Пальцы, скованные судорогой, часто сжимались, готовясь вцепиться в мягкое горло. Дима не умолкал. С помощью напалма по средствам российской авиации он отчистил Кавказ от террористов и теперь переключился на тему глобальной чистоты крови, для которой, по его словам, потребуется переливание славянской плазмы во все живые организмы планеты, включая дроздофилов.

Слишком поздно он заметил метнувшийся к нему плечистый силуэт. Схватив парня за горло, Василий со всей силы ударил его об стену. Свалив противника на пол, он попытался сломать тому нос, но получил по собственному. Дима изловчился и, просунув ногу между камнем и коленом Василия, наклонился вправо и повалил верзилу.

- Теперь он виноват в том, что на свет родился? Фашист чертов! Не тебе решать, кому жить, а кому умирать! – сквозь зубы процедил Дима, удерживая огромный кулак на расстоянии от лица.

Василий с ревом вскочил. В этот рывок он вложил все силы. Схватив Диму за горло и ногу, он поднял его над головой и, протаскив по воздуху, швырнул на камни. Хватка ослабла. Дима потерял сознание. Василий ударил его ногой раз, потом другой.

- Нет! Не надо, пожалуйста! – завизжал Костя.

Обхватив обеими ручонками бицепс верзилы, паренек попытался утянуть конечность в сторону, за что получил сокрушительный удар в челюсть. На самом деле Василий стукнул не сильно и сделал это левой рукой, но Косте удар показался чудовищным. Рухнув на камни с высоты собственного роста, он запрокинул голову и застонал. Сознание помутилось. Камень перед глазами поплыл. Ему вдруг почудилось, что в глубине пещеры копошится огромная кошка с облезлым хвостом. Посмотрев на него, она схватила выпавшие из банки кильки и скользнула во мрак.

- Ну что, предатель? Теперь чувствуешь! – прогремел во тьме голос. – Почувствуй сладость жизни!

Последовала серия глухих ударов. Это Василий мутузил обездвиженное тело своего врага. Бил долго и с наслаждением, до тех пор, пока кровь не стала пузыриться, вытекая

из разбитого носа. Увидев красную пенистую массу, ползущую по дрожащей губе, верзила издал волнующий стон, победоносно потрясая волосатыми ручищами под сводом пещеры.

В спину победителю вонзилось лезвие. Василий вскрикнул и весь осел на пол. Утирая окровавленное плечо, он опустил на карачки и пополз прочь, не переставая бормотать. От страха он совсем забыл о собственном ноже. Ему показалось, что вернулся убийца. Увидев за собой тошную фигурку, Василий немного успокоился. Напрасно. Зрачки паренька расширились. От напряжения на лице дрожал каждый мускул. В руке у Константина Немоляева был перочинный нож. Им он замахнулся на визжащего от ужаса врага.

- Ты пошлый лох! – в истерике закричал Костя с таким страшным видом, что любой маньяк испугался бы. – Я не баба, а ты сейчас сдохнешь, козел!
- Костян, ты чего? Не надо, пожалуйста. Я больше не буду. Я лох, да, я лох, – оправдывался Василий, сжавшись в комочек на холодном полу.
- Я тебя ненавижу!
- Я сам себя ненавижу, но, пожалуйста... – верзила разревелся словно ребенок, закрывая лицо руками.

Константин выронил «Чинное перо» и вернулся на прежнее место. Василий поспешил достать собственный нож и, вытирая слезы, бросился на беззащитную жертву. Паренек сидел не шелохнувшись, с безразличием наблюдая, как над головой поднимается ржавое лезвие. Последовал новый удар. На этот раз ногой под колено. Опрокинув верзилу на валуны, Дима запрыгнул сверху, заломил тому руку за спину и несколько раз наотмашь саданул кулаком по мясистому лицу. Василий тотчас присмирел.

- Слушай внимательно. По твоему признанию мы теперь оба знаем, что ты лох. Тебе угрожал слабый парень никогда не державший в руках оружия, а ты плакал как маленькая девочка. Весь твой героизм заключается в количестве друзей. Уверен, что в компании настоящих пацанов ты как овца молчишь. Таким образом, благодаря этому познавательному для твоей высокой самооценки уроку, мы уяснили, что ты самый последний лох, трус, слабак и просто убийца. В следующий раз толкай свои праведные речи в зоопарке у клеток с обезьянами. С ними у тебя больше родства, чем с родом человеческим. Ты понял меня, животное?

Он последний раз с силой вогнал кулак в пухлую щеку. Василий утвердительно хрюкнул. Дима сделал это на всякий случай, чтобы опущенный не вздумал еще что-то сказать.

Костя не слышал произнесенных товарищем слов. Его взгляд был обращен на нож лежавший в луче света. Кровь, застывшая на блестящем лезвии, напоминала рубиновую жилу. Что-то сломалось в нем. Как будто лопнула взведенная до отказа пружина. С этим чувством подобно удару большой воды на него обрушился поток воспоминаний. Пролитая кровь заставила его вспомнить.

История была стара как мир. Первый месяц в шестом классе... Костя увидел себя за партой. К ним перевели новенькую. Очень красивую девчущку со светлыми вьющимися волосами. В то утро он впервые ощутил странное напряжение между ног, которое теперь периодически появлялось во сне. Его тянуло к существу противоположного пола. Это была страсть, и она принесла горькие плоды. Костя увидел окровавленный нож – его первое «Чинное перо», которое он пустил в ход от страха.

- Хочешь узнать правду? – раздался в голове знакомый голос *Deus ex machina*.
- Опять ты.
- Я могу помочь тебе навсегда расслабиться.
- Не уверен, что мне это нужно.
- Если узнаешь правду, я перестану тебя преследовать.

Костя кивнул сам себе. Напрягшись, он вспомнил события того рокового вечера. Спустя месяц он набрался смелости и подошел к девочке. Следовало сделать это, когда та

была одна, потому что три ее новых подруги немедленно подняли его на смех. Костя давно заметил, что девчонки ведут себя как гопники. По одиночке стараются на глаза не попадаться, и только сбившись в стаю, могут кого-то высмеять или унижить. И его унизили. Высмеяли так, что у него кровь из носа пошла, но самое страшное началось потом. На следующий день о «сватовстве», как они это называли, узнала вся школа. Все вокруг шептались и показывали на него пальцем. Даже лучшие друзья, по любому поводу подкалывали его. Странно, как с виду незначительные события дают толчок к развитию других, более глобальных и разрушительных. Он сделал шаг и произнес несколько слов, сам того не подозревая, запустив цепную реакцию, нарушившую привычный ход вещей.

С тех пор он стал замыкаться в себе. Постепенно все забыли о его поступке, но это не принесло облегчения. За неуспеваемость и прогул уроков его часто стали вызывать в кабинет директора. Там он столкнулся с новыми проблемами. Директор была чудовищем. Ходили слухи, что от нее даже муж сбежал. Однажды после уроков эта властная женщина позвала свою подругу – завуча. Вместе женщины стали называть его «Гришей». Так завали умственно отсталого сына директора, учившегося в той же школе в классе коррекции. Уставший от бесконечных тревог и неожиданностей, Костя уже не понимал, что происходит. Сначала дамы заставили его нарядиться в платье. В другой раз оттащали за волосы, словно он был куклой какой-то. Бил по пальцам линейкой и зачем-то принуждали пить воду из-под крана. Со временем Костя понял, почему она назвала его – одного из отличников – именем своего больного сына. Гриша был ей ненавистен, она мечтала истязать его, но что-то ее останавливало, и она нашла отдушину. Это отдушиной стал он – Константин Немоляев.

Всего за один месяц слово «школа» стало для него синонимом слова «пытка». Дома приходилось лгать родителям. Свежие ссадины и синяки, оставленные директорской линейкой, он списывал на хулиганов. За неуспеваемость его все чаще стали оставлять после уроков, что влекло за собой неминуемое посещение кабинета директора. Однажды учительница по биологии посадила его вместе с той самой девочкой, из-за которой все началось. Костя вспомнил, с какой ненавистью та на него смотрела. Сорок минут он как будто провел на раскаленной сковородке, боясь даже взглянуть в сторону соседки по парте. Один единственный раз он посмотрел на нее, и та незаметно для всех кольнула его ручкой в ногу.

- Какая жестокая девчонка, – произнес насмешливый голос. – Держу пари, сейчас она тебя забыла. Вышла замуж и радуется жизни. А ты страдал столько лет...
- Никогда ей этого не прощу, – прошептал Костя, сжимая кулачки.
- А мне кажется, что ее винить нельзя. Дети постоянно совершают глупости.
- Что ты говоришь?

Тут Костя наконец понял, что за голос все время говорил с ним. Deus ex machina – ложно название данное по незнанию. На самом деле это была одна из первичных установок разума, которую не удалось подавить. Сейчас ее можно было назвать Совестью.

- В этой истории нет виноватых, – объяснила Совесть. – Все действовали по заранее подготовленной схеме. Подобное уже случалось до вас и случится в будущем.
- Как это?

Очередной поток воспоминаний унес его в прошлое. Костя так до конца и не понял, что он натворил, и почему девочка так сильно на него разозлилась. После уроков в одном из дворов его окружили парни из старших классов и без слов стали избивать. Костя не был до конца уверен, но ему казалось, что за этим стояла она. С той минуты он ее окончательно разлюбил. Друзья продолжали потешаться над ним называя «дон Жуаном» и он перестал с ними общаться.

Конец этой истории положил урок физкультуры. После удачной стометровки парням разрешили поиграть в футбол. Костя боялся этой игры. Там его часто били по ногам и толкали, а однажды, когда он стоял на воротах, попали мячом по лицу. Поэтому он как обычно вместе с самыми слабыми учениками побежал кросс вокруг поля. Девушки в это

время пошли играть в волейбол в соседнюю рощу. Стоило учителю отвлечься, как его, пробежавшего в одиночку мимо рощи, окружила группа школьников. Десять злобных взглядов устремились на него. В тот миг они выглядели отнюдь не женственно и скорее напоминали стаю шакалов.

- В этой истории нет виноватых, – повторила Совесть. – Хотя большинство почему-то в подобных ситуациях встает на сторону обидчиков, но это скорее обусловлено национальным менталитетом. Тайным желанием насилия над собой и окружающими.
- Я не хочу так жить. Не хочу больше насилия.
- Тогда тебе следовало родиться в другой стране.

Тут на него посыпались обвинения и угрозы. Та самая новенькая пообещала, что он так просто не отделается, и заплатит за свою дерзость. Вдруг девчонка засмеялась и предложила извлекать его в грязи. Костя опомниться не успел, как его потянули к луже. Не в силах терпеть унижение, за которым обязательно последует новая волна насмешек, Костя достал из кармана «Чинное перо» и вонзил его первой попавшейся девочке в плечо. Спонтанность, с которой было совершено нападение, поразила всех, в том числе самого Костю. Он не хотел пускать в ход нож. Это была крайняя мера, но он ее предвидел и носил нож в кармане, следовательно, действовал с умыслом и был виноват не меньше обидчиц. Костя с первого класса держался среди отличников и был умнее многих сверстников. Он обладал уникальным даром, которым другие дети в его возрасте были обделены, – он смотрел на мир глазами взрослого человека.

- Это были дети, – еще раз объяснила Совесть. – Они не думали о том, что будет потом, о том, как ты будешь страдать. Дети живут одним днем. В отличие от них ты сознавал последствия и действовал с конкретной целью – прекратить унижения. Нож в твоих руках был не орудием возмездия, а средством защиты.

Дальше все было как в тумане. Прибежал физрук. Они вернулись в школу. Родители. Милиция. Взволнованный директор отвечает на вопросы следователя. Костя смотрит на нее и видит, как та исподтишка грозит ему пальцем. Потом он выкладывает следователю все что знает, в том числе про внеклассные забавы директора и завуча.

Так он оказался дома в полной изоляции. Последняя новость, которую он услышал о родной школе, пришла из уст бывшего друга. Парень сказал, что обеих женщин уволили с громким скандалом. Оказывается, другие школьники тоже подвергались унижениям, и именно благодаря заявлениям их родителей удалось поймать садисток. Напоследок заботливый товарищ с улыбкой намекнул, что гадюки почему-то поклялись найти и отомстить только ему – Константину Немоляев. Якобы они узнали, где он живет, и готовят план мести. Возможно, фантазер придумал это, чтобы поиздеваться над ним. Костя вытолкнул его за дверь и больше никогда с ним не общался. С тех пор он просто сидел в комнате день и ночь, почти не двигаясь. Мало ел и плохо спал. Родители боялись, что он покончит с собой, но он слишком любил себя, чтобы совершить подобную глупость.

Удел всех глупцов любивших всерьез, –
 Быть смытыми в пропасть потоками слез
 Как черная туча любовь холодна
 Странанье и боль причиняет она

Тогда появилась она. Нет, к счастью, не любовь. Эта была женщина, очень старая и почти слепая. Родители пригласили ее домой, и оставили его вместе с ней на кухне. В руке у цыганки была цепочка с хрустальным шариком. Она стала с ним говорить, попутно заставляя смотреть на движущуюся сферу. Самодельный маятник забрал с собой боль и страдания, оставив память предыдущих лет до начала шестого класса.

На этом воспоминание обрывалось. Старуха поработала на славу, но, изгладив душевную травму, она лишила его дара видеть мир в серых тонах. С большим опозданием он стал наконец беззаботным ребенком, сидел дома и играл в солдатики. Зато усилился страх перед окружающим миром. Гипноз не подавил инстинкты. Только они и остались, подсознательно удерживая его от контакта с непредсказуемым миром за пределами квартиры.

Костя почувствовал прикосновение. Он все еще смотрел на нож, когда рядом сел Дима и положил ему руку на плечо. Василий стонал где-то в темноте. Все снова было хорошо. Он вернулся, сорвал мерзкий кокон с прошлого. Смешно и стыдно было вспоминать те глупости, которые он говорил раньше. Как сидел в четырех стенах, боясь тех, кто был не достоин даже его мыслей. Теперь все будет по-другому. Он об этом позаботится.

– Ты был прав тогда, – сказал Дима, положив руку ему на плечо. – Снаружи можно встретить и плохих людей.

Костя посмотрел куда-то сквозь него и тяжело вздохнул.

– Думаешь, мне это интересно?

– А разве нет?

– Если все время думать о том, что скажут или подумают другие, на себя не останется времени. У меня своя жизнь и в ней нет места кому попало.

– Вот как? – Дима дотронулся до лба товарища. – Он тебя не сильно ударил? Позиция здравая, но запомни, что с чужим мнением тоже иногда приходится считаться. Главное не становись таким как этот урод. Будущее за людьми готовыми жить без насилия.

– Надо думать, ты к этим людям не относишься?

– Судя по всему нет, – улыбнулся Дима. – Кто-то же должен загнать обезьян в клетки.

Лицо Кости прояснилось. Чувствуя на плече теплую ладонь товарища, он пришел в себя. Вместе они с минуту сидели молча под низким сводом, не обращая внимания на стоны, доносившиеся со стороны валунов. Дима вытер кровь, все еще продолжавшую сочиться из носа. В этот момент в темноте, подобно медведю из берлоги, восстал крупная фигура Василия. Придя в себя, как и следовало ожидать, он ни капли не поумнел:

– Ты покойник! – раздалось из темноты. – Ты понял? Вы оба покойники, любовнички. Готовьтесь к сладкой ночи. Вы пожалеете об этом. Я скажу друзьям и они...

– Смотри, Костян, – ответил Дима. – Теперь этот боров не пытается убить нас, как обещал раньше. Сейчас БОСС прячется за своих друзей. На твоём месте я бы забился в щель и помалкивал. Имей в виду, если твои друзья попытаются нас найти, мы им обязательно расскажем, как тебя пинал слабый парень, а ты валялся в слезах, вполне заслуженно называя себя лохом.

– Им наплевать, они вас убьют!

– Сначала им будет наплевать, но потом, исходя из твоих поступков, они задумаются.

– Дима подобрал оба ножа, чтобы верзила не вздумал учинить кровавую вендетту. – К тому же стоит мне донести в правоохранительные органы о том, как ты, якобы, убивал людей, как пытался убить нас, и на тебя заведут дело. Костян все подтвердит.

– Только попробуй, четырехглазый, и я тебя убью, – прорычал верзила.

– Пошел ты, БОСС!

Василий поднял острый камень и шагнул навстречу. Дима передал нож товарищу, предупреждая направив ржавое лезвие на врага. От развязки их удержал тихий скрежет, донесшийся из темноты. Костя схватил фонарик. Все трое одновременно оглянулись, ожидая увидеть все что угодно от многоножек до маньяка, но их взорам предстал волосатый шар. Гигантская крыса вцепилась резцами в край консервной банки и утащила ее за камни. Дима не знал радоваться ему или бояться. Если близко крысы, значит, рядом мусор. Если рядом мусор, значит, близко люди. С другой стороны, крыс

могло оказаться больше. В любом случае, лучше ей не мешать, просто забраться в тоннель и уйти по-тихому.

Гуманный план потерпел фиаско, после того как Василий метнул острый камень в крысу. Зверек испуганно пискнул и скрылся за камнями.

- Идиот!
- Тебе уже и крыс жалко?
- Двух диггеров под зоопарком они съели заживо.
- Думаешь, она вернется с мамой? – вздрогнул Костя.
- Даже знать не хочу.

Крыса действительно вернулась не одна. Грот наполнился шорохами и цоканьем коготков. Между валунами и впадинами замелькали мохнатые шкурки. Большие и маленькие, толстые и костлявые, облезлые и пушистые, – крысы выбегали из-за камней и набрасывались на еду. Самые крупные без труда разрывали жестяные банки зубами. Постепенно за консервы начали разворачиваться кровопролитные бои. Еда быстро кончилась, и подземные хищники стали грызть друг друга. Несколько особей устремились к гостям. Один лысый грызун поднялся на задние лапы и, опираясь на хвост, засеменил им навстречу.

Дима первый раз видел, чтобы крыса так себя вела, и опомнился только когда зверек обхватил штанину передними лапками и вонзил в нее зубы. Нож вошел в короткую шею неглубоко, но кровь ударила фонтаном. Жалобно пища, крыса завалилась на спину, перевернулась и засеменила прочь.

Бои тотчас прекратились. Из темноты на Диму уставились десятки сверкающих глазок. В каждом застыл холодный упрек. Костя повел фонариком по сторонам, осветив шевелящиеся камни. Пещеру как будто покрывал меховой ковер. Между трещин, на валунах, у стен, у дальнего лаза, вокруг зубцов сталагмитов, – повсюду чернели продолговатые комки шерсти. Сейчас вся эта масса медленно подбиралась к ним.

Дима вытащил из нагрудного кармана фальшфейер и дернул за кольцо. На долю секунды грот озарила ослепляющая вспышка. Из трубки в воздух полетели белые искры. Ярко-красный фонтан залил стены пещеры алыми красками. Другая крупная bestия вцепилась резцами в штанину комбинезона. Дима провел сигнальной свечой по волосатой спине. Запахло паленым мехом.

Дима ударил крысу ногой под мохнатый зад, и та укатилась на родину, оставив за собой полосу голубоватого дыма. Презентация «нового оружия» произвела должное впечатление на колонию. Особи поменьше пустились в бег, остальные обложили стену пещеры полукругом и стали ждать.

- В нору! – скомандовал Дима, делая шаг вперед. Крысиная орда отпрянула, но не рассеялась.
- Им на закуску, – выдохнул Василий.
- Я пойму, если ты останешься.

Костя и Василий без вопросов забрались внутрь. Дима сделал шаг назад. Раздался цокот коготков. Крысы последовали за ним. Он пытался соображать, но страх парализовал разум. Скоро пламя угаснет и в руке останется кусок огнеупорного пластика. Возможно, крысы осмелеют еще раньше и сожрут его живьем. Он взмахнул фальшфейером. Крысы отпрянули. Так дальше продолжаться не может.

Освободив кусок страховочного троса, он привязал один его конец к фальшфейеру. Забравшись в перелаз, Дима положил горящую свечу с краю, а сам пополз наверх, разматывая трос. Это сработало. Крысы ждали, пока догорит пламя, не рискуя запрыгнуть в тоннель. Наконец, когда трос кончился, Дима потянул свечу за собой.

Через пять минут огонь погас, и снизу раздалось царпанье коготков. Было слышно, как крысы густым потоком взбираются по рукаву. Дима, Костя и Василий к тому времени уже были в новой пещере, забрасывали дыру камнями. Булыжники заскакали по каменному рукаву, разбивая шерстистые тушки. Даже издалека было слышно, какая

суматоха поднялась внизу. Скоро камней в перелазе скопилось достаточно, чтобы его перекрыть. Писк и шорох стихли за многометровым тромбом. Теперь путь к пещере с водопадом был надежно замурован.

Усевшись возле лаза, Дима стал сматывать страховочный трос. Костя держал в руках «Чинное перо» и фонарик. Оба посматривали на спутника. Василий восседал в противоположной части пещеры среди валунов как король на троне, демонстративно поигрывая круглыми бицепсами.

– Правильно боитесь, – улыбнулся верзила, заметив настороженные взгляды.

Дима подошел к нему и долго смотрел в глаза. Он хотел показать, что страха нет, но нож в руке предательски дрожал. Верзила это заметил. Последняя ссора навсегда сделал их врагами. Такого унижения Василий уже не забудет. Сейчас он наблюдал, копил силы, выжидал удобного момента, чтобы нанести решающий удар. Дима понимал, что это будет внезапный удар – схватка не на жизнь, а на смерть.

Забрав у Кости фонарик, он осмотрел пещеру. В противоположном ее конце свод поднимался. Там же находилась широкая расщелина. Ее края частично обвалились, отчего проход стал похож на треугольную арку.

«Ну, хоть ползти не придется», – подумал Дима, потирая стертые колени. Сбоку среди камней темнел еще один тоннель. Этот был на уровне пола, совсем узкий и наполненный песком. Дима поднес к нему зажженную зажигалку, но пламя не шелохнулось. Значит, выход по-прежнему один.

Он еще раз посмотрел на верзилу и концом фонарика указал на расщелину. Василий охотно повиновался и нырнул в темноту. Из секунд складывались минуты. Ожидание затянулось. Дима звал разведчика, но тот как в воду канул. Встав по обе стороны расщелины, вооруженные ножами, они ждали подвоха. Внезапно тишину нарушило ворчание. Раздались бранные слова и какое-то кряхтение.

– Что случилось, БОСС? Тебя что там опустили местные сокамерники? – крикнул Дима, освещая проход.

– Нет. Мне только интересно, как мы будем спускаться, – пришел из темноты вежливый ответ.

Дима проскользнул внутрь. Костя за ним. Выбравшись на каменную площадку, они сделали три шага и едва не сорвались с отвесной террасы. Свод над ними густо порос каменными сосульками. Далеко впереди проступали очертания стены, испещренной черными отверстиями. Внизу темнела вода. Все как обычно, только вместо пола во все стороны простиралось пустое пространство. Василий стоял на смежной террасе, скрестив руки на груди, и загадочно улыбался.

– Выхода нет, – прокомментировал он.

– Я вижу. Нужно подумать, – отступив от края, произнес Дима. – Возможно, придется воспользоваться тросом. Ты, БОСС, лучше сразу молчи.

– Давай смейся, пока можешь, – коварно улыбнулся тот, сдержанно захихикав.

Желчный смех отбил всякое желание размышлять. Неужели минута одиночества так продуктивно повлияла на Василия? С кислой улыбкой на устах Дима встретил гнилой оскал отморозка:

– Ну и ну, кажется, наш лох что-то придумал. Что-то такое, о чем мы не должны знать, – детским голоском произнес Дима, оценив, как быстро пропала улыбка. – Да он просто гений. Считает себя теперь не самым сильным, а самым умным. И смех и грех.

– Пошел ты, предатель! Я с вами еще потолкую без свидетелей.

– Дыши глубже.

Василий хрустнул кулаками, с трудом подавив приступ ярости. Странные друзья все время ссорились, но потом вдруг объединились. Они точно любовники. Один не может жить без задницы другого. Как же это мерзко. Василия такой расклад бесил даже сильнее чем, если бы с ним по пещерам бродили два раввина. Все, что он пока мог делать –

подчиняться, терпя оскорбления и насмешки. С момента последней ссоры в его мозгу родился дерзкий план, подкрепленный логическими выводами. Оба осуждали его действия, значит, были на стороне врага. Раз они на стороне врага, значит, против нации в целом. В будущем они обязательно помешают делу, которым он с друзьями занимался. Он сам ничего плохого им не делал, просто пытался учить жизни, как и любой нормальный пацан. Подняв на него руку, они подняли руку на принципы и грядущий порядок, который он и его друзья олицетворяли. Они угроза стране, угроза ее чистоте и единству. Особенно Костя.

Василий с ненавистью зыркнул на осмелевшего слабака, потирая кровоточащее плечо. Паренек посмел ударить его ножом. Кем бы он был без своего друга? Костя редко на него смотрел, но Василий был уверен, что тот посылает его каждую секунду. Стиснув зубы, он понял к чему все идет. Никто наверху не узнает о том, что здесь произошло. Сделал дело – закопай тело. Именно так.

- Мы пройдем дальше в одном случае, если воспользуемся тросом, – сообщил Дима, осматривая площадку. – У меня есть крепления...
- Нет.

Он повернулся, заметив, как в темноте надулись мясистые щеки. Верзила был рад и взволнован, но сам пока не определился какое чувство сильнее. Глядя на пустые руки Василия, Дима все понял.

- Где моя сумка?
- Ты не сказал, что ее нужно забрать.

Это уже слишком. В сумке оставался запас воды, памятная «восьмерка», подаренная отцом на день рождения, два дорогих «френда» для крепления троса, монтажный пояс и многое другое. Василий всю дорогу тащил ее. Это была его обязанность. Такого подвоха Дима не ожидал. Страшно подумать если бы он оставил свечи и аккумуляторы там. Каким неполноценным подонком нужно быть, чтобы намеренно лишиться себя и других шанса на спасение ради мести.

- Мы могли погибнуть из-за тебя! – произнес он наконец, взяв себя в руки.
- Да неужели, – ехидно усмехнулся Василий, но голос дрогнул. – Это была твоя сумка. Мог бы о ней сам позаботиться.
- Да неужели, – передразнил Дима. – Только я один здесь обо всем и забочусь! Это снаряжение стоило больше, чем твое образование. Спасибо. Ты полезешь последний и без света.

Теперь Василий стал не только опасен, но и бесполезен, как кусок камня. Ничего, кроме новых подлянок, они от него не получат. Дима размотал десять метров троса. Обвязав его вокруг тяжелого булыжника, он с помощью Кости закрепил камень между наростами, примыкавшими к стене. Все равно пришлось бы пожертвовать тросом, но с поясом и креплениями спускаться было удобнее и безопаснее.

Дима подошел к краю и сбросил вниз остатки троса. Конец повис в нескольких метрах от пола рядом с небольшим озерцом.

- Первым полезет Костя, – распорядился он, подзывая товарища. – Ты самый легкий, поэтому...
- Я хочу быть первым! – вмешался Василий.
- А я хочу, чтоб ты пошел учиться в университет дружбы народов, но этого, скорее всего, не будет. Правильно?
- А вдруг он уже там? Ждет меня, – спросил Костя, перегнувшись через край.
- Ты будешь один недолго. Я спущусь сразу за тобой.
- А что, если...
- Живее, четырехглазый, – прорычал Василий, угрожающе топнув ногой.

Щепетильно плюнув в сторону верзилы, Костя ухватился за трос. Дима помог ему сползти с террасы. Тонкие пальцы впились в шершавую вязь, преодолевая метр за метром.

Спускаясь вниз, паренек стал читать молитву. Дима стоял на краю и освещал ему путь, одним глазом присматривая за Василием.

- Хватит молиться, Иегова! – рявкнул верзила. – Никакого Бога вообще нет, чтоб ты знал.
- Да ты что? – с ложным удивлением протянул Дима. – Какое сенсационное заявление! И долго оно формировалось в твоём идейном накопителе?
- Смейся, придурок. Утыкали страну позолоченными крестиками и ждете второго пришествия. Чего твой Бог хочет? Равенства? Все люди братья? По-твоему, негр и папуас похожи на моих братьев?
- По-моему, твои кровные братья бабуины.

Василий весь задрожал, с величайшим трудом взяв себя в руки. Костя в этот момент достиг конца троса. Сделав над собой усилие, паренек разжал пальцы и прыгнул. Приземлившись на гладкую площадку рядом с озерцом, он с благодарностью посмотрел на дорогие кроссовки, смягчившие удар.

Трос покачивался над головой. Костя встал и махнул рукой, в знак того, что все в порядке.

- Давайте быстрее!
- Тише, звереныш! Хочешь, чтобы он тебя услышал? – прошипел Василий, собираясь спуститься следом, но Дима пригрозил ножом.
- Назад, еретик. Пока я тебе нос не отрезал. Имей в виду: для нас ты пустое место. Полезешь последним, и без шуток, а то останешься здесь наедине со своими папуасами.

Потеснив Василия, стиснув зубами лезвие ножа, Дима заткнул включенный фонарик за ремень и стал быстро спускаться. Площадка с озерцом, на которую он спрыгнул, находилась напротив каменного леса. Отсюда до стены тянулись сталагмиты. Сверху свисали сталактиты. Между ними пещера напоминала открытую пасть чудовища. Не дожидаясь последнего и необязательного члена группы, Дима и Костя зашагали дальше.

- А как же веревка? – спросил паренек. – Вдруг придется еще раз спускаться?
- Нет выбора. Не просить же его, чтобы он бросил нам трос.
- Фонарик скоро сядет?
- Да.
- У тебя ведь есть аккумуляторы.
- Забудь. Остались две свечи, две зажигалки и фальшфейер.

Продолжая перешептываться, они уходили глубже. Пещера была очень высокой. С потолка по стенам сползали длинные каменные макароны. Пучки белых сталактитов срастались здесь с бугристыми натеками, оплетая стены каменными щупальцами, создавая иллюзию сказочного леса под древним сводом.

Пока они шли между каменных сосул, за спиной доносилась возня. Для Василия девять метров тонкого троса превратились в пытку. Рыча и бултыхая ногами в воздухе, верзила торопливо сползал в темноту, лоя взглядом слабеющий свет фонарика. Проклятые grindара, в которых он до костей сбил себе ноги, тянули вниз. Толстые потные ладони скользили по тросу. Стоны и уханье заполнили всю пещеру.

Слушая сопение и кряхтение, Дима представил, как лопается трос, раздаётся тяжелый удар о камни и многие проблемы уходят в небытие. Но это были только мечты. Господь по неведомой причине берег еретика. Василий порезал ладони, подвернул ногу, ушиб голову и обматерился до полусмерти, но в целом счастливо отделался.

В темноте раздалась тяжелая поступь. Дима ускорил шаг. Луч света скользил по стенам. Впереди было много пещерных отложений, груд камней и натеков, но когда свет проник в глубокий разлом, они увидели нечто новое. Трещина была достаточно узкой у основания, расширяясь ближе к своду. Внутри нее белело что-то очень знакомое. Дима присмотрелся. Пространство за каменным коридором было слишком ровное для пещеры.

Не веря своим глазам, он потащил Костю туда. Надежды оправдались. За узким проемом находилась вымощенная кафелем комната. Протиснувшись в трещину, Дима, не помня себя от радости, повалился на пол. Ровный, холодный, сухой и пыльный – этот пол отличался от осклизлого карста. Сейчас он казался ему произведением искусства.

К моменту, когда раздался восторженный вопль, Василий на ощупь бродил в каменном лесу, натываясь лбом на сталагмиты. Его массивная фигура выросла за спиной у Кости в тот момент, когда паренек юркнул в трещину. На волосок не достав до Кости, верзила просунул в разлом короткую руку.

– Эх, любовнички, предупреждал я вас! Ну теперь держитесь. Я вам устрою покаяние без вазелина.

Дима встал и осмотрелся. Впереди темнела металлическая дверь. Замок был встроенным. Отмычки остались в сумке, а без них взломать такую преграду невозможно. К счастью, дверь со скрипом отворилась после первого толчка.

– Эй, мы спасены! – ободряюще подмигнул он Косте.

– Слава Богу, ты взял веревку.

– Бога нет! – послышался злорадный голос из расщелины.

– На что поспорим? – игриво улыбнулся Костя, не обращая внимания на недовольное лицо верзилы, которым тот любил пугать слабых.

– Подожди. Сейчас я тебе это докажу, – пообещал Василий, протягивая мясистое лицо меж острых камней.

Углубившись в трещину, он победоносно вытянул ногу, коснувшись подошвой пола. Внезапно торжествующий смех сменился недовольным мычанием. Просочившись на половину, Василий вдруг почувствовал, что дальше дело не пойдет. Из расщелины торчала только бритая голова, левая рука и правая нога. Василий злобно шипел и извивался, словно змея пережатая колесом машины. Он дергался и толкался, помогая себе всем телом, отчего еще крепче застревал.

Наблюдая за нелепой сценой, Дима рассмеялся. Наступил тот самый момент, та сладостная минута избавления, когда человек получает шанс сполна отплатить за все лишения. Желанная отдушина, в которой по счастливой случайности застрял Василий, внезапно открылась ему, и Дима не преминул ею воспользоваться:

– Значит, Бога нет? – переспросил он, осветив искаженное гримасой злобы лицо. – Скоро тебе самому придется это ему объяснять, и друзей твоих там не будет, чтобы права качать. Посмотрим, что правильный пацан вроде тебя скажет. – Дима передразнил угрожающий бас верзилы: – Я резал людей, чтобы сохранить чистоту нации, вот и все мои аргументы, всевышний.

– А-а-а, убью! – вопил Василий, порываясь залезть обратно.

В ответ Дима назидательно приложил палец к устам, указав на пыльный кафель, где отпечатались следы рабочих ботинок. Вереницы следов вели в оба конца. Очевидно, что убийца часто пользовался этим выходом.

– Я бы на твоём месте вел себя тише. Может быть, он уже у тебя за спиной, поэтому я буду краток. – Дима встал напротив извивающейся фигуры так, чтобы ни рука, ни нога его не коснулась. – Я человек отходчивый, поэтому не стану тебя бить, пользуясь твоим положением. Мы сейчас пойдём по домам, так что тебе придется коротать здесь ночь одному. Жаль, но все хорошее когда-нибудь заканчивается. В данном случае подразумевается твоя жизнь. Приятно было познакомиться.

– Доброй ночи, – поддержал Костя.

Василий в отчаяние заревел. Из отвергнувшейся пасти на подбородок выползли потоки белой пены. Дикая физиономия верзилы, окровавленная, грязная и просто страшная, непрерывно упражнялась в мимике, хищно щелкая зубами в сторону обидчиков. Василий дрожал так, словно через него пропускали тысячи вольт, а Дима все улыбался, распаяя невиданных размеров ненависть. Ненависть одного человека по отношению к другому, чью природу невозможно описать всеми трудами ведущих психологов и философов

вместе взятых. Ненависть, чей яд растворял даже любовь и непобедимую смерть. Вся эта ненависть теперь клокотала здесь, глубоко под землей, заставляя камни мелко дрожать.

- Еще я хотел поблагодарить тебя за то, что ты согласился стать живой затычкой, спасая нас от дальнейшего преследования. – Дима добротню похлопал Василия по плечу, попутно увернувшись от корявой руки. – Прощай, БОСС. Ты был вволю опущен сокамерниками по пещере. Теперь тебе предстоит последняя встреча с ее надзирателем. Удачи.

Дима одобрительно кивнул, еще раз похлопав его по плечу, и вместе с Костей зашагал прочь, не обращая внимания на безумные крики. Его слегка напугала такая ярость, но им от нее все равно хуже не будет. Василий крепко застрял.

- Удачи, – помахал на прощание Костя.
- Слушай, Васек, – бросил Дима не оборачиваясь, – если выберешься, не держи зла. Обещаю, я подарю тебе на день рождения поваренную книгу. Она называется «Еврейская кухня».

Вместо того чтобы снова закричать, верзила стал часто дышать. Сосредоточившись, он вмялся в узкую щель. Сдирая кожу с пухлых щек и шеи, вперившись боками в острые камни, он стал ерзать из стороны в сторону, пропихивая внутрь один за другим участки своего тела. Сознание и чувства, делавшие его человеком на протяжении двадцати трех лет, соединились в тонкую линию, лопнувшую в порыве клокочущей ярости. Интеллект, некогда игравший доминантную роль, был сведен к примитивным повадкам бабуина, взбешенного крепостью найденного кокоса.

Кровь вытекала из разорванных артерий. Раздался хруст ребер, треск одежды, шипение сползающей кожи, а он все лез и лез, делая это упорно, бездумно, почти механически. Как гиена, с оптимизмом грызущая собственную ногу, угодившую в капкан, так и Василий шел на смерть, ради кратковременного торжества крови. Хорошая прощальная улыбочка Кости, первого из лохов посмеявшего его оскорбить, да что там оскорбить, ударить ножом, сводила с ума. Последняя выходка убила в нем все человеческое, расщепив сознание в кислоте сверхъестественной ненависти от которой трещали стены пещеры. Все унижения Димы, все ухищрения долбанутых родителей, нахлобучивших на него костюм Губки Боба, весь стеб персонала авторемонтной мастерской, из которой его уволили за чрезмерное злоупотребление тормозной жидкостью, – все разносы вместе взятые, не могли сравниться с тем, что посмел сказать этот паренек. Сейчас Василий как никогда готов был убивать. Удача потребуется Костику. Он настигнет вонючего гомика и разобьет его проклятую голову о проклятые камни. Он убьет их обоих, даже ценой собственной жизни.

Ярость принесла плоды, и мир вокруг начал преображаться, но первый раз в жизни Василию не было до этого дела. Глядя, как к лестнице движутся два желтых квадрата, верзила победоносно зарычал. В голове заиграла знакомая мелодия, и оптимистичный до идиотизма голос запел:

Вы готовы дети?

Да, Капитан!

Я не слышу!

Так точно, капитан!

Кто проживает на дне океана?

Губка Боб Квадратные Штаны!

- Губка Боб! – не своим голосом завопил Василий. – Шоу начинается!

Дима и Костя одновременно оглянулись. Они не поняли, что тот сказал, но им это не понравилось. Чтобы крепко застрявший толстяк без чьей-либо помощи выбрался на волю – такое казалось просто невыносимым. Невозможно вообразить, какую боль в эту минуту он испытывал. Василий прорывался и вылезал часть за частью, покидая расщелину, оставляя в ней кусочки самого себя. Складывалось впечатление, что в пещере у него за

спиной раздувался огромный понтон, равномерно теснивший его наружу. Минуту верзила вообще перестал издавать привычные звуки. Теряя разум от боли, ухая и улюлюкая, то плача, то раздражаясь диким смехом, он превратился в киборга, эдакого терминатора подземелий не чувствовавшего ни боли, ни жалости, ни страха на пути к заданной цели.

Окровавленные пальцы левой руки сжатые до предела одновременно хрустнули. Пожирая собственные губы, чмокая и плюясь красной пеной, Василий упрямо лез навстречу свободе. Больше стены не могли его удерживать. Камни по бокам затрещали, подчиняясь чудовищному импульсу налившихся густой кровью глаз. После глубокого хруста в районе лопатки Василий целиком вывалился наружу. Десятки надломанных костей, свисающая кожа и хлещущая из шеи кровь не помешали ему сразу вскочить на ноги. Дикий взгляд красных как у вампира глаз обратился в сторону двери.

– Беги! – скомандовал Дима, понимая, к чему идет.

– Беги! – взревел Василий, бросившись следом за квадратами. – Раз губка, два губка.

Шоу начинается!

Дима и Костя рванули вверх по лестнице. Разбрызгивая вокруг себя кровь, верзила неся по пятам, размахивая лохмотьями. Спотыкаясь на каждой ступеньке, продолжая обозлено рычать, лишь изредка ухитряясь выговорить какое-нибудь ругательство, он царапал ногтями стены.

– Убью-ю-ю-у-у-у! – несло следом.

Сплеывая кровь, Василий постепенно перешел на шипение. Пригибаясь к земле, бросками работоспособной руки, Василий силился поймать мелькавшую перед носом ногу Димы. Стало трудно дышать. Внутри кипела огненная буря, иссушая органы, сжимая гортань. Воздух выходил из него, и ему захотелось пить. Он мечтал вцепиться в горло обидчикам, вкусив живой плоти и теплой крови. Голос в голове как будто только этого и ждал, поддержав дерзкие фантазии бойким куплетом:

Кто проживает на дне океана?
Губка Боб Квадратные Штаны!
Желтая губка, малыш без изъяна,
Губка Боб Квадратные Штаны!

Дима и Костя перескакивали через ступеньки, слушая низкие шипящие звуки. Можно было подумать, что за ними летел пробитый баллон с газом. Нигде, даже в кино, Дима не видел, чтобы обычный человек, пусть и слегка заикливший на геноциде, мог так внезапно съехать с катушек. Возможно, только сейчас и только они одни видели настоящего Василия Кличкова.

Лестница кончилась. Они попали в продолговатую комнату с вещевыми шкафчиками. Здесь Василий настиг жертву. Схватив обидчика за ноги, он повалил его на пол. Выронив нож, Дима перевернулся. Верзила торжествуя зашипел и стал заползать на него словно гигантская анаконда. Дима пробовал отбиваться фонариком, но это не помогало. Василий с диким хохотом принял все удары расквашенным лицом, в эту минуту походившим на миску с фаршем. Схватив ремешок сумки, он обмотал его вокруг шеи Димы и попытался его задушить. Сырая петля лопнула. Тогда Василий поднял жертву над головой и со всей силы швырнул об вещевой шкаф. Оставив в тонкой дверце глубокую вмятину, Дима рухнул на пол и потерял сознание.

Василий подобрал нож и ласково улыбнулся Косте. Маленький желтый квадратик прятался от него в уголочке. Паренек вжался в стену рядом с новым коридором, но сбежать не пытался. Верзилу такая младенческая беспомощность растрогала до глубины души.

– Приступим к решению еврейского вопроса. Что там по этому поводу твоя мама говорит?

Целиком на все предложение воздуха не хватило, поэтому последние слова Василий произнес шепотом. Цокая язычком, он стал рассекать лезвием воздух и, пританцовывая, подбираться к жертве. Из глаз сочилась кровь. Лопнувшие сосуды сильно подпортили зрение, но не настолько, чтобы промахнуться. Он представил, как схватит паренька, как прижмет к груди, как тот почувствует его кислое дыхание и станет кричать, пока он будет колоть его ножом в шею, в живот, под ребра. Нет. Он не убьет его сразу. Он будет смаковать каждую секунду. Голос с радостью добавил второй куплет:

Кто побеждает всегда и везде?
Губка Боб Квадратные Штаны!
Кто так же ловок как рыба в воде?
Губка Боб Квадратные Штаны!

Василий замечтался.

В метре от Кости он был опрокинут ударом в спину. Плюхнувшись на живот, Василий чудом уклонился от лезвия собственного ножа мелькнувшего перед лицом. Стоило ему оглянуться, и злость внутри закипела с новой силой. За спиной живее всех живых стоял Дима.

– Вставай, фашист, – твердым голосом произнес парень, сжимая кулаки. – Мы еще не закончили.

Василий кое-как поднялся. Покачнулся. Посмотрел на Костю, вовремя отбежавшего в сторону. Потом посмотрел на Диму. Парень не пытался напасть первым, не пытался отобрать нож. Он просто ждал, позволяя ему прийти в себя. Василия такое благородство взбесило еще сильнее.

– Ты... мне... что... сказал? – почти беззвучно выговорил он, промочив горло кровью.

– Глухой, что ли? Шевели задницей, урод!

Оглянувшись на Костю, забившегося в угол между стеной и рядом шкафчиков, верзила мучительно застонал.

– Уф. Ну, хорошо, – сдался Василий, указав дрожащим пальцем на паренька. – Обычно дамы вперед, но для тебя я сделаю исключение. Сейчас ты узнаешь, что такое Василий Кличков!

Нож с треском распорол комбинезон вместе с молнией и обжог грудь. Дима попятился к лестнице. Такой прыти от истекавшего кровью толстяка он не ожидал. Василий зычно расхохотался, продолжая непрерывно моргать. Еще немного и он окончательно ослепнет. На это Дима и рассчитывал, дожидаясь удобного момента для атаки. Следующим взмахом Василий попробовал полоснуть противника по лицу, но промахнулся и наклонился вслед за рукой. Дима не преминул этим воспользоваться и, выбросив колено вперед, сломал тому еще одно ребро.

Взревев от боли, верзила удержал ногу врага и повалил его на жесткий кафель. Затылок коснулся пола. Дима вскрикнул. В глазах вспыхнули звезды. Василий замахнулся, примеряясь нанести удар лезвием в лицо, но он в последний момент увел голову в сторону. Нож звякнул о плитку в дюйме от уха, изогнулся и выпрямился. Снова заползая сверху, Василий стал хрипеть от злости, нажимая на гарду здоровой рукой. Дима пытался удержать острие, но сил катастрофически не хватало.

– Что ты там сказал, лошара? Мы в пещерах, а здесь может случиться все что угодно. Хэ-хэ-хэ!

– Идиот, мы уже не в пещерах, – сообщил он обескураженному Василию, саданув коленом в пах.

В армейских штанах что-то лопнуло. Верзила утробно зашипел, пережив потерю одного из яиц с олимпийским спокойствием. Вылезти из-под тяжелого тела, Дима так и не сумел. Он тщетно взбивал кулаками жирные бока, рвал одежду и лоскуты кожи. Василий

только стонал и пыхтел. Вонь от него исходила страшная. Смесь пота, газов, желчи и даже непонятно откуда взявшегося запаха рыбы, требовала немедленно обзавестись противогазом. Чахнув под пахучей тушей, Дима понял, что начинает слабеть. Васек без труда зажал толстыми бедрами обе его руки и с торжеством уселся сверху.

– Ну что, отсосал Видал Сассун? Кто теперь БОСС?! Кто?!

– Ты!

Получив ответ, верзила окончательно потерял рассудок. Одной единственной рукой с диким клекотом похожим на клич грифа-индейки Василий занес лезвие над головой поверженного врага. В торжестве своем он огласил комнату волнующим стоном, словно достиг наивысшего пика оргазма.

Сидящий в уголке Костя испуганно всхлипнул. От внезапного удара Василий полетел в сторону, вонзившись бритой макушкой в дверцу шкафчика. Дима едва успел увернуться от наконечника опустившегося кайло и перекатиться на бок. В грязном комбинезоне, скрытый завесой мрака, на верхних ступеньках лестницы стоял маньяк. Одним прыжком он очутился наверху. Дима схватил фонарик, краем глаза успев заметить, что убийца занялся Василием.

Сидя на полу, верзила потирал ушибленную голову. Услышав приближающиеся шаги, он изловчился и пырнул ножом темноту. Лезвие вошло во что-то мягкое, но крика не последовало. Раздался стон, принадлежавший уже самому Василию. Изогнутый клюв кирки до предела вошел в нижнюю челюсть, добравшись до мозга. Одной рукой маньяк подтянул дрожащее тело на уровень глаз. В момент, когда острый тесак вонзился в широкую грудь, бешеный зверь Василий Кличков был уже мертв.

***

Костя и Дима бежали по узкому коридору. Оглянувшись, они заметили преследователя. В одной руке убийца сжимал окровавленный тесак, в другой ржавую кирку. По полу гремели тяжелые ботинки.

Оттолкнув тяжелую дверь, они попали в тоннель метро. Дима второпях осмотрелся, но радость его была недолгой. По стенам волнистыми жилами тянулись кабели. Над ними висели гирлянды погасших лампочек. Все как обычно, только тюбинговая обделка была как будто толще, на путях лежали деревянные настилы, а по краям от них тянулись асфальтовые дорожки.

Один тоннель – два конца. Дима потянул товарища влево. Где-то здесь были люди, которые смогут им помочь. Наклонившись вперед для сохранения темпа, они вложили в рывок последние силы, решив не останавливаться до самого выхода, будь то очередная лестница, новый бункер или целая платформа. Покрыв с полсотни метров по круглому тоннелю, они наконец его увидели. Это был человек. Впереди блеснул свет фонарика. Золотистый луч шарил по стенам и потолку, а затем обратился в их сторону.

Они попытались привлечь внимание обходчика криками, но свет тотчас погас, будто бы его и не было. Диму это насторожило. Пробежав еще десяток метров, они обнаружили задел. Внутри стояли какие-то станки, накрытые кусками грязного брезента, а в глубине сияла аварийная лампочка.

– Где же мы? – выдохнул Дима, придерживая задыхающегося товарища.

– А где он? – выдохнул Костя оглянувшись.

Дима повернулся и осветил тоннель.

– Наверное, отстал. Может здесь для него небезопасно?

Скорее всего, они попали на закрытую ветку правительственного метро. Поезда здесь ходили редко. Об этом свидетельствовала ржавчина на шпалах. Из пещер они могли попасть куда угодно, кроме поверхности и метрополитена. Это могла быть та самая заброшенная ветка, ведущая на станцию-призрак, которую они недавно обнаружили или все-таки «Метро-2».

В спину им ударил поток галогена. Тишину нарушило клацанье автоматного затвора.

– Стой, кто идет? – раздался бодрый командный голос.

Дима и Костя медленно повернулись. Из задела вышел солдат в военной форме. Копна огненных каштановых волос сверкала в свете фонарика. Он был молод, может чуть старше их. Вооруженный автоматом Калашникова, парень целился в нарушителей, левой рукой придерживая оружейное ложе и фонарик.

– Это вы здесь так кричали? Кто такие?

– Помогите, нас преследует маньяк! – выпалил Костя.

– Какой маньяк? Кто такие? Что вам здесь нужно?

Вопросы сыпались как град, но Дима нашел в себе силы ответить на них собственным вопросом.

– А вы что здесь делаете? – выдержав паузу, спросил он солдата.

– Вы находитесь на территории военного объекта. Я здесь служу. Эта зона закрыта для посещения гражданскими лицами, поэтому я хочу знать, что вы здесь забыли!

Диме показалось, что солдат слегка растерялся. Возможно, он был новобранцем или просто не знал, что делать в подобной ситуации. Выглядел он вполне миролюбиво, даже с автоматом в руках.

– Мы заблудились, – дрожащим голосом объяснил Костя.

– Как это? Тут вам не улицы. Откуда вы узнали об этом месте и как сюда проникли?

– Дело в том, что мы действительно заблудились. Если осмотрите тоннель за спиной, найдете труп нашего... – Дима запнулся. Назвать Василия другом язык не поворачивался. Пусть зовется тем «именем», которое считал достойным. Поймав выжидающий взгляд солдата, Дима заговорил более твердым голосом: – В общем, там лежит труп одного очень правильного пацана.

– Вот как?

На лице парня появилась тень иронии.

– Именно. Его убил маньяк. Мы спустились под землю, он нас похитил и запер в пещере. Мы сбежали и...

– В пещере? Туда запрещено ходить.

– Да нет же! Мы спустились в подвал на сталелитейном заводе Кирова. Внизу был люк. Через него мы попали в бункер, а потом на заброшенную станцию. Там мы его и встретили. Он нас похитил и...

– Кто вас похитил? Этот пацан?

– Маньяк! – в унисон закричали оба.

– Так! Хватит! – не выдержал солдат, потянувшись к поясу за рацией.

– Пожалуйста, сделайте что-нибудь. Он все еще здесь! – взмолился Костя, шагнув назад.

– Стоять! Нет в секторе никаких маньяков...

За спиной солдата, словно фантом выросла громадная фигура. Раздался хруст, парень пронзительно вскрикнул и воспарил над землей. Из его груди стал медленно выползать окровавленный кусок металла. Дима и Костя бросились прочь. Солдат что-то прохрипел им вдогонку и спустил курок, выложив весь рожок себе под ноги.

– ...Доложите, что у вас происходит... – послышался голос из рации.

– Я ранен! Помираю! – растеряв остатки выдержки, завопил тот, продолжая судорожно жимать курок автомата.

Вслед за рацией на залитый кровью настил упал фонарик, а солдат продолжал извиваться, энергично болтая начищенными сапогами. Убийца долго наблюдал за бегущими по тоннелю парнями. Как только оба скрылись за поворотом, маньяк опустил полуживого человека на колени, замахнулся и вонзил кайло ему в темя.

– ...Держись, Олег. Мы идем, – донесся голос из рации, на которую свалилось тело защитника государственной собственности.

***

Пробравшись через узкий проход, они попали в новый грот. Антон давно заметил, что твердая корка, покрывавшая стены пещер на большой глубине, становилась все тоньше. Повсюду, как и прежде, стал попадаться ломкий известняк и песок. Значит, поверхность была близко. Кравцов все время полз впереди. Антон следовал за ним, держа наготове пистолет. От подземного ландшафта кружилась голова. Все эти перелазы и пещеры начинали сильно надоедать. Тишина сводила с ума. Обходчик больше с ним не разговаривал, только указывал на нужные тоннели.

Периодически ловя на себе пристальные взгляды, Антон нервничал все сильнее. Наверняка Кравцов задумал напоследок какую-нибудь пакость. Он был мастер по этой части. Едва ли интриган так просто смирится со смертью на больничной койке, особенно теперь, когда они остались вдвоем.

В пещере Кравцов выпрямился и сходу показал на один из двух тоннелей, тех, что виднелись впереди. Антон осветил пространство вокруг себя. Тоннелей было больше. Странно, что обходчик так быстро выбрал верный путь.

– Почему я должен тебе верить?

Кравцов пожал плечами. Отвернулся.

– Послушай, прости меня за тот удар. Кравцов, ты же взрослый человек. Я не хотел тебя бить. Сам напросился. Чего теперь обижаешься?

Молчание. Антон нахмурился. Ему было двадцать пять. Кравцову далеко за тридцать. На деле же складывалось впечатление, будто разговаривает с упрямым ребенком. Он бы и рад был о нем забыть, если бы от этого ребенка не зависела его жизнь.

– Мы оба знаем, что ждет тебя наверху. – Антон с сожалением посмотрел на доходягу. – Я не в силах это изменить. Только ты мог, когда-то. Теперь все в руках Господа. Прими это как должное. В конце концов, твои мучения обязательно закончатся. Если действительно сожалеешь о том, что сделал так и будет.

Кравцов даже не взглянул на него. Забрался в новый тоннель и пополз вперед. Антон последовал за ним. Обходчик, как всегда, двигался быстро, с легкостью покрывая метр за метром. Проползя по песку и камням, касаясь их кончиками пальцев, он почти не делал перерывов. Антон не мог взять в толк, как слабый с виду человек мог перемещаться с такой ловкостью и при этом использовать одни лишь пальцы. Сам он изодрал в кровь колени и локти, из-за чего им приходилось часто останавливаться.

Выбравшись из тоннеля, они оказались под низким сводом. Повсюду лежали камни. Несколько тяжелых кусков карста огораживали по обе стороны узкий проход. Кравцов прополз туда и, облокотившись об камень, заглянул внутрь.

– Дальше я не пойду, – после долгого молчания неожиданно произнес обходчик.

– Почему?

– Потому что он, скорее всего, где-то там.

Антон заглянул внутрь. Известняковый тоннель, чье днище было устлано песком и камнями, уводил вправо. Впереди был крутой поворот, за которым действительно мог прятаться убийца.

– Ты сказал, что приведешь меня к выходу.

– Так и есть. Выход в следующей пещере, но первым я не полезу.

– Кто же тогда ползет? – растерялся Антон. – Смерти моей хочешь? Ты специально меня сюда завел!

– Я привел тебя к выходу, как ты и просил. Он там. Хочешь проверить, пожалуйста.

Антон схватился за голову. Заставить обходчика он не мог. Только не теперь. Ударить тоже. Свод пещеры нависал слишком низко. Повсюду острые камни. Если завяжется борьба, Кравцов без труда его одолеет. Легче уж сразу пристрелить подонка.

– Я полезу туда при одном условии, – Кравцов протянул руку, словно собирался попросить милостыню. – Отдай мне пистолет.

- Размечтался!
- Тогда останься здесь и умри в двух шагах от свободы.

Кравцов поудобнее уселся рядом с камнем и томно улыбнулся. Он чувствовал себя победителем. Мерзавец заранее все спланировал и теперь наслаждался его беспомощностью. Антон направил на обходчика пистолет, но улыбка на бледном лице стала только шире.

- Хватит уже играть в ковбоя. Сам же говорил, что я нужен вам живой. Не полезу и все.

Еще раз заглянув в тоннель, Антон подметил, что потолок был достаточно низким. Это гарантировало безопасный тыл. Обходчик был безоружен, но вооружись он даже камнем, замахнуться и ударить его в таком узком тоннеле просто не смог бы. Единственное, что он мог попытаться сделать – это сбежать. Антон в отчаяние плюнул. Все равно ползти надо. Не торчать же тут, пока сядут батарейки.

- Давай сюда свой фонарик.
- Зачем это?
- Чтоб я был уверен, что ты не сбежишь.

Обходчик охотно исполнил его просьбу. Антон убрал маленький серебристый цилиндр в карман брюк.

- Теперь отошел назад, – потребовал он, указав пистолетом в противоположную сторону.

Кравцов послушно отполз вглубь пещеры. Антон забрался в тоннель и подался вперед. Добравшись до поворота, он осторожно выглянул. Луч света уперся в стену следующей пещеры. До выхода оставалось меньше метра. Антон подполз туда, снова выглянул и спрятался обратно. Ничего подозрительного снаружи не было.

- Кравцов?
- Антон выполз из тоннеля и просунул туда голову.
- Кравцов ты меня слышишь?
  - Слышу.
  - Ползи сюда.
  - Пошел к черту.
  - Что?

Антон быстро посветил по сторонам. Справа в стене находился точно такой же узкий рукав, забитый камнями. Слева темнела большая трещина, по форме напоминавшая треугольную арку. В воздухе клубилась песчаная крошка, но воздух как будто стал чище.

- Ползи сюда, Кравцов!

Забравшись в тоннель, Антон заполз за поворот. К его удивлению выход оказался замурован. Кравцов, по-видимому, загородил его одним из тех камней. Теперь ясно, куда и с какой целью вел его обходчик.

- Ты прав, «Всего Лишь Лейтенант». Все в руках Господа.
- Ты обманул меня!
- Ты просил показать выход, и я это сделал, – раздался из-за камня приглушенный голос. – Он в соседней пещере, но тебе до него ни за что не добраться, разве что ты умеешь летать. Правый тоннель затоплен, так что тебе лучше передохнуть. Скоро сюда вернется мой друг, и вы с ним поговорите по душам.
- Предатель!
- А чего ты ожидал? Что я вырву сердце из груди и, освещая им путь, поведу тебя к спасению? Антон Гончаров, скажи, ты часом не идиот? Обещал мне суд, тюрьму и неминуемую смерть, а потом попросил отвести наверх, чтобы я сдался в руки властям и помог поймать того, за чей счет уже двенадцать лет живу. Скажи, ты идиот?

Антон молчал. Влажный воздух, бесконечная тьма и холодный камень, наверное, лишили его разума. За одну ночь из человека способного мыслить на два шага вперед он

превратился в недоумка. Потерял способность строить даже элементарные логические цепочки. Он много болтал и совсем мало рассуждал, сейчас же и вовсе не помнил и половины из того, что говорил Кравцову.

- Хочешь жить умеи вертеться. В наше время сострадание смертельно опасно.
- Больше не проси у меня пощады!
- Больше и не придется.
- А как же ты? Один, в темноте, без света. Ты погибнешь.
- Эм... – голос обходчика вдруг сел. – Я об этом как-то не подумал.
- Вот именно.
- Эй! Что же мне теперь делать?
- Помоги отодвинуть камень и без глупостей
- Подожди, подожди. Сейчас.

За камнем началась как-то возня. Посыпался песок, раздались удары. Внезапно обходчик дико закричал.

- Господи! Это он! Он здесь...

Слышно было, как Кравцов хрипит, как бьется всем телом об стену. Антон поначалу онемел от страха, но как только вопли оборвались, попытался подвинуть тяжелый кусок карста. Тщетно. Что-то снаружи крепко держало его.

- Кравцов! Кравцов! Ты меня слышишь?
- Да.
- С тобой все в порядке? Ты живой?
- Почему ты спрашиваешь? – раздался спокойный голос.
- Ты же кричал.
- Я?
- Да. Только что!

Снова наступило молчание.

- Кравцов?

За толстым слоем камня раздалось сдавленное кряхтение. Хохот нарастал, и вот уже было слышно, как обходчик катается по полу, заливаясь смехом. Антон весь задрожал от злости. Ублюдок просто глумился над ним. Отсмеявшись, Кравцов издал шумный вздох, как будто вспомнил что-то очень важное. Вскоре послышался вкрадчивый голос, звучавший так, словно тот пытался его ободрить:

- Не злись. Есть и хорошая новость для тебя. Шан Цунг и ваш кинолог с овчаркой вернулись наверх в целости. Я особенно рад за овчарку.
- Что?
- Ты все правильно тогда рассчитал. Мы действительно собирались от них избавиться, если бы вниз не спустился этот боров Бычков. Мой друг тогда прятался рядом с воздушной шахтой, ждал, пока вы разделитесь. К сожалению с тремя вооруженными людьми и собакой он бы не справился, поэтому пришлось ему сразу забраться в пещеру и замуровать выход.

Несмотря на всю тяжесть положения, лейтенант испытал облегчение. Хоть этим двоим повезло. Последнее время людям слишком дорого обходились его ошибки.

- Чертов Бычков вечно под ногами путается. Тогда ночью мы едва не столкнулись с ним, пока тащили Петренко. Но это единичные промахи. В целом план удался. Исчезновение старика было прелюдией, поводом, чтобы сюда спустилось как можно больше людей. Угадай, кто сделал анонимный звонок в дежурную часть, сообщив о нападении на старика? Суеверный дурак вроде Павла не станет звонить в милицию. Он пойдет к экстрасенсу.
- Кравцов, это не мое расследование. Я ничего об этом не знаю. Я только хотел помочь...
- И ты помог, «Всего Лишь Лейтенант». Выполнил за меня большую часть работы. Не скажу, что мне все это нравится. Эта тварь становится такой ненасытной. Вчера

у него родился план доставить на блюде патруль милиции, завтра он потребует привести ему под нож бригаду обходчиков. Не знаю, чего еще он захочет. Мы и так приложили достаточно усилий, чтобы в пещерах было много свежего материала для работы.

- Как это понимать? Ты сказал, что он не умеет разговаривать.
- Тебе не обязательно знать все, умник. Лучше бы ты думал, что это гигантский муравей.

Кравцов рассмеялся. В этот миг издалека донеслись протяжные неразборчивые звуки очень похожие на вопли. Антон прислушался. Человек кричал совсем неподалеку, может даже в соседней пещере. Кравцов все-таки сдержал обещание, но от этого легче не становилось.

- Слышишь? – с удовольствием произнес обходчик. – Охота продолжается. Экономь патроны. Он рядом.
- Тебе тоже конец. Думаешь, он пощадит тебя?
- Думаю да. Все-таки тот камень предназначался не мне. Сехно хотел убить меня и получил по заслугам. Ты тоже получишь. Думаешь, можно занять красивую жену, приличную работу, быть молодым, здоровым и при всем при этом требовать от обреченного человека сорвать последнюю рубашку? Ты тварь сдохнешь здесь, и я еще полюбуюсь на твой череп.

Крики стали затихать. Антон пополз обратно. Завернув за поворот, он выбрался в пещеру. Из темноты все еще продолжал доноситься скрипучий голос помощника бригадира.

- Ты, наверное, считаешь меня чудовищем? Это не так. Я борюсь за выживание, как и любой другой человек. Если бы ты поклялся тогда перед Богом, что отпустишь меня, я бы помог тебе не задумываясь. Теперь прощай. Жаль, что ты боишься вида крови, потому что когда он придет ее будет много...

На дрожащих ногах Антон подбежал к забитому лазу и пнул каменный тромб. Замуровано намертво. Выход был один – через расщелину. Положив пистолет на вытянутую поперек груди руку с фонариком, он приблизился к трещине. Луч света прорезал тьму, зацепив несколько каменных сосулков. Антон вышел на широкую террасу. Впереди из свода тянулись десятки сталактитов.

Подступив к краю, он разогнал мрак лучом света и мучительно застонал. Внизу темнела вода, и торчали сталагмиты, но добраться до них в его случае действительно можно было только на крыльях. Расстояние между террасой и полом почти три этажа. Если бы внизу была мягкая земля, у него бы появился шанс, но там торчали сосульки и грудились камни. Перелом обеих ног в лучшем случае, а в худшем позвоночника или черепа.

Антон прислонился к стене пещеры, сполз по ней и уселся на камни. Не могло все так закончиться. Он запорол дело, потерял Гната, позволил преступнику скрыться и даже близко не подобрался к убийце. Антон готов был заплакать. Что теперь делать? Ждать, пока сюда заберется неуязвимый, по словам Кравцова, маньяк и перережет ему горло.

К действительности его вернул затяжной стрекот, принесшийся откуда-то издали. Антон и раньше слышал этот звук. Смахивало на стаккато автоматной очереди. Он прислушался. Кто мог стрелять из автомата под землей? Если Кравцов не соврал, где-то поблизости находилась ветка правительственного метро. Валера выбрался, стало быть, подкрепление давно прибыло. Может, сюда спустились бойцы из подразделения ОМОН? Может они только что пристрелил этого выродка!

Антон вскочил в надежде найти хоть какой-то способ спуститься. И он его нашел. Это было похоже на дар небес. В свете фонарика он увидел прочный трос, закрепленный между каменными наростами у стены. Трос был серого цвета подстать камням, вокруг которых был обмотан. Наверное, поэтому он его не заметил. Без труда соскользнув по нему вниз, Антон спрыгнул на ровную площадку. Противоположная стена состояла

преимущественно из известняка, прочного, но не до конца затвердевшего, как это было в нижних пещерах. Миновав ряды каменных сосулук на дне пещеры, он разглядел впереди глубокую трещину.

Подобравшись к ней вплотную, Антон благодарно улыбнулся. Он нашел то, что искал. Впереди за проломом виднелась мощеная кафелем комната. Дотронувшись до стены, лейтенант почувствовал на руке что-то липкое. Посветив внутрь, он шумно сглотнул. На острых кусках карста висели лоскуты кожи. Камень и пол внутри были залиты пятнами крови. Кто-то был тяжело ранен. Зажмурившись, Антон протиснулся сквозь пролом. Испачкавшись с ног до головы, порвав в нескольких местах одежду, он очутился в просторном помещении. Сбросив с плеч рваную крутку, Антон взбежал вверх по лестнице. Здесь ситуация обстояла еще хуже.

– Началось, – шепотом произнес лейтенант.

В центре комнаты у вещевых шкафчиков лежало обезглавленное тело. На человеке были рваные армейские штаны, футболка и огромные ботинки. Лысая голова валялась в углу. Скорее всего, очередной незадачливый исследователь подземелий. Трос, по-видимому, принадлежал ему. Антон решил здесь не задерживаться. Миновав узкий коридор, он попал в тоннель. Глухой звук под ногами заставил его остановиться. Посмотрев вниз, он понял, что стоит на досках. Между рельсовыми плетями лежали деревянные настилы. Стало ясно, где он очутился. Кравцов говорил что-то о контрольном пункте военных и «Метро-2».

Целясь по сторонам, лейтенант поспешил вправо, но выстрелы и лай собак за спиной заставили его остановиться. Развернувшись, он побежал на звуки. Покрыв большое расстояние, Антон постепенно стал различать впереди свет. Достигнув его источника, лейтенант в растерянности посмотрел на новый труп. Рядом валялся фонарик, освещающая перекошенное лицо покойника. Похоже маньяк не на шутку разошелся. Мертвецы стали появляться как грибы после дождя.

Первым делом Антон проверил задел. Убедившись, что внутри чисто, он склонился над трупом. Судя по форме, это был солдат. Совсем еще молодой парень. Навряд ли Валере удалось подключить к расследованию армию. Скорее всего, парень служил на одном из местных военных объектов.

Антон спрятал пистолет и проверил автомат. Перед смертью стрелок, должно быть, палил во все стороны. Повсюду валялись гильзы. Сняв рожок, лейтенант обыскал тело. В чехле на поясе он нашел запасную обойму. Расследование еще не кончилось. Что бы тут не случилось, он примет в этом участие и доведет дело до конца. Больше никаких поблажек и никакого доверия. Тот, кого он преследует не уйдет живым. Приведя автомат в боевое состояние, Антон поднялся и решительно зашагал вперед.

Где-то вдалеке продолжали звучать выстрелы.

***

Павлович Феликс лежал на койке и, закинув руки за голову, смотрел в потолок. Сон не шел. В казарме он был один. Вдоль стен в два ряда кантиком тянулись десять металлических кроватей, чередовавшихся с деревянными тумбочками у изголовий. К стене над койкой номер шесть был прибит крест. Дверь украшал календарь с голой бабой на танке. Укрытый линолеумом пол затерт до дыр. Настоящий тюремный декор.

Сейчас почти все отделение базы отдыхало. Как обычно они делали это где угодно, только не в казарме. Даже старшина дрых на диване в комнате отдыха. Близило время обеда, но Феликс успел перекусить до дежурства, которое оказалось недолгим. Час назад они с Олегом Ершовым патрулировали сектор. Молодой солдат и сейчас разгуливал где-то там, перепроверя входы и выходы.

«Почему шестая койка проклята?» – вспомнил он слова солдата. Дурачьё. Они ведь взаправду в это верят, но боятся признаться и посмеиваются друг над другом. Ершов тем

более, ведь он спит на ней уже три месяца. Феликс вспомнил, как солдат умолял оставить его одного. Парень явно что-то затевал. Неужели Ершов и вправду думал, будто он поверит, что его бросила девушка. У такого раздолбая их должно быть как минимум три. Феликс презрительно фыркнул. Пришлось даже подыграть ему. Таким вниманием его не удостаивала даже мать, а этот готов был в лепешку расшибиться, лишь бы драгоценный сержант не страдал во время обхода. Солдат, наверное, мечтал полазить по внутренним коридорам, осмотреть запертые комнаты и тоннели. Все новички начинают службу со сталкинга. Что с того? Пусть ковыряется в грязи. Он бросил эти игры три года назад, когда понял, что искать нечего.

Поднявшись с кровати, Павлович Феликс привел форму в порядок. Голова все еще болела. В этом не было ничего удивительного. За три дня он проспал всего десять часов. Ему действительно ужен было отдых. Феликс дал себе слово, что на гражданке не будет вылезать из постели целую неделю и пусть мать говорит все что хочет. От одной мысли о родительнице сержанта передернуло. Почему женщины под старость сходят с ума? Ее чрезмерная опека, религиозность и непрерывные поиски невесты для него были похожи на паранойю. Только под землей удавалось от нее скрыться.

Феликс медленно обулся, нацепил очки, защелкнул на талии ремень с оружием, причесал расческой усы и вышел. Длинный коридор, выложенный белым кафелем, привел его к шахте лифта. На стене желтой краской была выведена цифра восемь. Поднявшись на пятый уровень, Феликс вышел в точно такой же коридор. Шагнув за поворот, он пересекся с рослым солдатом. Громила был вооружен автоматом. Рядом на поводке шла немецкая овчарка. Почуввав сержанта, псина угрожающе зарычала.

- Эй, Феликс, – улыбнулся солдат, – давно хотел спросить, почему тебя собаки не любят?
- Потому что я несъедобный, – буркнул через плечо сержант. – Почему не на вахте, Скачков?
- Так получилось...

Солдат даже честь не отдал. Захлопнулись двери лифта. Феликс помрачнел. Проследовав по коридору мимо дверей и ниш с уродливыми кактусами до самого конца, сержант завернул вправо и вошел в пищеблок. Внутри за металлическим столом два мужика в темно-зеленой форме играли в шашки. Толстый и тонкий, прямо как у Чехова. Увидев Феликса, Бугер и Стравин заулыбались, карикатурно отдав честь.

- Вот пришел любитель экзотики, – насмешливо прокомментировал пухлый сержант с залысиной.

Взгляды обоих задержались на поясе сослуживца, где в кобуре ютился удобный и легкий пистолет марки Глок. Феликс помрачнел сильнее.

- Слушай, брат, мы тут подумали, – добавил тонкий, делая ход шашкой. – Подарим тебе на день рождения М-16. Только она требует ухода как женщина. Здесь так сыро. Не дай Бог винтик проржавеет.

Сержант широко улыбнулся. Обтянутые кожей скулы и острый подбородок тотчас расплзлись в стороны как у мультяшного персонажа.

- Ага, – поддержал толстый, смешно надув пухлые щеки. – Слыхал анекдот, почему америкосы проиграли войну во Вьетнаме?
- Догадываюсь...
- Не кисни, брат. Последний день смены всегда идет за два. Сами ждем увала. – Сержант повел рукой над доской. – Третьим будешь? Я готов уступить.
- Настроения нет. Вы видели Скачкова? Почему рядовой покинул пост?

Оба пожали плечами, будто так и должно быть. Феликс тяжело вздохнул. Не армия, а дурдом какой-то. Продвижению по службе он был обязан неукоснительному соблюдению принципов, заложенных его отцом-офицером. Феликс свято чтит закон и порядок, считал себя патриотом и при всем при этом оставался честным человеком. Служебным положением не злоупотреблял. Арсенал не потрошил. Приказы чтит свято. Государство, в

свою очередь, снабжало его всем необходимым. Паек, двухкомнатная квартира, медицинская страховка и гарантированная пенсия – что еще нужно мужчине для полного счастья в сорок два года? Феликс задумался. Жена бы точно не помешала.

- Расслабься. Петр и Павел обещали его сменить, – произнес толстый сержант, услышав вздох сослуживца.
- Почему они мне не доложили?
- Наверное, забыли, – задумался тонкий сержант, пробежав глазами по выбеленному потолку. – Нынче народ ленивый пошел.
- Лентяям здесь не место. Если уж взялся родину защищать, то будь как штык!
- Худой и голый?

Феликс закусил губу. Вечно Стравин со своими шутками выставляет его на посмешище.

- Я и забыл, что ты у нас патриот. Да брось, Феликс. Думаешь, я пошел сюда отчизну спасти? – ухмыльнулся Стравин. Его острые скулы дернулись так, словно собирались разорвать кожу. – Под землей все таски ловят. Это лучше, чем в области кирзу топтать или на китайской границе дедовать.
- Это то, что ты решил для себя сам, Стравин. Лично я здесь, чтобы обеспечить законную власть, – произнес Феликс, деловито поправив очки. – Я люблю страну в которой живу и понимаю, как важна наша служба.
- Проснись и пой, Дядя Степа! – нараспев гнусавым голосом протянул толстый сержант. – Тебя сняли с обслуживания ракетного комплекса и понизили на двести метров, чтобы ты охранял свалку. Сразу видно как высоко они тебя ценят.
- Кто-то же должен это делать. Сами знаете, что без нас тут все растащат. Я бы и один смог охранять базу, если бы начальство отдало такой приказ.
- Тоже мне мушкетер на службе короны. Если ты такой патриот, тогда зачем спонсируешь фрицев?

Ироничный взгляд собеседника вновь коснулся Глока.

«Причем здесь немцы, идиот? Глок производят в Австрии», – подумал Феликс. За три года службы в этом цирке он не научился ничему полезному. Более того, сам, кажется, начал деградировать. Время здесь как будто остановилось. Восемь из десяти членов отделения (за исключением старшины, у которого имелось хоть какое-то понятие о служебном долге) днями напролет плевали в потолок, играли в глупые игры и насмехались друг над другом. Иногда это касалось его предпочтений в плане оружия. Феликс никому не говорил, почему разочаровался в культовом пистолете. Кто ж ему поверит, если он скажет, что Макаров для него что фотоаппарат «Зенит» – рабочая лошадка из каменного века. В Чечне, где Феликс служил связистом, ему пришлось пострелять. Тогда, во время осады штаба, он сильно пожалел, что Николай Федорович вложил в обойму всего восемь патронов.

Над дверью замигала красная лампочка. Мягкий свет люминесцентных трубок потонул в кровавом сиянии. Уловив зловещее мерцание, сержанты насторожились. Последний раз сигнал тревоги включали полгода назад, когда тоннели затопило дерьмом из местных отстойников. Вонь тогда была страшная. Бугер уже потянулся к рации, когда в пищеблок ворвался старшина. Сутулый мужчина в распахнутой армейской ветровке с автоматом в руках уставился на них ошарашенным взглядом.

- Вот это да! Полная обойма. Знаете, наша столовая с некоторых пор напоминает мне киндер-сюрприз.
- Это еще почему?
- Да потому что никогда не знаешь, что внутри.
- Я бы не отказался. С детства мечтаю коллекцию бегемотиков пополнить, – промурлыкал полный сержант, облизывая пухлые губы.
- Совсем оборзели? Ты уже сам, как бегемот, Бугер. Разъелись на казенных харчах. Расслабились. Предупреждал я вас!

- Да в чем дело-то? – невинно развел руки в стороны Стравин, с опаской глядя на разъяренного старшину.
  - Встать, когда с вам разговаривает старший по званию! Я кому говорю!
- Оба сержанта поспешно поднялись и вытянулись по стойке смирно.
- Теперь слушайте. На Олега напали...

Тягучую атмосферу лени как рукой сняло. Сержанты переглянулись. Под землей многое случалось. Были здесь агрессивные бродяги с ножами и голодные крысы размером с кошку, но чтобы кто-то вот так запросто напал на вооруженного солдата, такого еще не было.

- Объясните мне, почему этот олень шляется вне базы без сопровождающего? Кто сегодня должен был с ним дежурить?
- Я, – жалко пискнул Феликс.

Старшина оглянулся. Мгновение он смотрел на него таким взглядом, словно видел впервые, потом спохватился и вытер вспотевший лоб. Сменив гнев на милость, старшина все же пригрозил сержанту пальцем.

- Ну и ну. Феликс. Как же так получилось?
- Мы хотели осмотреть шестой сектор. Мне стало плохо, – виновато пробормотал Феликс. – Я вернулся на базу, а он пошел дальше. Ершов часто дежурил. Он сказал, что справится в одиночку.
- Справился... Вечером в письменной форме подашь мне рапорт. Сейчас же важно задержать нарушителей и найти пострадавшего.
- Что с ним случилось?

Феликс почувствовал, что колени начинают предательски дрожать. Доигрался. Три года служил как робот и ни одной ошибки, стоило один раз расслабиться и на тебе. Может койка и впрямь проклята?

- Перед тем как оборвалась связь, он крикнул, что ранен. Я уже доложил в штаб и запросил подкрепление. Состав прибудет через тридцать минут.
- Так долго?
- Нам разрешено действовать своими силами. Надеюсь, автоматы вы не разучились держать?
- Позовите хотя бы Скачкова, – предложил Бугер.
- Я здесь, – послышался из-за двери басистый голос кинолога, державшего на поводке двух овчарок.
- Егор со своими псынами уже в тоннеле. Остальные с ним. Шевелитесь! – скомандовал старшина. – Феликс, остаешься в расположении.

Оставив Феликсу рацию, старшина, оба сержанта и солдат с собаками покинули столовую и исчезли за поворотом. Воспользовавшись электронным ключом, старшина разблокировал замок. Открыв тяжелую огнеупорную дверь, он вместе с подчиненными скрылся во мраке. Раздался далекий сигнал. Дверь захлопнулась. Феликс остался один.

Люминесцентные лампы сияли ровным светом. Через минуту простоя в столовой, сержанту стало не по себе. Он все время думал о происшествии. Кто мог напасть на Ершова? Здесь не так много выходов на поверхность. У них и раньше бывали гости, но их всегда удавалось перехватить. Встретив патрульных с автоматами, нарушители становились вежливыми и кроткими как монашки. Напасть на солдата мог только сумасшедший. На всякий случай Феликс открыл кобуру и прошелся до двери.

Приложив пластиковую карту к настенной пластине, он разблокировал замок и вышел на освещенную площадку. Здесь сержант к своему большому удивлению столкнулся с двумя оборванцами – дети бомжей, не иначе. Оба затравленно озирались по сторонам. Мальчишки, увидев его, ничуть не испугались, скорее наоборот.

- Значит, это из-за вас здесь столько шума? – произнес он, поглаживая курок пистолета.

На парне покрепче был красный комбинезон, разорванный на груди. На лице и руках сплошь кровоподтеки, синяки и ссадины. Складывалось впечатление, что беднягу избивал целый полк. Его товарищу повезло больше. На хилом паренёчке со скошенными плечами была бесцветная клетчатая рубашка с длинными рукавами и спортивные штанишки. Лицо нетронуто, не считая пары царапин и грязи. Оба едва держались на ногах.

– Пожалуйста, мы...

– Говорить буду я, – оборвал Феликс, пощипывая ус. – Вы, наверное, братья?

Парни переглянулись. Вопрос показался им странным.

– Нет. Мы даже не родственники.

– Как звать?

– Я Дмитрий Скворцов, а это мой друг Константин Немоляев, – уверенно ответил парень в комбинезоне.

– Что понадобилось внизу?

– Мы нашли вход на заводе, спустились и...

– Ни слова больше. Меня не интересует, как вы сюда попали. Я спрашиваю: с какой целью?

– Просто хотели посмотреть что внизу. Потом нашли бункер и заброшенную станцию. Там мы встретили его...

– Кого?

– Маньяка.

– А ему-то что здесь понадобилось?

– Мы не спрашивали!

– Мы диггеры, – выпалил чахлый паренек.

Феликс нахмурился. Это многое объясняло. Чудики в именных касках появлялись здесь и раньше.

– Теперь мне все ясно, – сухо произнес сержант, включив рацию. – Мог бы и сам догадаться. С вашей стороны глупо и опасно лезть на амбразуру. Вы нарушили границу первый и последний раз. Эти тоннели собственность министерства обороны. Есть соответствующий указ, согласно которому военные объекты под юрисдикцией высшего командования вооруженными силами считаются секретными зонами класса Абсолют.

– Что это значит?

– Это значит, что даже мэру Москвы запрещено здесь находиться, – с гордостью объяснил сержант.

– Где же мы? – спросил плечистый парень назвавшийся Дмитрием.

– Так я вам и сказал, – уголком рта улыбнулся Феликс, приложив рацию к уху.

Хитрый диггер попался. Парней могли специально подослать, чтобы заговорить ему зубы. На всякий случай Феликс достал пистолет. Если вдруг нагрянут их дружки в именных касках он будет готов к встрече.

Заметив оружие в его руках, мальчишки попятились.

– Вы чего? – пролепетал тощий паренек.

– Имейте в виду, это пистолет марки Глок. У него автоматический предохранитель и магазин на семнадцать патронов. Без перезарядки можно положить целое отделение, а я прекрасно стреляю.

– Зачем нам это знать? – с тревогой спросил парень в комбинезоне.

– Подумайте об этом, прежде чем дать мне повод или натравить на меня своих приятелей.

– Мы здесь одни.

Внезапно рация громко зашипела, заставив Феликса отдернуть руку. Из динамика и тоннеля одновременно раздались выстрелы. Сквозь механический шум пробился голос старшины:

– ...Ты это видел?

- ...Вижу. Вот он! – голос Стравина потонул в выстрелах и гавканье собак.
- ...Этот гад швыряется ботинками!

Феликс слегка опешил, посмотрев в ту сторону, откуда доносились звуки. Стрельба в тоннелях разрешалась только в крайнем случае. Кругом висели кабели и распределительные щиты. Да и что группе вооруженных солдат могла противопоставить кучка нарушителей? Ясно одно, начальство такой ход не одобрит.

- Доложите, что у вас происходит! Вы что там все с ума посходили? – прокричал сержант в динамик.
- ...Олег убит, – не сразу произнес старшина. – Давно такого не видел... Это уж слишком...
- Убит? – не своим голосом переспросил сержант.

Внутри все похолодело. Час назад этот веселый любознательный парень шел вместе с ним по тоннелю. Они разговаривали тогда последний раз. Теперь он мертв. Не стоило его оставлять одного. Это был его просчет. Первый и последний. Феликс направил пистолет на мальчишек.

- Не двигаться! Вы арестованы!
- Но мы, – попытался объяснить парень в комбинезоне.
- Молчать! Застрелю!
- ...Феликс, мы обнаружили нарушителя... Ты меня слышишь?
- Диггера? – побледнел сержант. – Я задержал двоих. Сколько еще нарушителей?

Старшина, по-видимому, его не услышал. Из динамика доносились только голоса людей и лай овчарок.

- ...Где он?
- ...Вот он! Нет не там! Смотри!

Раздалась автоматная очередь. Кто-то пальнул из пистолета. Следующая серия выстрелов смешалась с утробным рычанием овчарки. Феликс целился в нарушителей, попутно слушая далекую канонаду, и не знал, как поступить. Складывалось впечатление, что началась война. Так просто. Тишина и покой, а потом вдруг стрельба.

- ...Это какой-то бродяга, – наконец сообщил старшина. – Очень ловкий и высокий. Сначала стал кидаться в нас ботинками, а потом.... Потом....
- Что?
- ...Все равно не поверишь.
- Говори уже!
- ...Потом пополз по отвесной стене.

В глубине тоннеля прогремело стаккато автоматной очереди. Кто-то из солдат не выдержал, спустив весь рожок. Сия вопиющая расточительность не осталась без внимания. Феликс пришел в себя и спрятал пистолет. Хорошо хоть гранаты им не выдают. Старшина, кажется, забыл устав и чересчур увлекся, устроив здесь второй Сталинград.

- Прекратить огонь! – строго потребовал Феликс. – Не знаю, кто у вас там ползает по стенам, но это не дает вам право стрелять. Сами знаете, что вы можете повредить...
- ...Во второй тоннель! – сорвался удаляющийся голос Стравина, вперемешку с лаем обезумевших овчарок.
- ...Вижу! Фас! Фас!

Раздался топот ног, следом грохот и падение чего-то металлического. Сквозь помехи прорвался визг собаки. Громкий удар, хруст выворачиваемых костей. Под аккомпанемент снова стрельба.

- ...Что с псиной сделал?
- ...Я вам говорил, цельтесь в голову!
- ...Слишком быстро. Не могу прицелиться.
- ...Вижу его! Вот он опять! Правильно, беги, сволочь!
- ...Михеев, вернись! Это приказа! Эй, что встали? Давайте за ним!

– Куда? Что происходит? – задрожал Феликс, сделав знак мальчишкам, чтобы те подошли ближе.

Тяжелый голос старшины звучал отрывочно. Помехи поглотили речь, выдавая непонятные обрывки:

– ...Во второй тоннель... Преследуем.... Оттуда... Он.... К тебе.... Немедленно... на базу... Приказываю...
– Пожалуйста, идемте! – взмолился паренек в рубашке, боязливо озираясь по сторонам.

На площадку опустилась гнетущая тишина. Где-то вдалеке состав отделения всем скопом преследовал нарушителя. Постепенно голоса оборвались. Издалека приносились только звуки одиночных выстрелов. Вскоре стихли и они. Осталось лишь размеренное завывание ветра. Натриевые лампы над головой сияли желтоватым светом.

– Скорее, – снова поторопил Костя.
– Что он сказал о тоннеле? – спросил Дима.
– Второй тоннель у первого склада, – пояснил Феликс. – Он аварийный. Оттуда есть выход на Калининскую линию. Технический коридор огибает сектор по кругу и возвращается на головной пост.

Он ткнул пальцем в правый конец тоннеля.

– Значит, так они вернуться к нам?
– Это единственный путь.
– Сколько метров в техническом коридоре?
– Это не твое дело. – Феликс грубо схватил парня за плечо и толкнул к двери. – Вы оба, за мной. Не знаю, кто этот бомж и кем вы ему приходитеесь. Совершенно убийство. Когда его поймают, мы вас допросим и передадим верхним службам.
– Поскорее бы, – пробурчал Костя.

Чтобы открыть дверь снаружи требовался длинный код. Феликс стал торопливо вводить комбинацию цифр, попутно заслонив табло. Не хватало еще, чтобы диггеры узнали пароль. Что с ними делать – он уже решил, и ждать остальных было совсем необязательно.

***

Набрав код на панели, сержант затолкнул их в хорошо освещенный коридор. Диме этот усаый мужик сразу не понравился. Мало того, что он не представился, так еще задал кучу непонятных вопросов и разрекламировал свою пушку. В том, что это кто-то из командного состава он нисколько не сомневался. Мужик был вооружен собственным стволом и держался чересчур уверенно в сравнении с молодым солдатом в тоннеле.

Оставив дверь открытой, сержант повел их по длинному коридору.

– Вы забыли закрыть дверь, – напомнил Костя.
– Внешние двери запираются автоматически.

Дима оглянулся. И действительно, дверь за спиной закрылась сама. Щелкнул массивный замок. Раздался короткий сигнал. Отныне никто посторонний не мог к ним попасть.

Над головой гудели трубки люминесцентных ламп. По пути попадались блестящие металлические двери в глубоких нишах, огнетушители, пожарный щиток, несколько стульев и кадка с увядшим фикусом. Коридор был выложен серым кафелем в цветочек, каким когда-то мостили полы ваннх комнат и общественных туалетов.

Остановившись на перепутье, сержант стал водить головой из стороны в сторону, видимо решая, куда поместить своих пленников. После недолгих раздумий усач выбрал правый коридор, впусив их в помещение пищеблока. Внутри было много металлической мебели. Длинные столы и скамьи. Холодильник и микроволновка. На кухонной плите стояла вычищенная до блеска посуда. Над входной дверью мигала красная лампочка.

Упав на холодную твердую скамейку, они первый раз за ночь почувствовали себя в безопасности. Сержант уселся напротив и, положив перед собой пистолет и рацию, стал внимательно смотреть. Диме его пристальный взгляд очень быстро надоел. Они находились под арестом, но это не давало ему права глазеть на них как на экспонаты антропологической выставки. Он открыл рот, собираясь намекнуть, но усач моментально приложил палец к устам, перебив его в своей невозмутимой манере:

– Для начала я бы хотел увидеть ваши документы.

Прежде чем Дима успел что-либо ответить, Костя послушно вытащил из штанов паспорт и положил его на стол. Мужик набросился на мокрую книжечку как голодный пес на кусок мяса и стал жадно вычитывать информацию. Поймав встревоженный взгляд товарища, Дима только мотнул головой.

– И что же вам, мальчики, дома не сидится? – через минуту спросил надзиратель, спрятав паспорт в нагрудный карман ветровки. – Я служу на этой базе три года. Два из них провел под землей, – спокойно констатировал усач, поправив очки. – Знаете, сколько раз я ловил здесь нарушителей вроде вас?

Дима пожал плечами.

– Шесть. Это чертовски много, если учесть что у нас тут не центр и попасть сюда сверху практически невозможно. И откуда вы только беретесь?

– Мы больше не будем, – жалобно протянул Костя.

– Знаю, малыш, – нежным голосом молвил сержант. – Бомжи, наркоманы, обходчики, даже журналисты. Кого я только не повидал в этих тоннелях. И диггеры тоже были.

– Но мы не бомжи! – воспротивился Дима. – Мы граждане этой страны, и как граждане имеем право...

– Ни слова больше. Я тоже ее гражданин. Все ваши права указаны в Конституции РФ, но под землей не действуют иные законы, кроме тех, которые вы должны знать и которых достаточно, чтобы сюда не спускаться, – бойко отчеканил сержант, пощипывая ус.

– Но мы не нарочно! Мы бы не стали вас беспокоить...

– Знаю, знаю, – участливо вздохнул тот, поглаживая указательным пальцем курок пистолета. – Проблема в том, что все вы говорите одно и то же.

– Да ладно? – нахмурился Дима. – У нас есть информация для правоохранительных органов. Если не сообщить, погибнут люди. Такое вам кто-то говорил?

Слова возымели должный эффект. Собеседник с еще большим интересом стал их рассматривать.

– Все что вы знаете, можете рассказать мне.

Идея Диму устроила. Все лучше, чем сидеть в тишине под взглядом надзирателя. Будет обидно, если в итоге на них повесят все, что натворил проклятый маньяк. Поймать его они все равно не смогут. Ведь не поймали же раньше. Зато в том, что пещерный садист поубивает половину героической опары, Дима нисколько не сомневался. Собравшись с мыслями, он решил выложить все начистоту.

– Есть основания полагать, что в метро исчезают люди.

– Вот как? И куда же они деваются?

– Это правильный вопрос, – обрадовался Дима, переходя к сути. – Глубоко под землей в пещере за водопадом есть грот. Там мы нашли останки двадцати пяти человек. Каски, жилеты, фонари, инструменты...

– Их убил маньяк?

– Да!

– Старая песня, – мирно улыбнулся усач. – Два месяца назад мы задержали обходчика. Парень утверждал, что в метро водятся привидения. Он клялся, что наверху исчезают люди, поэтому, когда обнаружил лестницу вниз, решил спуститься и проверить.

– И что вы с ним сделали? – осторожно поинтересовался Костя.

- Отправили обратно и вызвали милицию. Часто люди готовы пойти на все, лишь бы избежать наказания.
- Причем здесь привидения? Мы не работаем в метро. Мы пришли из пещер, – сорвался Дима, вскакивая с места. – На наших глазах убили троих человек! Погиб ваш коллега! Почему вы нам не верите?
- Сядь, – строго потребовал дознаватель, недовольно зашевелив усами.

Дима подчинился.

- Взгляните на это с моей стороны. Если в метрополитене действительно пропадают люди, почему тогда их руководство ничего не предприняло? У них есть соответствующие службы, есть камеры наблюдения. Почему от них не поступало заявлений об исчезновениях? Мы бы об этом знали. Согласитесь, это, по меньшей мере, странно.

Злость клокотала у Димы в горле, и она готова была вырваться наружу в самой гнусной форме. Однако, принимая во внимание вежливость, с которой этот военный разговаривал с ними, а ведь он мог и не церемониться, Дима счел разумным сгладить рвущуюся браваду:

- А почему у нас в стране в XXI веке люди умирают от голода? Почему при всей строгости законов процветают взятки? Почему на каждого бомжа приходится по три миллионера? Почему мой военком разъезжает на Порше? По той же причине, по которой умалчивается гибель двух десятков человек. На все один ответ – деньги!
- Какой слог! Сам ты этих денег, как видно, не имеешь, – рассмеялся усач, но глаза его оставались холодны. – Разговор был не о коррупции. Хотя бы на минуту представь себе такую ситуацию. В метро работают десятки тысяч людей. Ежедневно туда спускаются миллионы пассажиров. Новость об искалеченных телах в таком количестве едва ли их обрадует. Начнутся массовые увольнения, митинги протестов, перегрузка общественного транспорта...
- Какое мне до этого дело? Я видел все собственными глазами. Я был жертвой.
- Это я вижу. Когда прибудет неотложка, нужно будет показать тебя медикам.
- Мне не нужен врач! – не унимался Дима, все еще надеясь достучаться до зануды. – Я хочу, чтобы люди знали правду. У меня есть доказательства и знакомые специалисты, которые смогут помочь. Я отведу туда людей и обнародую материалы в сети, в газетах, на независимых телеканалах. Где угодно!
- Дерзайте, – зыркнул исподлобья усач, поправив сползшие очки. – Мы к метро никакого отношения не имеем.
- Значит, вы ничего не предпримете? – удивился Костя.
- Он убил одного из ваших!

На лице дознавателя мелькнула тень раздражения, но это длилось лишь мгновение. Мужчина снова улыбнулся и пригрозил ему пальцем.

- Может быть, это сделал один из ваших. В любом случае, мое командование не станет терпеть врага под боком.
- Это необычный враг. Слышали, что сказал ваш начальник? Он лазает по стенам. В пещерах он двигался со скоростью, на которую не способен ни один человек. У него огромная голова, водянистые глаза и нечеловеческая сила. При всем при этом, он с ног до головы замотан в тряпки и кажется тощим как спичка. Кто это, по-вашему?
- У тебя богатая фантазия, – умиротворенно улыбнулся мужчина. – Вы столкнулись с обыкновенным бомжом или наркоманом. Не важно где и как. Если он серийный убийца, мы его уничтожим без суда и следствия. Факты дела, разумеется, засекретят. Как и любое другое преступление, совершенное в секторе класса Абсолют, оно останется в архиве.
- А как же те, кого он убил? – невинно хлопая глазками, пробормотал Костя.

- Если все, что вы мне сейчас сказали – правда, то это большая трагедия, но не стоит делать из мухи слона. У государства свои методы управления информацией. СМИ число жертв сократят. В метро установят памятник. Принесут цветы и все постараются об этом забыть.

Дима понимающе кивнул. В этой стране любят ходить по граблям. На столовую обрушилась тьма. Костя негромко вскрикнул. Дима инстинктивно выхватил из-за пояса фонарик, за последнее время ставший для него чем-то вроде глаз. Его посетила одна единственная мысль: «Опять начинается». В желтоватом свете он обнаружил напротив пустой стол и пустую скамейку. Усатый мужчина уже стоял у противоположной стены пищеблока. Вернув пистолет в кобуру, он достал из-за вытяжки маленький галогеновый фонарик и включил его. Их лучи соединились.

- Что за напасть? Такого раньше не было, – обеспокоено произнес он, жестом велел обоим подняться.
- Это он, – шепнул Костя.
- Тот бомж? Ерунда! Тут вам не бомбоубежище с бензиновым генератором. Нас питает объединенная энергосеть. Подстанция очень далеко. – Тут он запнулся. – Если только...
- Что?
- Здесь повсюду предохранительные щитки и кабели. Повреждение некоторых может вызвать кратковременные перебои. Я так и знал! Наверняка они прострелили один из них.
- А замок электронный, – для полноты угрозы довершил Дима.

Мужчина прокрался к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор. В темноте звучал его напряженный голос:

- Почему вы думаете, что он пойдет именно сюда?
- Он ищет нас, – заскулил Костя, сжившись в комочек за столом.
- Даже если так. Ему потребуется время, чтобы пройти технический коридор.
- Я же вам говорил, – терпеливо произнес Дима, удивляясь тупости военного. – Он движется быстрее любого человека.
- Даже если он олимпийски атлет, – не выдержал мужчина. – Нельзя пробежать три километра за пять минут. Если он и появится здесь, то не меньше чем через двадцать.
- А если он спрятался и вернулся. Сколько тогда?
- Ему негде спрятаться. В любом заделе собаки его учуют.
- Если он не свернул им шеи, – добавил Дима, стараясь не думать о том, что еще маньяк успел натворить. Одну собаку точно убил. Он сам слышал визг.
- Нет! Невозможно! Там четыре немецкие овчарки. Эти псы разорвут любого человека.

Спорить о возможностях местных псов Дима не стал. Сейчас его беспокоила собственная безопасность и безопасность друга. Если бы служивый был умнее, он бы давно увел их отсюда.

- Кроме вашей группы здесь есть люди, которые могут нам помочь? – спросил Дима, нащупав в нагрудном кармане последний фальшфейер. У военного было при себе оружие, но недавний опыт подсказывал, что на чужой ствол в такой ситуации рассчитывать не стоит.
- Конечно. На другом конце тоннеля есть несколько операторов.
- Хотите сказать, что мы одни?
- Послушай, мальчик, – нахмурился тот, недовольно пошевелив усами, – у нас тут не кремлевский павильон. Эта закрытый военный объект и нет резона держать здесь роту солдат.
- Тогда нужно драпать.

Дима подскочил к двери, но усач изловчился и успел схватить его за руку. В лицо ему ударил ослепляющий луч света.

- Ни с места! Ты что думаешь, я с собственной базы побегу?
- Тогда отведите нас в безопасное место.
- Пожалуйста, – взмолился Костя.
- Через двадцать минут сюда прибудет состав.
- У нас нет и пяти!
- Хорошо. Тогда спустимся в БУР.
- Куда?
- На восьмой уровень. Там есть укрепленный блок.
- Блок чего?
- Я и так вам слишком много рассказал. Больше никаких вопросов.

Втроем они вышли в коридор. Матовые трубки над головами потрескивали, издавая звук подобный стрекоту сверчков. В белоснежном коридоре как будто велась битва между светом и тьмой. Люминесцентные лампы одновременно вспыхивали и гасли. Свет держался некоторое время, и вновь исчезал, позволяя мраку заполнить все вокруг. Каждый такой скачок напряжения сопровождался сбивчивым гулом барахлившего где-то вдали генератора.

Военный шел впереди. Двигался быстро и уверенно, держа наготове пистолет. Следуя за проводником, Дима с тревогой осматривал широкий коридор. Длинный и ровный, с множеством дверей и ниш, он тянулся вперед, обрываясь за поворотом. Всякий раз, когда мерк свет, Дима боялся, что во время следующей вспышки впереди будет стоять рослая фигура с киркой.

Они быстро добрались до развилки. Очередная вспышка озарила серый кафель и белые стены мягким светом. Дима заглянул за угол и успокоился. Коридор, ведущий к выходу, был свободен. Дверь была закрыта. Чудовищный маньяк так и не появился. Можно было бы побежать навстречу вооруженному отряду. Едва ли служивый будет стрелять им в спины. Только неизвестно, с какой стороны тоннеля ждать помощи, а с какой преследователя. Повременив с побегом, Дима устремил взор на конвоира, на поясе которого снова заработала рация.

- ...Куда вы пропали? – раздался грубый голос.
- У меня аналогичный вопрос.
- ...Мы его потеряли. Скачков тяжело ранен. Мы возвращаемся.
- Время прибытия? – потребовал усач, переводя взгляд на циферблат наручных часов.

Глянув на них, Дима заметил, что уже десять часов утра или вечера. С момента, когда они спустились в шахту на заводе, прошла одна ночь, а перед глазами как будто пролетела вся жизнь.

- ...Пятнадцать минут.
- Вас понял.
- Это долго, – смело вставил Костя.
- Где подозреваемый? Когда вы его видели последний раз? – спросил усач, бросив на паренька недовольный взгляд.
- ...Во втором тоннеле. У первого задела. Замок был открыт ключом. Судя по всему, он и раньше здесь ходил. Нужно как можно скорее известить службу безопасности метрополитена. Пусть перекроют выходы из тоннеля и вызовут кого следует.
- Ну, вот и все, – глубоко вздохнул усач, одарив парней умиротворенной улыбкой. Лампы над головой затрещали и погасли.
- Спросите, что со светом? – попросил Дима, решив держать фонарик включенным пока все не исправят.
- Откуда перебои в энергосети?
- ...Мы повредили щиток. Случайно. Он спрятался рядом и мы...

– Можете не объяснять. Возвращайтесь скорее.

Он вернул рацию на место. Все сложилось на редкость удачно, но, по мнению Димы, чересчур быстро и в их пользу. Не могло все так легко закончиться. В темноте он нащупал руку Кости. Она была холодная как снег. Пальцы дрожали. Страх не уходил. Дима чувствовал то же самое. За кошмарную ночь в пещерах у него развилось шестое чувство и сейчас оно подсказывало, что опасность близка как никогда.

– Нам лучше спуститься в этот ваш БУР.

– Зачем? Ты слышал, он ушел.

– Спустимся.

– Зачем?

– На всякий случай.

В темноте раздался тихий смех.

– Я тебя понял, – не удержался усач и покачал головой, дав понять, что смеется над собой. – Как же я сразу не догадался. Старею, старею. Умный мальчик, ты, наверное, в МГУ учишься?

– Я?

– Да, ты. Столько вопросов и все не по делу. Тяга к знаниям это, конечно, похвально, особенно для молодого человека, но никто здесь не станет утолять твою жажду просвещения. Зачем мне вас водить по базе? Чтобы ты потом составил план нашего сектора и продавал на каждом углу другим диггерам или террористам.

– И в мыслях не было... – попытался оправдаться Дима, но усач его оборвал, тихо зашипев.

– Вот что. Никуда я вас не поведу. Сейчас мы вернемся обратно в пищеблок, сварим каши, и будем ждать у моря погоды.

– Это ошибка.

– Ошибку совершил я, болтая с вами. Признаюсь, вы заговорили мне зубы, но от этого ваше положение только удушится.

Сержант продолжал говорить, попутно шипя словно змея. Дима немного растерялся, недоумевая, как служивому удастся делать и то и другое одновременно. Добродушная физиономия, лучезарная улыбка, усы, дурацкие очки. Он уже видел нечто подобное и раньше. Тут его осенило. Косматский! Ну конечно. В пещере за водопадом лежал старый паспорт. Мужчина на фотографии был похож на него.

Люминесцентные трубки затрещали, затопив коридор мертвенно бледным светом. За спиной у сержанта стояла темная фигура. Костя взвизгнул, отшатнувшись к стене. Из-под широкого матерчатого капюшона на них устремился злобный взгляд. Светоотражающие полосы на оранжевом жилете отливали серебром. У пояса широкий ремень, на котором висели самодельные чехлы, фонарик и несколько ножей. Дима толком не успел ничего рассмотреть.

Лампы погасли. Далекий гул возвестил о новом сбое. Раздались выстрелы. Заметив испуг на лице Кости, усач развернулся и без колебаний всадил в маньяка пулю за пулей. В лучах фонариков коридор озарили четыре огненные вспышки. На лицо Диме попали кровавые капли. Три пули попали в цель. Четвертая вошла в стену. Маньяк пошатнулся, попятился к стене, но на ногах устоял. Из оранжевого жилета поползли красные струйки. Слишком мало после трех выстрелов из такого мощного оружия.

– Не-е-е возможно, – протянул усач, теряя оружие.

Врачаясь в воздухе, пистолет улетел во тьму. Убийца схватил стрелка за горло и притянул к себе. Дима с ужасом ждал, что живодер сомнет ему челюсть или оторвет голову, но тот внимательно разглядывал лицо жертвы, как будто узнал его. Потом он поднял руку, в которой держал маленький баллон с трубочкой напоминавший аэрозольный ингалятор. Поднеся его к лицу военного, убийца запихнул трубку тому в нос и нажал на кнопку. Шипение усилилось. Воздух наполнил терпкий аромат ванили.

Дима не стал ждать, пока наступит их черед. Подобрал пистолет, он потянул Костю за собой. В темноте за спиной упало обездвиженное тело. Раздалась тяжелая поступь. Даже в рабочих ботинках убийца передвигался очень быстро.

Мокрые кроссовки скользили по гладкому полу. Пробежав до конца по коридору, они заскочили за поворот, едва удержавшись на ногах. Снова вспыхнул свет. Дима увидел впереди металлические двери лифта. Костя подбежал к деревянной двери рядом и дернул за ручку, но та была закрыта.

Дима оглянулся, попутно утопив затертую кнопку вызова. К счастью, кабина лифта была на том же этаже. Внутри они обнаружили древнюю панель управления. Она состояла из пробитого динамика и двух вертикальных рядов кнопок. Выше на электронном табло мигала цифра пять. Сбоку была вмонтирована современная панель с двенадцатью металлическими клавишами для набора номера.

Нажав кнопку с номером один на головной панели, Дима стал ждать, но двери кабины не двигались. Он нажал снова, потом цифру два, три, четыре. Постепенно взгляд коснулся табло поменьше. На нем мигали несколько звездочек и надпись:

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ

Наверное, пятый уровень был конечным в пределах базы. Чтобы подняться выше требовался отдельный код. В этот момент из-за угла шаткой походкой вышел преследователь. Выглядел он неважно. Судя по пьяным движениям и висящим рукам, Дима понял, что тот все-таки был ранен. Роняя на пол капельки крови, маньяк остановился. Увидев их в закрытой с трех сторон кабине, он издал громкий свист и поспешил навстречу.

– Тогда вниз, – смекнул Костя, ударив кулачком по цифре шестнадцать, последней в ряду.

Двери сомкнулись. Кабина дернулась и поехала. Листы металла наверху содрогнулись от мощных ударов. Для старого лифта этот двигался слишком быстро. Дима и Костя вжались в стены друг напротив друга и терпеливо ждали прибытия, но движение продолжалось недолго. На цифре десять лампочка под потолком погасла. Далекий гул возвестил о новом сбое. За ним последовал визг колеса лебедки и шлепанье канатов. Кабина резко остановилась и закачалась. Панель, табло и все кнопки погасли. Костя и Дима не удержались и, столкнувшись лбами, попадали на пол. Сквозь шахту далекое эхо приносило треск дерева и металлический грохот. Убийца пробивался на лестницу. Скоро он окажется здесь, это был лишь вопрос времени.

Оставаться внутри до следующего перепада напряжения – все равно что ждать ядерного взрыва в холодильнике. Новый сбой в системе мог привести к разблокировке тормозов кабины, спровоцировав ее падение в шахту, либо запечатать их до прибытия маньяка.

Сунув пистолет за пояс, Дима передал фонарик Косте и стал вручную раздвигать двери. Оставалось только молить Бога, чтобы кабина не застряла между этажами. Вместе им удалось развести двери на полметра. Посветив фонариком вверх, Дима увидел узкую щель. Встав Косте на спину он раздвинул внешние двери и помог пареньку подняться. Сразу выбраться во тьму Костя побоялся, тем более что удары наверху стихли. В такой позе между кабиной и этажом он стал осматривать коридор.

– Тебе удобно? Живее, самоубийца! – закричал Дима, распрямив спину.

Напряжение могли дать в любую секунду. Дима впервые сталкивался с подобным. Складывалось впечатление, что генератор пытался запустить себя сам, но всякий раз ему то ли мощности не хватало, то ли управляющий им дистанционно компьютер получал питание из общей сети, вследствие чего сам постоянно перезагружался.

Очувтившись наверху, Костя помог Диме выбраться из кабины. Забранная в решетчатый каркас лампочка над лифтом вспыхнула. Двери с грохотом захлопнулись, едва не

прищемив ему ногу. Кабина осталась на месте. Несколько люминесцентных трубок на стенах осветили темный коридор. Судя по слою грязи и пыли на полу, сюда много лет никто не спускался. На стене у шахты была выведена желтой краской цифра десять.

Преодолев коридор, они попали в широкое запыленное помещение. Здесь во множестве стояли фрезерные, сверлильные, расточные и другие станки. Под потолком мигали аварийные лампочки, окрашивая потемневшие короба древних машин в кровавый цвет. Снизу база напоминала скорее могильник старой техники, нежели секретный военный объект. Усатый мужик попросту пускал им пыль в глаза и Дима это сразу понял.

Осмотрев помещение, они нашли два боковых коридора. Один уводил за поворот, второй упирался в длинную решетчатую дверь, за которой располагалась шахта грузового лифта. Дима повел товарища прямо, туда, где темнела крепкая железная дверь. Металлическая преграда показалась ему вполне надежной. Пропустив Костю внутрь, Дима затворил дверь и прислушался.

Ничего. Ни звука со стороны лестницы. Генератор снова стал барахлить. Дима внезапно ощутил слабость. От мерцания лампочек у него разболелась голова. Ушибы и ссадины ныли. Рези в животе и тошнота усилились. Костя чувствовал себя не лучше. Если так и дальше будет продолжаться, преследователю не придется даже бегать за ними. Он найдет их на полу без движения.

Дима осмотрел свалку, в которой они оказались. Кафельная плитка на стенах была рыжей от ржавчины. В тусклом свете затухающих лампочек Дима успел рассмотреть толстые трубы, тянувшиеся из пола в потолок и нагромождения железного мусора. Встряхнув садящийся фонарик, он стал водить лучом по сторонам. Высоко над головой были две аварийные лампочки, забранные в металлические решетки. Даже при нормальном освещении здесь был темно. Под ногами валялись детали от станков. Кучи металлолома грудились у стен. По бокам на спаянных каркасах, словно ряды кубинских сигар, лежали газовые баллоны. Чуть поодаль стояли десятки желтых щитов с содержательными надписями вроде: «Стоп», «Высокое напряжение», «Путевые работы», «Проход закрыт». Пахло соляжкой и железом. В воздухе витал мерзкий запах мастерской, отдававший свежее испеченным овсяным печеньем, так знакомый Диме. Никуда они отсюда уже не денутся. Придется дожидаться помощи здесь.

Дима шепнул Косте, чтобы тот помог ему подпереть дверь чем-нибудь тяжелым.

***

Как только Антон покинул пещеру, Кравцов сразу последовал за ним. В руке у него был алюминиевый фонарик. Этот недоумок был уверен, что без света он тут погибнет. Двенадцать лет каменный лабиринт был ему домом. Многие тоннели расширял он сам, знал в них каждую трещину и мог проползти там с закрытыми глазами. В больших пещерах они даже оставляли тайники, где в непроницаемых пакетах хранились фонарики, батарейки, аптечки, веревочные лестницы и прочие необходимые предметы. В одном из таких тайников он и взял фонарик. Здесь они не могли потерпеть поражение, и всегда были на шаг впереди незваных гостей.

До этого Кравцов наблюдал за Антоном из тоннеля в противоположном конце пещеры, откуда был виден только луч его фонарика. Лейтенант долго сидел на террасе, как он поначалу и предполагал, но потом вдруг стал сползать по отвесной стене. Оказалось, что с уступа уже кто-то спускался до него. Между камнями был закреплен трос. Наверное, в пещерах были и другие люди, хотя ему об этом почему-то не сказали. В любом случае, далеко эти гости не смогли бы уйти.

Кравцов в этом убедился, поднявшись по лестнице наверх. В луже крови там лежало обезглавленное тело какого-то накаченного борова. На альпиниста он не был похож. Скорее на идиота, раз сунулся сюда. Подобрав ржавый нож, Кравцов пнул лысую голову и направился в тоннель. Он хотел догнать лейтенанта раньше, чем тот доберется до базы

военных, но не знал, как это сделать. Парень был вооружен. Оставалось только надеяться, что охотник уже настиг жертву и избавил ее от отростка, в котором содержались драгоценные мозги.

Пробегая по настилам, Кравцов, наконец, принял решение, пожалуй, самое важное в его жизни. Ему уже давно предлагали поселиться внизу, тем более что он стал меняться, и на поверхности эти изменения скрывать стало все труднее. Столько лет он упирался и в итоге смириться с добровольным заключением в подземной тюрьме. Во всем были плюсы и минусы. С одной стороны, ужасно вылезать по ночам, убивать невиновных людей, бояться солнечных лучей и до конца дней глотать чертову слизь, а другой – он получал абсолютную свободу, долголетие, физическую силу, возможность делать все, что заблагорассудится и, конечно, мстить таким как Антон и Гнат. Еще в качестве бонуса можно было порешить нескольких стукачей из своей бригады. Словом, жизнь ночного хищника была полна приключений.

Кому-то вроде чистюли лейтенанта могло показаться, что он чересчур жесток. На самом деле Кравцов осуждал любое насилие, но только до тех пор, пока ему не давали повода. К сожалению, такую жизненную позицию поддерживали далеко не все. В этом весь человек, особенно те ничтожества, которых он встречал по ночам. Вместо того чтобы пройти мимо обязательно скажут какую-нибудь гадость о его внешности, будут насмехаться, а то и вовсе попытаются изувечить. Кравцов считал, что люди должны жить в мире и не лезть в дела друг друга, пока их самих не попросят. Те же, кто пытался ему навредить заслуживали смерти.

Увидев вдалеке фигуру лейтенанта, обходчик выключил фонарик и затаился. Антон только что вышел из задела и зачем-то уселся на корточки посреди тоннеля. Фонарик лежал в стороне, освещая силуэт парня. Кравцов плюнул. Жаль, что у него нет с собой пистолета. Хотя, на такого даже пули жалко. Разве что штыком колоть как свинью.

Наконец Антон поднял что-то с пола и зашагал дальше. Кравцов трусцой пробежался до задела и застыл над новым трупом. Это был патрульный. Слишком много покойников за одну ночь. После такой кровавой бани путь на поверхность для него точно закрыт. В следственном отделе работают люди повнимательнее Алексеева и Гончарова. Если бы они досконально изучили пленку с камер наблюдения, то всем все стало бы ясно. Пусть уж лучше думают, что он пропал без вести как пятеро обходчиков до него. В какой-то момент Кравцову даже показалось, что вся эта резня была задумана с одной целью – заставить его остаться в пещерах.

Осмотрев тело, он отрицательно покачал головой. Зачем было его убивать? Разумеется, солдат был вооружен и представлял угрозу, а обитатель пещер не славился снисходительностью даже к детям, и все-таки всякое действие должно быть оправданным. Жестоко просто лишить жизни постороннего человека без видимых на то причин. На это нет прав даже у Бога. Кравцов пожал плечами. Сделанного не воротишь. Кто он такой, чтобы осуждать другого? Каждый на том свете ответит перед Господом за собственные грехи.

Сверху на настиле валялись десятки гильз. Судя по шквальной стрельбе, звучавшей не так давно, его друг увел за собой большую часть солдат с базы, но медлить все равно нельзя. Осмотревшись, Кравцов понял, что Антон забрал автомат патрульного. Это все усложняло. Спрятав нож за пояс, обходчик обыскал парня. К счастью, другое оружие было на месте. Из металлических ножен Кравцов извлек штык-нож. На службе он держал такое, когда был дневальным. Паршивая вещица, как по качеству стали, так и по форме. Все же два лезвия лучше, чем одно. Метать ножи он умел мастерски. Главное улучшить момент, когда лейтенант повернется к нему спиной и тогда он не промахнется.

Выключив фонарик, Кравцов бесшумно последовал за Антоном.

Навалившись одновременно, Костя и Дима подкатили к двери деревянную катушку с композитными шлангами. Пока Костя искал, чем бы еще подпереть дверь, Дима настороженно прислушался. Снаружи творилось что-то странное. Генератор вновь загудел и лампочки под потолком стали потрескивать, но не это привлекло его внимание. Сквозь шум Дима услышал какой-то шорох. Так шелестит грязная материя, когда соприкасается с шершавой стеной.

– Тащи сюда эту палку, живо! – выкрикнул Дима, налегая на катушку.

Он кивнул на лежащий неподалеку домкрат от гидравлической тележки. Все равно Костя не понял бы, о чем речь. Паренек кинулся поднимать ржавый рычаг с двойной рукоятью. Последовал мощный удар. От неожиданности Дима едва не упал. Катушка покачнулась, словно в дверь врезалась машина. Дима навалился на нее всем телом, пока паренек тащил массивный металлический брус. Вместе они смогли заблокировать дверь, подперев ее тяжелым рычагом.

Это на какое-то время должно было задержать убийцу. Слишком быстро он миновал запертую дверь возле шахты лифта. Не было ни шума, ни треска. Вполне возможно вскрыл замок отмычкой.

С дверного косяка посыпалась побелка. Затрещали петли. Человек бросался на дверь всем телом, не переставая молотить по ней руками и ногами. Дима пытался удержать катушку, с испугом наблюдая, как домкрат начинает медленно сползать вниз. Его переполняли злорадие и отчаяние. Они прошли по земле и под землей, сидели в клетках, тонули в грязном сифоне, их чуть не съела стая гигантских крыс, на них охотились и пытались убить много раз. И все это ради того, чтобы в двух шагах от поверхности им отрезали головы? Неужели всю свою короткую жизнь они бессознательно шли к этой замусоренной яме, а эта яма ждала их.

– И что нам теперь делать? – застонал Костя, беспомощно ломая руки.

– Надеюсь, наверху его услышат раньше, чем он доберется до нас.

– А если нет?

Дима оглянулся. Паренек едва держался на ногах. Лицо его было вымазано грязью. На руках царапины. Потерявшая цвет рубашка мешком висела на скошенных плечах. Тонкие спортивные штанишки изорваны до дыр. Даже бомжи на вокзалах и те выглядят приличнее.

Что еще он мог для него сделать? Дима чувствовал ответственность за жизнь товарища. Костя был прав. Они очутились здесь по его вине, а он, вместо того чтобы поддержать друга, дважды бросил его на верную смерть. Друзья так не поступают. Но третьего раза не будет. Здесь и сейчас он положит преследованиям конец. У Кости появится шанс на спасение, а у него повод искупить предательство.

– Мы поступим так, – шепотом объяснил Дима. – Сейчас ты спрячешься за этими катушками. Я постараюсь увести его от двери. Как только я это сделаю, беги что есть сил наверх. Там будут люди. Они тебя защитят.

– А как же ты?

– Что мне терять, кроме...

– Кроме диплома ПТУ и снаряжения, – неожиданно резко закончил Костя. – Последнее ты уже потерял.

– По-твоему, есть другой выход?

– Застрели его. Когда он ворвется.

– Я так и собираюсь сделать, но без тебя. Ты спрячешься, а когда я начну стрелять, убежишь.

– Я не хочу, чтобы ты умирал из-за меня, – вымолвил паренек, не двигаясь с места.

Костя в недоумении посмотрел сначала на дверь, потом на товарища. Дима закусил губу. Спрятаться и ждать – что может быть проще? Дима пробежал взглядом по ржавым стенам. Склад был забит кусками металлолома. Вокруг не было ничего пригодного для

спасения. Они были заперты в зловонной помойке. Еще минута и дверь слетит с петель. Это все, что он мог для него сделать, но Костя отказывался принять даже такую помощь.

Попытаться застрелить убийцу он всегда успеет. Что еще он мог предпринять? Заманить выродка к баллонам и выстрелить по всем сразу? Его так долго травили, пугали и мучили, что страх перед смертью давно угас. Дима почувствовал, что он действительно смог бы это сделать; устроить взрыв, который убьет их обоих. Вот только неизвестно, есть ли в баллонах газ, какой толщины оболочка, какого калибра пули и хватит ли ему времени? Только в кино они эффектно взрываются от первого выстрела. В жизни эти штуки куда прочнее. Если уж стрелять, то сразу в вентиль ближе к горловине.

Удерживая дверь, он случайно зацепил рукой какой-то предмет. В нагрудном кармане лежал последний фальшфейер. Взгляд его коснулся катушки с металлорукавами и баллонов с газом.

– Костян, самоубийство отменяется! – воскликнул Дима, отступив от катушки, и на ходу принялся снимать комбинезон. – Есть план!

Дверь содрогнулась от мощного удара. Убийца бросился на нее плечом, стукнул ногой, врезался всем телом. Постепенно вмятина в листе металла увеличилась. Удары не смолкали. С каждым новым яростным броском конец домкрата царапал кафель, оставляя в нем глубокую борозду. Наконец железный брус с грохотом упал. Катушка съехала в сторону. Дверь медленно распахнулась внутрь. На пороге застыл темный силуэт.

В руке убийца держал вогнутый нож. Голова в капюшоне лениво поворачивалась. Костя сидел в темноте за стойкой с баллонами, стараясь не смотреть на маньяка. Преследователь был невероятно пронизателен и мог уловить его взгляд. Он прекрасно видел и слышал в темноте и Бог знает, на что еще был способен. Сейчас взгляд его был обращен на фонарик, лежащий в глубине склада за аварийным щитом. Золотистый луч освещал ржавый кафель и кучи металлической стружки. Мягкой поступью он прокрался туда и отбросил щит.

– Давай!

Дима выскочил из укрытия напротив. В руках он держал огнеупорный металлический рукав. Влажная рубашка была обмотана вокруг наконечника из соединительной арматуры. Другой конец рукава тянулся к баллону и был привинчен к штуцеру вентиля. По сигналу Костя до конца повернул маховик. Поток кислорода со свистом пронесся по металлорукаву и плотной струей ударил в грудь маньяку. Хлопнула заглушка фальшфейера.

Оставив лежащий на полу баллон, Костя бросился к двери. В последний раз встретились их взгляды. Дима взгляделся в уродливое лицо врага и не испытал страха, лишь удовольствие. На нем не было бинтов, кожи и мускулов, одна осклизлая масса и круглые как у рыбы глаза. Рот с торчащими во все стороны зубами разверзся, вывалив на подбородок прозрачную массу.

– Твой мозг... – с трудом вымолвил урод, указав на него ножом.

– Да, и он мне нужен, – ответил Дима, без колебаний опустив пылающий конец сигнальной свечи под струю газа.

Баллон задрожал. Пламя, вырвавшееся из наконечника, поглотило грязную фигуру. Запахло горелым луком. Превратившийся в живой факел убийца стал кружиться, изо всех сил стряхивая с себя огонь, отчего разгорался только сильнее. Дима крепче ухватился за дымящийся узел рубашки, продолжая поливать огнем обезумевшего от боли человека.

Убийца падал на колени, снова поднимался и бросался на кучи мусора, тщетно пытаясь найти укрытие. Огненная струя следовала за ним неотступно. Решив окончательно покончить с извергом, Дима подступил ближе. Из пылающего столпа навстречу ему метнулось вогнутое лезвие. Удар пришелся по руке. Дима вскрикнул, схватившись за палец. Ржавый шланг, словно взбешенная кобра, взметнулся к потолку, изрыгая расплавленную слюну. Костя, наблюдавший за схваткой у двери, выпал за порог, едва не

лишившись волос. Огненный вихрь пронесся и над головой Димы, в полете еще раз задев пылающую фигуру.

Горящий человек упал навзничь, но вместо того чтобы затихнуть, стал кататься по полу, сбивая пламя голыми руками. Из-под рваной материи проглядывали почерневшие конечности, неестественно тонкие и кривые. Из бугристых наростов и лопнувших сосудов, сочилась тягучая слизь. Прозрачная субстанция и кипящая кровь погасили пламя. Обожженная фигура согнулась, застонала и вся задрожала от боли. Сейчас убийца представлял собой кусок копченого мяса, обернутый в почерневшую одежду. Подтягивая непослушное тело, завернутое в крошащиеся лохмотья, он кое-как поднялся. Дима с ужасом наблюдал как существо, слепо шарит вокруг прожженными до костей руками. На месте лопнувших глаз бурлила черная слизь, отдаленно напоминая артериальную кровь. В дыре, утратившей очертания рта, словно паразит копошился обожженный язык. Из глотки доносилось мерзкое кудахтанье. Теперь это был человекообразный каркас, потерявший разум и продолжавший двигаться инстинктивно, пытаясь схватить все, что сможет поймать.

Дима лежал на полу, укрывшись листом металла, и следил за движениями головешки. Окутанный клубами дыма убийца шел к нему сквозь огонь. В этот момент раздался взрыв. Голубоватый вихрь накрыл половину склада, целиком поглотив изорванную фигуру. С потолка и стен огненным буряном посыпалась тлеющая ржавчина. Дима закрыл голову руками и закричал. Волны огненного шторма опалили ему ноги, попутно лизнув дверной косяк, за который успел запрыгнуть Костя.

Один за другим словно связка петард стали взрываться баллоны. Плитка на стенах крошилась и лопалась под ударами вонзавшихся в нее кусков металла. Осколки звякали о части станков, застревали в потолке, осыпали дверь. Кусок баллона с острыми краями, словно бумеранг пронесся сквозь дверной проем и, рассекая тьму, улетел вглубь зала. За ним огненной змеей подалось пламя.

***

Огнеупорная дверь была распахнута настежь. Антон Гончаров вошел в коридор. Лампы над головой снова вспыхнули. Творилось что-то странное. Он слышал нарастающий гул. Впереди лежало еще одно тело. Живых людей поблизости не было. Ситуация смахивала на фильм ужасов, только наяву, и в главной роли был он.

Лейтенант крался вперед, уткнув приклад в плечо, держа оружие наготове. С каждым шагом сердце билось все быстрее. Убийца мог прятаться где угодно, хотя бы за тем поворотом. Шагнув вперед, Антон повернулся на сто восемьдесят градусов так, что голова закружилась. Взгляд последовал за мушкой автомата. К счастью, коридор оказался чист.

Склонившись над телом военного, лейтенант проверил его пульс. Кровь циркулировала по венам. Грудь часто вздымалась. Усатый мужчина в очках лежал с перекошенным лицом, высунув язык. И так видно, что он был жив, хоть и выглядел жутко. Антон попытался привести служивого в чувство, но тот не реагировал. На глаза попался кончик паспорта, торчащий из нагрудного кармана ветровки. Достав серую книжечку, лейтенант беглым взглядом считал информацию. Документ принадлежал некоему Константину Сергеевичу Немоляеву. Парню было всего девятнадцать. Странно, что мужик держал при себе чужой паспорт. Даже если это его сын, зачем тащить документ сюда.

Вдалеке прозвучал затухающий гул. Вереницы люминесцентных ламп снова погасли. На всякий случай Антон спрятал паспорт в карман брюк. Следы огромных ботинок привели его к шахте лифта. Рядом на петлях висела расколота дверь.

Спускаясь по крутой лестнице, он ощутил вибрацию. Где-то глубоко внизу прогремел взрыв. Схватившись за перила, он дождался, пока дрожь прекратится. Потом его окутало волной теплого воздуха. В ноздри ударил запах газа. Этжами ниже творилось что-то

ужасное, и убийца наверняка был там. Разошелся не на шутку. Антон вспомнил жену. С виду властная и требовательная, эта удивительная девушка постоянно его опекала и переживала всякий раз, когда он задерживался допоздна. Она бы не одобрила такой подвиг, тем более что в пекло его никто не толкал. Он вообще был не при исполнении. С чужим автоматом, на секретном объекте, который должны были охранять военные, которых носило черт знает где.

Подавив страх, Антон стал спускаться. Он и так слишком часто беспокоился о душевном равновесии супруги. В момент опасности сотрудника милиции меньше всего должны заботить такие мысли. Капитан Алексеев на его месте поступил бы точно так же, а жене давно пора уяснить, что она вышла замуж не за библиотекаря.

Сбежав по лестнице на десятый уровень, он увидел открытую дверь. Оттуда по потолку вверх ползла густая дымная дорожка. Коридор, по которому он шел, казалось, был покрыт туманом. Из него Антон попал в просторное помещение. Сбоку из темноты раздался кашель. Антон осветил туда, увидев дрожащую на полу фигуру. Приблизившись, он понял, что это был паренек. В грязной рубашке и равных штанах.

– Дима! Дима! – до хрипоты вопил паренек, глядя на дверь в противоположном конце помещения.

Антон проследил, куда тот смотрит. В дверном проеме бушевало пламя. В воздухе роились частицы раскаленной ржавчины. Слышно было, как лопаются и падают кафельная плитка.

– Кто такой Дима? – спросил Антон.

Паренек опомнился и выхватил из кармана перочинный нож. Вжавшись спиной в покрытый брезентом станок, он угрожающе направил лезвие на предполагаемого врага.

– Тише. Я ничего тебе не сделаю. Я из милиции.

– А мне все равно!

Падение чего-то металлического за спиной заставило Антона оглянуться. Паренек дико завизжал, спрятавшись под кусок брезента. Лейтенант в страхе попятился, заметив, как из огня выбирается нечто худое. Вытянув во тьму тлеющую рук, существо шагнуло в помещение и, рассекая клубы дыма обожженной грудью, устремилось к нему.

– Убейте! Убейте его! – раздался голос мальчишки.

Антон прицелился и выпустил в грудь дымящейся головешке половину магазина. Пули вонзились во что-то твердое. Послышался звон. Фигура повалилась на спину и затихла.

– Почему он не умирает? – произнес паренек, продолжая держать нож в вытянутой руке.

– Он мертв, – покачал головой Антон, ткнув зажатый труп дулом автомата.

Странно, что с такими ожогами он вообще мог ходить.

Лейтенант осмотрел лицо убийцы, вернее то, что от него осталось. Не было ни носа, ни глаз, ни зубов. Вся голова превратилась в сплошную массу из запекшейся крови и мяса. Невозможно представить, каким он был при жизни. Ясно одно – подельник Кравцова сыграл в ящик. Ну что ж. По крайней мере, одной проблемой меньше.

– Осторожно!

Антон услышал крик и повернулся. Как раз во время. Над плечом пролетел темный предмет. Краем глаза лейтенант успел заметить вращающийся штык-нож. Клинок со звоном ударился об стену и упал на пол, расколовшись на две половинки.

Из тьмы сквозь дым к нему метнулся темный силуэт. Кравцов действовал быстро и, выхватив из-за пояса нож, нанес удар в запястье, заставив выронить автомат. Антон с трудом удержался на ногах. Предупредив следующий замах, он сумел перехватить его руку и заломить за спину. Кравцов вмялся в стену. Антон усилил нажим и стал разжимать один за другим пальцы, заставляя обходчика расстаться с оружием.

– Давай сюда! Держи его! – сквозь зубы прорычал Кравцов.

Лейтенант не понял к кому тот обращается, до тех пор, пока вокруг шеи не обвилась почерневшая конечность. За спиной снова маячила обгоревшая головешка. То, что должно

было умереть, восстало вновь, движимое какой-то запредельной силой. Антон попытался сбросить чудовище, но обнаружил, что сила обожженного человека превосходит его собственную многократно.

Нож в руке обходчика поднялся для удара. Антон изловчился и выбросил вперед ногу. Раздался хруст и вопль за ним. Удар каблука пришелся по носу. Кравцов отпрянул, схватившись за лицо.

- Сейчас ты заплатишь за все, – сплевывая кровь, прошипел помощник бригадира.
- За что?

В ответ раздался торжествующий смех.

- Ты же сказал, что не убийца...
- Все когда-нибудь бывает в первый раз.

В шуме огня прозвучал негромкий хлопок. Лицо Антона окрасила кровь. Хватка чудовища ослабла. Воспользовавшись замешательством Кравцова, он скинул с плеча обмякшую конечность и удержал руку обходчика. Доходяга взвыл от отчаяния и попытался исправить просчет, ухватившись за рукоять обеими руками. Тогда Антон без сожаления повернул лезвие по направлению к хозяину. Обходчик вскрикнул. Пытаясь что-то сказать, он так и упал ему под ноги с ножом в животе.

Антон оглянулся. Он ожидал увидеть перед собой тощего мальчишку, но напротив стоял совсем другой парень непонятно откуда взявшийся. Все лицо его было испачкано копотью. Из одежды рваная футболка и джинсы. В руке он держал пистолет. Пригладив опаленные волосы, парень коротко кивнул. Антон сделал то же самое в знак признательности.

- Вы кто такие? – спросил он.

Отважный мальчишка в эту минуту разглядывал труп убийцы с прострелянной головой. Потом вдруг ударил обожженное тело ногой и плюнул.

- Все. С него хватит, – произнес тот, вручив оружие лейтенанту. – Мы – никто.

Антон оглянуться не успел, как оба драпанули по коридору и растворились во мраке. Следовало их догнать и задержать. В таком деле любые свидетели будут крайне полезны, а Кравцов с тяжелой раной все равно далеко не уйдет. Антон так и хотел поступить, но совесть не позволила. Мальчишки спасли ему жизнь. Пусть бегут куда хотят, все равно наверху их непременно арестуют, не военные, так служба безопасности метро.

Кравцов протяжно застонал.

- Доволен? – спросил Антон, схватив его за руку, прежде чем тот попытался вытащить нож из живота. – Лежи спокойно. Не хочу, чтобы ты истек кровью.
- Я тебя ненавижу, – прохрипел обходчик. – Хочешь меня убить?
- Да, наверное.
- Так давай, все равно умру. – Кравцов посмотрел на обгоревший труп. – Он бы мне не отказал.

Антон промолчал. Не хватало еще, чтоб его ровняли на этого урода. Оторвав лоскут ткани от рубашки, он замотал кровоточащее запястье. Почему люди стремятся причинять друг другу боль? Столько крови пролилось этой ночью. И кто от этого выиграл? Чего эти два выродка добились? Один сейчас напоминал прожаренный стейк, а другой кусок дерьма.

Кравцов все еще порывался вынуть нож, но Антон смог заломить ему руку и прижать ее к полу коленом. Они так и сидели вместе рядом с трупом, пока из коридора не донесся топот. В помещение вбежали трое и, побросав огнетушители, направились к ним. Двигаясь с предельной осторожностью, вскинув автоматы, солдаты окружили нарушителей. Лучи трех фонариков соединились на изувеченном теле и на двоих выживших. Антон показал им приготовленное заранее удостоверение.

- Старший лейтенант Гончаров, – коротко представился Антон. – Я на задании.
- Это закрытая территория! – бегло ответил рябоватый солдат, продолжая в него целиться. – У вас нет полномочий.

- Знаю. Я спустился сюда не по своей воле. Моя группа преследовала опасных преступников.
- А это кто? – спросил рябоватый, указав стволом на Кравцова.
- Не обращайтесь внимание. Я человек маленький, – с издевательской улыбкой протянул обходчик.
- Убийца. Он и его поделщик, – Антон кивком дал понять, что говорит о трупе, – охотились на людей здесь, в метрополитене и на поверхности. Они убили моих коллег и вашего патрульного в тоннеле.

Солдаты в смятении переглянулись. В целях безопасности секретные объекты могли посещать только те, кому разрешено там находиться. Посторонним людям отсюда прямая дорога в суд.

- Что делать будем, Паша? – спросил рябоватого товарища молодой солдат.
- Позвать старшину.
- Не надо никого звать, – раздался командный голос.

Сквозь дым в свете мигающих лампочек в помещение вошел мужчина в распахнутой армейской ветровке. С ним был еще один солдат. На плече у военного висел автомат. Несмотря на сутулость, он был крепко сложен и держался увереннее, чем его подчиненные.

- Прибыла вспомогательная бригада, – сообщил старшина, внимательно изучая гостей. – Доложите, что у вас тут происходит? Почему огонь не потушен?

Двое солдат немедленно схватили огнетушители и стали гасить пламя.

- Старший лейтенант Гончаров, – объяснил рябоватый солдат, указав на Антона, – утверждает, что преследовал преступников.

Антон быстро поднялся и кое-как пригладил растрепавшиеся волосы. Мужчина в форме пожал ему руку, попутно осмотрев с ног до головы. Антон догадался, о чем тот думает. На представителя власти он сейчас был мало похож. На теле болталась рваная рубашка. Брюки стертые до дыр. На ногах сбитые туфли. Да и сам еще слишком молод, чтобы быть начальником. Только подвесная кобура с табельным оружием на плечевом ремне выдавала в нем должностное лицо.

- Вы Антон Иванович Гончаров? – с тенью сомнения на лице спросил военный.
- Да.

Антон раскрыл кожаную книжечку и показал ему документы. Оба солдата тоже заглянули туда, пока их не потеснил старшина.

- Хорошо, – кивнул мужчина и обратился к подчиненным. – Только что сверху поступило извещение. В метро пропали несколько человек. Прошлой ночью там была настоящая паника. Вызвали МЧС и ОМОН.

Солдаты присвистнули. Даже те, что тушили огонь, на некоторое время остановились, выглянув из дверного проема.

- По неподтвержденным данным пропали два обходчика и три сотрудника милиции. Восемь часов назад группа из пяти человек спустилась в придаточный тоннель в районе станции «Марксистская». В обнаруженной ими земляной полости случился обвал.
- Оперативно работают, – с иронией заметил рябоватый солдат.
- Отставить. – Старшина посмотрел на лейтенанта. – Наши уже обследовали место рядом с третьей штольной и пришли к выводу, что вы погибли.
- Был обвал, – кивнул Антон. – Нас было трое, но мы успели перебраться в соседнюю пещеру. Под Калининской линией есть вход в систему карстовых пещер. Эти тоннели тянутся на многие километры и соединяются с другими более глубокими.
- Так вы и попали сюда, лейтенант? – спросил старшина, с отвращением разглядывая обугленную головешку.
- Не совсем. Строго говоря, меня и быть здесь не должно, – улыбнулся Антон, но, поймав недоумевающий взгляд военного, поспешил добавить: – Расследование

было поручено капитану из нашего управления. Потом его убили... В общем, это долгая история.

- Разберемся. – Мужчина в ветровке нахмурился, внимательно рассматривая труп. – Теперь нас в покое до пенсии не оставят, если мы вообще ее получим. Это же надо пустить на секретный объект психа и потерять человек! После такой разрухи военная прокуратура перетряхнет тут все от поверхности до этих чертовых пещер.
- Я вам, конечно, помогу, – заволновался Антон, которому совсем не хотелось, чтобы его фамилия фигурировала в делах расследуемых в высших эшелонах власти. – Сделаю все, что в моих силах...
- Только не наседайте на него слишком, он ведь «Всего Лишь Лейтенант», – рассмеялся Кравцов. Из глотки вырвалось противное бульканье, и обходчик застонал, подавившись брызнувшей изо рта кровью.

Антон помог ему приподнять голову.

- Пусть принесут носилки, – распорядился старшина, обратившись к солдату рядом.

Подчиненный убежал наверх. Мужчина тем временем положил автомат на пол и присел рядом с трупом. Посветив фонариком туда, где когда-то было лицо, он стал внимательно его изучать.

- Лучше к нему не приближаться, – посоветовал Антон. – Я стрелял в него из автомата почти в упор, но он не умер. Непонятно, как с такими ожогами он вообще смог на меня напасть.
- Думаете, это он был в тоннеле? – спросил старшину рябоватый солдат, на всякий случай, держа труп на мушке.
- Рост подходящий.

Тут он сорвал с груди убийцы остатки сигнального жилета, обнаружив под ними помятые пластины металла, скрепленные витками тугоплавкой проволоки. Ими было обложено тело от горла до паха.

- Похоже на самодельный бронежилет, – прокомментировал старшина. Вытащив из ножен штык, он отковырял одну пластинку и провел по ней лезвием. – Металл очень крепкий и легкий. Наверное, титановый сплав.
- Шутите? Где бомж мог достать титановый сплав?
- Не знаю. По крайней мере, это объясняет его неуязвимость.
- Тогда как вы объясните трюк со стеной? На альпиниста он не похож.
- Я не обязан ничего объяснять.

В заделах снова вспыхнули и замигали красные лампочки. Оба солдата с огнетушителями вернулись к ним. Вытирая вспотевшие лица, они встали напротив и посмотрели на мертвеца.

- Что с Егоркой? – спросил один солдат другого.
- Жить будет. Рана неглубокая. Уже приходит в себя. Жаль только всех его собак поубивали.
- А Феликс?
- Уже очухался. Утверждает, что его накачали какой-то дрянью, – небрежно произнес рябоватый солдат. – Правду говорят, зараза к заразе не липнет.
- Феликс сказал, что были и другие нарушители, – произнес старшина, обратившись к Антону. – Два парня. Вы их видели?

Воцарилось молчание. Антон искоса посмотрел на Кравцова, но обходчик, как ни странно пробормотал, что они были одни.

- Пусть так. Сейчас это не главное.
- Я тут подумал, – произнес один из солдат, присмотревшись к обожженному телу, – а вдруг это из-за него у нас в прошлом году человек пропал?

Старшина не ответил, только сочувствующе закатил глаза.

- Не говори ерунды. Машкова перебросили в Раменки, – шепнул рябоватый солдат. – Новую квартиру дали. Засекретили. Вечно он таски ловит.

- Ты сам спрашивал?
- А кто меня к нему пустит?
- Никуда его не перебрасывали, – настаивал фантазер, рукавом стирая с огнетушителя пену. – Под штабом есть пещера, а в километре отстойник. Там крысы размером с собаку. Вдруг этот бомж питался ими и мутировал как человек-паук?
- Хватит этой чепухи про мутантов! – не выдержал старшина. – Это не наше дело. Есть подозреваемый, и разбираться с ним теперь будет военная прокуратура. Только не вздумайте им говорить подобную ерунду.

Солдаты, старшина и лейтенант посмотрели на раненного обходчика. Кравцов обреченно вздохнул и закрыл глаза.

***

Площадка, освещенная мерцающими прожекторами, и затухающий гул древнего генератора остались позади. Впереди была только тьма. Костя и Дима бежали по настилам. Фонарик освещал пыльный тьюбинг и кабели. Спереди раздался топот. Из тоннеля сбоку стали доноситься голоса, вынудившие их спрятаться в ближайшем заделе. Мимо пробежали трое автоматчиков. Через некоторое время показались еще пятеро. Двое тащили под руки раненного товарища.

- Пора уходить, – шепнул Дима.
- Куда пойдем теперь?
- Домой. Во второй тоннель. Выход мы теперь знаем.

Даже не вериться. Ушибы сразу перестали болеть, стоило только мыслям коснуться дома. Мягкая кровать, свежий воздух, еда и сон. Однако расслабляться рано. Военные продолжали патрулировать окрестности. Покидая базу, они слышали в тоннеле стук колес. Приближался состав, а это значит, что скоро солдат будет еще больше, да и в тоннелях наверху давно ходили поезда. Стоит машинистам увидеть на путях посторонних, и они немедленно вызовут охрану.

Усатый мужчина сказал, что есть технический коридор, который огибает сектор. Они нашли его очень быстро. В тоннеле и дальше повсюду валялись гильзы. Некоторое время они шли по этому следу. В нескольких местах на стенах искрились провода, торчащие из металлических коробок. Вскоре Дима увидел труп первой собаки. Овчарка был сломана пополам. Рядом на стене темнело кровавое пятно. Чем дальше они уходили, тем больше находили гильз. Все три собаки валялись в заделе смятые и разорванные, с вывернутыми поверх шкуры костями.

Дима с безразличием смотрел на растерзанные туши. Типичный итог кровавой ночи. Костя только отворачивался. Трупы больше не пугали его. Он чувствовал отвращение и усталость. После пережитого бояться растерзанной собаки, вроде той, которую он впервые увидел в подвале на заводе, было просто глупо.

Прошагав довольно долго по прямому коридору, они попали на широкую площадку, выложенную кафелем. Сбоку Дима нашел нужную лестницу. Крутые ступени тянулись во тьму. Они поднялись наверх, держась за стены, и попали в пыльную комнату. Металлическая дверь впереди была открыта, следующая дверь за ней тоже. Дальше тянулись стеллажи. Здесь могло быть все что угодно, но только не путь наверх.

- Не понимаю. Мы пропустили лестницу?

Костя отрицательно замотал головой. Все заделы и коридоры на пути они проверяли. Дима зашагал вперед, мимо стола. В большом помещении к потолку поднимались ряды деревянных стеллажей, забитых объемными папками. На полу валялась стопка бумаг. Подняв несколько листов, он прочитал пару строк. В них говорилось о какой-то академии.

Впереди проступали очертания дверного проема. Заглянув в третью комнату, Дима застыл на пороге. Первое, что бросилось в глаза – это фотографии, десятки снимков на

которых во всех подробностях были запечатлены исколоченные люди и почерневшие кости с остатками мяса. Слева стеллаж и куча бумаг под ним. Вдоль стен тянулись низкие столы, уставленные картонными коробками. В центре помещения стоял высокий железный стол, на котором лежали несколько папок.

– Это не похоже на выход? – пробормотал Костя.

– Надо вернуться и еще раз все проверить.

Дима кивнул. Он хотел уйти, но взгляд задержался на папках, что валялись на столе. На одной из них была знакомая фамилия.

– Виталий Косматский, – вслух произнес он, открывая папку.

– Это его паспорт мы нашли в пещере?

– Наверяд ли. Знаешь, сколько людей с такой фамилией? У моего отца есть знакомый Косматский.

– Все-таки странно.

Дима прочитал несколько страниц, посмотрел на фотографии и ощутил, как тело покрывается испариной. Знакомое чувство волнения. Все что он хотел узнать – он узнал.

– Да. Это был он, – напряженным голосом молвил Дима.

Костя глянул через плечо и вздрогнул. На фотографии он увидел привязанного к койке человека с огромной головой. Страшное зрелище больше напоминало съемку с площадки фильма ужасов. Взбешенное существо металось в агонии, натягивая ремни на тощих руках и ногах, не давая фотографу сфокусироваться, отчего некоторые изображения получились смазанными. Над ним ставили операции, чаще проникали в голову трубками и иглами. Потемневшую, шелушащуюся кожу покрывали наросты и опухоли. Искривленное гримасой боли лицо как будто расплылось по черепу. Остались только два посаженных рядом глаза размером с лимон.

– Какой-то псих. Чудовище, – заявил Костя, забирая из стопки пачку листов и поднеся их к глазам, чтобы лучше видеть. – Ты, кажется, говорил, что монстров не существует?

– Кроме людей.

Дима открыл тонкую коричневую папку и вытащил несколько листов. Здесь подробно было описано об исследованиях какой-то окаменелости. Потом пошли отчеты биологов Зоологического института.

– Что такое «Краулер»? – внезапно спросил Дима, посмотрев на товарища.

– Так назывался осадный таран Мерунеса Дагона, – себе под нос пробормотал Костя, но, заметив недоумевающий взгляд Димы, коротко добавил. – Нет. Ты его не знаешь.

– Я серьезно. Тут так написано.

Он показал ему отчеты. Костя пожал плечами.

– Понятия не имею. Очередной урод, наверное. Если бы знал, что здесь так опасно, взял бы отцовское ружье.

– У тебя же патронов нет.

– Один есть.

Вместе они прочитали несколько страниц, где говорилось о Восточной лаборатории № 1 и улучшении какой-то сыворотки. Ясно, что эта лаборатория когда-то размещалась на месте базы. Тут же на столе была фотография двенадцати пациентов, двое из которых выглядели весьма зловеще. Черные провалы вместо глаз и бледная кожа придавали некоторым сходство с призраками.

Неизвестно, что случилось с остальными пациентами, хотя, судя по фотографиям на стенах, со многими из них обошлись неласково. Почему лабораторию закрыли, тоже загадка. Наверняка ответ скрывался среди бумаг.

– Интересно, военные вообще догадывались, что тут было за место и кто жил у них под боком? – спросил Дима, перелистывая пожелтевшие страницы в руках.

– Ни за что! Его бы давно поймали.

– Только не в пещерах.

Костя поднял фотографию и еще раз взглянул на истерзанную фигуру, мечущуюся на больничной койке.

– Врачи так его изуродовали. Не удивительно, что он стал людей резать.

– Думаешь, он делал это в отместку всем людям на свете? – засомневался Дима, переходя с фотографий на отчеты. – И собирал их черепа?

– Зачем же еще?

– Сомневаюсь, что это существо вообще могло испытывать удовольствие, даже от убийств. Мне кажется, он чувствовал только боль.

На самом деле Дима не хотел знать, что чувствовал проклятый маньяк. Вскоре он отошел к противоположной стене и посмотрел на самую большую фотографию с младенцем в банке. Все они начинали свой путь одинаково. Пусть Косматский был полноценным человеком, пусть врачи насильно заключили его в лаборатории, изуродовав его тело и лишив разума. Все равно это не давало ему право убивать людей. Ни он, ни Костя, ни Василий, ни молодой солдат, никто из тех двадцати пяти человек не был виновен в том, что произошло с ним.

– Это был не Косматский, – раздался за спиной голос паренька.

– Почему?

– Потому что он умер в 1967 году.

Костя показал последний листок с медицинским заключением о состоянии здоровья пациента. Там же стоял дата. Дима взял документ и прочитал заключение, в котором было указано следующее:

«...Таким образом, повторная вентрикулярная пункция подтверждает, что прогрессирующую желудочковую ликворею остановить не удастся. Отдельно зафиксировано размягчение теменной кости, оседание костяного мешка, деформация головного мозга и воспаление спинного. Объект полностью парализован. Несмотря на частичное восстановление регенеративных способностей организма, Сыворотка А71 не дала ощутимого эффекта. Как и в случае с другими объектами отказ вегетативной нервной системы неизбежен. Г.Б. Крупин прогнозирует полное истечение ликвора и кому в течение следующих семи суток».

– Посмотри, какие на фотографиях даты.

Костя разложил стопку фотографий веером. В уголках на обратной стороне были указаны числа, месяцы и годы.

– Шестьдесят седьмой? Все фотографии сделаны в этот год?

Дима поспешно открыл вторую папку и стал рассматривать другие фотографии. Год тот же, только содержание другое. Роман Самарин оказался полной противоположностью Виталию Косматскому. Это были два разных существа, не считая раздувшихся голов и проступавших сквозь кожу костей. На фотографиях они увидели высокого человека с тонкой бледной кожей, под которой темнели дельты сосудов. Иногда он стоял, позволяя врачам себя измерять, делал флюорографию или даже рисовал мелом на доске, но чаще лежал на койке. Руки и ноги Самарина во время сна были свободны от пут. Да, он был страшен, но что-то в его поведении показалось Диме закономерным. Лицо сохранило привычную форму, а огромные рыбы глаза наблюдали за действиями врачей с интересом. В отличие от Косматского он не страдал, реагировал на все спокойно и объяснялся мягкими жестами. Это было разумное существо, способное анализировать и делать выводы.

Дима покачал головой, глядя на фотографии необычного человека.

– Это был и не Самарин, – догадался Костя. – Так ведь?

- Именно. Эти двое тут ни при чем. – Дима показал товарищу титульный лист, на котором была базовая информация о пациенте. – Самарин родился 10 августа 1901 года. Если дата рождения верна, то сейчас ему должно быть 107 лет.
- Нас же не призрак пытался убить?
- И не старик точно.

***

Антон сидел один за столом в пищеблоке в полной темноте. Фонарик лежал рядом выключенный. Напротив стояла кружка с чаем. Иногда забежали солдаты, чтобы опрокинуть стакан воды и посмотреть на «нарушителя». Так продолжалось довольно долго. Антон смотрел на кружку и думал о доме, потом встал и вышел в коридор. Врачи только что забинтовали ему запястье и обработали раны. Старшина попросил оставаться здесь до прихода дознавателей, но одиночество было хуже пытки. Он хотел знать, что происходит снаружи.

За дверью, как оказалось, кипела жизнь. Повсюду были военные. Когда он достиг развилки, мимо в сторону лифта деловой походкой проследовали двое мужчин в штатском. Каждый держал в руке большой металлический чемодан. Неподалеку у стены в ряд выстроились восемь солдат. Плечистый мужчина с красным лицом что-то живо объяснял им. Каждый держал при себе включенный фонарик.

Генератор по-прежнему барахлил. Люминесцентные трубки над головой снова затрещали и разом погасли. Люди вокруг включили фонарики. Раздался топот. Со стороны выхода по коридору неся коренастый солдат с маленьким металлическим чемоданчиком в руке.

- Где инженеры? – окликнул он проходившего мимо товарища.
- Пошли на шестой уровень.

Солдат убежал дальше по коридору, бережно прижимая к груди чемоданчик. Лишь только он исчез за углом, показались четверо пожарных в огнеупорных костюмах. На голове у каждого была каска с фонариком. В руках огнетушители и топоры.

- Как всегда. Хуже и быть не может, – услышал Антон недовольный голос старшего брандмейстера. – Какой идиот додумался хранить баллоны рядом с газопроводом. И о чем только люди думают? В один день они вообще могли не проснуться.

Пожарные прошли мимо построения, бросив недобрый взгляд на военных. Антон посмотрел им вслед. Никогда не знаешь, что ждет тебя завтра. По правде сказать, он был уверен, что погибнет. Не потому что верил в дурные приметы, а потому что шансов на спасение было мало. Столько лет они с капитаном мечтали «пострелять». Горе следователи. Мечта сбылась. Алексееву она стоила жизни, а ему спокойных снов до ее окончания.

- «Всего Лишь Лейтенант!» – раздался за спиной хриплый голос.

Антон нехотя повернулся. Два медбрата в белых халатах везли каталку, на которой, завернутый в простыню до подбородка, лежал Сергей Кравцов. Антон достал удостоверение и попросил, чтобы те остановились.

- Хватит меня так называть.
- Больше не буду, – на силу улыбнулся обходчик. – Скорее всего, мы видимся последний раз.
- Первая хорошая новость за день, – глядя в сторону, произнес Антон. – Говори, чего хотел?
- Попрощаться.
- Прощай.
- И напоследок дать добрый совет. – Кравцов посмотрел на людей в белых халатах. – Наедине, если можно.

Оба медбрата без вопросов отошли в сторону и завели разговор с дежурившим неподалеку солдатом.

- Ты любишь играть в карты?
- Ближе к делу.
- Я смотрю, ты заскучал. Думал, справишься со мной и делу конец?
- К чему ты клонишь?
- Рано или поздно любая игра заканчивается, иногда в нашу пользу иногда – нет. В такой момент важно держать про запас козырь.

Отрешенным взором Антон разглядывал забинтованное запястье, дав понять, что обходчику не удалось его заинтересовать. Кравцов перешел на громкий шепот.

- Храбрые мальчишки спасли тебе жизнь. Очень благородно. Жаль, если с ними случится что-то плохое.
- Уверен, что их давно задержали.
- Уж поверь, задержали, – кашлянул Кравцов. – Навсегда. Неужели ты думал, что я стану покрывать двух щенков из жалости? Они тоже лазили по тем пещерам и знают слишком много.

Недобрый тон обходчика пробудил в нем чувство тревоги. Антон посмотрел на него.

- Что с ними может случиться?
- Головастик о них позаботится, – облизывая высохшие губы, с удовольствием произнес Кравцов. – Он часто ходит по этим тоннелям один. Тут его дом.
- Кто? Стой, стой... – заволновался лейтенант. – Подожди. Хочешь сказать, кроме вас был кто-то еще?
- Это за ним солдаты не так давно гнались по тоннелю. Он тот, кого вы все ищите.
- Тогда в кого я стрелял? Кто сгорел внизу?
- Мой отец.

Антон почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Голова закружилась. Облокотившись об стену, он стал часто дышать. Обходчика это немало позабавило.

- Что с тобой? Позвать доктора?
- Но ведь ты сказал, что твой отец умер.

Раздался металлический скрип. Медбрат и солдат выкатили из-за угла вторую каталку, на которой лежало завернутое в мешок тело. Антон заметил край запекшегося плеча, торчащего из дырки. Поравнявшись с ними, оба посмотрели на обходчика и на двух своих товарищей. Кравцов приподнял голову и проводил каталку взглядом.

- Теперь точно умер.
- Ты солгал мне!
- А почему бы и нет. Я защищал тех, кто мне дорог. Мой отец – помощник бригадира Илья Кравцов пропал 1994 году. По официальной версии, пропал вне метрополитена. Руководство заявило, что в тот день он забрал документы и уволился с работы. В хаосе девяностых, когда трупы валялись на каждом углу, никто не попытался его найти.

Кравцов презрительно фыркнул.

- Я встретил отца ночью в парке, спустя два года, когда мне было двадцать четыре. Он объяснил, почему оставил меня, и как начальство метрополитена, само того не подозревая, подыграло ему, уволив задним числом. Он попросил меня устроиться на работу в Службу пути Калининской линии, чтобы мы могли чаще видеться.
- Почему он стал жить под землей?
- Из-за Головастика. К тому времени отец уже был заражен и не мог выносить солнечного света. Со временем, работая в метро, я добился повышения и начал ходить в одиночку. Я приносил ему еду, одежду и медикаменты. Это его берлогу вы нашли в тоннелях под «Марксистской».

Антон вспомнил самодельную наковальню. Сверху лежал тот самый пластинчатый бронежилет, который старшина обнаружил на трупе. Все более чем логично и все равно

невероятно. Лейтенант посмотрел на обходчика так, словно тот сообщил ему откровение свыше. Кравцов не удержался и закашлял, пытаясь выдать из себя смех.

- Да не смотри ты на меня так. Сам должен был догадаться, Шерлок Холмс. Вы тогда с Сехно надавили на меня, и я проговорился о пещере за водопадом. Странно, что ты не придал этому значения. Это же, как дважды два. Два логова. Двое убийц. Тебя где обучали вообще?
- Кравцов, ты действительно маленький, ничтожный человек.
- Эй! Я ведь мог тебе ничего не говорить. – Прозрачная капля скатилась по грязной щеке. – Знаешь, каково это, потерять единственного близкого человека? Того, кто тебя растил.
- Не знаю. Мои все на месте.
- Конечно. Ты еще молодой, есть красивая жена, друзья, цель впереди. Не жизнь, а сказка. А у меня ничего нет, даже отца.

Глаза обходчика всегда слезились, но теперь слишком уж сильно. Что это были за слезы? Скорее всего, крокодиловы. Кравцов всю жизнь жалел только себя, даже жуткая смерть отца не пробудила в нем чувства раскаяния за совершенные преступления. Он и теперь думал только о мести.

- Уже тогда он страдал, и я стал помогать ему без вопросов. Все из-за проклятой слизи. Двенадцать лет назад с ним произошло то, что скоро должно было произойти со мной.
- И что с тобой произойдет?
- Существуют такие организмы как протей, пещерные пауки или слепые раки, живущие только под землей. Их кожа выцветает, а солнечное тепло причиняет боль. Они полностью приспосабливаются к той среде обитания, в пределах которой существуют. Отец интересовался этим, считал, что мы будем похожи на них. Потом он рассказал мне о Головастике. Я тоже встретился с ним не по своей воле. Однажды спустился вниз, чтобы принести отцу еду, а он набросился на меня из задела. Что случилось потом, ты знаешь.
- Да кто такой этот Головастик?
- Не знаю. Отец общался с ним. У него большая голова и длинные худые руки. Наверху обычно носит комбинезон, сигнальный жилет и поролоновые подкладки, чтобы придать телу форму. Говорить не умеет и общается с помощью жестов. Отец даже язык глухонемых учил. Пару раз я видел его без одежды. Он очень худой, а его глаза... – Кравцов мечтательно улыбнулся. – В них можно утонуть.

Лейтенант с трудом поборол желание схватить мерзавца за рану, причинив лжецу ту страшную боль, какую он, безусловно, заслуживал.

- По тоннелям бродит какой-то инопланетянин, а ты молчал? Говори все, что о нем знаешь!
- Я не знаю, кто он и откуда пришел, зато видел его в действии. Можешь мне поверить, против него автомат уже не поможет.

Антон хотел спросить что-то еще. Кравцов это заметил, громко застонал и окликнул медбрата, дав понять, что разговор окончен.

- Зачем ты мне все это рассказал?
- Вот мой козырь. Шанс невелик и все же я надеюсь, что ты побежишь спасать этих щенков и погибнешь.
- Я никуда не побегу.

Люди в халатах покатали тележку по коридору. Удаляясь в сторону выхода, Кравцов что-то напевал под нос и часто кашлял. Антон стоял не двигаясь, с ненавистью наблюдая, как тело свихнувшегося обходчика в триумфальном порыве извивается под покрывалом. Издалека донесся его слабый голос:

Хоть прошло немало лет,
Об Антоне Гончарове,
Чей лежит в метро скелет.

***

Дима закрыл папку с делом Самарина и отошел к стеллажу, где стоял деревянный ящик. Он успел просмотреть его содержимое и не нашел ничего полезного. В старом архиве вообще не осталось ничего стоящего, только пыль и пожелтевшая бумага. Пнув ящик ногой, он повернулся и посмотрел на Костю. Паренек склонился над документами, упершись локтями в столешницу, и продолжал читать.

За спиной раздался шорох. Дима схватил фонарик и быстро повернулся. Луч света озарил пыльные стеллажи и открытую дверь в другом конце архива. На полу лежала папка с выпавшими из нее листами. Дима расслабился. Сквозняк трепал стопку листов.

- Пошли искать выход. Мне здесь не нравится. Не хочу, чтобы нас арестовали.
- Подожди, – попросил паренек, заставив навести фонарик на документы. – Я хочу во всем разобраться. Тут может быть что-то важное.
- Что, например? Фотографии были сделаны сорок лет назад.
- Как же тогда объяснить громилу с большой головой? Разве тебе не интересно, кто пытался нас убить?
- Какая разница. Он уже мертв. Прожарился до костей. – Дима указал на стеллаж, который осматривал незадолго до этого. – Тут есть коробка с папками. В них дела еще десяти пациентов. И знаешь, что?
- Ну?
- Все они мертвы.

Дима взял со стола фотографию палаты с двенадцатью кроватями и сунул Косте под нос.

- Прибавь к ним Самарина и Косматского. Сколько получается?
- Самарин один из двенадцати и он не умер.
- Умер. Прошло сто лет. У нас даже здоровый человек не способен столько прожить, а инвалид вроде Самарина тем более.
- Ты знаешь, что такое регенерация?
- Нет.
- Это природная способность организма восстанавливать поврежденные ткани и органы. Взять, к примеру, вампиров...

Послышался вздох. Дима прикрыл глаза ладонью.

- Я серьезно. Вампиры в истории литературы и кинематографии представляют собой классический образчик существ наделенных регенерацией. Об этом подробно написано у Стокера. Дракула пил кровь, чтобы самоисцеляться, сохранять молодость и жить вечно.
- Вампиров не существует.
- Регенерация есть даже у людей, – не сдавался Костя. – В отчете о Косматском было сказано: «...Несмотря на частичное восстановление регенеративных способностей организма...».
- Ну и чему ты тогда удивляешься? Сам же сказал, что человек может регенерировать.
- Да. Ногти и волосы со временем отрастают. Раны затягиваются. Это и есть наша регенерация. Новую голову или руку мы отрастить не может. Тут же говорится о восстановлении организма в целом. Каждой клетки и органа. На это не способно ни одно живое существо.
- Костян, давай начистоту. По-твоему, Самарин жив?
- Не уверен, – нахмурился паренек, пересматривая таблицы с формулами.

Диме вдруг стало смешно смотреть, как его помешанный на фэнтези друг строит из себя ученого. Однако Костя не шутил. Он достал какие-то фотографии, где Косматскому в голову запикивают толстые трубки, и показал товарищу.

- Смотри, что они с ним делают? Здесь видно, что доктора откачивают из его головы какую-то жидкость.
- Ты же не врач. Может, это операция такая.
- При чем тут операция? Ты посмотри, какие большие дырки! – он взял другую фотографию, предварительно указав на дату с обратной стороны. – А это снято спустя две недели. Череп не поврежден.
- Значит... – протянул Дима, до сих пор не уловивший суть.
- Предположим, что Косматский умер. Его довели до смерти операциями и исследованиями. Остается Самарин. На фотографиях он цел и невредим. Если его организм мог регенерировать, это дало бы ему возможность прожить долгую жизнь.
- Насколько долгую?
- Думаю, нас он бы точно пережил.

Страницы папки зашелестели снова. Дима повернулся, собираясь их поднять, и тотчас отшатнулся, вонзившись спиной в стол. Взгляд уперся в тощую фигуру, застывшую между стеллажами. В темноте человек поводил огромной головой. Дима схватил фонарик и направил луч света на незнакомца. Над ухом раздался пронзительный визг. Костя попятился к стене, словно ребенок, увидевший страшный фильм, закрывая глаза ладошками.

Крошечное лицо, напоминавшее лунный пейзаж, засело в центре непомерно большого черепа обтянутого венами и капиллярами. Два рыбьих глаза неотрывно смотрели на свет. Диме хватило мгновения, чтобы понять, кто перед ним. Рост бывшего узника лаборатории был почти два метра. Тощие руки плавно перемещались по воздуху. В одной из них у Самарина была кирка.

Дима едва успел навалиться на дверь, прежде чем обтянутый кожей скелет стал двигаться. Несмотря на хрупкое сложение, монстр перемещался с поразительной скоростью. Дима сделал все что смог, но ржавое кайло вошло в щель, прежде чем захлопнулась дверь.

- Костян, помоги! – захрипел Дима, изо всех сил пытаясь удержать движущуюся преграду.

Сила, давившая с противоположной стороны, была чудовищной. Костя попытался сдвинуть стол, но тот оказался привинченным к полу. Тогда паренек не нашел ничего лучше как забраться под него. Дима это видел и понимал, что сам бы не смог ничего придумать. В комнате больше не было ничего, чем они могли бы заблокировать выход. Вот за дверной косяк ухватилась рука с длинными костлявыми пальцами. Дверь раскрылась еще шире. Вот уже в щель прошла голова целиком. Дима задрожал, встретившись со спокойным человеческим лицом, посреди огромного костяного пузыря. Самарин посмотрел на него глубокими мутными глазами и медленно открыл рот. Из провала навстречу выползли два прозрачных отростка с острыми концами. Словно змеи они непрерывно извивались и тотчас устремились к Диме. Еще страшнее выглядело спокойное выражение лица, с которым чудовище все это проделывало.

Как только отростки попытались забраться ему в нос, Дима не выдержал и отпустил дверь. Проникнув внутрь, убийца замахнулся и вонзил острие кирки в стол. В тот же миг тьму озарила оранжевая вспышка. Раздалась автоматная очередь, и чудовище нырнуло во мрак. В дверном проеме у входа в архив стояли двое.

- Мы здесь! Не стреляйте! – размахивая руками, закричал Дима, чтобы их с Костей случайно не задел.

Вооруженный пистолетом человек, в котором Дима узнал молодого парня с базы, бросился к ним, не опуская оружия.

– Старшина, ты его видишь? – закричал парень, обращаясь к сутулому мужчине с автоматом.

Тот все еще стоял в дверях, но как только уловил движение за стеллажами, направил луч света туда.

– Там!

Последовала затяжная автоматная очередь. Вспышки из дула осветили пыльное помещение огненными сполохами. Пули прошивали фанерные перегородки и бумагу, вонзаясь в стену в глубине архива, где застыла огромная фигура. Дима успел вытащить товарища из-под стола и по мановению руки спасителя покинул комнату.

Мужчина с автоматом тем временем переложил фонарик в левую руку и схватился за рацию. Он хотел вызвать подкрепление, но удар кирки перечеркнул все планы. Самарин появился словно из ниоткуда, вонзив кайло ему в темя. Прогремел выстрел. Чудовище развернулось навстречу новому врагу. Дима потянул товарища в обход, подальше от центрального прохода, пока второй стрелок вел прицельный огонь по движущейся фигуре. Он старался изо всех сил. Все пули вонзались в мягкое тело, глубоко застревая там, но убийца как будто не чувствовал боли, продолжая идти.

– Не тратьте время! – выкрикнул парень. – Бегите назад в большой задел. В десяти метрах отсюда есть лестница наверх.

Дима успел заметить, как тот увернулся от кирки и с разворота ударил чудовище локтем в живот. Раздался мягкий шлепок. Бледный человек оттолкнул его с такой силой, что тот влетел в комнату ногами кверху, ударившись затылком об стол. Стоило ему прицелиться, как Самарин заблокировал дверь, просунув между ручкой и стеной кирку. Избавившись от лишних людей, он развернулся и последовал за жертвами.

Дима и Костя быстро нашли потаенную дверь, черневшую в нише в глубине задела. Когда в коридоре раздалось шлепанье босых ног, они уже бежали вверх по ступеням. Все случилось так внезапно. Чудовище, которое они видели на фотографиях, неожиданно появилось в реальности. Четыре десятилетия, разделявшие их, словно по волшебству стерлись, слившись в пугающую реальность. Это было невероятно, как в страшном сне. Оно преследовало их, царапая ногтями стены. Длинные тощие ноги переступали через ступени. Впереди показалась открытая дверь, но человек с огромной головой уже дышал им в затылок.

Дима слышал, как наверху пронесся поезд и, распахнув дверь, первым выскочил в тоннель, освещая тубинговую оболочку и провода. Повернувшись, он столкнулся с тощим человеком в спортивном костюме и сильно испугался. В полутьме, при кривом освещении мужчина казался настоящим уродом, с крючковатым носом и скошенным подбородком. Рядом в заделе сидел поджарый азиат, незадолго до этого возившийся со сварочным аппаратом.

– Вы кто такие? – с раздражением пробормотал мужчина, стыдясь своего испуга. – Стойте смирно! Я позову охрану!

Дверь распахнулась настежь, и Костя повалился лицом на бетон. Он едва успел перекатиться на бок, прежде чем из тьмы выпрыгнул Самарин. Попав в тоннель, монстр сразу набросился на крюконосого. Под вопль азиата, выронившего сварочный пистолет, гигантский дистрофик обхватил голову обходчика рукой и потащил к распределительному щитку номер 57. Одним движением оторвав крышку, он погрузил туда голову визжащего мужчины. Раздался треск. Запахло паленым мясом. Тощая фигура в спортивном костюме задрожала, одновременно вздрагивая руками и ногами.

– Шикуюлькан! – тоненьким голоском пропищал азиат.

Отшвырнув еще живого обходчика, Самарин с тем же невозмутимым лицом направился к следующей жертве. Дима рывком поднял Костю, краем глаза наблюдая, как монстр заслоняет собой коренастого азиата. Тот, однако, себя не посрамил. Ни с того ни с сего, обходчик подпрыгнул и ударил Самарина головой в грудь. Увернувшись от когтистой лапы, он оттолкнулся от стены и нанес противнику еще один удар коленом в

бок. Монстр попытался обхватить жертву лапами, но азиат снова ушел, на этот раз вправо, и в прыжке ударил ребром ладони по костяному наросту на спине. Из разрыва брызнула бледная жидкость. Самарин покачнулся. Следующий его бросок был удачным и когти на пальцах вспороли азиатку грудь.

– Дима не стой! – закричал Костя, утягивая друга за собой, понимая, чья очередь следующая.

Крик привлек внимание чудовища. Обходчик тем временем подскочил и с воплями побежал дальше по тоннелю так быстро, словно собирался перегнать поезд. Его фигурка все еще маячила вдалеке, когда они услышали нарастающий гул и шум ветра. Дима вжался в стену, наблюдая, как за поворотом усиливается злое зарево. Он хотел броситься обратно к лестнице, но путь к тому времени был уже перекрыт. Убийца вытянул навстречу длинные руки, как будто собирался обнять их.

Дима побежал вдоль стены и потащил за собой Костю. Сзади спешил Самарин. Навстречу несся поезд. Дима точно знал, что их ждет. Состав появится из-за поворота внезапно. У машиниста просто не будет времени затормозить. Потом катастрофа. Это будет похоже на столкновение мух с лобовым стеклом гоночного болида.

– Мамочка, – всхлипывал раненый обходчик, держась за изуродованное лицо. – Мамочка моя. Не вижу!

В свете фонарика он кое-как поднялся и пошел на дрожащих ногах во тьму. Споткнулся и снова упал, разбив лоб об рельс. Дима и Костя перебежали на другую сторону тоннеля, где тянулся закрепленный над землей контактный рельс. Впереди, как назло, не было нищ, только вогнутые стены, а поезд был уже близко. Сияние за поворотом усиливалось. Самарина это как будто не беспокоило. Дима понял почему, когда тот ухватился за тубинговые крепи и ловко вскарабкался наверх. Затаившись во тьме под потолком словно гигантский паук, он обратил к ним спокойный взор.

– Вот сволочь! – закричал Дима, схватив острый кусок бетона, отколовшийся от покрытия под ногами. – Спускайся, урод!

Костя последовал его примеру. Два камня устремились вверх, почти одновременно вонзившись в бледное лицо. Самарин обхватил руками разбитое лоно и мешком свалился на рельсы. Что-то в нем изменилось. На испачканном кровью лице появилась агрессия. Уголки рта растянулись в беззубом оскале, приоткрыв черный провал глотки, в которой шевелились прозрачные отростки.

Самарин метнулся навстречу, норовя зацепить когтями. В этот момент в спину им ударил поток света. Раздался стук колес. Дима только сейчас спохватился, где они стоят. Рядом был контактный рельс. Лечь в этом месте означало верную смерть. Вжавшись землю, они смогли бы избежать удара током, но как только пронесется поезд, их спины непременно будут вспороты контактными пластинами, торчащими из токоприемников колесных пар.

Костя достал перочинный нож и разложил самое длинное лезвие. В ярком свете, затопившем часть тоннеля, Дима толкнул паренька вправо и сам перепрыгнул через рельс, попутно рухнув на бетон рядом со стеной. Он сделал это на глазах у машиниста, которого отчетливо видел в мчащейся кабине поезда. Костя все еще стоял. Едва монстр поравнялся с ним, паренек изловчился и, увернувшись от когтистой руки, вонзил клинок ему в лоб до предела. Самарин запрокинул голову и дернулся в сторону.

Раздался обреченный вопль. Сзади, слепо размахивая руками, брел обходчик. Он тоже слышал шум поезда и безуспешно искал спасительную нишу. Неожиданно для себя обняв чье-то худое тело изуродованный крючконос подавился криком. Самарин схватил его и открыл рот. Оба встретили смерть в объятьях.

На глазах у Димы и упавшего рядом Кости поезд пронесся по тоннелю, размазав обе фигуры по рельсам. Раздался визг тормозов. Стены осыпали оранжевые водопады искр. Тела унеслись вслед за кабиной и растворились во мраке, оставив на полу длинный кровавый след.

Состав пронесся вперед и затормозил не сразу. Дима лежал неподвижно, пока колеса продолжали мелькать перед лицом. Он открыл глаза только в тот момент, когда рядом остановился предпоследний вагон. Машинист, судя по всему, решил не травмировать пассажиров и подвел поезд к месту остановки как можно мягче. И так было ясно, что в столкновении никто не уцелеет, разве что отдельные части тел.

Состав застыл. В окнах стали появляться лица перепуганных пассажиров. Дима сжал кулаки, с ненавистью глядя в начало поезда, где должны были лежать тела. Самарин слишком далеко зашел. Не важно чего он хотел, почему собирал черепа, и что с ним сделали в лаборатории ненормальные ученые. Все это останется тайной. Спускаясь в шахту на заброшенном заводе, Дима меньше всего на свете ожидал, что ему придется ее разгадывать. Если бы он только знал, чем обернется ночное приключение, непременно замуровал бы вход в подвал. Трудно представить, что любимое московское метро столько лет хранило такую страшную тайну. Месть это была или извращенное удовольствие – не имеет значения. Свое маньяк получил. Иной смерти он и не заслуживал. Пусть теперь обходчики соскребают его лопатами с кабины и шпал.

Заставив Костю подняться, Дима прошмыгнул мимо двух последних вагонов так, чтобы их никто не увидел. Вдвоем они побежали дальше по тоннелю навстречу крошечной точке света.

ЭПИЛОГ

*Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.*

Иоганн Гете, «Фауст»

Солнце клонилось к горизонту, освещая косыми лучами крыши многоэтажек. Он шел по широкому проспекту. Мимо проносились машины. Люди спешили по своим делам, изредка поглядывая на него. Синяки на лице Дима заретушировал маминой пудрой, но от этого они не стали незаметнее. Он по-прежнему напоминал кусок отбивной говядины, приготовленный для жарки. Хорошо хоть внутренне начал приходить в себя, особенно после долгого сна, в который погрузился, очутившись дома.

Дима прекрасно помнил утро субботы. Они покинули тоннель, поднявшись по стволу вентиляционной шахты рядом со станцией «Шоссе Энтузиастов». Он знал, где в старых шахтах установлены датчики, какие они примитивные и как легко их обойти, карабкаясь сбоку по стенам. Выбив ногами ржавые жалюзи киоска, не обращая внимания на прохожих, оба скрылись в ближайшем сквере. Спрятавшись в кустарнике у пруда, они провели в укрытии некоторое время, убедившись, что их никто не преследует. Там Костя повел себя необычно. Первый раз в жизни он отказался от помощи, заверив, что пойдет домой один. Вся его рубашка была в черной саже, штаны изорваны, а сам он едва держался на ногах. Дима толком не знал, как будет идти по городу в таком виде без паспорта, но Костя в ответ пренебрежительно махнул рукой.

Проводив товарища до шоссе, вдоль которого тот мог добраться до дома, Дима попрощался с ним. Тогда он был даже рад. Подземное приключение сдвинуло что-то в голове трусишки, и это должно было пойти на пользу. На следующий день он позвонил Косте, и они долго разговаривали. Паренек делал это очень странно, время от времени растягивая слова, делая паузы, словно упражнялся в речи, а потом и вовсе стал вспоминать одноклассников, которых не видел со школы. Наверное, сказывалось потрясение. Его тоже посещали мысли и воспоминания, большая часть из которых касалась детства. Сумка со снаряжением осталась в пещерах, а вместе с ней за толстым

слоем камня и желание быть диггером. Постепенно Дима понял, какой недуг им владел. Все это время он пытался убежать от себя, боялся до конца войти в реальный мир, цепляясь за обрывки детства, которое наконец закончилось. Теперь он с улыбкой вспоминал, как забирался в коллекторы и смотровые колодцы, как его задерживали патрули милиции, а он с упорством доказывал, что в этом вся его жизнь. Каким же дураком, должно быть, он тогда казался. Жалко было смотреть. Может поэтому стражи порядка всегда его отпускали.

Дома во сне его часто посещал Роман Самарин. Чудовище не пыталось наброситься или напугать, просто стояло перед глазами, позволяя себя рассмотреть. Бледное лицо излучало умиротворение и спокойствие. Наверное, в глубине души, которая должна была у него сохраниться, он желал смерти. Самарин жил в одиночестве, окружив себя костями тех, кому завидовал. Строго говоря, это была даже не жизнь, а борьба за выживание.

Это была страшная история с грустным концом, и Дима подробно пересказал ее родителям. Мать поддержала его план запечатать шахту, а вот мечтатель-отец как обычно погрузился в грезы, загоревшись идеей собрать группу диггеров и исследовать пещеры. Там на военной базе Дима поклялся, что вернется в логово маньяка. Теперь же, хорошо выспавшись, подсчитав царапины и ушибы, он понял, что возвращаться обратно во мрак каменного лабиринта не намерен. На его месте так проступил бы только умалишенный.

Обогнув фронтон пятиэтажки, сквозь арочный проход он вошел в уютный дворик с четырех сторон окруженный домами. Под раскидистыми кронами яблонь было прохладно и тихо. Завернув в подъезд, Дима поднялся на второй этаж и трижды позвонил в дверной звонок.

Костя открыл дверь и кротко кивнул в знак приветствия. Дима пригляделся. На паренке были джинсы и белая хлопковая футболка с изображением британского флага. Очки приспущены, чтобы можно было смотреть поверх стекол.

- Новая футболка? – спросил он, глядя на предмет гардероба несвойственный приятелю, привыкшему носить только рубашки.
- Да. С утра ходил за продуктами. Увидел в местном универмаге и решил купить. Классная, правда?
- Ты ходил за продуктами?
- Захотелось пиццы и Кока-Колы. Мама мне их редко покупала. Говорила, что вредно. – Паренек растерялся, заметив пристальный взгляд Димы. – Думаешь, не стоило?
- Нет. Здорово. А это что?

Дима указал на красную папку, которую друг непрерывно вертел в руках.

- Школьный альбом. Я ведь так и не окончил школу... обычным способом. Меня в нем вообще-то нет.
- Ты никогда не говорил, почему перешел на домашнее обучение.
- Лучше тебе этого не знать.

Костя отошел в комнату и закинул папку на верхнюю полку.

- Слышал, что в новостях говорят?
- О метро? – паренек поморщился. – Да, много людей погибло. Еще сказали, что прохожие и пассажиры исчезали не только в метро, но и на поверхности в районах Перово и Лефортово. Выходит, пятеро обходчиков теперь не единственные пропавшие. Хотя, руководство метрополитена утверждает, что погибшие уволились по собственному желанию в день исчезновения и в метро не спускались.
- Какой дурак только придумывает такое, – усмехнулся Дима.
- Про поезд тоже много говорили. Тех двоих размазало так, что обходчики до сих пор кусочки по углам находят.
- Давай без подробностей.

Костя охотно махнул рукой, дав понять, что тема закрыта. Он больше не сердился на него, и это было заметно. Дима скинул кроссовки и пошел за товарищем на кухню. Костя

вскипятит чайник и открыл банку с датским печеньем. Они долго сидели молча, потягивая зеленый чай. Наконец Дима произнес:

- Ты все еще злишься на меня? За то, что я тебя бросил... дважды.
- Мы все там отличились. Любой на твоём месте поступил бы так же. Так что я тебя не виню. Давай лучше поскорее об этом забудем. Не хочу кричать по ночам.
- Тебе снятся кошмары?
- Снятся. – Костя потупил взор и ехидно улыбнулся. – В них я вижу Василия.
- И что?
- Он передает тебе привет... из ада.

Костя сдавленно захихикал. Дима задумчиво на него посмотрел, потом не удержался и тоже начал посмеиваться.

- Я рад, что все хорошо закончилось. По крайней мере, для нас.
- Да. Повезло еще, что у соседки были запасные ключи. Представляешь, сколько пришлось бы ждать, пока предки вернуться с дачи?
- Предки? – удивился Дима. – Что-то я раньше не слышал, чтобы ты так называл родителей.
- А что, плохо?
- Нет. Если что-то случится, знай, ты всегда можешь пойти ко мне.

Костя кивнул. За окном проехал автомобиль, был слышен шелест листьев. Солнце освещало покатуую крышу дома напротив. Дима засмотрелся на пейзаж, не сразу разобрал голос товарища.

- Скоро приедут родители, – робко произнес паренек, кроша пальцами кусочек печенья. – Придется нам попрощаться... Ты же знаешь, как отец к тебе относится.
- Знаю, знаю, – кивнул Дима и в шуточной форме передразнил голос грозного банкира: – Опять этот Скворцов к тебе ходит. Меньше всего моему сыну нужно общаться с всякими нищелюдами. Пусть лазает по помойкам, где ему и место.
- Ладно, хватит! – рассмеялся Костя, прикрывая рот ладошкой. – Он и половины не говорил из этого.
- Не говорил, но подумал.
- Когда это ты мысли читать научился?

В дверь позвонили один раз. Дима медленно повернул голову, вопрошающе посмотрев на Костю. Паренек с опаской выглянул в прихожую.

- Родители вернулись?
- У них есть ключи.

Дима снял с крючка длинный нож для разделки мяса и шагнул за порог кухни. Костя с испугом посмотрел на него, потом на оружие и схватил товарища за руку. Опомнившись, Дима положил клинок на стол. Он не понимал, что делает. В этот момент подошла бы фраза из разряда: «Война сделала меня параноиком», если бы он только воевал.

Вдвоем они пошли в прихожую. Дима посмотрел в глазок и отшатнулся. За дверью раздалось сухое покашливание.

- Откройте, милиция!
- Ну вот, приплыли, – пробормотал паренек.
- А ты чего ожидал? – шепнул Дима. – Мы там порядком наследили.
- И что делать?

Дима сделал то, что мог и должен был. Открыл дверь. На пороге стоял крепкий парень в кожаной куртке. Запястье забинтовано. На лице ссадины. В руке гость держал раскрытое удостоверение. Костя и Дима сразу узнали «товарища по несчастью».

- Старший лейтенант Антон Гончаров, – представился страж порядка и без приглашения шагнул за порог.
- Хотите нас арестовать?

Антон дружелюбно улыбнулся и развел в стороны края куртки, дав понять, что при нем нет оружия.

- Я не при исполнении.
- Как вы нас нашли?

Вместо ответа лейтенант достал из кармана паспорт и протянул его Косте. Паренек схватил грязную книжечку и поспешно поблагодарил Антона.

- Молодец, что носишь его с собой. Без паспорта вас было бы непросто найти. Дима с упреком посмотрел на товарища, на что тот только виновато повел плечами.

- Могу я войти?
- Не можете, – отклонил Дима.
- Это ваша квартира?
- Не можете, – твердым голосом подтвердил Костя. – Это моя квартира и я сам решаю, кого впускать.
- Хорошо. Я бы очень хотел быть краток, но разговор предстоит не из легких.

Тут его взгляд коснулся ружья, висящего над декоративной аркой между прихожей и коридором в гостиную. Лейтенант не то в шутку, не то всерьез указал на оружие и спросил:

- Лицензия есть?

Дима кивнул, хоть понятия не имел. Беглый ответ стража порядка удовлетворил. Антон снял куртку и повесил ее на вешалку. Усевшись на тумбочку из орехового дерева, он внимательно посмотрел на друзей, о которых знал совсем мало. Костя проследовал к двери и запер ее на ключ.

- Вы кого-то боитесь? – спросил лейтенант, наблюдая за действиями паренька.
- А вы нет, после той ночи?
- Я не из тех, кто смеется смерти в лицо, – признался лейтенант, скрестив руки на груди. – Давайте начистоту. Я пришел сюда как частное лицо. Вы пока не числитесь в наших списках. Строго говоря, о вашем существовании никто не знает, кроме меня, преступника и одного сержанта на базе. Последний запомнил только ваши имена.
- Как хорошо! – обрадовался Костя.
- Вам все равно придется проследовать со мной в отделение и дать показания. Не сейчас, разумеется.
- Но зачем?
- Я должен понять, какую роль вы играете в этой истории. Необходимо во всем разобраться и сделать это нужно в кратчайшие сроки. – Антон откашлялся и произнес так, чтобы его голос звучал убедительно. – Боюсь, что Москве угрожает серьезная опасность.

Костя и Дима переглянулись. Они-то были убеждены, что для них все закончилось два дня назад. Судебные процессы, опознание трупов и дача показаний не входили в их планы. Пока было не понятно, лейтенант пришел, чтобы поделиться опасениями или искал козлов отпущения? В любом случае, сейчас оба были готовы его растерзать.

- Послушайте, старший лейтенант Гончаров. Мне кажется, вы обратились не по адресу. Почему это должно беспокоить нас? – с раздражением спросил Дима. – Мы обыкновенные парни и хотим жить обыкновенной жизнью. Пить пиво, гулять с девчонками, деньги зарабатывать. Понимаете? Свою долю адреналина мы уже получили. С нас хватит приключений.
- Вы не понимаете, во что ввязались. Я пришел, чтобы помочь вам. Ради нашей общей безопасности вы должны знать, что можно говорить, а о чем следует умолчать.
- А мы разве в опасности?
- Будете, как только начнете давать показания. К тому же вам разве не интересно, кем был тот бледный человек?
- На нас напал Роман Самарин, – коротко ответил Костя. – Мы все знаем.
- Вот как? Боюсь, что вы и половины не знаете.

Антон достал из кармана куртки стопку бумаг и фотографий.

- Я провел в том архиве полтора часа. Когда понял, что взломать дверь не удастся, стал читать. Мне удалось многое узнать, прежде чем сел фонарик.
- Тогда поторопитесь, скоро вернуться мои родители. Не хочу, чтобы они увидели здесь постороннего.
- Все-таки не уверен, что нам следует это знать, – настойчиво возразил Дима. – Меньше знаешь – крепче...

Антон прервал его жестом руки.

- Крепче тупеешь. Знание – сила, а поговорку эту используют в основном в криминальной среде, где мозги никогда не были в почете. Мне понадобятся ваши показания, когда начнется расследование. Я считаю, что вы должны быть в курсе того, что там произошло, но сначала хочу послушать вас.

Дима и Костя подробно рассказали ему все, что видели в пещерах и как выбрались на поверхность. Красноречием Дима никогда не славился, но в эту минуту нужные слова как будто рождались сами собой. Антон внимательно слушал, ни разу не прервав. Зрочки при этом непрерывно двигались. Как и любой дознаватель, лейтенант внимательно запоминал важные детали и факты. Это было необходимо, чтобы потом задать вопросы снова и найти нестыковки, указывающие на то, что свидетель лгал.

С его слов лейтенант узнал много нового, в том числе и то, что это они оставили на уступе трос, спасший ему жизнь. После схватки с Василием Дима передал эстафету Косте. Используя безграничную фантазию, паренек живо описал действие в тоннелях «Метро-2» и даже приукрасил несколько эпизодов, в частности, самодельный огнемёт Димы и чудесное выживание после взрыва баллонов на складе. Закончилось все ударом ножа в лоб и смертью маньяка под колесами поезда.

- Ну что ж, примерно этого я и ожидал, – сузив брови, сосредоточенно произнес Антон. – Получается, Василий Кличков тоже был убийцей?
- Строго говоря, нет... – начал Дима, но тут вмешался Костя.
- Нет? Вы бы его видели. Он был психопатом. Настоящим садистом и маньяком. Угрожал нам каждую минуту и все время пытался побить.
- Василий один раз намекнул, что убивал с друзьями гастарбайтеров, но к ночной резне в метро и к Самарину он отношения не имеет, – объяснил Дима. – Разве что нас хотел зарезать, после того как мы его раздраковали...
- С ума сойти, – присвистнул Антон. – Получается, в деле замешаны уже четверо убийц!

Тут он спохватился.

- Когда будете давать показания ни слова о членовредительстве в отношении Кличкова и попытках убить Самарина и тем более молчите о том, что спалили его подельника, – детально объяснил лейтенант. – Для чистоты дела вы должны оставаться невинными жертвами.
- Мы и так жертвы.
- Мы ведь защищались! – подхватил Дима.
- К сожалению, по законам нашей страны можно получить срок даже за убийство маньяка. Между нами говоря, на жертв вы мало похожи... особенно после огнемета. Однако это исключительное дело, и я могу сделать несколько исключений, чтобы из потерпевших вы не превратиться в подозреваемых. Вы дважды спасли мне жизнь. Я этого не забуду. Но даже если бы этого не случилось, я бы все равно встал на вашу сторону.

Дима и Костя поспешно кивнули. Если уж суда не избежать, то необходимо подойти к делу с умом. Хорошо, что молодой лейтенант согласился им помочь. В конце концов, их агрессия была оправдана и они не горели желанием садиться в тюрьму из-за несовершенства законодательной системы.

- Я услышал достаточно. Завтра вас пригласят в отделение для повторной дачи показаний. А теперь, – печально улыбнулся лейтенант, разложив бумаги, – я расскажу вам правду. Вы только что сочинили увлекательную историю. Будь на моем месте следователь, вы бы подписали себе смертный приговор.

Он продемонстрировал им бумаги. Дима почувствовал, как тело покрывается испариной. Костя рядом нетерпеливо потирал руки. Оба смотрели на знакомые пожелтевшие листы в руках лейтенанта.

- Все мы время от времени нарушаем закон. Если бы военные на базе нашли это, у меня были бы серьезные проблемы.
- Это просто отчеты о каких-то экспериментах.
- Государственная тайна, – громко произнес Антон, заставив Костю вздрогнуть. – Вы что не видели грифы секретности на документах? Этой лаборатории не существует и любое упоминание о ней грозит непоправимыми последствиями.
- Мы уже поняли, что там проводили эксперименты, – ответил Дима.
- Эксперименты над людьми в области генетики запрещены во всем мире. Обнародование такой информации может нанести непоправимый ущерб национальной безопасности государства. Даже тот факт, что исследования проводились в СССР, ничего не меняет. Разглашение этих материалов равносильно взрыву атомной бомбы!
- Мы не знали.
- Но вас бы привлекли к ответственности.
- Тогда лучше не говорите нам ничего, – попросил Дима. – Давайте последуем мудрому правилу боссов криминального мира.
- Теперь уже не важно. Вы и так слишком много видели. Я должен вам все рассказать, хотя бы затем, чтобы вы знали, о чем надо молчать.
- Значит, разговор останется между нами?
- Я пришел сюда в свой выходной. А вы как думаете? Я запрещаю вам упоминать слово лаборатория во время дачи показаний. Нас там не было. Любой намек на архив даст военной прокуратуре повод подозревать нас.

Антон кашлянул и попросил Костю принести ему стакан воды. Паренек охотно исполнил просьбу гостя. Сделав несколько глотков лейтенант устроился поудобнее и начал рассказ:

- Я разобрал максимальное количество фактов и сопоставил их с тем, о чем успел прочитать в делах Косматского и Самарина, а так же в других документах. – Лейтенант откашлялся и приступил. – Итак, что мы в теории имеем. 1934 год. В Москве проводят первую линию метро. В центре нашей истории двенадцать уральских шахтеров 3-ей забойной бригады Алексея Гришева. 25-го марта во время прокладки тоннеля под Дзержинской площадью их смена обнаружила в пластах карбонных глин странную окаменелость. Неизвестно, что случилось в той узкой штреке, и каким образом двенадцать шахтеров были в тот же день госпитализированы. Некоторое время ими занималась токсикологическая лаборатория при Всесоюзном институте биохимии. Непонятно, хотели они им помочь или надеялись получить формулы новых ядов. В 1937 году с началом Большого террора лаборатория была реорганизована, а ее члены смещены с должностей или расстреляны. Попытки вылечить шахтеров были прекращены. Очевидно, что зараза не передавалась воздушно-капельным путем и не была опасна для окружающих. Четыре года двенадцать человек содержались на севере Москвы в закрытом стационаре на краю Хлебниковского леса недалеко от деревни Беляниново. Осенью 1941 года туда были передислоцированы войска НКВД и организован оборонительный рубеж против идущих на Москву немцев. Шахтеров не могли поместить в общую городскую больницу или держать на станциях метро, служивших в то время бомбоубежищем, поэтому их заперли где-то в глубинах

подземки. Думаю, импровизированной медицинской палатой мог послужить любой задел в неиспользуемом передаточном тоннеле. После войны их след обрывается на 24 года. Нет ничего удивительного в том, что за это время никто из них не умер.

В этот момент Костя приподнял руку, словно ученик на уроке, но Антон пригрозил ему пальцем.

– Я объясню это позднее. Итак, в 1965 году за дело взялись выбравшиеся из подполья генетики. Год спустя шахтеров уже изучали в засекреченном стационаре Института общей генетики, называя их «объектами». Судя по всему, если верить фотографиям, уже тогда они потеряли большую часть мышечной массы, превратившись в живые скелеты. Стационар, в котором находились подопытные, располагался на севере Москвы в некоей лаборатории № 12, а затем переехал на восток, где министерство обороны предоставило им укрепленный бункер в районе правительственной ветки «Метро-2». Исследования проводились в Восточной лаборатории № 1. Шахтеров не пытались вылечить. Это были жестокие эксперименты, направленные на изучение их организма, который за долгие годы успел сильно измениться. Интерес военных к этим изысканиям мне до конца не понятен. Ясно одно, он был связан с выделением плазмы из крови испытуемых, благодаря которой появилась загадочная Сыворотка А71. В итоге испытания этой сыворотки послужили причиной гибели десяти шахтеров.

– А как же Виталий Косматский?

– Тише, – шикнул на паренька Антон. – Ты нарушаешь ход мыслей. На финальном этапе выделяются два «объекта» – Виталий Косматский и Роман Самарин. На этих несчастных сыворотка оказала противоположное действие. Они выжили, но на этом их мучения не закончились....

Антон отхлебнул глоток воды и достал фотографии. Наблюдая за реакцией мальчишек, он прижал снимки к груди и многозначительно кивнул.

– Теперь стоит сделать короткое отступление и рассказать о судьбе окаменелости. Вот он – ответ на все вопросы.

– И что же это было? – спросил Дима, переминаясь с ноги на ногу.

– Некий паразит. – Антон продемонстрировал им первую фотографию, на которой был изображен окаменевший цилиндр, напоминавший бутылку, завернутую в мятый полиэтиленовый пакет.

– Где вы ее откопали?

– Кто ищет, тот всегда найдет. После обнаружения уральскими шахтерами паразит пылился в хранилище Палеозоологического института, принимавшего тогда образцы окаменевшей флоры и фауны, которые находили строители метро. В 1937 году он стал одним из экспонатов в экспозиции только что открывшегося Палеонтологического музея. В годы войны коллекцию окаменелостей перевезли в Алма-Ату. Неизвестно, что случилось потом, но после войны в 1944 году, когда экспонаты вернулись в Москву, он выглядел иначе. Думаю, кураторы новой выставки крайне удивились, когда вскрыли ящик и обнаружили в нем живой организм.

Антон показал им другую фотографию, на которой был тот самый паразит. Сначала Диме показалось, что это речной рак или лангуст, только без клешней. У него были четыре острые ножки по бокам и продолговатый овальный панцирь. Членистоногое лежало на ровной поверхности вровень с линейкой и в длину не превышало тридцати сантиметров. Единственной отличительной чертой организма от других ракообразных были длинные прозрачные усики вместо клешней.

– Они называли его «Краулером»¹⁷. Есть много вариантов перевода этого слова с английского языка. Чаще оно связано с чем-то, что ползает или передвигается по земле.

¹⁷ Crawler (англ.)

- Невозможно! – поежился Дима, глядя на мерзкое создание. Ему надоело стоять, и он уселся на пол. – Камень есть камень. Он не может ожить.
- Я тоже так думал, пока не вспомнил о протоптере.
- О ком?
- В Африке существует уникальная рыба. В условиях сурового климата природа наделила ее способностью впадать в спячку. Раз в сезон засухи, когда озера и болота высыхают, протоптер зарывается в грунт и наращивает слизистый кокон, предохраняющий его от зноя. Иногда подобная спячка может продолжаться в течение нескольких лет. В случае с «Краулером» это мог быть анабиоз и продолжался он свыше 300 млн. лет. То, что ученые приняли за камень, на самом деле было хитиновым коконом. Оболочкой, защищавшей носителя от хищников. В докладе появление этого организма относят к Палеозойской эре, предположительно к Пермскому или Каменноугольному периоду. По своей природе «Краулер» реликтовый организм. Это членистоногое, относится к распространенному некогда классу трилобитов, но есть некоторые отличия, придающие ему сходство с моллюсками и даже с кишечнополостными.
- Это морское создание? – натянутым голосом спросил Костя.
- Разумеется. Миллионы лет назад на месте Москвы было море. В конце Каменноугольного периода, когда теплая вода стала уходить, он запечатал панцирь и зарылся в песок. С тех пор большая вода приходила и уходила. Менялась температура, флора и фауна. Окончательно море покинуло область Подмосковья в середине Мелового периода. «Краулер» передвигался преимущественно в водной среде по дну или по течению. Для него жизненно важно было оставаться в воде, а долгая засуха или сильные заморозки могли его убить.
- Урод какой-то, – фыркнул Дима, мельком взглянув на фотографию.
- Внешняя оболочка тела «Краулера» состояла из мускульных клеток эктодермы, которые начинали распадаться в случае высыхания кожных покровов. На спине хитиновый панцирь. В случае нападения он втягивал туда тело или зарывался в песок. Это точно не хищник. Вместо клешней у «Краулера» два полых отростка с острыми концами, напоминающие щупальца. Об их назначении я расскажу в свое время. Питается этот трилобит исключительно белковой пищей, в которой содержатся необходимые ему аминокислоты.

Дима и Костя переглянулись. Слишком складно у лейтенанта получалось плести историческое полотно. Складывалось впечатление, что он принимал активное участие во всех вышеупомянутых событиях или как минимум писал о них диссертацию.

- И вы все это узнали, пробыв в архиве полтора часа? – с недоверием спросил Дима.
- Я в некотором роде следователь. Это моя работа – собирать информацию и сопоставлять факты.
- Наверное, хороший следователь? – предположил Костя.

Антон внезапно помрачнел.

- Не такой хороший, каким хотел бы быть. Вы прервали меня на самом главном. Как же безобидный с виду «Краулер» повлиял на жизни Косматского и Самарина... кроме того, что заразил их неизвестным вирусом? И самое главное, как «Краулер» стал причиной гибели тридцати человек в московском метрополитене?
- Это шутка? – переспросил Дима.

До этой минуты, какими бы невероятным не казались ему факты, он мог в них поверить. Обезумевшие жертвы генетических экспериментов могли мстить людям. Дима был готов поверить даже в существование инопланетного разума, но то, что людей убивал ископаемый рак размером с бутылку шампанского, у которого даже клешней не было, чтобы кусаться, казалось полным абсурдом.

Антон многозначительно посмотрел на слушателей.

- Вернемся в 1944 год, когда в ящике был обнаружен живой организм. Его немедленно доставили для исследования в лабораторию Зоологического института Санкт-Петербурга. Там ему дали порядковый номер, имя и стали изучать. В 1954 году была предпринята первая попытка вскрытия. Думаю, ученые немало удивились, когда увидели, как паразит пытается залатать сам себя.
- Регенерация, – подхватил Костя. – Я так и знал!
- Думаю, военным двенадцать шахтеров и оживший реликт понадобились как раз за этим. С помощью сыворотки они надеялись найти препарат. Он должен был помочь больным исцелиться и ослабить действие вируса, но не полностью, сохранив ту его часть, которая помогает клеткам регенерировать. Я читал уцелевшие отчеты. Основную массу тела «Краулера» составляют эпителиально-мышечные клетки. В случае повреждения внешнего покрова или пищеварительных органов в водной среде начинается эпиморфоз – это так называемый процесс высшей регенерации, позволяющий животному восстанавливать собственное тело в первичном состоянии без каких-либо дефектов и изъянов. Подобной способностью обладают некоторые примитивные организмы и один беспозвоночный полип – речная гидра, тело которой достигает всего два сантиметра в длину. Чувствуете разницу? Это было открытие века.
- Почему же о нем никто не узнал? – спросил паренек, вертя в руках фотографию.
- Тогда-то в дело и вмешались военные. Не удивительно, что ученые молчали, памятуя тот факт, что правительство по-прежнему контролировало все государственные институты. Скорее всего, военные взяли исследования под личный контроль, после того как узнали, что у шахтеров тоже развились регенеративные способности. Вспомнив инцидент под Дзержинской площадью, они провели связующую нить. – Лейтенант допил воду, посмотрел на наручные часы и встал. – Дальше происходит что-то фантастическое. Не знаю, кто придумал посадить паразита на спину Косматскому...

Дима и Костя сощурились, до конца не понимая, что именно лейтенант хотел этим сказать. С какой это стати ископаемое решило прокатиться на спине у одного из шахтеров.

- Я уже говорил, что «Краулер» должен потреблять много белка, в котором содержатся жизненно важные аминокислоты. Первыми это выяснили ученые Зоологического института. За десять лет кормления искусственным путем трилобит едва не погиб. Наверное, кто-то решил предоставить ему белковую диету за счет живого организма. В этом участвуют щупальца. Паразит закреплялся на носителе, в случае с человеком это затылок. Щупальца проникали в желудочки головного мозга снизу вверх в районе сильвиева водопровода и закреплялись в районе рта или носа, откуда могли влезать. Для поддержания жизни носителя «Краулеру» необходимо было сохранять стабильный уровень циркуляции ликвора и его секрецию в организме.
- Уровень чего? – почти одновременно переспросили Дима и Костя.
- Спинномозговой жидкости, которая питает наш мозг. Постепенно объем черепа носителя увеличивается. Появляется костяной мешок, покрывающий паразита наподобие кокона. И здесь мы наблюдаем потрясающий симбиоз двух организмов.
- Хотите сказать, что Роман Самарин не был марионеткой. Он знал, что на нем паразит.
- Разумеется. «Краулер» никогда не смог бы подключиться к его мозгу и управлять им. Мы ведь говорим не о компьютерах или пришельцах. Существует, однако, проблема с образованием нового ликвора и застаиванием старого в костяном мешке. Время от времени носителю требуется свежий материал и взять его можно только в одном месте. – Антон многозначительно постучал пальцем по голове. – Вы сказали, что большинство жертв были убиты ударом в голову. Что ж это многое

объясняет. Должно быть отростки слишком коротки, и им приходилось добираться до желудочков мозга жертвы напрямик.

- Через дырку? – поморщился Костя. – Это отвратительно.
- Если «Краулер» не будет обновлять запас ликвора в костяном мешке, вегетативная нервная система носителя откажет и тело придет в негодность. Именно это случилось с Косматским, когда «Краулер» был удален. Шахтер впал в безумие, затем наступила кома и смерть. Это естественный отбор. Помимо всего прочего у Косматского с Самариным развилось внекишечное пищеварение как у мух.
- То есть? – движением глаз попросил пояснение Дима.
- Вступив в контакт с человеческой ДНК, вирус спровоцировал невообразимые изменения на клеточном уровне, которые не могли произойти 300 млн. лет назад по причине того, что людей тогда еще не было. В итоге вы можете наблюдать жуткие метаморфозы. Пациентам приходилось выделять слюну, чтобы растворять твердую пищу, а затем всасывать эту массу. В каждом из двенадцати шахтеров было что-то от мухи и гидры. Трудно сказать, во что превратилась бы эта уральская бригада, доживи она в полном составе до наших дней. Мне кажется, исследования стали выходить из-под контроля, поэтому было принято решение закрыть объект. «Краулера» заморозили, но потом по какой-то причине, лаборатория проработала еще полгода. Организм был разморожен и закреплен уже на Самарине.
- А Косматский умер?
- Как ни странно, нет. После того как «Краулер» был удален, он жил до закрытия лаборатории. Наверняка это было как-то связано с регенерацией. Его клетки продолжали восстанавливаться, ликвор тоже. Вегетативная система отказала позднее. Возможно, когда Самарин сбежал, Косматский все еще был жив, иначе зачем было брать его с собой.
- И как же он сбежал?
- Внезапно, – коротко пояснил Антон. – Полгода он позволял себя изучать. Его организм полностью ассимилировался с паразитом. Он вел себя тихо и миролюбиво, его даже перестали привязывать к кровати, но если как следует присмотреться. – Лейтенант показал им несколько снимков, где тощий альбинос с большой головой позволяет себя измерять и рисует что-то на доске мелом. – Вы поймете, что пока врачи изучали его, он изучал их. Самарин был абсолютно спокоен, потому что все для себя давно решил.
- Готовил побег.
- Именно. Остается только гадать, как ему удалось все это совершить, каким образом он узнал о пещерах и обошел вооруженную охрану. Если верить тем уликам, которые вы нашли внизу, я имею в виду череп в могиле и паспорт Косматского, можно утверждать, что он вызволил умирающего товарища, проник в архив, забрал оба документа и растворился в лабиринтах пещер.
- Наверное, ему помог кто-то из медперсонала лаборатории, – с азартом предположил Костя.
- Зачем? Ради секрета вечной жизни? Это вам не кино. Против советской власти шли единицы, к тому же только ненормальный стал бы нарушать карантин и выпускать на свободу зараженного пациента.

Антон еще раз посмотрел на часы и снял с вешалки куртку. Дима и Костя молчали. История захватила их целиком. Если прежде они мечтали, чтобы лейтенант ушел, то теперь не хотели его отпускать. Им стало интересно, что случилось с Косматским и Самариным дальше. То есть, они догадывались, что именно делал Самарин, после того как сбежал, но для полноты картины фактов было маловато.

- Что было дальше вы и так знаете, – кивнул Антон, надевая куртку, – и, надеюсь, будете молчать.
- Почему Москве угрожает опасность?

- Что?
- Вы так сказали, когда пришли.

Лейтенант задумался. Наконец его лицо прояснилось, и он кивнул.

- В грунте спят и другие паразиты. В этом нет никаких сомнений. Удивительно, что за семьдесят лет был найден всего один. Некоторые из них вполне могут жить в пещерах, куда ушли воды древних морей.

На лестнице раздался шаг. В дверной замок вставили ключ. Антон достал из кармана удостоверение.

- На самом интересном месте, – пробурчал Костя, кивнув Диме, чтобы тот поднялся с пола.
- К тому же под Андроньевской площадью мы с напарником нашли глубокую трещину, – напоследок через плечо бросил лейтенант. – Если не принять меры, произойдет катастрофа. И не забывайте о расследовании. В нем вам отпущена главная роль. Эта история далека от завершения.

Антон шагнул навстречу родителям, держа в поднятой руке открытое удостоверение. Он так и застыл на пороге, когда на плечо опустился острый кусок металла, разваливший его тело на две половинки от шеи до бедра. Пенной струей в потолок ударила кровь. Фигура лейтенанта стала оседать.

Дима и Костя стояли неподвижно, задержав дыхание, не пытаясь что-либо предпринять или закричать. Дима вжался в стену рядом с аркой, царапая ногтями одежду. Костя тихонько захрипел. Рука паренька непроизвольно сжалась, скомкав фотографию.

Переступив через дрожащее тело, в коридор вошел Роман Самарин. На нем была просторная роба оливкового цвета и толстовка с разорванным капюшоном, покрывавшим огромную голову. В желтом свете люстры к ним обратилось маленькое лицо, натянутое на шарообразный череп. Спустя два дня они снова видели спокойный взгляд и медленно раскрывшийся рот, в котором подобно выводку змей ползали прозрачные отростки.

На чудовище не было ни царапины, ни единого шрама напоминавшего о столкновении с поездом. Он полностью восстановился или зацепился за вагон или его отбросило ударом. Все это пронеслось в голове Димы, прежде чем Самарин запер дверь на ключ. Теперь он пришел за ними.

Дима схватил онемевшего друга и потащил в гостиную, а оттуда в спальню. Квартира была большая, но спрятаться от маньяка в ней было негде. Забегая в комнату Кости, Дима успел заметить два огромных глаза наблюдавших за ними из-под арки.

- Почему сюда. На балкон! – произнес Костя, как только Дима захлопнул дверь.
- Он тебя догонит раньше, чем ты добежишь до середины двора.
- Но там люди.
- Плевал он на людей. Ты еще не понял?

Вместе они подкатили к двери компьютерный стол. Провода натянулись, и монитор упал на пол. Дима схватил раскладной столик для гостей и поставил сверху. Дружно навалились на баррикаду. По ту сторону раздался удары.

- Как... он... нас... нашел, – по слогам выговорил паренек, глотая слезы.

Дима не ответил. Если друг до сих пор не осознал, какую ошибку совершил в тот вечер, последовав совету матери, то он ему точно не станет напоминать.

- Помогите! – вдруг завопил Костя. Подбежав к стене, он попытался привлечь внимание соседей, молотя по ней кулачками. – Помогите! Вызовите милицию!
- Замолчи! Это бесполезно!

Мощный удар сотряс дверь. Дима отлетел к дивану и осел на пол. Складной столик покачнувшись и сорвавшись вниз, рухнув ему на ноги. Сквозь боль и пелену слез застилавшую глаза он чувствовал, как Костя помогает подняться. Со следующим ударом на них покотился стол. Дверь закричала. Худая конечность в сползшем на локоть рукаве протиснулась в комнату. Вскоре появилась голова. Самарин осмотрелся. Два спокойных глаза встретились с настольной лампой в руках Димы.

Получив по лицу, Самарин тотчас исчез за дверь. Этого хватило, чтобы вернуть баррикаде прежний вид.

- Пожалуйста, сделай что-нибудь, – умолял Костя. – Скоро приедут родители. Я не хочу, чтобы их тоже...
- Нам нужно оружие.
- Но у нас только ножи, и те на кухне, – растерялся паренек, не переставая скулить. – Может у милиционера?
- Он же сказал, что не при исполнении.

Взгляд Димы внезапно прояснился. Он вспомнил о ружье. Мощное оружие с двумя горизонтальными стволами висело на стене в коридоре. Одного выстрела достаточно чтобы разнести маньяку голову.

- Ружье!
- Оно не заряжено. Все патроны в сейфе.
- Где твой отец хранит ключи от сейфа?
- У себя в кармане.
- Это не вариант.

На дверь обрушился кусок металла. Самарин стал с остервенением рубить деревянную преграду. Клинок, которым он вооружился на этот раз, превосходил предыдущие по величине и тяжести. Это было настоящее мачете, и оно легко вонзалось в сухое дерево.

- У тебя есть нож? Ты говорил, что хранишь его в тайнике!

Тут Костю осенило. Ну конечно. Тайник! Забравшись под диван, он вытащил из-за шкафа деревянную коробочку. Внутри, среди барахла, лежал патрон от ружья, тот самый, который он когда-то стащил у отца на даче. Дрожащей рукой он протянул красный цилиндр товарищу.

- Ты шутишь?!
- Теперь убей его, – попросил Костя.
- Как?
- Ты ведь хотел ружье.

Сквозь треск дерева раздался крик. Мачете рассекло прорубленную дыру и опустилось по трещине вниз, коснувшись Диминого уха. Тот вскрикнул и, схватившись за голову, упал на диван. Самарин попытался извлечь смертоносный инструмент, но у него не получилось. Тогда он налег на дверь обеими руками, и преграда поползла. Никто не пытался ее удержать, и она вскоре широко распахнулась, повалив на Диму оба столика. Самарин переступил через завал и вытащил прячущегося под диваном Костю.

Сейчас на убийце почему-то уже не было одежды, одна лишь бледная кожа покрывала его тощее тело. Вцепившись в ногу, чудовище волоком потащило паренька в гостиную, а оттуда на балкон. Дима слышал, как кричит друг. Он пытался вылезти, даже сбросил с себя тяжелый стол, но крик внезапно оборвался.

- Костя!

Он выскочил в гостиную и увидел бледную фигуру. Самарин стоял на балконе, прямо напротив двери, повернувшись к нему спиной. Над торчащими лопатками, словно мутная капля воды нависал костяной мешок с паразитом внутри. Солнце скрылось за крышами и не могло причинить ему вреда. В вытянутой руке маньяк держал Костю. К лицу паренька тянулись прозрачные отростки. Дима бросился в прихожую за ружьем. Поскользнулся и упал, погрузившись в еще теплую лужу крови, расплзавшуюся по коридору. Сняв ружье, дрожащими пальцами он вложил патрон и поднял ствол до щелчка.

Вскинув тяжелое оружие, он вернулся в гостиную, держа палец на спусковом крючке. Его взору предстала зеленая крона яблони. Это все что он увидел. На балконе никого не было. Дима покачнулся. Нижняя челюсть поползла вниз, словно ее тянула неведомая сила. Они исчезли.

- Костя?

Дима не спешил выходить на балкон. Он знал, что его ждет. Внизу на траве, а может на балконе, Костя лежал с проломленным черепом или вовсе без головы. Он провел его через пещеры и тоннели метро, вернул домой в целости не для того, чтобы теперь смотреть на искалеченный труп. Это было слишком жестоко.

Поборов страх, Дима подступил к двери и выглянул, держа оружие наготове. По телу прошла дрожь. Костя лежал под перилами, нелепо запрокинув руки за голову. По бледному лицу паренька стекала кровь. Глаза были закрыты, а рот – нет. Он захотел привести его в чувство, просто потрепать по плечу. Последовал толчок. Дима почувствовал, как погружается в пустоту. Земля, ветки яблони и стена дома стали вращаться. Перед лицом засвистел воздух.

Вонзившись плечом в мягкую землю, он громко вскрикнул, утонув щекой в густой траве. До него не сразу дошло, что произошло, а когда это все-таки случилось, за спиной раздался мягкий звук. Зашуршал трава. Он знал, кто к нему идет, но не мог пошевелиться, даже голову не мог повернуть. Звук шагов звучал все ближе. С другой стороны улицы донесся истошный крик.

– Прости, – тихо прошептал он, чувствуя, как дыхание срывается на свист.

Стало тяжело дышать. Длившуюся мгновение тишину нарушил выстрел. Сверху на него хлынул теплый поток. Дима наконец пришел в себя и перевернулся на спину. Над ним возвышался тощий скелет. Самарин все еще стоял, покачиваясь из стороны в сторону. Длинные руки с когтями приподняты. В этот момент часть его головы и все лицо с гадким хлюпаньем сползли на грудь. Фигура сделала шаг, покачнулась и завалилась на спину. На балконе, упав на перила, с ружьем в руках застыл Костя. Паренек был напуган не меньше его. Глядя на вздрагивающий труп, он выронил оружие, позволив тому упасть в траву.

– Ты жив? – шепотом спросил Дима, не надеясь, что паренек услышит.

– Я притворился, – с тем же шепотом последовал ответ сверху. – Он ведь любит, когда жертва сопротивляется.

Дима хотел улыбнуться, но мерзкое хлюпанье разрушило миг спокойствия. Кое-как приподняв голову, он заметил, что останки головы Самарина стали двигаться сами собой.

– Скорее! Он возвращается! – завизжал паренек.

Из-под ошметок головы, усыпанных кусками черепа, сквозь густую слизь пробилась два усика. Приподняв свернутую в кучу массу из кожи и мозгов, на грудь носителю выполз паразит. Дима с отвращением посмотрел на жалкое создание. Виновник всех бед даже не понял, что произошло. «Краулер» свалился в траву и засеменил в сторону подъезда, торопливо перебирая восемью ножками. Длинные усики волоклись за треугольным хвостом. Он часто на них наступал, и это мешало ему двигаться быстрее. Дима с трудом поднялся и захромал следом. Членистоногий вредитель был слишком тяжелым, чтобы ползать по суше. Все чего он хотел, как и любая другая трусливая тварь – забиться в какую-нибудь щель. Поэтому Дима дождался, пока тот заберется на порог в подъезде и, резко захлопнул дверь. Хитиновый панцирь с треском раскололся. Запузырилась блестящая жижа. Лапки задергались и почти сразу замерли.

Дима припал всем телом к прохладному металлу и окинул улицу шальным взглядом. После падения, мозг в голове как будто перевернулся. В глазах двоилось. На другом конце двора стояли две одинаковых фигурки в красном платье. Какая-то тетка с мобильным телефоном в руках старательно набирала номер.

– Костя! – пробасил Дима, испугавшись собственного тембра. – Костя!

– Мм...

– Тащи сюда бутылку с ромом!

– Думаешь, стоит?

– Еще жидкость для костров и спички!

Через пять минут Костя все исполнил. Спустившись вниз, он протянул товарищу бутылку элитного английского рома. Отвинтив пробку, Дима сделал несколько глотков и вернул спиртное пареньку. Затем вылил пузырек горючей смеси на останки паразита, и

швырнул в лужицу зажженную спичку. Больше фокус с регенерацией у него не пройдет. Мир не увидит ничего подобного, он просто не позволит. Даже если под землей живут целые колонии таких тварей, этот ублюдок домой уж точно не вернется.

- Теперь ему конец? – спросил Костя. В его голосе чувствовались нотки сомнения. Страшно было это признать после всего.
- Больше никогда не бери с собой паспорт.
- Хорошо.

Дима швырнул пластмассовый пузырек в кострище и тот быстро расплавился, смешавшись с кипящей органической массой.

- Придется вызвать милицию? – недовольно произнес Костя.

Оба посмотрели на женщину, говорившую по телефону через улицу от них. Фигура в платье перебежала с места на место, все никак не могла успокоиться, словно это на нее напал маньяк.

- Не трудись. Нам помогут... – на ходу произнес Дима, направившись в сад за ружьем. – Хоть на это сгодилась.

***

Теплые лучи заходящего солнца освещали кровли домов и кроны самых высоких деревьев. В голубом небе плыли наливавшиеся золотом облака. Был вечер, точно такой же, как когда-то в середине июня, когда он – Дима Скворцов загорелся желанием великих открытий. С крыши своей старой кирпичной пятиэтажки, Дима наблюдал за городом. Он был один. Внизу время от времени проносились поезда. Впереди раскинулось море зелени. Он часто поднимался сюда, когда хотел побыть в одиночестве. Три недели назад, вернувшись со сталелитейного завода имени Кирова, он провел здесь целый час, думая о том, что может скрываться в спрятанной шахте.

Главное научиться мириться с потерями, и никогда ни при каких условиях не опускать руки. Он совершил большую ошибку, открыв ворота в преисподнюю, и исправил ее тоже он. Сейчас этот люк был наглухо замурован. Дима заварил его с четырех сторон, повесил крепкий замок и поставил на место поддон, положив сверху весь тот хлам, что лежал на нем раньше. Более того, он заварил дверь в подвал, чтобы у людей не было соблазна туда спускаться. До тех пор пока завод будет оставаться большой помойкой, ни один человек не спустится на станцию-призрак. На этом его долг был выполнен.

Не став дожидаться захода солнца, Дима спустился вниз и вышел из подъезда. Пересекая кишачий детворой двор, он поздоровался с приятелями. Те как обычно горбились на спинке лавочки и потягивали пиво. Для них жизнь не менялась на протяжении десятилетий. Под благовидным предлогом отказавшись от похода в баню, он распрощался с пацанами и вышел на улицы Москвы.

Прошло две недели с тех пор как он последний раз видел Костю. В тот роковой вечер его родители вернулись с дачи чуть позже, после того как во двор въехала первая патрульная машина. Дима недолюбливал чету самовлюбленных банкиров, но тогда им откровенно посочувствовал. Каково это – вернуться домой и обнаружить на лужайке труп уроды с разможенной головой, в которого стрелял их тихоня-сын, а в прихожей разрубленное тело старшего лейтенанта милиции. В итоге после долгих бесед со следователями и вмешательства отца Кости все обвинения были сняты. Сняты с Кости. Диму до сих пор продолжали вызывать в отделение и доставали вопросами. К счастью, до приезда патрульных они успели порвать фотографии и документы, принесенные Антоном Гончаровым, и спустили их в унитаз. Хотя бы здесь им удалось остаться в тени. Скандал с гибелью обходчиков в метро продолжал набирать обороты, и Диме совсем не хотелось попасть в его эпицентр.

Всезнающий лейтенант оказался прав, сказав, что без его вмешательства ими никто не заинтересуется и скорее даже не вспомнит. И дай Бог, чтобы так все и было. Сейчас Дима

занимался своими делами, встречался с Машкой, пошел в качестве помощником сварщика на стройку элитного супермаркета, сдал тесты для повышения квалификации. Жизнь, казавшаяся ему обыденной, постепенно стала обретать новые краски. С Костей они последний раз виделись в отделении. Потом он часто ему звонил и предлагал погулять, но паренек всякий раз находил предлог, отвечая, что хочет побыть один, и уже не звал к себе домой. Потом телефонную трубку и вовсе стали брать родители. Этим вечером он решил еще раз позвонил. Каково же было его удивление, когда мать Кости сказала, что ее сын скоро вернется домой. В любом другом случае это не вызвало бы у него подозрений, но сейчас Дима всерьез забеспокоился. Он не сомневался, что Костя пребывает в добром здравии. Для человека пережившего подобное он держался вполне достойно. Но был ли он в своем уме? Прошлой ночью ему даже представилось, что Костя снова полез на завод, чтобы побороть страхи.

Сойдя на длинный проспект, Дима быстро дошел до места, где за аркой прятался уютный внутренний дворик. Он хотел подождать друга на лавке у подъезда, но этого не потребовалось. Еще издали Дима заметил группу парней. Поначалу ему показалось, что он обозначился, но чем ближе он подходил, тем лучше видел среди них своего лучшего друга. Это был Константин Немоляев. Тот самый эскапист, который наряжался в фантастические костюмы, боялся подходить к окнам и прятался в шкафу, когда приходили гости. Сейчас он смеялся, разговаривал, пританцовывал, одним словом, – вел себя как любой нормальный парень своего возраста.

Дима свистнул и помахал ему рукой. Константин отреагировал немедленно, чуть ли не вприпрыжку побежав к нему. На нем были узкие джинсы, кеды и пестрая рубашка с поднятым воротником. Вместо сальных волос стрижка ежиком. На руке стильный кожаный браслет. Никаких историй про Дарта Вейдера он от него теперь точно не услышит.

Крепко пожав руку, Костя завел разговор по шаблону:

- Привет! Как дела?
- Нормально. Твоя мама сказала, что тебя нет дома. Я подумал...
- Да. Мы сидели во дворе.
- А где твои очки? – слегка растерялся Дима, глядя в лицо товарища, чьи голубые глаза больше не прятались под толстыми окулярами.
- Линзы. Я думаю, так будет круче. Девчонкам нравится.
- Да, ты прав, – согласился Дима, сбитый с толку последними словами. – Приятно видеть твои глаза, а не дюйм стекла перед ними.

Глядя на товарища, Дима никак не мог прийти в себя. Костя сильно изменился. Первый раз за годы дружбы у него появилась осанка. Даже черты лица стали выразительнее и спокойнее. Он держался уверенно, не зажимался и не отводил взор.

- Я вообще-то к тебе шел, но вижу у тебя другие планы. – Дима оглянулся в сторону пестро разодетых парней. Те в свою очередь с пренебрежением и недоверием смотрела на уличного парня, с которым разговаривал их друг.
- Да. Слушай, я тут наладил контакты со своими бывшими одноклассниками. Представляешь, друзья меня не забыли!
- Почему же они к тебе не заходили?

Костя запнулся, растерялся и вдруг нахмурился. Заметив недовольство на лице товарища, Дима поспешил сменить тему.

- Я рад, что у тебя все в порядке.
- А то! Мы сегодня идем на тусу в один ночной клуб в центре. Знакомый диджей приглашает. Я уже был там в среду. Клево. Много девчонок красивых, музыка, танцы. – Костян запихнул в рот жвачку, одарив Диму жемчужной улыбкой.
- Прямо ночью в клуб? А что об этом говорит твоя мама?
- Не помню. Да ну ее вообще. Кто в наше время слушается родителей?

– Ты себя нормально чувствуешь? Не думал, что ты так легко переживешь все что было...

Улыбка пропала. Костя задумался, рассеянно озираясь по сторонам. Дима заметил страх, который наблюдал с момента их знакомства. На мгновение он стал похож на прежнего домоседа Костю, но тут паренек мотнул головой, снова улыбнулся, и наваждение исчезло.

– Давай не будем об этом вспоминать. Зря ты повел меня на тот завод, но урок выживания я получил.

– Я заварил люк и дверь. Больше туда никто не спустится.

– Вот это и впрямь хорошая новость, – одобрительно кивнул Костя. – Экскурсию по пещерам и тоннелям ты мне крутую устроил. Есть что внукам рассказывать.

– Лучше не надо. У детей будут кошмары.

– Точно. – Костя запнулся, поморщив нос. – Родичи так ничего и не узнали. Отец подумал, что к нам какой-то гомик залез, даже похвалил меня за ружье. Сводили меня к психологу, дали таблеток и успокоились. Эм... Короче, будет лучше, если мы об этом пока забудем. Окей?

– Заметано.

Дима утвердительно кивнул, убрав руки в карманы.

– Вот и славно, а теперь мне пора. Дискотека. – Костя сделал несколько танцевальных движений, попутно подняв завалившийся воротник.

– Так, когда к тебе теперь можно зайти?

– Ну, не знаю, – задумался Костя, поглядев в темнеющее небо. – В субботу мы пригласим на хату девчонок. В воскресенье идем в кафе. В понедельник едем на дачу к одному чуваку. Во вторник опять дискач...

Вполне возможно Костя перебрал бы еще недели три, если не месяц, но Дима вовремя его остановил, небрежно махнув рукой.

– Не парься. Увидимся еще.

– Точно! Созвонимся! – оживился Костя, радуясь, что его избавили от напряжения. Он снова стал пританцовывать в предвкушении радостного события. Больше люди не казались ему похотливыми чудовищами. Теперь он жаждал встречи с ними.

– Ну, бывай, друг.

– Ты тоже не забывай, и спасибо тебе за все... за все, что делал для меня тогда, ну, когда я сидел там... Ты же видишь, я такой же, как все. Во мне нет ничего особенного. Давай заодно и об этом забудем.

Костя крепко пожал ему руку, развернулся и зашагал прочь. Дима некоторое время стоял в раздумья, а потом достал из кармана джинсов блестящий предмет.

– Эй, Костян! Лови! – крикнул он, пустив вдогонку монетку.

Костя, несмотря на прежнюю неловкость, без труда поймал ее на лету. Внимательно осмотрев старинный серебряный рубль, он посмотрел на товарища, ожидая объяснений.

– Сувенир. На удачу, – кивнул ему Дима и зашагал обратно.

Костян скупно улыбнулся. Вернувшись к хохочущим друзьям, он незаметно выронил монетку на тротуар, а еще через мгновение все пятеро скрылись за углом, растворившись в каменных джунглях столицы.

Их смех все еще доносился с соседней улицы, когда Дима подобрал уникальную монету. Ему было чертовски обидно. В руках ветреного и циничного Костика она надолго не задержится, ведь на нее нельзя было ничего купить, а раз так, то для богатого парня вроде него она была бесполезна, как был бесполезен друг, у которого не было денег даже на импортное пиво.

– Удачи, Костян. Теперь она тебе понадобится, – от всего сердца пожелал Дима, спрятав бесценный сувенир в карман.

Обычный подросток. Не лучше, не хуже. Именно так. Если Господь что-то отнял у тебя, то стоит задуматься: что же он дал тебе взамен? Дима удалился в догадках,

Цепляев Андрей Вадимович..... 215

продолжая вспоминать уникального во всех отношениях человека, с которым когда-то по-настоящему был знаком.